

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**СРЕДНЯЯ ВОЛГА И ЗАВОЛЖЬЕ В ПРОЦЕССЕ
РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI – НАЧАЛО XX В.)

Учебное пособие

*Под редакцией
П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой*

Самара
Издательство
«Самарский университет»
2013

УДК 947.045
ББК 63.3 (2) 45

С75

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. В. В. Кондрашин;
д-р ист. наук, проф. А. И. Репинецкий

Научный руководитель проекта д-р ист. наук, проф. П. С. Кабытов

Координационный совет проекта:

П. С. Кабытов,, Э. Л. Дубман, О. Б. Леонтьева, Л. М. Артамонова,
Н. Н. Кабытова, М. И. Леонов, Ю. Н. Смирнов, З. М. Кобозева, В. А. Тюрин

С75

Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.): учеб. пособие / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана, О. Б. Леонтьевой. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. – 384 с.

ISBN 978–5–86465–602–0

Учебное пособие посвящено изучению сословной и классовой структуры населения Среднего Поволжья и Заволжья во второй половине XVI – начале XX в. В рамках пособия рассматриваются основные параметры формирования сельского и городского социума региона, его сословно-классовой структуры, оформление правового и социально-экономического положения отдельных групп населения. Показано, что эти процессы происходили в условиях постоянных массовых миграций, интенсивного заселения пространства южных районов Средневолжского региона и включения их в общероссийскую систему отношений.

Предназначено для студентов, обучающихся по образовательной программе «История России» направления 030600.68 «История».

УДК 947.045

ББК 63.3 (2) 45

Издание осуществлено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 «“Обретение родины”: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

ISBN 978–5–86465–602–0

© Авторы, 2013

© Самарский государственный университет, 2013

© Оформление. Издательство «Самарский университет», 2013

Предисловие

Вниманию студентов, преподавателей, научных сотрудников и всех, интересующихся российской историей, предлагается учебное пособие «Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)». В данном издании отражены результаты научно-исследовательской работы историков Самарского государственного университета в рамках выполнения Федеральной целевой программы «Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)». Настоящее пособие, выполненное в форме цикла очерков, дает представление об историческом развитии регионального социума, формировании его сословно-классовой структуры во второй половине XVI – начале XX в. Учебное пособие является тематическим продолжением статей и коллективной монографии, подготовленных и изданных в 2012 – 2013 гг.

Территориальные рамки пособия охватывают пространство южных лесостепных районов Среднего Поволжья и Заволжья как особой составной части Юго-Востока Европейской России. В границах современного административно-территориального деления в него входят Самарская и Ульяновская области, а также пограничные с ними районы Саратовской, Пензенской, Оренбургской областей, Республики Татарстан, Республики Башкортостан и Казахстана.

В этом регионе, оказавшемся после завоевания Казанского и Астраханского ханств в силу исторических обстоятельств в зоне фронта, пограничья между различными государственными образованиями и этноконфессиональными сообществами, в течение второй половины XVI – начала XX в. происходил процесс так называемого «обретения родины». Он заключался в формировании своеобразного социума из различных в этническом и конфессиональном отношении народов: русских, украинцев, немцев; автохтонного населения Среднего Поволжья – татар,

чувашей, мордвы, башкир; кочевого населения юго-восточных степей.

Выдающийся отечественный историк С. М. Соловьев считал Россию страной «колонизирующейся», «колонизирующей самою себя». Он писал: «То была обширная, девственная страна, ожидавшая населения, ожидавшая истории; отсюда древняя русская история есть история страны, которая колонизируется»¹. Для народов, заселявших новые территории, совместное участие в их хозяйственной колонизации, протекавшее на различных уровнях и в многообразных формах, постоянное взаимодействие в этом процессе приводило к межэтнической и межконфессиональной консолидации, диффузии материальной и духовной культуры. Происходило медленное, постепенное формирование нового поликомпонентного социума, который обретал свое «историческое бытие» как единая общность.

К началу XX в., на протяжении более чем трехвековой истории совместного существования, новое население региона не однажды кардинально меняло формы хозяйственной эксплуатации его природных ресурсов. Оно прошло путь от промыслового освоения южных районов Среднего Поволжья к аграрному, а затем и к аграрно-промышленному; смогло создать устойчивую, возобновляемую до настоящего времени систему сельского и городского расселения. На осваиваемые территории были перенесены формы общественной организации, характерные для мест прежнего проживания переселенцев.

Формирование сословной и классовой структуры населения происходило в условиях постоянных массовых миграций, заселения территорий региона и включения их в общероссийскую систему отношений. Этот процесс шел крайне неравномерно. Он нередко прерывался мощными социальными конфликтами, характерными для окраинных территорий европейского юга и юго-востока страны и зачастую переходящими в пограничные с ними районы исторического «ядра» Российского государства. Характерно, что в таких социальных движениях принимали со-

¹ Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. М., 1988. Кн. 2. С. 631.

вместное участие самые различные народы региона, выступавшие, как правило, с близкими или едиными требованиями и лозунгами социальной справедливости. Консолидации различных групп сельского и городского населения региона способствовало интенсивное аграрное развитие Заволжья, приведшее к складыванию во второй половине XIX в. так называемой «поволжской житницы», одного из крупнейших в пореформенной России районов производства товарного зерна.

Сложные процессы формирования и эволюции социальной структуры населения Среднего Поволжья и Заволжья, его стратификации отражены в данном учебном пособии, предназначенном для студентов-историков. Впервые в региональной исторической науке предпринята попытка показать особенности развития различных социальных и классовых групп населения южной части Средневожского региона, их эволюции и взаимодействия друг с другом. Авторы учебного пособия рассматривают эволюцию средневожского дворянства и крестьянства, купечества, городского и сельского населения, форм их социальной организации на протяжении всей истории развития данного региона в составе российской государственности.

Настоящее пособие построено по хронологическому принципу. Оно включает в себя три раздела, посвященные соответственно развитию регионального социума во второй половине XVI – XVII в., в XVIII – первой половине XIX в., и, наконец, во второй половине XIX – начале XX в. Каждый раздел снабжен перечнем вопросов для самоконтроля, а также списком рекомендуемой литературы для самостоятельной работы студентов. Некоторая фрагментарность и очерковый характер изложения материала обусловлены, прежде всего, тем, что многие сюжеты из истории края исследовались впервые. Предстоит последующая большая работа, для того, чтобы создать объемную картину развития рассматриваемого социума, выявить и детально охарактеризовать особенности всех его групп.

В работе над настоящим изданием участвовал авторский коллектив преподавателей и научных сотрудников Самарского государственного университета. Предисловие: П.С. Кабы-

тов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева. Глава 1 – Э.Л. Дубман. Глава 2: параграф 1 – Ю.Н. Смирнов; параграф 2 – Л. М. Артамонова; параграф 3 – Л. М. Артамонова, Ю.Н. Смирнов; параграф 4 – Н.Н. Кабытова, А.Б. Бирюкова. Глава 3: параграф 1 – П.С. Кабытов, Е.П. Барина; параграф 2 – П.С. Кабытов, Н.Ф. Тагилова; параграф 3 – В.А. Тюрин; параграф 4 – П.С. Кабытов, Е.П. Барина; параграф 5 – З.М. Кобозева. Заключение: П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева.

П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О.Б. Леонтьева

ГЛАВА I. СОСЛОВНЫЕ КАТЕГОРИИ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI–XVII ВВ.

На начальном этапе включения в общероссийскую систему отношений Южное Средневожье являлось окраинной территорией, зоной фронта с кочевыми народами степи и казачьей вольницей. Необходимо было защитить регион от постоянных нападений, предотвратить острые социальные и межэтнические конфликты, сопровождавшие период его интенсивной колонизации в середине – второй половине XVII в. Для решения этих задач правительство строило города и засечные линии, переводило и испомещало в пограничье крупные контингенты военизированного населения¹. Именно такое население стало основой для формирования значительной части местного социума. Государство, вплоть до последних десятилетий XVII в., делало все возможное для сохранения боеспособности местных служилых людей, защищало их мелко- и среднепоместное землевладение от конкуренции со стороны крупных привилегированных феодалов. Только в конце 1680-х гг., когда военная угроза ослабла, в регионе перестали действовать нормы законодательства о «заказных городах»². Сельский тяглый и посадский социумы на первых порах освоения Южного Средневожья складывались гораздо медленнее и были малозаметны. Однако постепенно они занимают все более значимое место в социально-экономической и повседневной жизни региона, становятся основными акторами его последующего развития в составе Российской империи.

¹ Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882; Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996 и др.

² Дубман Э.Л. Формирование сельского населения в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII–начале XVIII вв. // Крестьянское хозяйство и культура деревни Среднего Поволжья. Йошкар–Ола, 1990. С. 19–25.

1.1. СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ РЕГИОНА: СТРУКТУРА, РАЗМЕЩЕНИЕ, ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

История складывания разнообразных категорий служилых людей; формирования из них групп помещиков, однодворцев и т. д.; взаимоотношений между ними в условиях интенсивных миграционных потоков, колонизации и перераспределения новых земель крайне сложна и неоднозначна. Положение усугубляется отсутствием репрезентативных источников, слабой изученностью данных процессов в отечественной историографии для территорий Южного Средневолжья³.

Задачей данной работы является рассмотрение положения основных групп местного военизированного населения Южного Средневолжья: «служилого города» – дворян и детей боярских, приборных людей – стрельцов и казаков, служилых людей из коренных народов Среднего Поволжья. Вне поля зрения, вследствие формата исследования, остаются такие важные категории ратных людей, как иноземцы, в том числе смоленская и полоцкая шляхта; солдаты и рейтары, солдаты выборного полка А.А. Шепелева и ряд других, более мелких групп. Реформы военных сил Московского государства второй половины XVII в., и прежде всего последних лет правления Федора Алексеевича, также затронули европейский юго-восток, но не столь существенно, как западные и южные пограничные районы страны⁴.

Дворяне и дети боярские составляли привилегированную часть военных гарнизонов Южного Средневолжья. Именно из них к началу XVIII в. складывается региональное дворянство, владельцы поместий и вотчин; они дают начало мест-

³ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 180.

⁴ Малинкин Е.М. Разрядная реформа конца 1670-х – начала 1680-х гг. и ее реализация в низовых городах // Вестник СамГУ. 2012. № 8 (2). С. 62–72.

ным дворянским династиям⁵. В уездных центрах Московского государства середины XVI – первой половины XVII в. приписанные к ним служилые люди по отчеству образовывали так называемый «служилый город»⁶. В современной исторической науке под данным понятием понимается «корпоративная организация дворян и детей боярских одного уезда, связанных общностью верстания, землевладения, службы и самоуправления»⁷. Однако во второй половине XVII в., когда начинается массовая колонизация изучаемого региона, происходит распад связей, объединяющих «служилый город» в единое целое. Он как социальная организация фактически перестает существовать⁸.

Формирование «служилых городов» Южного Средневолжья начинается с гарнизонов первых его крепостей (по официальной терминологии того времени городов), основанных во второй половине 1580-х гг. В Самаре и Саратове вплоть до последних десятилетий XVII в. дворяне и дети боярские составляли немногочисленные, достаточно устойчивые категории населения. Перераспределение их между понизовыми городами прослеживается весьма слабо. По сводным данным второй половины 1620-х – начала 1680-х гг. (за более ранний период сведения отсутствуют) эта группа оставалась стабиль-

⁵ Например, для территории Симбирского уезда в границах более позднего времени историю дворянских владений, а, следовательно, отчасти и генеалогию местных родов рассмотрел П.Л. Мартынов. См.: Мартынов П.Л. Селения Симбирского уезда. (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). Симбирск, 1903.

⁶ Новосельский А.А. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // Исследования по истории эпохи феодализма. Научное наследие. М., 1994. С. 178–197.

⁷ Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000. С. 5.

⁸ В этом отношении мы не совсем согласны с позицией Э.И. Амерхановой. См.: Амерханова Э.И. «Служилый город» Казань во второй половине XVII века: автореф. дис...канд. ист. наук, Казань, 1998.

ной, практически неизменной по численности, и составляла 18–20 служилых людей в каждом из городов⁹.

Сложно говорить о том, насколько малочисленные «служилые города» Самары и Саратова были едины в отношении самоуправления. Каких-либо данных, свидетельствующих о выборных людях и сословных дворянских учреждениях, не выявлено. К тому же местных детей боярских в действительности не объединяла общность землевладения, так как Саратовский уезд в рассматриваемый период так и не сложился, а в Самарском первые дворянские поместья на Самарской Луке появились только в 1640-х гг.

Переведенных в Саратов и Самару дворян и детей боярских вписывали в окладные книги и десятины как «саратовцев» и «самарян». Известны случаи, когда указанные по другим городам служилые люди по отечеству просили записать их по Саратову. А.А. Гераклитов сообщает: «... в 1661 году по собственному желанию записывается сюда иноземец Валенский. В 1660 году уфимцы – Приклонский и Онучин просили о выдаче им денежного жалованья по Саратову»¹⁰. Из них постепенно складывались местные дворянские династии. Например, в источниках по Самаре постоянно встречаются Алампеевы, Филитовы, Порецкие, Могутовы и другие.

Самаряне и саратовцы жили, прежде всего, на государево денежное и «хлебное» жалованье, которого явно было недостаточно. В Самаре первые сведения о появлении поместий служилых людей по отечеству на территории Самарской Луки относятся к началу 1640-х гг. В 1643 г. М. Филитов получил

⁹ Книги разрядные. Т. 1–2. СПб., 1853–1855; Разрядная книга 1637–1638 года. М., 1983. С. 118; Сметный список военных сил России 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне XVII–первой половины XVIII в. М., 1989. С. 25; Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 г. (К истории государственных росписей XVII в.). С предисловием А.Н. Зерцалова // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР). 1893. Кн. 4. С. 64.

¹⁰ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII в. Саратов, 1923. С. 232.

30 чет. («а в дву потому ж») земли в прибрежной части Ширяевского оврага и поселил там д. Ширяев Буерак¹¹. В 1644 г. сыну боярскому В. Порецкому в межгорных долинах на севере и юге Луки дали землю в поместье (100 четв. и сенные покосы), где он основал дд. Моркваши и Осиновый Буерак¹². Это были единичные случаи; только в конце XVII – начале XVIII в. наблюдается повышенная активность самарских дворян и детей боярских, стремившихся заменить причитавшееся им хлебное и денежное жалованье поместной дачей.

Основой благополучия местного дворянства и их семей являлись военная служба и поручения местной администрации. Как пишет А.А. Гераклитов, «...особый интерес (у самарских дворян – Э. Д.) приобретали такие местные службы, с которыми были связаны доходы. Около таких невидных должностей, как сотничество у конных или у пеших стрельцов создавалась самая яростная конкуренция... О конкуренции свидетельствует то обстоятельство, что служба в сотниках продолжалась очень недолго: 3–4 года и всегда находился более счастливый соперник, который путем хлопот в московских приказах перехватывал ее для себя»¹³.

Действительно, сотничество являлось выгодной должностью для служилых людей по отечеству. Среди самарских сотников постоянно мелькают одни и те же фамилии местных детей боярских: Хомутских, Тимановых, Могутовых и других. Так, в 1646 г. в Самаре служили сотниками дети боярские: Семен Тимофеев, Федор Раздеришин, Степан Корчемкин и Семен Олонисев¹⁴. Должность сотника, прежде всего у конных стрельцов, являлась прибыльной и почетной; об ее исполне-

¹¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 396. Оп. 2. Ч.5. Д. 3609. Л. 198–198 об.

¹² Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – НИА СПб ИИ РАН). Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 99.

¹³ Гераклитов А.А. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа) // Классика самарского краеведения: антология. Вып. 2. Самара, 2006. С. 199–200.

¹⁴ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 214.

нии просили, подавали челобитные. Сотники, как правило, жалованье получали деньгами и хлебом, и только начиная с 1640-х гг. в отдельных случаях служили с поместных дач¹⁵. До «головства», то есть руководства приказом стрельцов самаряне, как правило, не дотягивали.

Местные дворяне и дети боярские также конкурировали за места начальников застав, окружавших пограничные города, за назначение приказчиками в дворцовые владения, прочие городские и уездные службы. Характерно, что они, в отличие от приборных людей, практически не занимались торговой и промысловой деятельностью. По крайней мере, источники о таких случаях не упоминают. И все же какой-то интерес к промысловым городским водам у них был. Так, в челобитной от всех горожан с просьбой приписать к Самаре промысловые воды говорилось: «...городовых дворян и детей боярских и всяких чинов людей».

Только строительство засечных линий и образование Симбирского уезда создало условия для формирования достаточно многочисленной группы «симбирян». «Служилый город» Симбирска складывался в основном из дворян и детей боярских Нижегородского и Казанского Поволжья, переселенных для службы на новую Симбирскую черту. Остальных переводили в край позднее, и сравнительно небольшая часть сама подавала челобитные с просьбой записать их в Симбирск на службу. Переписчики 1678 г. показали в уезде более 200 помещиков «симбирян»¹⁶. Их испомещению, проходившему одновременно со строительством Симбирска и Симбирской черты (по данным строельной книги – 160 человек¹⁷), способ-

¹⁵ Там же. Д. 66. Л. 77, 78, 82, 97, 130, 132, 134 и др.; Д. 67. Л. 128, 214, 215, 257, 268 и др.

¹⁶ Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 году (Переписные книги Приказа Казанского Дворца). Симбирск, 1902. С. 57–115.

¹⁷ Книга строельная города Синбирска 161–162 гг. (1653–1654 гг.). Симбирск, 1897. С. 97–101. Странно, но позднее Мартынов, готовивший книгу строельную к изданию, пишет о 165 дворянах и детях боярских. См.: Мартынов П.Л. Селения Симбирского уезда. Приложение 2. С. 8.

ствовало складывание многочисленного «служилого города». В отличие от детей боярских Саратова и Самары, они сразу же получали земельные наделы. Свободные земли в окрестностях Симбирска были быстро разобраны, и «симбиряне» испомещались, как правило, «от засечных крепостей не в ближних местах», что доставляло значительные неудобства. Нередко новые помещики объединялись в группы по 4–6 человек, отыскивали себе за валом «порозжие земли» и просили симбирских воевод отвести их им¹⁸.

Судя по записям в строельной книге, размеры земельных окладов симбирян колебались от 350 до 150 четв. К различным земельным окладам полагалось и соответствующее денежное жалованье: 350 четв. соотносилось с 12 руб., 300 четв. – с 10 руб., 250 четв. – с 8 руб., 200 четв. – с 7 и 6 руб. и, наконец, 150 четв. – с 6 руб.

Те, кому полагались оклады в 350 и 300 четв., получали в земельную дачу 60 четв.; соответственно с 250 четв. отмежевывали 50; с 200 и 150 четв. – 40 четв. («а в дву потому ж») ¹⁹. Это правило в ходе самого испомещения действовало с некоторыми исключениями. Так, были два случая, когда в дачу давали по 70 четв., и дважды – по 30 четв. ²⁰

Видимо, эти нормы испомещения и распределения жалованья действовали и в более позднее время.

Поместья симбирян располагались по большей части в междуречье Барыша и Волги. С середины 1660-х гг. они переходят «за вал», на Крымскую сторону. В 1680–1690-х гг. зона поместного землевладения доходит до широты Сызрани и Кашпира и спускается южнее ²¹. За исключением сравнительно локального района центральной части Самарской Луки, это был основной район распространения дворянского зем-

¹⁸ Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 213, 217.

¹⁹ Книга строельная города Синбирска 161–162 гг. (1653–1654 гг.). Симбирск, 1897. С. 83–84, 95–96.

²⁰ Там же. С. 54, 59, 67.

²¹ См., например: Осипов В.А. Очерки по истории Саратовского края. Конец XVI и XVII в. Саратов, 1976. С. 66–67.

левладения. Все остальные территории Симбирского уезда в междуречье Барыша и Суры, Казанского и Симбирского уездов в Заволжье были заселены другими категориями переселенцев и имели лишь небольшое количество помещичьих владений. Основной контингент помещиков Симбирского уезда составляли «симбиряне», а Самарского уезда – «самаряне». Казанцы, арзамасцы, курмышане, алаторцы и другие дети боярские являлись редким исключением в тесных рядах местных помещиков.

Как правило, «симбиряне» относились к мелким землевладельцам. В среднем на каждого из них, по данным переписной книги 1678 г., приходилось немногим более 4,5 дворов крестьян, задворных людей и бобылей²². Если учесть определенное неравенство, наличие более состоятельного слоя из нескольких десятков симбирян, на долю подавляющего большинства остальных приходилось и того меньше – по 2–3 двора. Отсюда видно, что эти местные служилые люди по отечеству были способны нести только городовую осадную службу.

Владея поместьями с крестьянами на территории уезда, служилые люди по отечеству проживали своими дворами только в Симбирске. По Симбирску не обнаруживается, как по другим городам Южного Средневожья, никаких свидетельств наличия сословной самоорганизации, выборного самоуправления у этой группы людей.

В Закамье помещиками были прежде всего казанские дети боярские. Гарнизоны вновь построенных Сызрани, Кашпира, Петровска и других пригородов состояли из солдат, которые частично набирались из мелкопоместных детей боярских. Но в данном случае при определении в солдаты происходила утрата статуса.

Последние десятилетия XVII – начало XVIII в. были временем, когда в положении и составе провинциальных служилых людей по отечеству происходили серьезные изменения. Но коренные реформы служилого сословия еще не коснулись юго-восточных окраин Европейской России. Об этом напри-

²² Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 году. С. 57–115.

мер, для области понизовых городов свидетельствует ситуация со служилыми людьми в Астрахани с прилегающей к ней округой²³.

Резкие изменения в составе и численности дворян и детей боярских в это время можно наблюдать по Самаре. В городе резко, до 52 чел., увеличивается число служилых людей по отечеству. Они, судя по переписи 1702 г., делились по 3 статьям: на выборных, дворовых и городских.

– «по выбору» – 9 человек (земельные владения в Самарском, Симбирском, Алатырском и других уездах);

– «по дворовому» списку – 3 (земельные владения в Самарском и Алатырском уездах).

Последняя, наиболее многочисленная подгруппа, подразделялась в свою очередь на «городовых поместных» и «городовых беспоместных»:

– «городовые поместные» – 14 чел., имевшие поместья в Самарском, Алатырском, Симбирском и др. уездах;

– «городовые беспоместные» с земельным окладом от 500 четвертей и денежным жалованьем от 27 руб. и до 7 руб. – всего 26 человек²⁴.

Имеющиеся источники позволяют проследить, насколько были устойчивы и преемственны «династии» провинциальных служилых людей в конце XVII в. Только 38,5 % из них представляли, как минимум, второе поколение самарян. Остальные 61,5 % были приписаны к городу в последней четверти XVII в., что свидетельствует о значительных ротациях этой категории городского населения, причем по всем трем статьям эти изменения происходили по-разному:

– у выборных, соответственно, 33,3 и 66,7 %;

– у дворовых – 66,7 и 33,3 %;

– у городских поместных – 14,3 и 85,7 %;

– у городских беспоместных – 50 и 50 %.

²³ Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982. С. 36–82.

²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5128. 1702 г. Л. 608–609 об., 611 об.

Следует отметить, что численность последней подгруппы составляла половину от всего состава «служилого города» (26 от 52). Вполне очевидно, что резкое увеличение самарского «служилого города» в основном происходило отнюдь не за счет естественного прироста внутри него.

Служилые люди по прибору (стрельцы и казаки). Эта категория в Московском государстве включала в себя самые различные группы военизированного населения – стрельцов, казаков, пушкарей, затинщиков, воротников и т. д. Наиболее многочисленными и значимыми для провинциальных гарнизонов являлись стрельцы и казаки.

Особенности комплектования этих групп, их положение, хозяйственные занятия и даже способ жизни существенно отличались на отдельных локальных территориях Южного Средневожья.

В «старых» городах, к которым относились Самара и Саратов, основу местных гарнизонов составляли пешие и конные стрельцы, бывшие исключительно горожанами и жившие на денежное и хлебное жалованье. Часть из них активно участвовала в хозяйственной жизни города и уезда – торговле, ремесленных занятиях, промыслах. Видимо, жалованье по Саратову и Самаре в разные периоды истории различалось. Так, осенью 1662 г. «для хлебные и всякие дорогови» было приказано учинить самарским стрельцам годовые оклады «против саратовских конных и пеших стрельцов: конным по шти рублев, пешим по четыре рубли человеку»²⁵.

В районах массового расселения под защитой Корсунской, Симбирской и Закамской линий приборные люди размещались в слободах при городах, пригородах и острогах. Еще чаще такие слободы возникали автономно, в сельской местности. Стрельцы и казаки получали земельные наделы для испомещения, что не препятствовало им заниматься активной промысловой и торговой деятельностью. По численности

²⁵ Цит. по: Гераклитов А.А. Самара и Самарский уезд в XVII в. (по записным книгам Печатного приказа) // Классика самарского краеведения. Вып. 2. Самара, 2006. С. 206.

среди этой категории служилого населения существенно преобладали конные казаки. В конце XVII в., после взятия Азова, значительную часть стрельцов и казаков отправили для поселения в Азов и Таганрог, а также в новые города европейского юго-востока – Петровск, Камышин и другие. Однако на «старых», уже освоенных территориях сохранились крупные контингенты этого военизированного населения.

Стрельцы, переведенные в Самару и Саратов при их основании, вплоть до начала XVIII в. оставались основной, наиболее значительной силой гарнизонов этих городов. В целом численность стрельцов в каждом из них была примерно равной. Но в Саратов, при экстренных ситуациях, нередко посылали из «верховых городов», в том числе и Самары, дополнительные контингенты воинских сил для «годования»²⁶. Основной ударной силой, наиболее обеспеченной государевым жалованием, являлись конные стрельцы. В XVII в., после Смуты их численность составляла в городском гарнизоне сотню всадников и оставалась стабильной все последующие годы. Конные стрельцы использовались для многодневных «посылок» в степь. Они сопровождали торговые и посольские караваны, производили дальние разведки для наблюдения за передвижениями кочевников и погони за ними, служили на заставах вокруг города. Их наличие и боеготовность являлись показателем способности гарнизона крепости и ее властей контролировать ситуацию в окружающем регионе.

Большинство стрельцов все же были пешими. Их количество в первой трети XVII в. составляло в Саратове и Самаре около 250 человек, в последующее двадцатилетие выросло до 300, каковым и осталось впоследствии²⁷. Данные по Самаре за отдельные годы второй половины XVII в. (1651, 1686, 1687,

²⁶ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII в. С. 216, 231 и др.

²⁷ Книги разрядные. Т. 1. СПб., 1853. Стб. 1141–1358; Т. 2. СПб., 1855. Стб. 287–922; Сметный список военных сил России 1651 г. // Дворянство

1698, 1702 гг.) свидетельствуют о том, что в городе находились четыре стрелецкие пешие сотни, что позволило сформировать в конце 1640-х – начале 1650-х гг. из местных стрельцов приказ во главе с головой (приказ – войсковое соединение, объединяющее 500 стрельцов)²⁸.

Массовое расселение приборных людей, начатое в ходе строительства Корсунской, Симбирской и Закамской засечных линий, создало новую ситуацию внутри этой категории военизированного населения Южного Средневолжья. Их численность на территории региона многократно увеличилась, и не только за счет переводов из Казанского и Нижегородского Поволжья, но в значительной степени в результате набора гулящих людей, мобилизации дворцовых крестьян (из жителей Федоровской, Чалнинской и прочих дворцовых сел и волостей) и иных категорий тяглового населения. Произошло определенное «перераспределение», изменение удельного веса различных групп внутри этой категории. Например, стрельцы, преобладавшие в Саратове и Самаре, в Симбирском уезде и на закамских территориях Казанского уезда отошли на второй план, уступив свои лидирующие позиции конным казакам, а позднее и солдатам. По слободам и укрепленным пунктам черт несли службу, прежде всего, пешие стрельцы, а стрелецкую конницу заменили конные казаки.

Именно конные казаки являлись наиболее мобильной силой, способной защитить всю протяженную систему засечных линий. После завершения Разинщины конкуренцию им составили крупные контингенты солдат выборного полка А.А. Шепелева, расселенные в Предволжье, а затем и солдатские части, создаваемые в ходе реформирования русской армии в последние десятилетия XVII – начале XVIII в. Например, новые

России и его крепостные крестьяне XVII–первой половины XVIII в. М., 1989. С. 25; НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Д. 66. Л. 105, 108, 130.

²⁸ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 161. Хотя известия о наличии стрелецких голов в Саратове и Самаре относятся к значительно более раннему периоду – началу 1620-х гг. См., например: Рабинович Я.Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641). Саратов, 2013. С. 42.

города и пригороды этого периода – Сызрань, Кашпир, Петровский, Сергиевский и другие – заселили исключительно солдатами. К тому же во второй половине 1690-х гг. крупные контингенты казаков целыми слободами перевели на юг. Тем не менее, и в начале нового XVIII столетия старые традиционные категории приборных людей сохранили свою значимость для гарнизонов региона.

Казаки, стрельцы, солдаты и близкие к ним группы военизированных жителей по-разному размещались на каждой из локальных территорий Южного Средневолжья. Но в целом именно они являлись важнейшим актором расселения, социального и хозяйственного развития всего этого пространства.

Меняется сам способ их бытия. Приборные люди в основной своей массе становятся не городским, а сельским населением. Их испоместили землей и разместили по слободам, располагавшимся за засечными чертами, в глубине оборонительной системы, а также при пригородах и острогах. В гарнизонах по оборонительным линиям ведущее место занимали конные казаки²⁹. В ходе расселения и хозяйственно-поземельной «самоорганизации» они приобретали облик сельских слободских общин. При межевании угодий таким общинам каждой семье выделяли место под двор, участок пахотной земли и сенные покосы. Все остальные угодья находились в общем пользовании.

Судя по строельной книге Симбирска и черты, при испомещении в ходе расселения конные казаки получали следующие наделы: пятидесятники – 40 четв. («а в дву потомуж»). Далее при определении пахотного надела везде будет подразумеваться эта формула), десятники – 30, рядовые казаки – по 20 четв.³⁰

²⁹ Для пограничных южных территорий Важинский считает их все же преимущественно городским населением. См.: Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974. С. 139–140.

³⁰ Книга строельная города Синбирска 161–162 гг. С. 20–23, 31

Среди казаков, исходя из документов, существовало определенное деление на ряд подгрупп: белопашенных, станичных, дозорных, полковых и т. д.; но как это отражалось на их служебных обязанностях и размерах земельного надела, неизвестно?

Значительно меньшими были наделы у пеших стрельцов: пятидесятники – 10 четв., десятники – 9, рядовые казаки – по 8 четв.³¹

Такие же наделы получали казаки (и, видимо, стрельцы), испомещаемые по Закамской линии³². Каждому из них также отводили «земли под двор, под огород и под гумно по 40 сажен длиннику, по 10 поперечнику»³³.

Также по данным писцовой книги 1685–1687 гг. были наделены землей казаки и стрельцы Корсунской части Симбирского уезда³⁴. Несколько большими здесь были наделы единственной стрелецкой слободы – по 11 четв. человеку³⁵.

Таким образом, на всем пространстве Южного Средневожья существенных различий в наделении землей стрельцов и казаков в течение всей второй половины XVII в. не наблюдалось. В целом по размерам выделяемых им земель приборные люди региона практически не отличались от подобных категорий населения в южном пограничье³⁶.

Выше уже говорилось, что приборные люди Южного Средневожья являлись основной военной силой, призванной защищать прежде всего территории своих уездов или городов. Как правило, их «посылки» в течение длительного

³¹ Там же. С. 26–27, 31.

³² Перетяткович Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. Одесса, 1882. С. 151.

³³ Там же. С. 144.

³⁴ РГАДА. Ф. 1209. Д. 441. Л. 31 об., 67, 91, 111 об., 120 и др.

³⁵ Там же. Л. 47.

³⁶ Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. С. 141–142.

периода производились внутри региона понизовых городов, находившегося под властью приказа Казанского Дворца. При этом города и уезды Среднего Поволжья (в том числе Самара, Симбирск и его пригороды, Казань с пригородами) являлись своеобразными «донорами» для лежащих южнее городов и территорий (в том числе и Саратова). Значительные силы были перемещены на юг во время «донской посылки» начала 1660-х гг.; после взятия Азова в 1696 г. для обеспечения безопасности при строительстве Волго-Донского канала. Достаточно серьезными походами были военные действия против И. Заруцкого и яицкого казачества в 1614 гг., против калмыков в 1640-х гг. и башкир в первой половине 1660-х гг. Только в крайних случаях они принимали участие в войнах на западных или юго-западных границах России. К их числу можно отнести известный «Чигиринский поход» (русско-турецкую войну 1677–1681 гг.), вошедший в послужной список многих приборных людей.

Военная служба для приборных людей в Самаре, Симбирске с уездом и в Заволжье являлась более безопасной, чем в Саратове или Царицыне. Об этом свидетельствуют данные о количестве посылок воинских людей, столкновениях с кочевниками и казаками. В отличие от гарнизонов более южных городов, самарцам и симбирянам лишь несколько раз пришлось участвовать в серьезных военных столкновениях. Но даже в конце XVII в., когда опасность нападений кочевников значительно уменьшилась, от приборных людей требовали постоянной дозорной службы³⁷.

Повседневная жизнь гарнизонов была наполнена более будничными занятиями. Сторожевая служба, предупреждение возможных нападений являлись важнейшей заботой как местной администрации во главе с воеводой, так и немногочисленных гарнизонов. Например, в начале XVIII в. жители Печерской слободы так охарактеризовали свои службы: «...все высланы на службу и доньне служат, а которые де остались за

³⁷ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией (далее – АИ). СПб., 1842. Т. 5. С. 359.

старостью и те де непрестанно были в работе на Камышенке и в посылках и на караулах на Сызране и в подвотчиках»³⁸.

Стрельцы сопровождали как охрана, реже «в гребле», торговые и посольские караваны вниз и вверх по Волге до Астрахани и Казани. Конных стрельцов и детей боярских посылали для бережения послов и торговцев на сухопутных путях в Среднюю Азию, на Яик и т. д. Наиболее безопасным временем для таких посылок считался март, когда до схода снега можно было легче передвигаться по насту, а степь еще не заняли кочевники, зимовавшие рядом с Астраханью.

В пределах окрестностей городов приходилось дежурить по уметам и караулам на степных дорогах, по заставам, окружавшим города, ходить к дворцовым рыбным промыслам, в «серную посылку» и для «селитренного дела». Нередко приборных людей посылали в дворцовые волости (на Самарской Луке, в Арбугинскую и Чалнинскую волости и т. д.). В самом начале Разинщины местных стрельцов и казаков отправляли для «проведования» вестей на Дон и в Астрахань. После подавления повстанческого движения из Самары по 50 стрельцов ежегодно направляли на «Переволоку» в самое узкое место Самарской Луки между рр. Волгой и Усой³⁹. Таким образом, подступы к Саратову, Самаре, Симбирску с чертой достаточно надежно прикрыты караулами, заставами, небольшими острожками.

Трудно судить, насколько исправно несли службу местные приборные люди. Сами они неоднократно жаловались на то, что оскудали, обеднели, повинности им в тягость, в дальние посылки ходить нечем. Совершенно плачевное положение самарского гарнизона в последние годы Смуты описал воевода Д.П. Лопата-Пожарский. Он сообщал, что город «оскудал», что семьи стрельцов только ждут теплого времени, чтобы идти просить подаяния. Еще в более худшем состоянии были 205 саратовских стрельцов, пришедших в Самару после гибели

³⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 7. Д. 159. Л. 365 об.

³⁹ Там же. Ф. 281. Оп. 16. Д. 10845. Л. 6–7.

своего города⁴⁰. Из уст же конкурентов воинских людей – посадских жителей – были слышны обвинения в другом, что, дескать, местные стрельцы от службы отлынивают, занимаются торгами и промыслами, богатеют. Трудно судить, насколько была права каждая из сторон. Действительно, среди стрельцов и казаков мы постоянно встречаем откупщиков рыбных промыслов, промышленников. В Самаре, по данным пятины 1634 г., значительная часть стрельцов торговала и занималась предпринимательством. Об этом же свидетельствуют сведения приходо-расходной книги по Симбирску с уездом⁴¹. По Саратову известно, что среди стрельцов в начале XVII в. были «камышники», промышлявшие охотой⁴².

Приборные люди, несомненно, являлись частью местного городского общества. Между ними и посадскими людьми не было непроходимой границы, нередкими являлись переходы из одной группы населения в другую. Они также имели дворы в городе, занимались повседневными хозяйственными делами, промыслами и торговлей. Нередко посадское и приборное население выступало вместе для защиты своих насущных интересов.

Набираемые из самых различных слоев общества стрельцы и казаки вели себя двойственно, далеко не всегда являясь устойчивой военной силой. Например, во время похода «царевича Петра» по Волге гарнизоны волжских городов поддерживали самозванца. «И астраханские, и терские, и саратовские, и самарские стрельцы крест ему целовали. И поцеловав крест, они много дворян побили...»⁴³. Однако, когда летом 1608 г. вверх по Волге из Астрахани отправились к Москве еще три

⁴⁰ Труды Восточного отделения Императорского русского археологического общества. СПб., 1892. Т. XXI. С. 241.

⁴¹ Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда (Приходо-расходная книга Симбирской приказной избы 1665–1667 гг.). Симбирск, 1897. С. 10, 30–33 и др.

⁴² Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. С. 188.

⁴³ Корецкий В.И. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова // История СССР. 1968. № 4. С. 130.

самозванца – царевичи Август–Иван, Осиновик и Лавр, под Саратовом они встретили ожесточенное сопротивление: «...в Саратове воеводы и ратные люди отсиделися и на приступах и на вылазках астраханских воров многих побили и вор, которого называли царевичем Иваном, от Саратова пошел с астраханскими людьми в Астрахань»⁴⁴. Однако саратовцы недолго сохраняли верность Василию Шуйскому. Уже в феврале 1609 г. их посланцы появились в лагере одного из полководцев Лжедмитрия II Я. Сапеги⁴⁵.

Зачастую защитить город во время крупных социальных движений местные приборные люди не только не могли, но и не желали. Как правило, они в большинстве своем переходили на сторону повстанцев (как это произошло во время Разинщины), всегда были готовы к неповиновению. Наиболее явно это недовольство проявлялось, когда доходили слухи о волнениях в Москве, других городах или территориях. Так, например, в 1648 г. самарские стрельцы, пушкарники и ружники «скопом в съезжую избу приходили... невежливые слова говорили... учинились сильны и непослушны»⁴⁶.

Таковы были состав, положение и обязанности приборных людей Южного Средневожья в конце XVI – XVII в. Для рассматриваемого периода они являлись прежде всего военизированным, служилым населением края. Не наблюдалось превращения их в «тяглецов», «слияния с податными сословиями», о чем пишет применительно к служилым людям Севского и Белгородского разрядов В.М. Важинский⁴⁷.

Вопрос о роли и месте *служилых людей – представителей автохтонных коренных жителей Среднего Поволжья* – среди других категорий военизированного населения рассматри-

⁴⁴ Цит. по: Герасимов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. С. 195.

⁴⁵ Тюменцев О.И. Смута в России в начале XVII столетия: движение Лжедмитрия II. Волгоград, 1999. С. 246.

⁴⁶ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 214.

⁴⁷ Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. С. 230.

ваемого региона является одним из самых сложных и слабоизученных⁴⁸. Сохранившиеся источники свидетельствуют о том, что их, как и русских, правительство переводило для службы по засечным чертам. Об особенностях такого перевода говорит, например, текст указа о переводе в 1648 г. 435 курмышских татар на Корсунскую линию: «И ныне указали есмя тех курмышских татар детей их и братью и племянников и соседей и захребетников взятии на нашу службу на Корсунь и во все города и остроги, которые устроены подле Корсунские засеки, на вечное житье для того, что они в нашу службу успели, а живут у отцов своих и у родимцов и в соседях и в захребетниках, а никакия службы не служат; а для новыя селидьбы пожаловали есмя тех новоприборных служилых людей, велели им дати нашего денежнаго жалованья по шти рублев да по пищали человеку, а на пашню земли велено им давать по пятнадцати и по двадцати четьи в поле, а в дву потому ж, смотря по людям и по пашне и велено тех новоприборных людей в Корсуне и по корсунской засеке в городех и в острогах строить на вечное житье...»⁴⁹. Характерно, что у людей, полагаемых к переселению, был выбор. Они могли выбрать «полковую службу» вместе с другими курмышскими татарами⁵⁰.

⁴⁸ Сенюткин С.Б. История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX в. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). Н.-Новгород, 2001; Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006. С. 16–37; Амерханова Э.И. Служилые мурзы и татары в составе служилого города Казани во второй половине XVII – начале XVIII в. // Татарские мурзы и дворяне: история и современность: сборник статей. Вып. 1. Казань, 2010. С. 52–55; Кадыров Р.В. Понятие «служилые татары» в Русском государстве XVI – начала XVIII в.: теоретико-методологические вопросы // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья: сб. статей. Вып. 1. Казань, 2010. С. 130–132; др. авторы.

⁴⁹ Зерцалов А.Н. Материалы по истории Симбирского края XVII и XVIII вв. Симбирск, 1900. С. 22–23.

⁵⁰ Там же. С. 24–25.

Расселение этой категории служилых людей и их численность отражены в строельных, переписных и писцовых книгах, других источниках. Возможно, нередкими были случаи, когда служилые татары, чуваша и мордва сами являлись инициаторами такого переезда, как это было, например, при колонизации территорий между Сызранью и Пензой или западного Закамья. Но каждый раз они должны были получать разрешение на основание нового поселения и получение новых земельных угодий от уездной администрации. Нам кажется не совсем обоснованным мнение Р.Г. Насырова, писавшего, что в Закамье «... служилые татары заселяли регион не принудительно, а по собственному предусмотрению и желанию». При этом автор утверждает, что «между процессом их расселения в Закамском крае и военным фактором невозможно уловить какой-либо причинно-следственной связи»⁵¹.

Материалы строельной книги воеводы П.А. Измайлова для территорий, примыкающих к Симбирской черте, показывают сравнительно небольшое количество селений служилых татар – всего 6 (если учесть, что в одном случае поселенцы просили землю для 3-х селений, то 8). Эти деревни значительно различались между собой по количеству дворовладельцев – от 20 до 100. Данные о количестве земли, отведенной каждому из них, отсутствуют; приводится только общее количество на все поселение. В ряде случаев размеры выделенных участков удивляют. Например, в 2-х случаях группам переселенцев по 100 человек было выделено почти по 29000 четвертей, еще в одном – новозаписным служилым татарам «Кабычке Кармышеву с товарищи» (их количество не указано, но, скорее всего, не превышало 100 человек) – 20000 четвертей. Еще в двух случаях размер земли, выделенной для каждой из групп переселенцев в 50 человек, составлял немногим более 3000 четвертей для каждой. И, наконец, двум переведенным группам служилой мордвы в 20 и 50 человек было отмежевано соот-

⁵¹ Насыров Р.Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII в.: автореф. дис... канд. ист. наук. Казань, 2005. С. 23.

ветственно 1248 и 3000 четвертей. Эти данные не позволяют сколько-нибудь приблизительно определить средний надел земли, приходившейся на один двор. Очевидно, что при обилии свободных земель в начале 1650-х гг. в глубинных районах под защитой Симбирской черты могли выделяться и лишние земли, которые потом, как показывают документы, перераспределялись между другими группами переселенцев⁵².

Место и деятельность этой группы служилых людей в развитии Симбирского уезда отражают приходо-расходные книги 1665–1667 гг. Как акторы процессов, происходивших в это время в осваиваемом регионе, они играли явно второстепенную роль, но их присутствие (прежде всего мурз и татар) вполне ощущается.

Отдельным группам служилых татар явно не хватало выделенной им земли, и они брали дополнительные участки в оброчное пользование (д. Бистюрлей, Дрозжанов куст, Аксакова и др.)⁵³.

В приходных книгах отмечены сборы с 12 деревень служилых мурз и татар (не совсем ясно, какие сборы): Д. Тюка (19 дв.) – 0,19 руб., Сорок Саадаков (40 дв.) – 0,4 руб., Бистюрлей враг (14 дв.) – 0,14 руб., Мочелей ((23 дв.) – 0,23 руб., Чекал (26 дв.) – 0,26 руб., Новая Чокурская (22 дв.) – 0,22 руб. и еще с 9 дворов этой же деревни – 0,19 руб.; Шатришат (21 дв.) – 0,21 руб., да еще с 6 дворов этой же деревни 0,06 руб., Новая Чюкал (28 дв.) – 0,28 руб., Какирлей (28 дв.) – 0,28 руб., Бистюрлей Ошлей тож (24 дв.) – 0,24 руб., Новая Четкас (30 дв.) – 0,3 руб., Айтугакова (25 дв.) – 0,25 руб.⁵⁴

Характерно полное преобладание в этом перечне селений служилых татар, хотя известно, что в уезде было уже немало деревень служилой мордвы и чувашей.

⁵² Книга строельная города Синбирска 161–162 гг. (1653–1654 гг.). С. 71–76.

⁵³ Зерцалов А.Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда. С. 45–46.

⁵⁴ Там же. С. 85.

Все эти люди жили и действовали в одном правовом пространстве вместе русским военизированным населением. Они несли военную службу, участвовали в стычках с кочевниками и башкирами, их направляли в «Донскую посылку», они попадали в плен и т. д. Так, например, в расходной книге имеются записи о выдаче денег служилой мордве «за полное терпение». Каждому такому потерпевшему полагалось по 0,5 руб.⁵⁵ Им, наряду с русскими людьми, давались деньги для известной «донской посылки» «для их бедности на хлебную покупку» в дорогу по 0,5 руб. человеку⁵⁶.

Строельная и приходо-расходная книги отражают ситуацию, которая складывалась в районе Симбирской засечной черты. Здесь, в междуречье Волги и Барыша, численно преобладало русское военизированное население; а из служилых людей автохтонных жителей Среднего Поволжья – татары.

В западной части Симбирского уезда, между Барышом и Сурой, по данным писцовой книги 1685–1687 гг., располагалось 14 селений, из них в одном размещались новокрещены (5 дворовладельцев), еще в одном – татары (13 дворовладельцев), в двух – чуваша (65 дворовлад.), и в остальных десяти – мордва (212 дворовладельцев)⁵⁷. Таким образом, на этих локальных, сильно залесенных территориях преобладало мордовское служилое население. Следует отметить незначительную численность новокрещен. Этот факт свидетельствует о том, что центральная и местная администрация при наборе в военную службу не слишком обращала внимание на конфессиональную принадлежность ратных людей и не прилагала серьезных усилий для их обращения в православие.

Среди основных групп служилых людей (стрельцов, казаков, солдат выборного полка) автохтонное служилое население занимало второе место, уступая только конным казакам (соответственно 295 и 365 чел.). Судя по данным писцового описания, истории начального формирования сети сельских

⁵⁵ Там же. С. 214, 267.

⁵⁶ Там же. С. 267.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 1209. Д. 441. Л. 98, 125–144, 255 и др.

поселений и землевладения, именно служилые мордва, чуваш и татары составляли основу гарнизонов Корсунской линии. Об этом же свидетельствуют данные сметы военных сил 1651 г.

Размеры земельных наделов этих ратных людей значительно превышали пашню для пеших стрельцов и были равными наделам конных казаков. Обычное количество земли на одного служилого человека, независимо от конфессиональной и этнической принадлежности, составляло 20 четв. («а в дву потому ж»). Лишь в двух случаях мордовские мурзы Д. Кулаевки и Беловодья получили по 25 четвертей на одного служилого человека. Однако при начальном заселении и обилии земель переселенцы получали большое количество «примерных» пахотных земель и угодий, которые затем, при появлении новых групп переселенцев, распределялись между ними. За редким исключением размеры селений этой группы служилого населения не превышали 20 дворов и только в трех случаях доходили до 40–50 дворов.

Таковыми представляются состав, службы, занятия и землепользование основных категорий ратных людей Южного Средневожья. Практически, до последних десятилетий XVII в. его пространство считалось окраинным, пограничным. Оно было насыщено крупными контингентами военизированного населения, защищавшего территорию региона и принимавшего активное участие в его колонизации.

1.2. ТЯГЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ:

РАССЕЛЕНИЕ, ОСНОВНЫЕ КАТЕГОРИИ, ЗАНЯТИЯ

За исключением Симбирска, в других городах Южного Средневожья не сложились богатые и многочисленные *посадские общины*. Ремесленно-промыслового и торгового потенциала жителей Самары было недостаточно для формирования постоянно действующей системы хозяйственных связей с окружающей город земледельческой округой. Сара-

тов же в XVII – начале XVIII вв. вообще не имел своего уезда. В экономической сфере эти города являлись, прежде всего, посредниками, перевалочными пунктами на оживленных транспортных магистралях. Исключение представляет только совокупность крупных рыболовецких промыслов, сложившихся в прилегающей к ним волжской акватории. Эти обстоятельства и, разумеется, пограничное фронтальное положение Саратова, Самары и Симбирска обуславливали характерные особенности развития местного посада, формировали его хозяйственный и бытокультурный облик. На массовую психологию местных посадских общин значительное влияние оказывало их постоянное пополнение и насыщение беглыми, «гулящими» людьми и т. д., остававшимися зимовать в городах после завершения навигации и промыслового сезона. Они подсеялись в двory к горожанам, становились подсоседниками, захребетниками, бобылями, а затем и полноправными членами посадских общин. По данным окладной росписи пятины 1634 г. по Саратову, в нем было записано 32 посадских и 51 чел. соседей и подсоседников⁵⁸. Анализ переписных книг комиссии по сбору даточных людей Н. Репнина в начале XVIII в. по Саратову, Самаре и другим городам региона показывает значительную группу именно такого населения, не входившую ни в одну из традиционных категорий тяглых или служилых людей⁵⁹. В системе поведенческих стереотипов, базовых ценностей значительной части посадского и приборного населения, сезонных рабочих волжских промыслов и казачьей вольницы было много общего, и именно этим объясняется их массовое участие в грандиозных движениях «бунташного» века.

Посады в городах Южного Средневожья начали складываться только после завершения Смутного времени. Весной

⁵⁸ Окладная роспись пятины 142 года по городу Саратову // Труды СУАК. Вып. 33.

⁵⁹ Кушева Е.Н. Сказки Генерального двора как источник по истории городов Поволжья на рубеже XVII – XVIII вв. // Города феодальной России. М., 1966. С. 423–424.

1614 г. воевода Д.П. Лопата-Пожарский, характеризуя состояние жителей Самары, сообщил в Москву: «В Самарском служилые люди и всякие ружники и оброчники бедны и голодны...»⁶⁰. Воевода выделил три основные группы самарцев: служилых людей, то есть гарнизон; ружников – церковно-и священнослужителей, получавших ругу (т.е. особое жалование, «прокорм»); оброчников – промышленников из других городов и местностей, бравших на оброк рыболовные угодья. Местных посадских жителей Лопата–Пожарский не указал, да их, видимо, и не было в Самаре. Косвенно о наличии посадской общины в городе свидетельствуют данные росписи сбора окладных денег 3-ей пятины по русским городам 1616 г., когда в Самаре собрали 700 руб.⁶¹ Состояние местного гарнизона после Смуты было плачевным, в городе практически не имелось состоятельных жителей или монастырей, поэтому можно предположить, что определенную часть этого сбора платили именно посадские люди. Сумма сбора вполне сопоставима с той, которую самарцы внесли в казну при проведении пятины 1634 г. (952,06 руб.⁶²), когда в городе уже имелось значительное посадское население. В Саратове, заново отстроенном только в 1616 г., посадская община начала складываться еще позднее. Первым самарский посад как часть городской застройки описал в 1623 г. с Волги купец Ф. А. Котов: «...а посады и ряды в городе...». Характерно, что в Саратове Котов посад особо не указал: «...дворы и ряды в городе»⁶³, хотя, по данным А.А. Гераклитова, в 1621 г. в городе уже имелась небольшая группа (7 чел.) посадских людей⁶⁴. Если говорить об официальных документах, то посадская община в Самаре упоминается впервые в книгах Печатного приказа лета 1626 г.⁶⁵

⁶⁰ АИ. Т. 3. С. 411–413.

⁶¹ Воскобойникова Н.П. К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII века // История СССР. 1986. № 3. С. 156.

⁶² РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 26. Д. 41162. Л. 1–45.

⁶³ Петровский Н.М. Новый список путешествия Ф. А. Котова // Известия отделения русского языка и словесности. СПб., 1911. Т.XV. С. 291–292.

⁶⁴ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. С. 223.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 9. Л. 165 об.

Наиболее полным и исчерпывающим источником о составе, состоятельности и занятиях посадского населения Самары и Саратова является делопроизводство пятины 1634 г. В окладной росписи пятины по Самаре указаны 69 посадских людей (а также 22 захребетника, 9 гулящих людей, 4 жителя Рыбной слободы. К ним следует прибавить два двора вдов посадских людей и т. д.)⁶⁶ и 32 посадских двора по Саратову (также 51 чел. соседей и подсоседников)⁶⁷.

Практически все торговые и промысловые заведения Саратова находились в руках посадского населения, соседей и подсоседников⁶⁸. Напротив, в Самаре по данным пятины среди приборных людей имелось немало промышленников и торговцев, которые превосходили своим богатством многих посадских. Нередко последние обвиняли стрельцов в том, что те от службы «отлынивают», занимаются торгами и промыслами, богатеют. Очевидно, что в первой половине XVII в. самарский посад был значительно богаче саратовского. Если в Саратове общий «капитал» всех 32 посадских людей оценивался в 530 руб.⁶⁹, то в Самаре это были «животы» только одного богатейшего жителя посада – К. Щепкина (500 руб.).

Судя по данным пятины, в Саратове, несмотря на значительную дифференциацию по оцененным «животам» – от 2 до 60 руб., в целом большинство посадских людей не слишком различалось по своему имущественному положению. Более доходным был «лавочный промысел», и именно среди жителей посада, занимавшимся им, обнаруживается самая состоятельная группа населения. Резко отличалась по своему имущественному положению от посадских более многочисленная

⁶⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 26. Д. 41162; Карпачев А.М. Пятина 1634(142) года как источник для изучения социально-экономической истории Московского государства // Исторические записки. М., 1950. № 33. С. 232–258.

⁶⁷ Окладная роспись пятины 142 года по городу Саратову // Труды СУАК. Вып. 33.

⁶⁸ Смирнов П.П. Окладная роспись пятины по городу Саратову 1634 года // Труды СУАК. Вып. 33. С. VI.

⁶⁹ Рабинович Я.Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641). С. 105.

категория соседей и подсоседников. Животы всех их (51 человек) были оценены только в 78,5 руб. Основными занятиями посадского населения Саратова являлись «лавочный промысел» (17 чел.) и рыбный (12 чел.). Большинство соседей и подсоседников занимались рыбным (38 чел.) и юртовым (4 чел.) промыслами. Часть из них в будущем могла войти в посад, но в основном, как пишет Я.Н. Рабинович, мы «...можем считать соседей и подсоседников неустойчивым элементом, преимущественно бестяглым. Это были вольные люди, которые с небольшими запасами пробирались в окраинный город, жили по чужим дворам; находя себе занятия в рыбных промыслах, чаще всего, в чужих...»⁷⁰.

Самарские посадские и другие группы населения, вошедшие в окладные книги пятины, с одной стороны, сходны, но с другой значительно отличаются от саратовских. Весь хозяйственный уклад и экономическая жизнь Самары вращались вокруг транзитной торговли. Среди почти 200 самарских торговцев и промышленников указано только 27 ремесленников⁷¹. Основным источником доходов остальных были торговые посреднические операции. Несмотря на то, что в городе насчитывалось около 30 ремесленников, перечень занятий населения в документах пятины поражает своим разнообразием: бондари, иконники, камышники, кирпичники, кузнецы, плотники, портные, сапожники, серебрянники, солоденники, сыромятники, рыбники, харчевники, часовники, шапочники, калачницы, хлебницы и молочницы. Всего 18 профессий, но вряд ли все они относились к действительно ремесленным.

Более поздние материалы по Симбирску, относящиеся к 1665 – 1667 гг., добавляют к этому списку углежогов, горожан, занимавшихся «литьем» сальных свечей и «чернильным вареньем», чинивших мушкетеры и пищали, «водочных сидельцев», мельников и т. д.⁷²

⁷⁰ Там же.

⁷¹ РГАДА. Ф. 396. Д. 41162. Л. 29–45.

⁷² Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда. С. 211, 215–218, 225, 237–239 и т. д.

Очевидно, что по хозяйственной активности своих жителей, и прежде всего посадских людей, в первой половине XVII в. Самара значительно превосходила другие сравнимые с ней по размерам города Среднего Поволжья. Сборы с торгово-промышленного населения в Самаре были в несколько раз больше сумм, собираемых с таких городков, как Саратов, Тетюши и т. д.⁷³

По количеству посадского населения Самара в это время не имела себе равных среди других приволжских городов между Казанью и Астраханью. К сожалению, книга переписи посадского населения 1646 г. сохранилась только по Самаре. Материалы переписи показывают 140 дворов, из которых лишь немногим более 100 (103) следует назвать действительно посадскими⁷⁴. Все остальные попали в поле зрения переписчиков лишь потому, что в них жило в качестве хозяев или «соседей» неслужилое население – духовенство, отставные стрельцы, стрелецкие вдовы, соседи, захребетники и т. д. Сами составители переписи, подводя конечные итоги, выбрали из 336 человек (М.Н. Тихомиров ошибается, указывая цифру в 356 человек), записанных по Самаре, только 317 душ м.п., обозначив их как посадских людей, соседей и подсоседников. Встречающиеся в различных документах расхождения в численности посада объясняются наличием крупных «пограничных» групп неслужилого городского населения, зыбкостью границ между ними. Это явление характерно для многих поволжских городов, в том числе и для Самары, в которой по сравнению с концом 1630-х гг. резко выросло количество посадских дворов. Исходя из принятой исследователями средней численности семьи посадского человека в 6–7 душ мужского и женско-

⁷³ Карпачев А.М. Города Московского государства и их торгово-промышленное население по пятине 1634/142-го года; Воскобойникова Н.П. К истории финансовой политики Русского государства в начале XVII в. С. 158–161.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6468. Л. 1–22 об.; Тихомиров М.Н. Самара в половине XVII века // Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 286.

го пола, тяглое «гражданское» население Самары насчитывало около 700 человек.

Строительство Симбирской и Корсунской черт, возникновение нового крупного района постоянного расселения привели к тому, что именно к Симбирску перешла от Самары роль важнейшего административного, военного и хозяйственного центра Южного Средневожья. Значительно быстрее, чем в Самаре, стала развиваться посадская община в Саратове, от которого вглубь страны, к Москве, вел удобный сухопутный путь. Так, в Саратове в конце 1670-х гг. насчитывалось на посаде 145 дворов⁷⁵, а в Самаре – всего 70 (196 чел. м.п.), то есть в 7 раз меньше, чем в Симбирске, и в 2,5 – чем в Саратове⁷⁶. По данным 1722 г. численность самарских посадских жителей составила 204 душ м.п.⁷⁷. Самара утрачивает свое промысловоторговое значение, так и не став экономическим центром сельскохозяйственной округи.

В отличие от Самары и Саратова, посадская община в Симбирске начинает складываться едва ли не одновременно со строительством этого города. Третий воевода Симбирска П.А. Измайлов, вступивший в должность в 1652 г., уже застал посад, в котором состояло 73 чел. (видимо, дворовладельцев)⁷⁸. По данным строельной книги 1653–54 гг., Измайлов «прибрал» еще 13 человек в посад⁷⁹.

По результатам переписи 1678 г. посадская община Симбирска насчитывала свыше 500 дворов с более чем 1300 душами м.п. (178 дворов посадских людей с 498 душами м.п. и

⁷⁵ Кушева Е.Н. Саратов в первой половине XVIII в. // Проблемы социально-экономической истории России: сборник статей. М., 1971. С. 28.

⁷⁶ Водарский Я.Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 287–290.

⁷⁷ Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. С. 215.

⁷⁸ Книга строельная города Синбирска 161–162 гг. С. 82–83.

⁷⁹ Там же. С. 96.

326 дворов бобыльских с 836 душами м.п.)⁸⁰. По количественным показателям Симбирск становится крупнейшим городом Среднего и Нижнего Поволжья, обогнав Казань⁸¹. Из всех пригородов Симбирского уезда немногочисленную посадскую общину имел только Тагай – 5 посадских дворов (13 душ м.п.) и 7 бобыльских (21 душ м.п.).

В конце XVII – начале XVIII в. свои посады начинают складываться в недавно построенных Сызрани и Кашпире. Документы переписи начала XVIII в. показывают в этих пригородах бобылей: в Сызрани – 11, в Кашпире – 12 (вместе со старостой)⁸². В задачи переписчиков не входил учет посадского населения, и поэтому оно не попало в их книги. Но вряд ли стоит сомневаться в том, что, по крайней мере, в Сызрани к началу XVIII в. существовал уже достаточно значительный слой посадских людей. К примеру, по переписи 1710 г. в Сызрани насчитали 94 посадских дворов, в Кашпире – 9⁸³.

Необходимо отметить, что посадское население в основном было моноэтничным, русским.

Организация посадской общины в городах Южного Средневожья практически не отличалась от других регионов страны. Самарский и саратовский посадские миры были невелики и небогаты. Посадские люди этих городов вынуждены были сожительствовать с более многочисленными общинами приборных и других групп военного населения. Управлялись они выборными людьми. На сходе жители избирали старосту и его помощников – сотских и десятских. Мирские старосты и выборные занимались не только регулированием внутрен-

⁸⁰ По подсчетам переписчиков. См.: Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 году. С. 13, 24.

⁸¹ Водарский Я.Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. С. 289–290.

⁸² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Д. 5184. Л. 342–352. «Симбирских переведенцев» в Кашпире по другой росписи показано 63. См.: Там же. Л. 725–737.

⁸³ РГАДА. Ф. 870. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

ней жизни общины, но и, прежде всего, разрешали взаимоотношения посада с администрацией города. На мирские должности старались выбирать людей обстоятельных, способных защитить интересы мира. Однако желающих исполнять эти службы находилось не так уж много. Руководители общины оказывались меж двух огней: с одной стороны, посадские люди требовали от них твердости и самостоятельности в отношениях с воеводской администрацией, с другой – сама эта администрация заставляла неукоснительно выполнять все государственные повинности⁸⁴. Нередко выборные попадали на правеж, за недоимки посадского мира у них отнимали «животы» – личное имущество. Сведений о деятельности руководства посада, его составе, особенностях взаимоотношений с воеводской администрацией сохранилось немного. Бывали случаи, когда властям приходилось уступать напору посада. Например, в 1651 г. было удовлетворено челобитье саратовских посадских людей не брать с их промыслов лишних таможенных пошлин. В 1688 г. по просьбе старосты И. Живодера и, видимо, всего мира было принято решение не сдавать на откупа мелкие статьи казенного дохода⁸⁵. Известны случаи, когда местные посадские люди выступали с просьбой «в головы на кабак» выбрать жителя другого города⁸⁶.

В материалах XVII столетия встречаются имена земских старост, например, по Симбирску в 1665–1667 гг. – О. Хохлова и И. Семенова⁸⁷. Уникальный случай наследования одной семьей этой должности встречается по Самаре. Среди сравнительно немногочисленного самарского посада, едва ли не с начала его возникновения, доминировала семья Щеп(л)киных. Первую запись о Щепкиных, как о представителях всего посадского общества, мы встречаем уже в 1626 г.: «по чело-

⁸⁴ См., например: Булгаков М.Б. Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004.

⁸⁵ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. С. 228.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 9. Л. 165об.

⁸⁷ Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда. С. 27, 101, 159, 164, 221.

битью самарских посадских людей Куземки Щепкина»⁸⁸. Тот же самый «Козьма Щепкин» как богатейший представитель посада был указан в документах пятинного сбора 1634 г. Его «животы» оценили в 500 руб., сумму по тем временам весьма значительную. В переписных книгах 1646 г. именно эта семья отмечена первой при описании самарского посада: «Самарского города на посаде и в слободах жилецкие и бобыльские дворы, а во дворах людей по имяном с отцы и с прозвищи. Во дворе Тишка да Стенька Кузьмины дети прозвищем Щел[п – Э. Д.]кины. А у Тишки три сына Якунка, Петрушка, Ганка. Да у Тишки ж и у Стеньки дворовых людей купленных два татарченка Микитка да Ондрюшка.... У Тишки ж и у Стеньки живет Кирюшка родом чювашенин, а крепости у них на того Кирюшку никаких нет. Да у них же живет в закладе в четырнатцати рублех чювашенин Самарского уезду Януруско Вырустаев»⁸⁹. Указание о «проживании» во дворе двух «татарченков» и двух «чювашенинов», которых явно использовали в обширном хозяйстве Щепкиных, также свидетельствует о состоятельности этих посадских людей. Еще один представитель этой семьи «Тишка Щепкин» упоминался во главе посадских людей в 1646 г.⁹⁰, а затем в 1650 г.⁹¹ В следующем 1651 г. от имени посада выступает уже «Стенька Щепкин»⁹², а в 1654 г. в том же качестве в документах упоминается Петр Щепкин⁹³. В 1677 г. по челобитью кадашевцев Полунина и Володимирова, «велено самарского таможенного голову нынешнего 185-го году Ганьку Щел (п – Э. Д.)кина и целовальников и дьячка с сборными книгами за поруками выслать к Москве»⁹⁴. Однако

⁸⁸ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 9. Л. 165 об.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 6468. Л. 4 об. –5; Самарское Поволжье с древности до конца XIX в. Сборник документов и материалов. Самара, 2000. С. 84–85.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 43. Л. 721 об.; запись 12 мая 1654 г.

⁹¹ НИА СПб ИИ РАН Ф. 38. Д. 67. Л. 261.

⁹² Там же. Л. 283.

⁹³ Там же. Л. 322.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 194. Л. 432 об.

самарским земским старостой в эти годы был уже «Микишка» Зевякин (1678–1679 г.)⁹⁵. Затем во главе самарской общины были Фома Вяткин (первое упоминание относится к 29 декабря 1679 г.)⁹⁶, Иван Лучешенов (упоминается 13 октября 1680 г.)⁹⁷, а в 1682 г. – Василий Салтанов⁹⁸. Создается впечатление, что в этот период в посадской общине начался период неустойчивости, и старосты менялись чуть ли не ежегодно.

Если в Западной Европе звание горожанина давало человеку свободу, то в России посадский человек оставался крепостным средневекового государства, под страхом наказания не имеющим права покинуть свою общину. Комплекс повинностей «черных» людей, так зачастую называли посадских, заключался, прежде всего, в «государевом тягле», состоявшем из денежных налогов, исполнения утомительных «земских служб». К этим службам относились ремонтные и строительные работы, подводная повинность, руководство кабаками, кружечными дворами, торговыми экспедициями и ответственность за собираемые там доходы. Головы и целовальники избирались всем миром и отвечали перед воеводами за правильно и полностью взимаемые денежные и натуральные сборы. Исполнять такие службы самарцев и симбирян могли послать и в другие города. Нередко против этой повинности посадские выступали всем миром. В книгах Печатного приказа отмечалось под 18 июня 1651 г.: «По челобитью Самарского города посадских людей Стеньки Щепкина с товарищи велено им службы служить на Самаре в земских службах, а на Царичын и в иные города посылать их не велено»⁹⁹.

К середине XVII в. посадские миры Самары и Саратова могли оказывать влияние на принятие важных решений местной администрацией. Например, когда саратовский воевода Г.И. Феофилачев в 1650 г. решил повесить пойманных

⁹⁵ Там же. Д. 206. Л. 618 об., 620.

⁹⁶ Там же. Д. 209. Л. 262 об.

⁹⁷ Там же. Д. 215. Л. 148.

⁹⁸ НИИ СПб ИИ РАН. Ф. 38. Д. 66. Л. 70.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 60. Л. 316.

воровских казаков атамана Соколова, за них вступились жители города. Воевода не пошел против требований горожан и вынужден был ждать решения из Москвы¹⁰⁰.

Мирские люди пользовались значительными льготами на территории своего города: монополией на торговлю, на право иметь свои лавки и торговые места, на промысловые воды и пригородные земли. Торговыми местами, мостами, общественными заведениями также пользовались служилые люди, торговцы и предприниматели из других регионов, имевшие в городе свои дворы. Нередко местные посадские люди били челом властям с просьбой включить в посадское тягло того или иного стрельца, иноземца или промышленника, активно занимавшегося промыслами и торговлей в городе. Характерно, что такие просьбы, как правило, удовлетворялись, и юридической основой для положительного решения были нормы Соборного Уложения. Например, 23 апреля 1679 г. в ответ на челобитную самарских посадских людей было велено «...о торговых людях, которые на Самаре дворами живут и промыслы всякими промышляют и в лавках сидят о податях указ учинить по Уложению»¹⁰¹. 13 октября 1680 г. также по челобитью было «...велено самарским стрельцам и юртовым казакам, у которых торговые промыслы есть, в посад тягло платить и служить с ним (посадскими – Э. Д.) в ряд»¹⁰².

Выше уже говорилось, что за исключением сравнительно немногочисленной верхушки посада имущественная дифференциация среди большей его части была невелика. По данным середины 1630-х гг., среди самарцев имелось только 4 сравнительно богатых человека, где выделялся уже упомянутый выше Кузьма Щепкин. Но в то же время в группе посадских людей на Самаре было мало бедных, всего 12–13 %. Подавляющее большинство населения составляли люди среднего достатка.

¹⁰⁰ Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII в. С. 228–229.

¹⁰¹ Там же. Д. 206. Л. 620.

¹⁰² Там же. Д. 215. Л. 148.

Видимо, более состоятельными были посадские люди Симбирска. В последней трети XVII в. город превращается в действительно крупный торговый, ремесленный и промышленный центр Южного Средневолжья. В начале следующего столетия из посадской общины Симбирска ряд крупных предпринимателей были зачислены в гостиную сотню. Среди них четверо Твердышевых, трое Хлебниковых, по двое – Капрановых, Бородулиных, Бабушкиных¹⁰³. Некоторые из них, например, Твердышевы, заложили основу своего благополучия еще в 60-е гг. XVII в. Уже материалы приходо-расходной книги 1665–1667 гг. свидетельствуют о складывании в Симбирске группы очень богатых и предприимчивых людей. Так, с 1 сентября 1666 г., подав челобитную, нижегородский ямщик Г. Мухановский (он перешел затем в симбирский посад) и симбирские посадские люди С. Протопопов и С. Твердышев «с товарищем» получили право взять в откуп на 2 года таможи, кружечные двory и винокурни по Симбирску и пригородам черты. За каждый год откупщики должны были платить по 5 тыс. рублей, сумма по тем временам весьма значительная¹⁰⁴. В эти же годы местный посадский человек А.И. Пешехонец был промышленником симбирского «соляного насада», должность очень важная и ответственная. Еще одной яркой и предприимчивой личностью симбирского посада был в это же время В. Москвитин – торговец и промышленник. В 1666 г. он занимал важную должность выборного головы местного таможенного и кружечного двора¹⁰⁵.

Сельское тяглое население. Процесс формирования крестьянского и других категорий сельского тяглое населения Южного Средневолжья уже рассматривался в предшествующем разделе. Его особенностью, отличием от других «внутренних районов» Московского государства, являлась этноконфессиональная неоднородность. Различные в этническом

¹⁰³ Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. Т. 1. С. 425, 430, 434–446.

¹⁰⁴ Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда. С. 18.

¹⁰⁵ Там же. С. 222, 242.

и конфессиональном отношении группы сельского населения соседствовали друг с другом во владениях крупных собственников, на отдельных локальных территориях. При этом редкими были случаи сожительства их в одних и тех же сельских поселениях. Даже при одинаковой «коренной части» названия деревень практически обязательным являлось дополнительное определение, «Чувашская», «Мордовская», «Татарская» и т. д.

Вплоть до середины XVII в. на территории региона существовали только отдельные локальные районы сельского расселения – Рождественская и Чалнинская волости, Надеинское Усолье и др. Практически в каждом случае системообразующим элементом для их складывания являлось наличие крупного владельца–«предпринимателя»: патриаршего домового самарского Спасо-Преображенского монастыря, гостя Надеи Светешникова, дворцового ведомства. Основу для своего владения – вотчины они закладывали переводами необходимых для организации земледельческого или промыслового производства групп населения, но в большей степени приемом беглых, т. е. использованием вольной колонизации. На примере одного из таких локальных районов, Рождественской волости, занимавшей восточную и центральную часть Самарской Луки, кратко рассмотрим особенности ее населения и его основные группы.

К рубежу 30 – 40 гг. XVII в. русское и мордовское население освоило не только наиболее удобный восточный участок самаролукской низменности, но и начало проникать в межгорные долины. Итоги этого расселения нашли отражение в переписных и описных (они указываются еще и как отказные) книгах самарских воевод Ф. Племянникова и П. Загряжского 1639–1640 и 1641–1642 гг.¹⁰⁶ Самих книг не сохранилось, дошли лишь краткие выписки из них, содержащие разноречивые сведения. В одних случаях они сообщают о 168 дворах в мо-

¹⁰⁶ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 38. Оп. 1. Д. 67. Л. 52; Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. СПб., 1907 (далее – ОДДАС). 1735. Т. 15. С. 459–462; Т. 15. Приложения. Стб. 955–959.

настырской вотчине, в других – о 210 дворах с 450 жителями м.п.– русскими и «чувашиами»¹⁰⁷. В любом случае можно предположить, что население сел и деревень подгорной долины составляло почти тысячу человек. Русские жители размещались в 2-х селах – Рождествено и Ильинском (Подгорах), а также деревнях, названия которых не указаны, но скорее всего это были Выползова и Новинки (Новая Подкараульная). Кроме того, указаны две «чувашские» деревни Ахтулина и Торновая Поляна, которые видимо, исходя из более поздних сведений, были основаны и заселены не чувашами, а мордвой¹⁰⁸. В «описных» книгах П. Загряжского 1641/42 г. приводятся данные о земельных угодьях монастырской вотчины, повинностях населения. Всего крестьяне обрабатывали 248 четвертей пашни «средней земли» (в 1 поле). Кроме того имелось перелога, дикого леса, зарослей и дубров 2954 четвертей с осьминой (в 1 поле). Сенных покосов в вотчине насчитывалось «по лугам, и меж гор, и в займищах» 31760 копен. Лесные угодья «черного лесу непашенного, и рамени, и бору» по горам и меж пашен размещались на пространстве 29 на 17 верст. Монастырские рыбные промыслы распространялись и на р. Самару от устья р. Кинель вниз Самарой до, так называемой, торговой бани на 40 верст, «да вверх по Кинелю»¹⁰⁹. Повинности населения со всех обрабатываемых земель составляли 18 вытей «без чети выти».

Более конкретное описание патриаршего владения содержится в переписной книге 1646 г. по Самарскому уезду¹¹⁰. Его население к этому времени состояло из монастырских (патриарших), дворцовых и помещичьих крестьян. Дворцовые владения были выделены из патриарших монастырских в начале 1640-х гг. и вскоре после переписи вновь возвращены в домовый монастырь. В русских селениях Самарского уезда насчитывалось 329 дворов, в которых проживали 1081 человек м.п.,

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 210. Д. 179. Л. 228.

¹⁰⁸ Там же. Ф. 1239. Оп. 52. Д. 1407. Л. 41 об.

¹⁰⁹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 6468. Л. 43 об. –45 об.

¹¹⁰ РГАДА. Ф. 1209. Д. 6468.

из них в дворцовых – 590, патриарших монастырских – 390, помещичьих – 101. Бобылей имелось 69 чел. м.п., подсоседников, соседей и Т. п. – 75, дворовых – 1, приемышей и пасынков – 5, наемных людей – 16, в том числе в помещичьих селениях – 6. Эти показатели свидетельствуют об уже устоявшейся, относительно стабильной структуре населения, в которой невелик был процент бобылей, захребетников, т. е. вновь пришедших. Иных сведений о социальном составе к этому времени нет.

Если ввести поправку на неучтенных переписчиками жителей в 25 % (по Я.Е. Водарскому), то общая численность русского сельского населения уезда должна была составлять около 2500 человек. Кроме русских селений на территории Самарской Луки находились мордовские – «Мордва», Ахтулина, Аскула. Последняя деревня была перенесена непосредственно перед переписью «под Шелехметские горы» и переименована в Борковку. По всей видимости, в конце 1630-х – начале 1640-х гг. возникла Д. Шелехметь. Она было основана, как, вероятно, и остальные мордовские селения Рождественской низменности, мордвой–мокшей. Археологические раскопки могильника на восточной окраине Д. Шелехметь показали, что в нем захоронены представители мордвы–мокши, а сам могильник по серебряным монетам из погребений можно датировать временем правления Михаила Федоровича¹¹¹. Единственной чувашской деревней являлась Брусяна. Все эти деревушки были невелики и располагались на опушках лесных массивов. Мордовское и чувашское население Самарского уезда составляло лишь небольшую часть от русского. Ко времени составления переписных книг достаточно густая сеть русских и мордовских поселений возникла только в восточной подгорной части Луки и ее окрестностях. Центральные нагорные районы, а также приволжские устья овражных долин только начали осваиваться и значительно отставали в этом отношении от территории Рождественской низменности.

¹¹¹ Иванов В.А. Мордовский могильник у С. Шелехметь // Краеведческие записки. Вып. III. Самарская Лука в древности. Куйбышев, 1975. С. 149.

Вторая половина XVII в. – время формирования сложного разнообразного в социальном, этноконфессиональном и владельческом отношении сельского тяглого населения. Ареал его расселения охватывал фактически всю территорию Правобережья Южного Средневолжья, а также прикрытые Закамской чертой земли Прикамья. На всем этом пространстве сложилось несколько, отличающихся друг от друга, районов со своеобразным сочетанием различных групп жителей. В связи с постоянными миграционными процессами, хозяйственным освоением новых территорий, меняющимся статусом пограничных районов юга и юго-востока, происходили значительные изменения в составе и владельческой принадлежности населения.

В волго-барышском междуречье под защитой Симбирской черты сложился район расселения помещичьих крестьян, во владениях в основном симбирского дворянства; а также здесь «осели» различные в этническом отношении группы местного автохтонного ясачного населения. Жители помещичьих владений, составлявшее по данным переписи 1678 г. 3033 душ м.п. в 928 дворах, делилось на три основные группы: крестьян – 493 двора, из них 26 пустых (всего 53,1 %); бобылей – 168 дворов, из них 9 пустых (18,1 %); задворных людей – 267 (28,8 %) дворов, из них 3 пустых¹¹².

Весьма значительное количество бобыльского населения, несшего ограниченные тяглые повинности, являлось следствием интенсивных миграционных и переселенческих процессов. Формирование помещичьего крестьянства, как и самих владений дворян и детей боярских, продолжалось на протяжении всей второй половины XVII в.; только темпы его несколько снизились по сравнению со временем строительства засечных линий. Почти треть всего населения дворянских поместий составляли так называемые задворные люди.

¹¹² Описание городу Синбирску и его уезду в 1678 году. С. 57–115.

Это были в основном холопы, жившие своими дворами и посаженные на землю¹¹³.

Дети боярские «служилого города» Симбирска, получившие плодородные земли, стремились быстрее их заселить, используя для этого самые различные категории принадлежавших им зависимых людей. Очевидно, что многие из них, переведенные в Симбирский край «от отцов», «братьев», не имели своих поместий, крестьян и бобылей в других уездах страны и вынуждены были селить в новых дачах холопов или беглых.

Данные переписи 1678 г. стали основой для проведения новой налоговой реформы, где единицей обложения становится «двор». Согласно этой реформе, задворные люди включались в состав тяглого крестьянского населения и окончательно уходили из категории холопов и других дворовых помещичьих людей. Особенности их обустройства в новом качестве, заведения самостоятельного хозяйства, к сожалению, не получили отражения в доступных нам источниках.

Волго-барышское междуречье, в том числе и территории «за валом», на «Крымской стороне», сконцентрировало наиболее значительный массив помещичьих крестьян. Несмотря на резко увеличившееся количество поместий дворян и детей боярских Самары к рубежу XVII – XVIII в., численность принадлежащих им крестьян на Самарской Луке вряд ли могла значительно вырасти из-за нехватки пахотных земель. Корсунский «уезд» или сурско-барышское междуречье, судя по данным писцовой книги 1685–1687 гг., практически не являлся районом сколько-нибудь развитого помещичьего землевладения и соответственно расселения, принадлежащих им крестьян. Например, в с. Ховрино на р. Барыш в имении симбирянина И.И. Воецкого имелись 1 двор дворового и 2 двора задворных людей. Еще в одном имении симбирянина А.К. Горскова дворов зависимых людей вообще не было. И наконец, в том же сельце у И.Ф. Колупанова находилось 3 крестьянских

¹¹³ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005. С. 285–286; Его же. Задворные люди // ЖМНП. 1897. № СССХIV. Декабрь. С. 391–442.

двора¹¹⁴. В Заволжье под защитой Закамской черты также не сложился сколько-нибудь значительный ареал крестьянского расселения, на землях местных казанских помещиков, смоленской и полоцкой шляхты.

Во второй половине XVII в., до начала массовых раздач земли монастырям и представителям светской элиты¹¹⁵, крестьянство и другие группы тяглого населения проживали в дворцовых и церковных вотчинах, возникших во второй четверти столетия, а также в ряде крупных владений, появившихся под защитой засечных черт, например, в Арбугинской дворцовой волости, в крупной вотчине Патриаршего Дома на рр. Утке и Майне, во владениях костромского Богоявленского монастыря в Закамье.

Механизм развития таких хозяйств и положения в них тяглого населения можно рассмотреть на примере Арбугинской волости. Для ее организации симбирский воевода И.И. Дашков подыскал место на так называемых Арбугинских полях (горах), «за валом». Переселение началось, видимо, в 1664–1665 г., когда прекратилась разработка медной руды у Вятки (из-за истощения запасов) и освободившихся людей отправили из Казанского уезда на пашню в «Арбугинские поля»¹¹⁶. Первые известия о вновь основанных слободах относятся к осени 1666 г.¹¹⁷. Руководила процессом заселения этой местности уездная администрация. Сами жители слобод позднее неоднократно заявляли, что их перевели сюда «из разных городов»¹¹⁸.

К концу 1660-х годов 5 дворцовых слобод – Кременская, Кривушинская, Шиловская, Тушинская и Ключищенская – были защищены с юга небольшой чертой (за крайней из

¹¹⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 441. Л. 210 об.–211.

¹¹⁵ Дубман Э.Л. Формирование сельского населения в Симбирско-Самарском Поволжье в XVII – начале XVIII в. С. 19–25.

¹¹⁶ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 284.

¹¹⁷ Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда. С. 42.

¹¹⁸ Мартынов П.Л. Селения Симбирского уезда. С. 29–35; Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 190.

них – Шиловской – упоминаются надолобы¹¹⁹). Действительно, опасность нападений кочевников считалась вполне реальной. Например, когда в 1666 г. южнее слобод на р. Сенгилеевке (там, где позднее возник г. Сенгилей) поселили переведенцев из Белого Яра, их в связи с башкирскими нападениями вынуждены были перевести в другое место¹²⁰. К переписи 1678 г. Арбугинская волость разрослась до 599 дворов (из них 266 бобыльских), в которых насчитывалось 1932 душ м.п. Населенность крестьянского двора составила 3,8, бобыльского – 2,6, средняя – 3,2¹²¹. На землях дворцовой волости селили и несколько иное по своему статусу население. Из «иноземцев» и бобылей в 1663 г. была основана Панская слобода, жители которой не участвовали в работах на десятинной пашне¹²².

Селениями волости управляла своя собственная дворцовая администрация. Во главе ее в начале 1700-х гг. находился воевода С. А. Нестеров¹²³.

Дворцовое население было ориентировано на занятия земледелием. Сведений о размерах пахотной земли не сохранилось. Сенные покосы и «выпуски» – 1310 десятин были отведены «безоброчно» в 1667 г. за Волгой «к Белому Яру» и по волжским островам. Местные власти рассчитывали получить с крестьян прежде всего хлеб. Основной повинностью являлась обработка 130 десятин «государевой десятинной пашни», отмежеванной в 1669 г. рядом с селениями¹²⁴. Население должно было отвозить хлеб в Симбирск, т. к. рядом с волостью не

¹¹⁹ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века. Приложение. С. 30–31.

¹²⁰ Там же. С. 191.

¹²¹ Опись городу Синбирску и его уезду в 1678 году. С. 30–56.

¹²² Мартынов П.Л. Селения Симбирского уезда. С. 40, 56.

¹²³ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 123–125.

¹²⁴ Мартынов П. Селения Симбирского уезда. С. 30; По другим данным в 1670–1671 гг. См.: ГАУО. Ф. 732. Оп. 2. Д. 429. Л. 2.

имелось обустроенной пристани. Эта новая повинность вызывала резкое недовольство жителей¹²⁵.

Промыслами, к ним относилось и рыболовство, поселенцы занимались только «про свой обиход». Промысловых угодий не хватало, и «пахотные крестьяне» жаловались на их скудость. Они просили о приписке к селениям близлежащих озер и рек¹²⁶. Вскоре новопоселенцы (кроме крестьян Ключищенской слободы) получили «от мирских синбирских вод» вниз волжские рыбные ловли и к ним – озера, воложки и истоки. Оброк по гривне с двора с крестьян собирали погодно с 1 марта 1667 г.¹²⁷ Эти рыболовные угодья за населением арбугинских слобод (в том числе и Панской) сохранились и в начале XVIII в.¹²⁸

После сооружения Сызрани, Кашпира и ряда других военнизированных поселений началось переселение жителей из Арбугинских слобод на более южные территории. Например, в 1689/90 гг. группе ключищенских крестьян отвели «на 10 ясаков» земли по р. Сызрань¹²⁹.

Возникает вопрос о роли, которую играло население подобных волостей в общей системе дворцового хозяйства и, в частности, в освоении новоприобретенных районов Понизового Поволжья. Прежде всего, оно было тем резервуаром, из которого правительство могло черпать переселенцев для освоения новых регионов. Например, из Федоровской дворцовой вотчины массовые переводы крестьян производились во вновь устроенные крепости Симбирско-Корсунской черты; из Чалнинской волости на Закамскую линию. Такие переводы происходили достаточно редко, но приводили к запустению (на некоторое время) ранее многолюдных селений. Дворцо-

¹²⁵ Бакланова Н.А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых во второй половине XVII в. К истории формирования русской буржуазии. М., 1959. С. 91.

¹²⁶ Зерцалов А.Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда. С. 42.

¹²⁷ Там же. С. 42.

¹²⁸ РГАДА. Ф. 26. Оп. 2. Д. 54. Ч. IX. Л. 123–125.

¹²⁹ ГАУО. Ф. 732. Оп. 2. Д. 429. Л. 1–3.

вых крестьян зачастую переводили в имения служилых людей края – полоцкой шляхты и т. д.¹³⁰. Таким образом, у дворцовых крестьян и у самих властей создавалось впечатление временности, непрочности их проживания на данном месте. Еще одним фактором в пользу складывания этого убеждения являлись постоянные посылки местных жителей далеко за пределы волости и уезда. Например, жители Анатошской волости в 1701 г. послали на Камышенку по 53 пеших работника (с 5 дворов по одному человеку) и 5 конных¹³¹, население Чалнинской волости отдало часть своих крестьян «в солдаты в Чигиринскую службу», «к слюзному делу на Камышенку», «в крестьянство» к казанскому митрополиту¹³²; крестьяне Рождественской волости работали на астраханских рыбных дворцовых промыслах, направлялись для добычи серы на р. Сок и т. д.

Десятинная пашня пашня распахивалась в Арбугинской и Рождественской волостях, в Чалнинской с крестьян собирали хлеб для «Астраханских отпусков»¹³³. Денежный оброк, различное «изделье» также входили в число обязательных повинностей крестьянских дворов. Достаточно красноречиво об этих повинностях свидетельствуют данные, приведенные в работах Г.И. Перетятковича, И.П. Ермолаева и Е.В. Липакова¹³⁴.

Образцом крупного промыслово-аграрного владения в 1670 – 1680-х гг. являлось Надеинское Усолъе Савво-Сторожевского монастыря. Его зависимое население (до 1000 душ м.п.) состояло из преобладающих в численном отношении русских и чуваш. Основная часть жителей – бобыли и работные люди – были заняты в соляном и рыбном про-

¹³⁰ Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века. С. 371–395.

¹³¹ Там же. С. 351.

¹³² Там же. С. 349–355.

¹³³ Там же. С. 355.

¹³⁴ Там же. С. 349–356; Ермолаев И. П., Липаков Е. В. Крестьяне дворцовых сел Казанского уезда в конце XVI – первой четверти XVII века (По материалам дозорных и переписных книг) // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984. С. 23–25.

мыслах, а также в земледелии. После перехода Усолья к монастырю, его хозяйство становится более многоотраслевым, промыслово-аграрным. Власти обители, сохранив товарный характер промысловых отраслей, попытались полностью обеспечить население вотчины продукцией сельского хозяйства. При стабильном развитии солеварения резко возрастает роль промыслового рыболовства и земледельческого производства. Размеры владельческой запашки увеличились с 30 четв. (2) в начале 1660-х гг. до 417 четв. (2) в 1686/87 г.¹³⁵ Выполнять все сельскохозяйственные работы ограниченному количеству обозначенных в писцовой книге крестьян было не под силу, хотя, судя по количеству высеваемого зерна, площадь монастырской запашки в реальности была меньше. Очевидно, что все сельскохозяйственные работы на монастырь выполнялись бесплатно в виде барщины. В них участвовало основное население вотчины: крестьяне, бобыли, работные люди.; исключая, видимо, чувашей, мастеровых и т. д. Например, жители Переволоцкой слободы, население которой, судя по всем источникам, состояло только из работных людей, должны были работать в монастырском поле, косить монастырское сено, строить церковь и платить различные платежи¹³⁶.

«Вкрапленность» Надеинского Усолья в крепостническую систему хозяйствования, господствовавшую в монастырских вотчинах во второй половине XVII в., сказалась на специфике складывания производственных отношений в производстве соли, бывшем достаточно передовым для того времени предприятием. Особенно это становится очевидным к середине 1680-х гг., когда полностью завершился процесс вытеснения на солеваренном промысле вольнонаемного труда, оплачиваемым принудительным трудом феодально-зависимого населения.

Возросла роль труда зависимого населения и в рыболовстве, ставшем значимой промысловой отраслью монастыр-

¹³⁵ Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 234.

¹³⁶ РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 35. 1684 г. Л. 1–144.

ского хозяйства. В 80–90 гг. XVII в. свободные люди практически не работали на промысле. Необходимо отметить, что труд всех зависимых людей, занятых в трудовом процессе, оплачивался¹³⁷. Подобная система встречалась и на других промыслах¹³⁸.

Наиболее привилегированной группой являлись мастеровые, являвшиеся высококвалифицированными специалистами в промысловых отраслях хозяйства¹³⁹. Сложно говорить о системе взаимоотношений между различными группами зависимого населения Усолья. Но нередко оно выступало совместно против произвола монастырских старцев и промышленников, как это, произошло, например, в 1682 г.¹⁴⁰

Автохтонное ясачное население Южного Средневожья. Татарское, мордовское и чувашское крестьянское население, расселившееся в Южном Средневожье, в источниках того времени имело общее название «ясашное посопное». Весь регион делился на несколько локальных территорий, где преобладала та или иная этническая группа. Так, по источникам, относящимся ко второй половине 1660 – 1680-х гг., на западе Симбирского уезда, в междуречье Суры и Барыша, сложились исключительно мордовские деревни; в приволжской части – между Барышом и Волгой – преобладали чуваш и, в меньшей степени, расселялись татары. Мордовских селений здесь было немного. В Закамье селились татарские ясачные крестьяне, но имелись также деревни чуваш и других средневожских народов. В различных районах региона платежи

¹³⁷ Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991. С. 72, 74.

¹³⁸ Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957. С. 214, 313.

¹³⁹ Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991. С. 74.

¹⁴⁰ Там же. С. 80.

и повинности ясачного населения имели свое своеобразие. Например, в междуречье Суры и Барыша межевание земель для возникших там первых мордовских деревень Старой Татаровя (Кирдяево тож) и Котяковой производил один из первых корсунских воевод Б. Приклонский. Свободной земли и угодий было много и он отмежевал новоселам большое количество «примерных» земель. Позднее, при расселении солдат выборного полка и других служилых людей, значительная часть этих владений была передана им. Еще три мордовских селения (Сызган, Верхняя Мордовская Туварма, Чюварлей) были основаны значительно позднее, в конце 1670-х – начале 1680-х гг.¹⁴¹ Их жители платили оброк в Симбирске «против синбирских ясашных людей» с полудвора по 0,15 руб., ржи и овса по четверти, а также за «арбугинскую десятинную пашню» по 0,5 руб. Характерно, что в связи с заселением края, у них в отличие от жителей ранее возникших деревень, не было бобровых, бортных и рыболовных угодий¹⁴².

По данным писцовой книги 1685–1687 гг. мордва всех 5 селений (111 дворов), помимо «посопного хлеба» – ржи и овса, меда с бортных ужожаев и т. д., должна была платить в казну деньги за «арбугинскую десятинную пашню» и другие платежи¹⁴³. Видимо, в связи с удаленностью, обработка этой «десятинной пашни» была заменена денежным сбором.

Под воздействием набегов кочевников и ряда других чрезвычайных обстоятельств размеры повинностей, как и само положение ясачных крестьян, могло резко измениться. Например, по сказке жителей 27 дворов д. Старое Татаровя (Кирдяево тож), ранее, во второй половине 1640-х гг. «посопный хлеб» они платили с 6 вытей в Казань и Алатырь. После погрома «крымских людей», случившего около 40 лет назад, размеры повинностей им снизили до 3 вытей (45 дворов). После еще одного разгрома, устроенного во время Разинщины «воровскими казаками», количество дворов уменьшилось до 10.

¹⁴¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 441. Л. 324 об., 330 об.–331, 338 об. – 339 об.

¹⁴² Там же. Л. 346–348 об.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 441. Л. 316 об., 317 и др.

С них, уже в Симбирск, в 1672/1673 г. они платили с 1 выти¹⁴⁴. Жители д. Котякова также писали о «ногайском разорении» и о «бунтовом времени» Разинщины¹⁴⁵.

Жители всех мордовских селений констатировали факты уничтожения «борных ухозяев» и «бобровых гонов» вследствие расселения русских служилых людей»; жаловались, что «дельные деревья» вырублены и выжжены. Старинные уголья мордовского населения, которые они эксплуатировали еще наездом, а затем из своих деревень, основанных под защитой засечных черт, приходили в упадок. Рядом и на их месте строились остроги и пригороды, появлялись слободы, заводили свое хозяйство казаки, стрельцы и другие представители служилого населения региона¹⁴⁶. Указанная выше ясачная мордва д. Старое Татаровя (Кирдяево тож) жаловалась писцам, что их бортный «ухожей и вотчина» запустели, «облюдели» русскими людьми построенного Тальского острога и отъезжих слобод. Характерно, что промысловые владения мордвы этой деревни, да и других национальных селений, занимали весьма обширное пространство от Суры до Волги и уходили далеко на «Крымскую сторону». «Запустение» их происходило и из-за строительства Тальского острога, Корсуна, Сызрани и даже Симбирска¹⁴⁷.

Для ясачных жителей междуречья Волги и Барыша сбор по данным приходо-расходных книг 1665–1667 гг. составлял 0,3 руб. с ясака и только в отдельных случаях, обусловленных какими-либо причинами, мог быть снижен или повышен. По материалам приходной окладной книги 26 мордовских дворов д. Старые Чукалы платили оброк 10,46 руб., хотя количество ясаков, положенных на них, неизвестно¹⁴⁸. Достаточно редко были лесные промыслы, с которых брался оброк. Обыч-

¹⁴⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 441. Л. 303–304, 316–316 об.

¹⁴⁵ Там же. Л. 321.

¹⁴⁶ Там же. Л. 317–320 об., 321–323.

¹⁴⁷ Там же. Л. 318–319 об.

¹⁴⁸ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары, 1986. С. 311.

ными были сборы с «меленок–колотовок», которые имелись в ряде селений¹⁴⁹.

Крайне сложно говорить об имущественном положении ясачного населения, его дифференциации и социальном составе. Об этом, в какой-то степени свидетельствует большое количество дворов, с которых ясак брался как с «дворов без чети» и «полудворников».

Очевидно, что в процессе интенсивной колонизации Южного Средневолжья должны были возникать конфликтные ситуации между различными группами переселенцев. Их, несомненно, порождало активное заселение новыми группами служилых людей мест бывших промысловых угодий, земель, которые были отведены начальным поселенцам, как «примерные», порозжие и т. д. Нередко случались ситуации и когда коренное население Среднего Поволжья вело себя агрессивно по отношению к представителям более поздней волны переселения.

В целом вся сохранившаяся совокупность источников позволяет сделать следующие выводы.

Возникавшие конфликты между различными группами населения, в ходе заселения Южного Средневолжья, никогда не перерастали в массовые этноконфессиональные противостояния. В документах о башкирских вторжениях или Разинщине сложно найти сведения о случаях межэтнических противоречий между местными жителями.

Основным источником спорных моментов выступали земельные отношения. Разногласия выявлялись между представителями самых различных социальных и этнических групп. Представители местных коренных народов нередко констатировали, что их промысловые и земельные угодья были заняты при расселении, казаков, стрельцов, помещиков и т. д. В ряде случаев, испомещаемые пытались захватить самовольством дополнительные земли, как это сделал симбирский помещик В.Л. Есипов по отношению к земле ясачных чу-

¹⁴⁹ Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда. С. 45– 85.

ваш д. Бурундуки и Рунга¹⁵⁰. Известны случаи, когда, напротив, русские помещики оказывались обиженными мордвой и другими народностями Среднего Поволжья¹⁵¹. Возникали споры между мордвой, чувашами, марийцами и т. д. Например, в 1661 г. марийцы Кокшайского уезда подали челобитную кокшайскому воеводе М.В. Шокурову: «поселилися де у них на их ясачной пашенной земле мещеряки своим насильством, а сказываютца Синбирсково уезду; и грани де у них на той их пашенной земле порубили, а иные выжгли, чтоб де им тою их пашенного землею и санными покосы завладеть, и их бы с той их пашенной земли согнать». Посланные для расследования из Кокшайска подьячий и толмач, выступили в защиту своих крестьян¹⁵².

Как правило, споры и конфликты касались сравнительно мелких вопросов хозяйственного порядка, собственности и т. д.

Тяжущиеся стороны на новых для них территориях не считали себя чужими, исходили из равенства своих прав на новые земли, угоды и т. д.

Гарантом «справедливого» разрешения вопросов выступала, как правило, местная или центральная администрация, у которой противоборствующие стороны независимо от их этноконфессиональной принадлежности искали защиты. Как пишет американский историк В. Кивельсон: «На основании своего места в царстве... каждый подданный царя мог взывать к его милосердию и требовать, по крайней мере, в принципе, беспристрастного разбирательства в его судах»¹⁵³. К сожалению, ни одного судебного дела по Южному Средневожью между представителями различных этнических и конфессиональных групп полностью не сохранилось. Однако сами случаи обращения к судебному разбирательству коронной адми-

¹⁵⁰ Там же. С. 320.

¹⁵¹ Гераклитов А.А. Самара и Самарский уезд XVII в. С. 238.

¹⁵² Цит. по: Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. С. 319.

¹⁵³ Кивельсон В. Картография царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012. С. 282.

нистрации свидетельствуют, что местные жители надеялись на «справедливое» решение дела¹⁵⁴. При этом решение вопроса не ограничивалось компетенциями местного воеводы и подьячих съезжей избы. Как показывают, например, записи в книгах Печатного приказа, вопрос решался в Москве в приказе Казанского Дворца и других центральных учреждениях¹⁵⁵. Местная администрация получала сверху грозные указания не «обижать» местное население, судить «по правде». Можно согласиться с казанским исследователем Н.В. Никольским, писавшим о том, что в Соборном Уложении 1649 г.: «Касаясь отношения воевод к инородцам, Уложение не только запрещает наказания и бесчинства, но прямо указывает, чтобы воеводы “крепко берегли инородцев”». Вместе с тем он признает ограниченность этих положений, слабую их реализацию на практике¹⁵⁶.

¹⁵⁴ Герасимов А.А. Самара и Самарский уезд XVII в. (по записным книгам Печатного приказа). С. 236–238.

¹⁵⁵ Там же. С. 237.

¹⁵⁶ Никольский Н.В. Конспект по истории народностей Поволжья. Казань, 1919. С. 48.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ К ГЛАВЕ I

1. Назовите основные категории служилых людей гарнизонов Средневолжского региона. Выделите основные этапы их формирования. В чем заключалась причина столь значительной «военизированности» населения Среднего Поволжья?
2. Укажите особенности складывания «служилого города» Среднего Поволжья в первой половине XVII в. на примере гарнизонов Самары и Саратова.
3. Охарактеризуйте землевладение служилых людей по отчеству (дворян и детей боярских) в средневолжских уездах. Каковы были размеры их владений во второй половине XVII в. (на примере Симбирского уезда)?
4. Проследите изменения в военной службе и хозяйственных занятиях приборных людей Южного Средневолжья в конце XVI – XVII в. Как происходило испомещение приборных людей на территории Симбирского уезда во второй половине XVII в.?
5. Объясните, какую роль играло служилое автохтонное население Среднего Поволжья в системе региональных вооруженных сил. Укажите районы его расселения и испомещения.
6. Назовите причины отмены законодательства о «заказных городах» на территории волжского Правобережья. Каковы были социальные последствия изменений в законодательстве?
7. Как происходило формирование посадского населения городов региона в XVII в.? Укажите численность жителей городских посадов.
8. Назовите основные занятия посадских жителей городов Южного Средневолжья. Насколько велика была имущественная дифференциация в посадских общинах региона.

9. Раскройте роль посадской общины в развитии городской жизни региона, ее место в системе взаимоотношений с воеводской администрацией.
10. Выделите основные социальные группы в составе сельского населения Среднего Поволжья в XVII в. Охарактеризуйте динамику их численности, этноконфессиональный состав.
11. Определите место и роль автохтонного крестьянского населения в хозяйственном освоении Южного Среднево­лжья и формировании системы сельского расселения.
12. Как складывались крупное вотчинное хозяйство и его население на территории Южного Среднево­лжья в XVII в.?
13. Выделите и охарактеризуйте локальные районы сельского расселения на территории Южного Среднево­лжья в XVII в.

СПИСОК

РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ К ГЛАВЕ I

1. Бахрушин С. В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954. Т. 2.
2. Булгаков М.Б. Государственные службы посадских людей в XVII веке. М., 2004.
3. Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж. 1974.
4. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977.
5. Габдуллин И.Р. От служилых татар к татарскому дворянству. М., 2006.
6. Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI – XVIII вв. Саратов, 1923.
7. Гераклитов А.А. Самара и Самарский уезд в XVII в. (по записным книгам Печатного приказа) // Классика самарского краеведения. Вып. 2. Самара, 2006.

8. Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982.
9. Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары, 1986.
10. Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев, 1991.
11. Ермолаев И.П. Среднее Поволжье во второй половине XVI–XVII в. (управление Казанским краем). Казань, 1982.
12. Зорин А.И. Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX в. Историко-этнографический очерк. Казань, 1992.
13. История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: в 5 т. Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. М., 1990. Т. 2.
14. История крестьянства России с древнейших времен до 1917 г.: в 5 Т. Крестьянство периода позднего феодализма (середина XVII в. – 1861 г.). М., 1993. Т. 3.
15. История Самары: От воеводского управления до Губернской Думы. Самара, 2011. Кн. 1.
16. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000.
17. Кивельсон В. Картография царства: Земля и ее значения в России XVII века. М., 2012.
18. Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного уложения). Ярославль, 2000.
19. Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996.
20. Мартынов П.Л. Селения Симбирского уезда. (Материалы для истории Симбирского дворянства и частного землевладения в Симбирском уезде). Симбирск, 1903.
21. Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995.
22. Осипов В.А. Очерки по истории Саратовского края. Конец XVI и XVII в. Саратов, 1976.

23. Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1.
24. Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1. Саратовское Поволжье с древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1993.
25. Перетяткович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.
26. Шватченко О.А. Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века (Историко-географический очерк). М., 1996.

ГЛАВА II. СОСЛОВНЫЕ ГРУППЫ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

2.1. ВОЛЖСКИЕ КОРНИ ОРЕНБУРГСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Казачество было социальной группой, раньше других принявшей участие в российском освоении Среднего Поволжья. На волжских берегах и прилегающих территориях этого региона в XVIII в. после петровских реформ, изменивших сословную структуру общества, единственной местом компактного и многочисленного проживания казачества оставался Самарский край. Здешние казаки стали одной из основ формирования Оренбургского войска и находились в его составе до середины XIX столетия.

Вплоть до революции 1917 года официальное старшинство Оренбургского войска велось с 1574 г. и было привязано ко времени строительства острожка Уфы. Данное решение обосновывалось тем, что в уфимском гарнизоне служили казаки, «большая часть которых в 1742 году была переселена в город Оренбург и впоследствии вошла в состав Оренбургского казачьего войска»¹⁵⁷. Между тем такое обоснование приложимо и к городу-крепости на Самаре, ровеснику Уфы, и его казакам, которые сыграли не менее значимую роль в становлении оренбургского казачества¹⁵⁸.

При определении в 1912 г. официальной точки отсчета старшинства Оренбургского войска сказались реалии второй половины XIX – начала XX в. Выбор между Самарой и Уфой

¹⁵⁷ Цит. по: Махрова Т.К. Казачество Урала и власть. М., 2004. С. 7–8.

¹⁵⁸ Кобзов В.С., Шадрин В.М. Не славы ради. Оренбургское казачество в государственно-правовой системе Российской империи. М., 2003. С. 21; Кузнецов В.А. Военно-патриотическое воспитание оренбургского казачества. Челябинск, 2004. С. 19.

в пользу последней сделан с учетом отсутствия в то время постоянного казачьего населения на территории Самарского края, а также подкреплялся исторической традицией длительного (с 1744 по 1865 гг.) пребывания Оренбурга и Уфы в составе одной губернии¹⁵⁹.

Хотя самарские земли во второй половине XVI в. стали одним из центров складывания вольного русского казачества, но благоприятная для него ситуация длилась недолго. Московское правительство смогло установить контроль над волжским путем. Возможности для казаков укрепиться на берегах великой реки в качестве самостоятельной силы были окончательно утрачены уже по окончании Смутного времени в начале XVII в. Хотя уходившие с Волги на восток вольные казаки попадали зачастую в состав тех территориальных казачьих обществ (Яицкого, Исетского), которые впоследствии приняли участие в формировании Оренбургского войска¹⁶⁰, но ядро последнего все же складывалось в иных военно-административных условиях и ближе к волжским берегам, где казачество не исчезло совсем, а приобрело иные формы быта и организации.

В XVII – начале XVIII вв. казаки являлись частью населения приволжских городов и при этом оказались на государственной службе. В 1728 г. в гарнизоне Самары насчитывалось 100 служилых казаков. После основания укрепленного самарского пригорода Алексеевска в 1704 г. и там появились служилые казаки¹⁶¹.

¹⁵⁹ Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 9,13; Злобин Ю.П. Изменения в административно-территориальном устройстве Оренбургской губернии во второй половине XVIII – начале XX века // Проблемы истории Оренбургского края XVIII – XX веков. Оренбург, 2004. С. 14–15,23.

¹⁶⁰ Машин М.Д. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 2000. С. 44–47.

¹⁶¹ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000. С. 34, 74, 79.

Значительный рост казачества в Заволжье произошел после того, как в 1736 г. началось сооружение Самарской укрепленной линии. Она стала частью укреплений, протянувшихся от Волги до Тобола, на юго-восточных землях России, которые вошли в 1744 г. в состав Оренбургской губернии. Наряду с ней были сооружены другие линии (дистанции): Нижнеяицкая, Верхнеяицкая, Сакмарская, Красногорская, Орская, Верхнеуйская, Нижнеуйская. Именно в крепостях и слободах этих линий, а также в городах Самаре, Уфе, Оренбурге проходило формирование военных команд и общин нового казачьего войска¹⁶².

К 1 июня 1737 г. в крепости по р. Самаре был определен необходимый комплект поселенцев–казаков, по 200 чел. были записаны в Красносамарскую, Борскую, Тоцкую, Сорочинскую крепости и 300 чел. – в Бузулуцкую. Кроме того, за р. Самарой в степи была основана Мочинская казачья слобода, куда зачислили на жительство 86 чел.¹⁶³

Вольные переселенцы из низших сословий, в основном из крестьян, составляли почти три четверти новоприборных казаков (858 чел.) С учетом принудительно переведенных ссыльных (157 чел.) доля представителей этих общественных слоев в крепостях и слободах Самарской линии превысила 85 %¹⁶⁴. Однако в официальных рапортах ничего не говорилось о приеме на службу лиц крестьянского происхождения.

Потомственные казаки и другие русские служилые люди находились в меньшинстве (136 чел.) Их доля составляла 11,5 % среди поселенцев на Самарской линии, хотя, как правило, именно из яицких казаков определялись в новые крепо-

¹⁶² Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999. С. 38.

¹⁶³ Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 75 об.–76; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 248. Оп. 5. Д. 312. Л. 41 об.

¹⁶⁴ Смирнов Ю.Н. Деятельность Оренбургской экспедиции под руководством И.К. Кирилова в Заволжье // Самарский земский сборник. Вып. 3. Самара, 1996. С. 58.

сти атаманы и старшины. На Самарской дистанции в казаках также оседали служилые городовые люди (бывшие пушкари и стрельцы), а также выходцы из нерусского населения. Доля иноверцев (мусульман и буддистов) составляла здесь среди казаков всего 3 % (35 чел.), но интересен сам факт участия в комплектовании здесь казачества с самого начала многонационального и многоконфессионального населения.

Начинается переселение под Самару крещеных калмыков. Центром управления ими стал новый город Ставрополь (ныне Тольятти). Из этих переселенцев было создано особое Ставропольское калмыцкое войско, организованное наподобие казачьего. Вместе с калмыками в Ставрополе разместили русский гарнизон, в который определили, кроме солдат, 60 казаков.

Весной 1740 г. была проведена перепись жителей крепостей, которых простили за самовольный уход с прежних мест жительства и зачислили окончательно на службу¹⁶⁵. В 14 крепостях по рекам Самаре и Яику (Красносамарской, Мочинской, Борской, Елшанской, Бузулуцкой, Тоцкой, Сорочинской, Татищевской, Тевкелевом Броде, Бердской, Озерной, Красногорской, Илецкой) было насчитано 2097 «настоящих казаков» – глав семей, 1567 чел. их родни мужского и 2343 чел. – женского пола. Данные переписи позволяют определить районы выхода и происхождения переселенцев. «Настоящие казаки» оказались выходцами из 136 уездов, городов, украинских полков и других территориальных единиц России и даже сопредельных стран. Распределяя беглых по местностям, откуда они родом, на первый план следует поставить Среднее и Нижнее Поволжье (уезды Симбирский, Нижегородский, Казанский, Самарский, Сызранский, Свяжский, Саратовский, Чебоксарский, Курмышский, Тетюшский; города и пригороды Астрахань, Царицын, Санчурск, Малмыж, Ядрин, Билярск, Алексеевск, Кашпир, Петровск, Починковская волость) – 678 чел. За этой группой следует поставить уезды и города по

¹⁶⁵ См.: РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 144; Готье Ю.В. Из истории передвижений населения в XVIII веке // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских. 1908. Кн. 1. Отд. 4. С. 1–26.

бывшим пограничным чертам, соединявшим центр России с волжским Правобережьем (уезды Алатырский, Пензенский, Арзамасский, Саранский, Керенский, Ломовский, Инсарский, Кадомский, Норовчатский, Карсунский; г. Мокшан) – 410 чел. Преобладание выходцев из Поволжья и местностей, расположенных между Средней Волгой и старинными русскими областями, вполне понятно. Это был ближайший к Оренбургской пограничной линии край, где в XVIII в. уже было значительное оседлое население. Однако относительная величина цифр объясняется здесь еще другим обстоятельством. Через указанные районы проходили в XVIII веке беглецы из внутренних областей государства. Нередко оказывалось, что родители беглых сами были «сходцами», жили далее к западу, и мы имеем дело с переселением из внутренних областей государства, хотя и более медленным. В Самарское Заволжье вольные переселенцы часто попадали сложными и длинными путями. Им приходилось по несколько раз менять места жительства, переходить во все более отдаленные селения.

Таким образом, часть выходцев из Поволжья могла быть отнесена на долю центральных уездов и городов России, которые, впрочем, и сами по себе дают довольно значительное число переселенцев (уезды Костромской, Балахнинский, Пошехонский, Ярославский, Галицкий, Кашинский, Юрьевецкий, Романовский, Устюженский, Углицкий, Унженский, Кинешмский, Тверской, Муромский, Переяславский-Рязанский, Касимовский, Скопинский, Коломенский, Пронский, Темниковский, Михайловский, Каширский, Калужский, Сапожковский, Тульский, Елатемский, Суздальский, Владимирский, Московский, Переяславский-Залесский, Ростовский, Гороховецкий, Вязниковский, Луховский, Юрьев-Польский, Дмитровский, Звенигородский; г. Судиславль) – 458 чел. Несомненно, большое количество уроженцев местностей по Оке и Верхней Волге указывает, какое значение имели в передвижении населения речные пути.

Далее идут выходцы из Слободской Украины – 139 чел., к которым следует добавить и украинцев из бывшей Гетманщины – 55 чел. За ними следуют русские казачьи центры: Дон – 47 чел., Яик – 105 чел., Сакмарский городок – 2 чел. Соседний с пограничной линией Уфимский уезд дал 71 чел., преимущественно нерусского происхождения. Север, вместе с Новгородским краем и Прибалтикой представлен 46 выходцами. Своей родной уезды Тамбовского и Воронежского края назвали 50 чел., а Прикамье – 11 чел. Общая картина завершается выходцами из далекой Сибири – 9 чел., Калмыцкой орды – 8 чел., Смоленской земли – 2 чел. и Речи Посполитой – 10 чел.

Таким образом, подавляющее число беглецов на пограничные линии давали города и уезды по Волге (32 %), старые засечные черты волжского Правобережья (20 %), центральные районы страны (21 %). Первые два региона иногда служили только дорогой, по которой проходили беглецы из центра страны. Исходной точкой побега нередко было плавание на волжских судах и вообще отхожие промыслы.

Почти 47 % общего числа казаков (983 чел.) – бывшие дворцовые крестьяне. Значительное бегство с дворцовых земель вызывалось тяжестью государственных налогов и притеснениями в отношении раскольников. Второе место занимают крестьяне церковных учреждений. Их 327 или 15,6 %. Видимо, надзор дворцовых управителей и монастырских приказчиков был недостаточно сильным, чтобы предотвратить побег. С другой стороны, именно крепким надзором следует объяснить сравнительно малое число беглецов из помещичьих крестьян (159 чел. или 7,6 %), хотя их в стране было гораздо больше, чем дворцовых или монастырских. За ними идут (135 чел. – 6,4 %) крестьяне из потомков служилых людей (пахотные солдаты) и ямщики. Выходцы из нерусского земледельческого населения Поволжья и Приуралья составляют 89 чел. (4,2 %), посадские люди – 28 чел. (1,4 %). В количестве 366 чел. представлены природные казаки (17,4 %), как русские с Дона и Яика, так и украинские.

Положение беглеца, скрывавшего свой самовольный уход, было тяжким. Положение укрытого другими было не лучше. Стоило только сказать слово, донести, и беглый крестьянин попадал в критическое положение. Сотники, старосты, посадские люди, духовенство и, наконец, воеводы, принимая и укрывая беглых, получали в свои руки практически даровой труд батраков, которых держали в повиновении угрозой выдачи. Набор в казаки для наиболее смелых из беглецов открывал выход из невыносимого положения. Служба на пограничной линии была тяжела, но давала легальное положение людям, давно его потерявшим, что было для многих желанным концом долгой скитальческой жизни. Для беглого поверстаться в казаки означало приобрести устойчивый социальный статус, а с ним защиту от произвола.

Сведения о казаках в поселениях на юго-восточной границе, полученные по данным переписи 1740 года, могут быть существенно дополнены на основании Табели о состоянии в новопостроенных от Самары до Оренбурга и в других местах крепостях казаках и прочих всякого звания нерегулярных людях (1741 г.)¹⁶⁶ Штатами предусматривалось помещение казаков в 13 крепостях по Самаре и Яику (Красносамарской, Борской, Бузулуцкой, Тоцкой, Сорочинской, Тевкелевой, Переволоцкой, Татищевой, Черноречской, Бердской, Оренбургской, Озерной, Орской). В трех поселениях (Ольшанская крепость на р. Самаре, слободы на рр. Моче и Илеке) жили казаки, которые служили сверх или вне штата. Но и в других крепостях служившие из жалованья казаки составляли только половину количества, положенного по штату. Недостаток людей, положенных по штату, восполнялся за счет казаков, жалованья не получавших. Они обеспечивали себя сами с предоставленных им сельскохозяйственных угодий.

Наряду со служилыми казаками в крепостях находились лица, зачисленные в казаки, но оказавшиеся неспособными к

¹⁶⁶ См.: ГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13; Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997. С. 124–132.

службе, которых стали считать за комплектом. Оставались на новых местах жительства также казаки, которых освобождали от службы за старостью, ранами и болезнями. Значительную часть жителей новых крепостей составили члены семей служащих и неслужащих казаков. Вместе с их женами и обоего пола детьми числились другие родственники и свойственники, а также работники, жившие в этих семьях. Не состоявшие на службе закомплектные и отставные чины, малолетки и женщины были вовлечены в мирное хозяйственное освоение новоприсоединенных территорий.

До поры до времени именно лица, записанные в казачье словосие, независимо от реального отношения к военной службе, пола и возраста, составляли первоначальное оседлое население протяженной полосы земель в Заволжье и Приуралье. Все постоянное население 16 поселков Московской дороги в 1741 г., через пять лет после закладки первых из них, превышало 6 тыс. чел.

Об обживании новоприбранными казаками этих 16 поселков представление дает и число жилых домов, которых там было поставлено более 1,5 тыс. В среднем один дом приходился на 4 жителей.

Для оценки хозяйственного состояния казаков-переселенцев наиболее наглядными из имеющихся в источниках являются сведения о наличии у них скота. Небольшая часть этого скота была получена казаками в счет жалованья. В основном же скот был приведен переселенцами с прежних мест жительства или приобретен на новом месте самостоятельно. В среднем же на один дом (семью, хозяйство) приходилось примерно по одной голове рабочего скота и одной корове, а также до двух голов мелкого скота, который состоял в основном из овец. Общее количество скота в это время у казаков следует признать минимальным для обеспечения себя самым необходимым.

В системе пограничных укреплений Самара заняла наиболее безопасный фланг, что отразилось на составе и на числен-

ности ее гарнизона. Было принято решение о переводе казаков из Самары и Алексеевска в Оренбург¹⁶⁷.

Таким образом, самарские казаки составили основу Оренбургского казачьего войска. Не случайно, что первыми командирами оренбургских казаков также стали выходцы из г. Самары: сначала бывший самарский станичный атаман сотник Матвей Шилов (1744–1748), затем бывший сотник самарских городских дворян (позже войсковой атаман и полковник) Василий Могутов (1748–1778)¹⁶⁸.

Правда, в Самаре вскоре пришлось набирать новую казачью сотню, т. к. преследовать степных грабителей без легкой конницы было нельзя. В 1738 г. самарские казаки разбили и переловили волжских калмыков, ограбивших купеческий обоз, шедший из Самары на Яик. В 1750 г. они отбили у калмыков между Красносамарской и Борской крепостями обоз с товаром на 70 тыс. руб., в т. ч. с 57 пуд. серебра¹⁶⁹. Служба самарских казаков продолжалась также в конвоях при казенных грузах, разъездах вдоль пограничной линии, дальних походах.

Постарались не допустить ослабления воинских сил и в окрестностях. Из Мочинской слободы, в которой более никакой потребности не имелось, поселенных там русских казаков перевели в самарский пригород Алексеевск и г. Ставрополь. Казаков-иноверцев из той же слободы было решено поселить между Алексеевском и Красносамарской крепостью для охраны Московской дороги¹⁷⁰. Новое поселение казаков-мусульман на пограничной линии сохранило имя прежнего их места жительства. Оно продолжало называться Мочинской слободой, хотя стояло теперь не при р. Моче, а на р. Самаре (современное с. Красносамарское).

¹⁶⁷ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция. С. 154–155.

¹⁶⁸ Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Указ. соч. С. 38,424; Кобзов В.С., Шадрин В.М. Указ. соч. С. 36.

¹⁶⁹ История Самарского Поволжья. С. 81.

¹⁷⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 134. Л. 1071 об.–1072.

Численность находившихся на службе казаков в Самаре и в Алексеевске в третьей четверти XVIII в. составляла до ста человек в каждом из этих населенных пунктов. В Мочинской слободе на казачьей службе находились более 50 чел.¹⁷¹

В крепостях по р. Самаре выше Мочинской слободы к 1772 г. состояло на службе: в Красносамарской – 50 чел.; Борской – 0; Ольшанской – 50; Бузулуцкой – 71; Тоцкой – 50; Сорочинской – 50; Новосергиевской – 49; Переволоцкой – 45. Всего в этих крепостях на казачьей службе было 415 чел., а численность всех казаков мужского пола была около 1200 чел. К ним можно добавить ставропольских казаков, которых находилось на службе в начале 1770-х гг. 34 чел., а в начале следующего десятилетия – 29 чел.¹⁷²

Казаки Самарского края занимались хлебопашеством и скотоводством, промыслами и торговлей, мало отличаясь по своим занятиям от посадских людей. Некоторые из них переходили в городские сословия. В 1768 г. оренбургский губернатор подписал приказ, по которому пятнадцатилетний «самарский казак малолеток» А. Хопренинов переводился в купеческое сословие, т. к. имел оборотного капитала более чем на 1000 руб. и желал устроить мыльный и кожевенный заводы, а потому было признано, что купцом он будет более полезен, чем казаком¹⁷³. У богатых казачьих командиров имелись даже крепостные. Так, атаман самарских казаков А. Углицкий в 1763–1764 гг. купил 7 дворовых людей¹⁷⁴.

Несмотря на административные преобразования в конце XVIII – начале XIX в., казаки Заволжья с их землями остались вне ведения гражданских властей, подчиняясь непосредственно военному начальству в Оренбурге. Это население делилось на кантоны, расписание которых было составлено в 1798 г. Кантоны делились на станицы, которые здесь не были отдель-

¹⁷¹ Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1907. Вып. VII. С. 185.

¹⁷² Там же. С. 185, 247.

¹⁷³ Там же. С. 144–145.

¹⁷⁴ История Самарского Поволжья. С. 138.

ными поселениями, а являлись казачьими общинами в общих местах жительства с горожанами и крестьянами. Крещеные же калмыки в военно-административном отношении распределялись по ротам или улусам.

Однако потеря линией оборонительного значения делала земли по р. Самаре привлекательными для лиц неслужилого происхождения, а удержание их за казаками утратило военную необходимость. Попытки казаков и калмыков отстоять исключительное право на владение землями и угодьями по Самарской линии больше не встречали понимания у властей¹⁷⁵. Выселение казаков отсюда на новую пограничную линию далеко на восток началось в 1838–1839 гг. и продолжилось по указу 1841 г. Та же участь постигла крещеных ставропольских калмыков, включенных в Оренбургское казачье войско.

Главная причина ликвидации иррегулярных войск в Самарском крае заключалась в поисках территорий для новых крестьян-переселенцев. Одна ликвидация калмыцкого войска отдавала под земледельческое освоение территорию более чем в четверть миллиона десятин¹⁷⁶.

Формально за казаками внутренних кантонов числилось 716 772 дес., поступавших в казну¹⁷⁷. На самом же деле их выселение давало гораздо меньше земли для новопоселенцев, чем могло показаться на первый взгляд. Указанные площади еще до вывода казаков осваивались и другими группами населения.

Земли казаков Самары и Алексеевска, которые составляли 56,5 тыс. десятин¹⁷⁸, весьма длительное время совместно использовались вместе с другими категориями горожан и

¹⁷⁵ См.: Смирнов Ю.Н. Ликвидация иррегулярных войск на территории Самарского края и заселение их земель в первой половине XIX века // Самарский земский сборник. 1999. № 1.

¹⁷⁶ Материалы для статистики. С. 57–58; РГИА. Ф. 383. Оп. 9. Д. 7674. Л. 50.

¹⁷⁷ Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1900. Вып. 7. С. 72.

¹⁷⁸ ГАОО. Ф. 18. Оп. 2. Д. 31. Л. 6 об.

являлись предметом не менее долгих, но бесплодных судебных тяжб по их разделу¹⁷⁹. Близость к городу способствовала наличию большого числа желающих воспользоваться этим удобным местоположением.

Обширные по территории отводы под другие крепости Самарской линии уже издавна использовались для чересполосного наделения угодьями не только казаков, но и проживавших по линии крестьян, отставных солдат. На отводах Мочинской слободы и семи крепостей по р. Самаре (от Красносамарской до Новосергиевской) к 1840 г. расселилось, кроме восьми вышеперечисленных старинных поселков, еще 56 казенных селений¹⁸⁰. Ни в одном из этих новых селений не было казаков, а в старых поселках при крепостях те проживали и пользовались угодьями совместно с другими сословными группами населения. В ближайших к Самаре крепостях это соотношение выглядело следующим образом (табл. 1).

Таким образом, даже в немногих собственно казачьих селениях значительная часть угодий уже перешла в руки представителей иных сословий, в основном, государственных крестьян и отставных солдат. Еще больше этих угодий оказалась под новыми крестьянскими поселениями. 50 из 56 упомянутых селений были основаны в отводах вышеназванных Красносамарской, Борской и Ольшанской крепостей и лишь 6 остальных – в отводах остальных крепостей Самарской линии от Бузулука до Новосергиевской.

¹⁷⁹ См.: Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1914. Вып. 30.

¹⁸⁰ Здесь и ниже в таблице подсчитано по: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 414. Оп. 1. Д. 330.

Население крепостей и слобод

Сословия		Крепости и слободы				
		Мочинская	Красносамарская	Борская	Ольшанская	Всего
Казаки	м.п.	529	210	343	384	1466
	ж.п.	609	220	367	385	1581
	итого	1138	430	710	769	3047
Прочие сословия	м.п.	10	67	502	426	1005
	ж.п.	18	80	507	424	1029
	итого	28	147	1009	850	2034
Всех жителей	м.п.	539	277	845	810	2471
	ж.п.	627	300	874	809	2610
	итого	1166	577	1719	1619	5081
Доля казаков в %		97,6	74,5	41,3	47,5	60,0

Всего во всех 56 селах и деревнях было водворено 45 792 человека (22 771 душ м.п., 23 021 душ ж.п.). В основном это были государственные крестьяне различных сословных групп, а также небольшое число отставных солдат. Вместе с проживавшими в самих бывших крепостях данные категории жителей по численности сравнивались с количеством казаков и членов их семей. Выселение казаков разрежало чересполосицу в уже существующих поселках, облегчало там земельные недостатки, возникающие в результате естественного прироста жителей и продолжавшихся переселений из других мест.

Дальнейшие судьбы оренбургского казачества со второй половины XIX в. почти исключительно оказались привязаны к землям Урала и Зауралья. Его тесная связь с Поволжьем осталась достоянием истории.

2.2. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ПОВОЛЖЬЯ И ИХ УЧАСТИЕ В УЛОЖЕННОЙ КОМИССИИ ЕКАТЕРИНЫ II

Наиболее многочисленной сословной группой обитателей Поволжья были государственные крестьяне. В 1760-е гг. их общая численность в Поволжье достигала 530 тыс. душ муж. пола, что составляло почти половину всех поволжских крестьян (до 1,1 млн душ муж. пола), около трети всех российских государственных крестьян (св. 1,8 млн душ муж. пола) или 7 % всего крестьянства России в границах проведения 3-й ревизии податного населения (7263,5 тыс. душ муж. пола)¹⁸¹.

Важным событием эпохи Екатерины II стала работа представительного законосовещательного органа, созданного для составления нового Уложения – свода законов, а потому названного Уложенной комиссией. Крестьянские указы депутатам комиссии являются ценным историческим источником. Интерес к работе Уложенной комиссии в науке всегда был велик и до сих пор только возрастает в связи с повышенным вниманием к традициям и опыту представительных учреждений и самоуправления в России.

На основании законодательных актов 14 декабря 1766 г. крестьянские депутаты избирались по одному от каждой провинции. Там, где провинциальное деление отсутствовало, а значительные группы крестьян проживали в городах, представители от них избирались по норме, предусмотренной для горожан – один депутат от каждого города. По административному делению середины XVIII в. земледельческое население

¹⁸¹ Подсчитано по: Перепись населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1648–1858). Вып. III. М., 1972.

ние, принадлежавшее к государственным крестьянам, проживало на территории Поволжья и Заволжья в Пензенской, Казанской, Симбирской, Свияжской провинциях Казанской губернии, Алатырской провинции Нижегородской губернии и Ставропольской провинции Оренбургской губернии, а также на севере Астраханской губернии в Саратове, Дмитриевске, Царицыне.

Своих депутатов должны были избирать отдельные сословные категории государственных крестьян: 1) однодворцы, 2) пахотные солдаты и прочие потомки «старых служб служилых людей», 3) русские черносошные и ясачные крестьяне, 4) крещеные и некрещеные «некочующие народы» (каждый народ – особо, христиане и «иноверцы» – отдельно друг от друга), 5) приписные к заводам. Всего многообразия сословных, национальных и конфессиональных групп крестьян это деление не учитывало. В ходе выборов и составления наказов в силу местных условий происходило как объединение различных категорий государственных крестьян в одно избирательное общество, так и появление новых разрядов избирателей, не предусмотренных в законе. В любом случае помещичьи, дворцовые, экономические крестьяне были отстранены от выборов.

С учетом территориального и сословного деления, этнического и конфессионального разнообразия в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. было избрано 42 депутата от поволжского крестьянства. Они представили в Комиссию 117 наказов избирателей¹⁸².

В число депутатов Уложенной комиссии от государственных крестьян Поволжья вошли новокрещены из разных народов – 11 чел., некрещеные ясачные люди – 6, служилые мурзы и татары – 5, пахотные солдаты – 5, однодворцы – 5, ясачные русские крестьяне – 4, приписные к заводам – 3, черносошные – 2, «непомнящие родства» – 1. Кроме того, крестьяне региона приняли участие в выборах еще 5 депутатов из других

¹⁸² Здесь и далее наказы подсчитаны и цитируются по: РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. 16; Д. 227. Ч. III–VI; Д. 232, 242.

сословий – отставных военнoслужажих и горожан. Крестьяне Казанской провинции приняли участие в выборах 16 депутатов и составили для них 16 наказов, Свияжской провинции – 7 депутатов и 31 наказ, Симбирской – соответственно 6 и 7, Пензенской – 5 и 20, Алатырской – 5 и 9, Ставропольской – 4 и 30, от городов севера Астраханской губернии – 4 и 4.

Национальный состав 42 крестьянских депутатов выглядел следующим образом: русские – 20 чел., татары – 9, чуваша – 5, мордва – 4, марийцы и удмурты – по 2. Национальная принадлежность депутата не говорит об этнической однородности его избирателей. 8 крестьянских депутатов Поволжья, т. е. почти пятая часть, были избраны от разных народов. В обстановке постоянных контактов территориальных и этнических общин, усилившихся во время выборов депутатов, происходила выработка схожих и общих требований, которые соответствовали социальным интересам всех государственных крестьян как региона, так и России.

Главное место в наказах занимали вопросы обеспечения крестьян земельными сельскохозяйственными угодьями. Они поднимались практически во всех поволжских наказах (в 110 из 117). Земельные вопросы были представлены в виде изложения «нужд» – жалоб, а также облечены в форму предложений по изменению законодательства или практики его применения.

В большинстве этих наказов (65) имелось в той или иной форме прямое указание на малоземелье. Это может вызвать недоумение, поскольку в этом районе интенсивное освоение и колонизационные процессы продолжались не только в XVIII, но и в следующем столетии. Однако указы и другие источники дают вполне понятные объяснения такому факту.

В качестве причин недостатка земель особенно часто назывались захваты земель государственных крестьян помещиками, о чем сообщали 28 наказов. Это были не просто рядовые межевые споры и обиды:

1. Наступление дворян на крестьянские земли имело массовый характер. Четыре деревни в ведомстве Бугульминской

земской конторы Ставропольской провинции (Семенова, Каменка, Клявлино, Ст. Резяпина), как сообщает их наказ, были заселены выходцами из 14 чувашских деревень Симбирского и Свияжского уездов, жители которых покинули свои родные селения из-за того, что их землю захватили помещики. В списке обидчиков перечислены 8 владельцев: И.Е. и С.Е. Кротковы, И.А. Ахматов, Н.Н. Кудрявцев, П.А. Бекетов, И.Т. Бабарыкин, гр. Шувалов и гр. Р.К. Воронцов. В Алатырской провинции черносошная Сергачская волость, по свидетельству ее наказа, оказалась буквально в дворянской осаде. Земли живших в этой волости крестьян расхищали соседние помещики А.И. Нармоцкий, С. М. и С. Н. Болтины, А.Б. Бутурлин, А.Д. Голицын, Л. Н. и Д. Н. Болтины, И.Е. Кротков, кн. Дадиян и др. Представители рода Нармоцких «отличились» в захватах земель государственных крестьян и в Казанском уезде, о чем свидетельствуют многочисленные жалобы, поданные в 50–60-е гг. XVIII в. в губернскую канцелярию¹⁸³ и комиссию Свечина¹⁸⁴. Перечень помещичьих захватов у соседнего села Можаровский Майдан, где жили приписные к Адмиралтейству русские крестьяне, был лишь немногим короче. Сопrotивление крестьян домогательствам одного из помещиков, Я.М. Долбилова, было подавлено властями. Воинская команда, направленная в село, арестовала старосту, выборного и более двадцати рядовых крестьян, которых «морили в тюрьме шесть месяцев».

2. Захваты достигали настолько крупных размеров, что наносили серьезный ущерб крестьянам даже в многоземельных новоосваиваемых местах. Только на одного помещика Т.В. Куроедова имеются жалобы сразу в трех наказах новокрещен Бугульминского ведомства. У деревень Кирюшкиной и Куштайкиной он захватил земли и угодий «вокруг верст на одиннадцать», у д. Ибрайкиной «версты на три». При попустительстве властей отставной капитан С. Кротков отнял у жителей чувашской д. Ганькиной «купленной и ограничен-

¹⁸³ РГАДА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 105, 106, 108 и др.

¹⁸⁴ Там же. Ф. 248. Д. 545. Л. 717.

ной земли с лесом и санными покосами... длиною пятнадцать верст, а шириною то ж число», свез к себе «сена накошенного пятьсот стогов». Караульщики Кроткова угоняли скотину чувашских крестьян, пасшуюся не только в поле, но под самой деревенской околицей, а за ее возврат брали дорогой выкуп.

3. Особенно болезненны были захваты недавних целинных земель, поднятых крестьянами с огромными трудовыми затратами. Так, сведения одного из мордовских наказов Бугульминского ведомства подтверждаются и дополняются сохранившимся судебным делом. В 1765 г. статский советник Арнаутов попытался согнать с земли жителей новопоселенной деревни Сок Камышлы (Борисовой), «разведав о удобстве мест» и узнав, что «дикопорослая земля» крестьянами была «распахана и ко посеву удобрена»¹⁸⁵. Будучи на службе в губернской канцелярии, Арнаутов оформил документы, по которым земля, кормившая уже 285 крестьян мужского пола, а еще женщин и детей, была представлена как «пустопорозжая» и передавалась ему. Крестьянам же предлагалось переселиться «в другие места», заведомо неудобные. В действительности же земля была занята новокрещеными под поселение с ведома и разрешения властей. До той поры, пока уже освоенные уголья деревни не приглянулись Арнаутову, никаких препятствий в ее существовании не находилось. Об этом свидетельствуют сказки третьей ревизии 1762–1764 гг., по которым в подушный оклад «в новозаводимую деревню на речке Сок Камышле между деревни Сок Кармалы и Бугульминской Болшей слободы» были записаны переселенцы из Симбирского, Пензенского, Казанского уездов. Поддерживая влиятельного в губернии чиновника, власти прибегли к арестам протестовавших крестьян, описи их скота и имущества, фабрикации уголовных дел. Основатель («заводчик») этой деревни Борис Алексеев скрылся от преследования, добрался до Петербурга, где сумел добиться рассмотрения данного дела в Сенате. Там приняли компромиссное решение о размежевании спорной земли

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 248. Д. 3620. Л. 630.

между государственными крестьянами и помещиком¹⁸⁶, хотя частичный успех крестьян в борьбе с помещичьей алчностью в судах случался редко.

Вообще на действия местных властей, судей и чиновников как причины малоземелья есть жалобы в 31 наказе. Из них в 9 наказах говорится о ненаделении или недостаточном наделении крестьян землями, в 11 – об изъятии земель из пользования крестьян в казну или передаче их властями посторонним владельцам, в 7 – об отмежевании этих земель под поселение иностранных колонистов, а в некоторых – также об отводе земель под заводы, дороги, чужие выгоны.

Особенно тяжело приходилось тем крестьянам, у которых не было других земель, кроме оброчных (т.е. взятых в аренду), на что жаловались составители 5 наказов. Резкое недовольство вызывал платеж за оброчные земли, изъятые в казну из самих же крестьянских дач, о чем говорилось в 7 наказах.

Крестьяне жаловались на то, что из-за недостатка земли им приходится снимать «дорогою ценою» у других владельцев пашню (8 наказов), сенокосы и выгоны (8 наказов), усадьбы (2 наказа). Однако для Поволжья был характерен не только наем земли крестьянами, но и официальная покупка. Последнее было не свойственно для поземельных отношений в центральных районах страны, хотя практиковалось на Русском Севере. В 12 поволжских наказах говорилось о вынужденной покупке земли, а в 15 наказах – о вынужденном переселении на новые места как способах спасения от малоземелья.

Еще в 12 наказах крестьяне жаловались на суды и администрацию, которые не удовлетворяли их исков и просьб по земельным спорам. В наказе ясачных крестьян Симбирского и Сызранского уездов, словно обобщающем эти жалобы, было четко указано, что все помещичьи захваты осуществляются только потому, что им потворствуют власти и судьи. Если б в своих жалобах крестьяне находили у судей «удовольствие»,

¹⁸⁶ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX в. С. 151–152.

говорилось в наказе, «то б они, помещики... землями нашими дачами с угодьями владеть и в протчем нас обижать не отваживались». В этом наказе был достигнут достаточно высокий уровень обобщения и осознания связи между интересами дворян и деятельностью государственных органов.

Справедливость наказа ясачных симбирских и сызранских крестьян, как и других крестьянских наказов, подтверждают дела местных учреждений по земельным конфликтам. Выделим из них те, которые связаны с помещиками Есиповыми, поскольку один их них, П.В. Есипов, служил в 1767 г. казанским прокурором и был избран депутатом от казанского дворянства в Уложенную комиссию. На протяжении десятков лет ясачные крестьяне вели тяжбы сначала с отцом указанного депутата, а потом с его братом, о чем свидетельствуют дела Казанской губернской¹⁸⁷ и Симбирской провинциальной канцелярий¹⁸⁸. На этом примере хорошо видно, что жалобы крестьянских наказов должны были задеть не только общесловные, но и личные интересы дворян-депутатов Уложенной комиссии.

Без успеха перепробовав различные способы улучшить свое земельное обеспечение в рамках существующих порядков и действующего законодательства, государственные крестьяне Поволжья выдвинули целый ряд предложений в надежде на то, что они будут включены в новое Уложение. Такие предложения по пахотным и сенокосным угодьям были сформулированы в 47 наказах.

Обилие предложений по изменению законодательства отражало еще одну особенность поволжского региона – многообразие форм землевладения и землепользования государственных крестьян разных сословных, этнических и конфессиональных групп. В этой запутанной картине общинного землепользования ясачных крестьян и иноверцев, семейных наследственных наделов однодворцев и других потомков рус-

¹⁸⁷ Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 1203. Оп. 2. Д. 10.

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 443. Оп. 2. Д. 101, 102.

ских служилых людей, отголосков вотчинного права у выходцев из служилых мурз, татар и мордвы хорошо ориентировались те же помещики. Последние осуществляли земельные захваты нередко под «легальным» прикрытием покупки земель у деревенских бедняков и маргиналов с последующим притеснением и вытеснением остальных, оказавшихся с ними в одной даче.

Соответственно в 9 наказах содержались требования утвердить или оградить в законах право государственных крестьян на владение землей, в 7 наказах предлагалось вернуть им насильно захваченные земли, а в 3 наказах выражалась надежда на получение компенсации за земли, взятые властями из прежних крестьянских отводов и переданные другим владельцам. По мнению составителей 5 наказов, следовало вернуть крестьянам земли, изъятые в казну, выморочные и отведенные иностранным колонистам. Требование запретить участие посторонних владельцев в дачах государственных крестьян, свести помещичьих крестьян из этих дач встречается в 9 наказах. В 4 наказах содержалось требование аннулировать незаконные земельные покупки помещиками крестьянских земель, а в 5 наказах была высказана просьба подтвердить постоянно нарушавшиеся запреты на покупку дворянами земель однодворцев и старых служб служилых людей, ясачных крестьян, некрещеных мурз и татар.

В наиболее обобщенном виде эти предложения сформулировали провинциальные указы свияжских и казанских служилых мурз и татар. Те требовали, чтобы «русскими помещиками захваченные земли... по-прежнему в наше иноверческое владение отдать». Также они предлагали вообще отобрать у помещиков земли «сверх крепостей», тем самым подвергая критике Межевую инструкцию, вышедшую в 1766 г., которая в интересах дворян провозглашала отказ от «редукции» – проверки земельных документов. В своих наказах составители требовали вернуть и те земли, которые дворяне получили «по купчим от новокрещенных из нас иноверцев», ссылаясь на указ от 21 октября 1737 г., запрещавший помещикам поку-

пать «однодворческие и иноверческие земли». Продажа земли потомками служилых людей беспокоила и ясачных татар, поскольку те и другие часто проживали в одних дачах. Они в своем наказе просили впредь не разрешать помещикам покупать земли и прочие угодья у служилых новокрещен, если те состоят в одних дачах с ясачными людьми.

Были и другие предложения по исправлению законодательства и правоприменения в интересах крестьянского землевладения и землепользования. В 8 наказах содержалось требование снять оброк с казенных земель, которыми пользуются крестьяне, и тем самым сравнять их по статусу с землями, находящимися в крестьянском владении. В 8 наказах крестьяне требовали увеличить их наделы до «пропорции» Межевой инструкции (15 дес. на душу муж. пола). Если «по близости» не было земли для наделения, то предлагалось разрешить крестьянам свободное переселение. Одновременно крестьяне выступали против продолжавшегося изъятия их земли казной, требовали прекратить отвод земли под поселение колонистов и не отнимать у них землю при превышении в крестьянских наделах 15-десятиной «пропорции». Они также просили не запрещать расчищать под пашню лес.

В силу важности лесных угодий для нормального функционирования крестьянского хозяйства этот вопрос выделяется в наказах, как правило, в отдельные пункты. Специально вопросы о лесе были подняты в 76 наказах, т. е. почти в 2/3 всех наказов государственного крестьянства региона. Одной из главных причин лесных «недостатков» являлись захваты крестьянских лесов и самовольные порубки в них со стороны помещиков, чиновников, купцов, фабрикантов и заводчиков, о чем говорится в 21 наказе. Еще в 8 наказах крестьяне жаловались, что дворяне и купцы не допускают их до пользования общими лесными дачами. Еще чаще встречаются (в 29 наказах) жалобы на законодательство и действия властей как на причину крестьянских «недостатков» в лесе.

Требования по вопросу о лесе были сформулированы в 37 наказах. Прежде всего, в 21 наказе крестьяне спрашивали

дозволения использовать на свои нужды негодный к корабельному строению заповедный лес. В ряде наказов такое дозволение рассматривается как мера, которая сделает ненужным надзор со стороны властей, поэтому требование отмены должности вальдмейстера вообще или в отдельном районе 7 раз встречается в наказах, а просьба передать надзор за лесом крестьянским обществам встречается 8 раз. 9 наказов содержали требование об отмене штрафа с крестьянских обществ за порубку заповедного леса, если отыщется конкретный ее виновник. Чтобы пресечь возможность захватов крестьянских лесных дач, крестьяне просили размежевать леса, запретить помещикам въезд в чужие леса под каким бы то ни было предлогом, взыскивать с помещиков штрафы за порубки в крестьянских дачах, запретить вырубать общие леса промышленникам на вывоз в другие города. В 5 наказах содержалось требование, чтобы жители лесных районов, в т. ч. помещики и заводчики, не запрещали въезжать в казенные леса государственным крестьянам, проживавшим в степных безлесных местах.

Требования по вопросу об оброчных водных угодьях были выдвинуты в 20 наказах, т. е. более чем в половине из поднимавших этот вопрос. В 12 наказах предлагалось снять платежи с «пустовых» оброчных статей, в шести – не повышать оброчные платежи, в двух – не взыскивать по ним недоимки. Наказы предусматривали также меры, ограждавшие переход оброчных водных угодий к другим владельцам. В шести наказах содержалось требование передать все оброчные статьи (реки и озера), находящиеся в крестьянских дачах, самим крестьянам-владельцам дач.

В 18 наказах затрагивались условия торговой и ремесленной деятельности крестьян. В них содержались выступления против сословных ограничений на занятие этими видами деятельности, все они выходили за рамки Таможенного устава 1755 г., хотя и в разной степени.

В 14 наказах поднимался вопрос об условиях отхода на заработки и найма рабочей силы, в 12 – о займах и долговых

обязательствах. Многие предложения были направлены на освобождение труда заводских и транспортных работников от черт средневековой кабалы.

Важнейшим проблемой социально-правового положения, затронутой в 96 наказах, были налоги и повинности государственных крестьян. Наибольшее недовольство вызывало взимание подушного оклада и других повинностей с нетрудоспособных и «убылых» душ. В наказах также встречались требования об облегчении рекрутской повинности, отмены или ограничения различных натуральных повинностей и денежных налогов.

Тема суда, в том числе по имущественным спорам, поднималась в 34 наказах. Наряду с предложениями о частичной реорганизации судебной системы выдвигались и более последовательные требования учреждения крестьянских судов, независимых от администрации. Собственно жалобы на действия органов власти встречаются в 21 наказе.

В вопросах защиты прав отдельных сословных групп государственных крестьян (14 наказов) и о беглых (5 наказов) преобладали выступления против сословного неполноправия и отдельных сторон крепостничества. В 17 наказах поднималась тема насильственной христианизации народов Поволжья, хотя ни в одном из них не проявилась и не упоминалась религиозная рознь между самими крестьянами.

Во многих наказах поволжских крестьян были выдвинуты конкретные предложения по изменению действующего законодательства и практики управления. Не считая собственно жалоб, сформулированные требования к Уложенной комиссии по вопросу о земле и угодьях встречаются 200 раз в 58 наказах, по вопросам торговли, найма, заемных обязательств – 50 раз в 22 наказах. Требования относительно податной и налоговой политики выдвигаются 158 раз в 45 наказах, а по всем прочим административным и правовым вопросам положения государственных крестьян – 166 раз в 37 наказах. Всего конкретные предложения выдвигались 575 раз в 77 наказах,

то есть в $\frac{2}{3}$ всех наказов крестьян Поволжья. В среднем на каждый из 77 наказов приходилось 7,5 предложений.

Таким образом, в наказах государственных крестьян Поволжья были затронуты важные и острые вопросы их жизни и хозяйственной деятельности. Главными из них стали защита крестьянских земель и угодий от помещичьих захватов и произвола чиновников, ограничение роста и уменьшение тягот налогов и податей, расширение прав крестьян в сферах использования природных ресурсов, торговли, найма рабочей силы и др.

К сожалению, активность составителей крестьянских наказов и их представителей в Уложенной комиссии оказалась безрезультатной. Предлагаемые в этих наказах решения оказались неприемлемыми для самодержавия, дворянства и чиновничества.

Не став памятником истории российского законодательства, указы государственных крестьян Поволжья остаются ценным источником по самым различным вопросам жизни региона в XVIII в. Обращая особое внимание на вопрос об обеспеченности пашенными и сенокосными угодьями, составители наказов оставили интересные свидетельства о состоянии и особенностях крестьянского землевладения и землепользования в регионе. Наиболее примечательной из этих особенностей можно считать наличие многочисленных сословных, этнических и конфессиональных групп, отличавшихся по формам землевладения и способам землепользования, что имело глубокие исторические корни. Другая важная особенность региона, напротив, обеспечивала тенденцию к консолидации государственного крестьянства Поволжья. Она заключалась в противостоянии росту помещичьего землевладения, продолжавшегося за счет силовых или «легальных» способов отъема крестьянских земель, в поиске средств противодействия политике и мероприятиям властей, задевавшим интересы всех государственных крестьян.

2.3. КРЕПОСТНАЯ ВОТЧИНА В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ И ЕЕ РОЛЬ В ОСВОЕНИИ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ

Если на Правобережье Волги процесс формирования дворянского землевладения и крупных крепостных вотчин развернулся еще в XVII в., то в районах нового освоения помещики обосновывались по мере ликвидации угрозы от кочевых набегов и укрепления власти, способной бороться с побегами и другими проявлениями недовольства крестьян. Кроме того, до 1736 г. действовал закон, запрещавший покупать и продавать башкирские земли. После его отмены земледельческое освоение северо-восточных и восточных районов Самарского Заволжья пошло быстрее. Башкиры уступали земли своих дальних охотничьих угодий и кочевий. Часть была продана государственным крестьянам, но в основном эти земли скупались у башкир за бесценок помещиками.

К примеру, в 1755 г. капитан И.П. Толстой приобрел у башкир Уфимского уезда земли по реке Кинелю и ее притокам окружностью в 250 верст всего за 40 рублей. В 1766 г. он перепродал из нее только часть (22300 дес.) уже за 1000 рублей семье помещиков Хилковых, поселивших там свое село Архангельское, Хилково тож (в современном Красноярском районе)¹⁸⁹.

Дворянское землевладение в крае расширилось также в результате царских пожалований, распродажи участков вдоль потерявших свое военное значение укрепленных линий и засечных черт, признания за помещиками самовольно занятых угодий. В свои новые земельные владения помещики активно переводили крепостных из менее плодородных и малообеспеченных угодьями районов страны.

«В новопоселенном сельце Успенском, Кротовка тож» надворный советник И.Е. Кротков разместил 29 душ муж. пола из Пензенского уезда, полученных в приданое за его женой. Недалеко, «в деревне новопоселенной Липовке», обосновались сразу 9 мелких помещиков (отставные сержанты, капралы,

¹⁸⁹ РГАДА. Ф. 1336. Оп. 2. Ч. III. Д. 3750. Л. 136, 151, 152 об., 167.

гренадеры, драгуны), переведя сюда каждый от 2 до 7 душ муж. пола из Симбирского, Казанского, Рязского, Ярославского уездов. В той же Липовке с ними соседствовали однодворцы из Симбирского, Пензенского, Казанского, Алаторского уездов. У некоторых из них были собственные дворовые люди и крепостные крестьяне, которых поселили здесь же¹⁹⁰.

Не останавливались дворяне и перед незаконным приемом беглых. Большинство поселенцев Старого Буяна, владения майора Г.Я. Дмитриева, составляли крестьяне разных помещиков, ушедшие от своих хозяев. Последние, даже разыскав их, предпочли не возвращать ненадежных подданных на прежнее место жительства, а оформить их продажу Дмитриеву. Беглые вновь стали крепостными, но другого хозяина. Таким образом, помещичья колонизация, поощряемая правительством, сопровождалась распространением и укреплением крепостничества.

Некоторые помещичьи селения возникали на землях, захваченных дворянами у государственных крестьян. В середине XVIII в. обидчиком жителей д. Саперкиной оказался князь Дадиян, занявший часть их земель под угодья двух своих новых селений, Исаклов и Багряша (в современном Исаклинский районе). В 1762 г. С. Е. Кротков отнял у крестьян из Староганькина их «купленной и ограненной земли с лесом и с санными покосы ... длиною пятнатцать верст», в том числе «распаханой ... триста пятнатцать загонов, сена накошенова пятьсот стогов». На этой земле «реченой помещик Кротков поселил ... крестьян своих деревню дворов до тритцати» (современное Кротково в Похвистневском районе)¹⁹¹.

Участие в освоении и заселении Заволжья принимали также вотчинники–монастыри и дворцовое ведомство, через которое осуществляли свои вотчинные права крупнейшие землевладельцы России – царь и члены его семьи. В 1733 г. управ-

¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 3351. Л. 45–50 об., 77.

¹⁹¹ Артамонова Л.М. Основание селений Самарского края по крестьянским наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. и по устным преданиям // Самарский земский сборник. 1998. № 1. С. 27–28.

ляющим Усольской вотчины Савво-Сторожевского монастыря М. Богдановым, по указанию архимандрита Симона, была поселена «деревня Красноборская, что при Куньей Волошке». Деревня эта «первоначально было не что иное, как хутора нескольких богатых крестьян из Усоля, Жигулей, Валов, разбросанные по берегу Волги» на довольно значительных расстояниях друг от друга. Хутора валовских переселенцев стояли именно на том самом месте, что было отведено под новый город Ставрополь. «Когда это место нужно было правительству отвести под поселение калмыков, тогда одни из крестьян приписались к городу, а другие соединились в один нераздельный хутор», образовав деревню, за которой закрепилось название Русской Борковки¹⁹².

Все же до последней четверти XVIII в. распространение помещичьего землевладения в Заволжье происходило относительно медленно. Дворянские вотчины имелись только в северных и приволжских районах края. На рубеже XVIII – XIX в. дворянское землевладение интенсивно расширяется уже не только в лесостепной зоне, но и в Степном Заволжье. Помещичье землевладение росло не только за счет покупок земель или царских пожалований, но и прямых захватов, которые затем утверждались в ходе Генерального межевания.

Проведение Генерального межевания стало важнейшей акцией правительства, необходимой для упорядочения землевладения, разрешения споров по поводу сельскохозяйственных угодий, поощрения к заселению и освоению новых территорий. В 1797 г. было объявлено о начале Генерального межевания в Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерниях в полном масштабе.

В отношении казенных крестьян Межевая инструкция устанавливала 15-десятинную «пропорцию» на душу мужского пола, сверх которой угодья из их пользования изымались. Последнее часто происходило во вновь заселяемых районах, где вольные переселенцы занимали большие площади свобод-

¹⁹² Научный архив Русского географического общества (далее – НА РГО). Раз. № XXXVII. Д. 39. С. 32–33; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 611. Л. 174 об.

ных земель. Так, при межевании у государственных крестьян села Титовки с окрестными деревнями и деревни Липяги было отрезано соответственно 11 тыс. и 3,5 тыс. дес. пахотной земли и покосов.

Пострадали и некоторые, как правило, не очень состоятельные помещики, которые, захватив свободные земли, не смогли их освоить и заселить, а потому вынуждено отдавали казне как «излишне присвоенные». В окрестностях Самары подобные потери понесли помещики Молостов и Стромиллова. У последней, владевшей деревней Подстепновкой, где было поселено всего 2 крестьянских двора и 20 жителей, отрезали в казну более 500 дес.¹⁹³

Однако у крупных помещиков было достаточно возможностей, чтобы сохранить излишне занятые земли если не в судебном, то в явочном порядке. Чтобы продолжать ими пользоваться, необходимо было не допустить освоения их переселенцами. Так поступили «господа Самарин и Урусов», которые «по усильствам своим... наглостью согнали» деревню на р. Чагре при устье р. Черненькой, где в 1796 г. поселились 673 переселенца из Тамбовской, Пензенской и Саратовской губерний. Несмотря на то, что эта земля была отчуждена от помещиков в казенное ведомство, а у новоселов было разрешение на переход от Саратовской казенной палаты, и хотя Вольский и Хвалынский нижние земские суды поддержали их, крестьянам ничего не осталось, как возвратиться на прежнее место жительства или подселиться в существующие заволжские поселки. При этом переселенцы понесли большие убытки, поскольку у них были разрушены строения, отнят скот и имущество на 3600 руб. «в виде буйственном тех господ управителей, их крестьян вооруженною рукою»¹⁹⁴.

В тех случаях, когда применение силы было неуместным, использовались другие способы сохранения за собой отрезанных в казну земель. В 1801 г. М.П. Искрицкому было пожало-

¹⁹³ РГАДА. Ф. 1336. Оп. 1. Д. 1038–1040.

¹⁹⁴ Российский государственный исторический архив (далее–РГИА). Ф. 1285. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–4 об., 25 и об.

вано более чем 15 тыс. десятин, отрезанных в ходе межевания у Самариных, а также у их соседей Урусовых, Кокошкиных и княгини Голицыной. Ни Искрицкий, ни его наследники не сумели освоить эту землю и заселить ее своими крепостными. Она попала в аренду к крестьянам Самариных, была включена в хозяйственный оборот, а в 1833 г. Ф. В. Самарин выкупил ее окончательно у номинальных владельцев за 28 тыс. руб.¹⁹⁵ Вообще крупные землевладельцы гораздо чаще использовали Генеральное межевание с выгодой для себя, нежели терпели в ходе него какой-либо урон.

Почти каждый из этих крупных помещиков имел благоприятную для организации переселений связь из землевладений на правобережье и за Волгой. Подобным образом поступали, избавляясь от земельной тесноты и чересполосицы в местах давнего освоения, представители многих дворянских семей, которые старались обзавестись завожскими целинными угодьями. Так, в 20 верстах от Сызрани располагалась дача села Репьевки с деревнями Ратовкой, Матруниной и Васильевкой. По данным Генерального межевания, 425 дворов и 3 тыс. крепостных принадлежали здесь 14 помещикам. Из них на долю статского советника В.Б. Бестужева приходилось 166 дворов и 1,1 тыс. крестьян. В этой ситуации на другом берегу Волги им были поселены собственные деревни Бестужевка и Якобьевка, в которых числилось 30 дворов, более 200 крестьян и имелось достаточно земли для дальнейших переселений¹⁹⁶.

Возникали и другие крупные имения. В Бузулукском уезде из 100 семей помещиков большинство владело от 100 до 500 крепостных. А у знаменитого поэта и видного государственного деятеля Г.Р. Державина в этом уезде («как в жалованных землях покойному родителю моему, так и в купленных покойною матерью моею и собственно мною самим») в 4 селах и деревнях по р. Кутулуку насчитывалось около 900 крепостных.

¹⁹⁵ Государственный архив Ульяновской области (далее—ГАУО). Ф. 156. Оп. 1. Д. 182. Л. 1, 3, 45, 73.

¹⁹⁶ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1425. Л. 40 об. – 42; Д. 1432. Л. 104 об., 107, 125–130.

На северо-востоке Самарского уезда в 9 селениях помещика Зубова (Зубовка, Озерки, Краснощица, Дмитриевка и др.) жило 2,5 тыс. крестьян. На юго-западе того же уезда в 5 селениях (Владимировка, Озерецкое, Спасское, Васильевское, Аннино), заведенных по Волге и Чагре помещиком Самариным, обожилось до 4 тыс. чел.¹⁹⁷

Широко практиковалась покупка чужих крестьян на вывод для обживания многоземельных, но малолюдных имений. Так, Ф. М. Тимашевым в имение неподалеку от Сергиевска в конце XVIII в. к своим 515 крепостным людям обоюго пола было подселено 13 человек, полученных в приданное за женой, а также 143 человека, купленных у других владельцев¹⁹⁸.

Трудно приходилось тем помещичьим крепостным, чьи хозяева от недостатка средств или от жадности предпринимали перевод на новое место жительства без надлежащей подготовки. Известный публицист-«западник» К.Д. Кавелин признавался на страницах конфиденциального письма управляющему своего села Константиновского в Саратовском Заволжье в том, о чем никогда не говорил в печати: «Если мужики меня убьют, я буду говорить в минуту смерти: эти люди платят мне за грехи моих предков и они правы... Спросите у старых людей, хоть у Натальи, сколько их перемерло от того, что их переселили, а дворов у них не было!»¹⁹⁹.

На фоне таких признаний классическая картина переселения, нарисованная С. Т. Аксаковым, смотрится идеальным наставлением в том, как следовало бы вести дело рачитель-

¹⁹⁷ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (далее – РОРНБ). Ф. 247 «Державин Г.Р.». Т. 18. Л. 3; РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1432. Л. 74; Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984. С. 53; Ведерникова Т. И. Государственная политика насаждения помещичьего землевладения в Самарском Заволжье в конце XVII–XVIII в. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985. С. 64, 67.

¹⁹⁸ ГАОО. Ф. 38. Оп. 1. Д. 454. Л. 9.

¹⁹⁹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Ф. 548. Кар. 4. Ед.хр. 29. Л. 40 об.–41.

ному помещику, или преданием о добрых старых временах, в котором по свойству человеческой памяти стерлись воспоминания о плохом: «В ту же осень двадцать тягол отправились в Бугурусланский уезд, взяв с собой сохи, бороны и семенной ржи: на любых местах взодрали они девственную почву, обработали двадцать десятин озимого посева, то есть переломали непаренный залог и посеяли рожь под борону; потом подняли нови еще двадцать десятин для ярового сева, поставили несколько изб и воротились домой. В конце зимы другие двадцать человек отправились туда же и с наступившею весною посеяли двадцать десятин ярового хлеба, загородили плетнями дворы и хлевы, сбили глиняные печи и опять воротились в Симбирскую губернию, но это не были крестьяне, назначаемые к переводу; те оставались дома и готовились к переходу на новые места: продавали лишний скот, хлеб, дворы, избы, всякую лишнюю рухлядь». Схожими были и записи семейных преданий Рычковых-«Рожновых», живших по соседству с Аксаковыми-«Багровыми»: «Петр Андреевич ездил в Симбирскую губернию, где у одного из помещиков купил три семейства крестьян. Новокупленные мужики явились к Петру Андреевичу в рублищах, так что он так же купил им одежду и дал денег на проезд и продовольствие дорогой. Переведенным мужикам были выстроены дворы, дан скот и они в короткое время сделались из нищих зажиточными крестьянами»²⁰⁰.

Предания не договаривают, что даже предварительная установка дворов и заранее сделанный посев вовсе не гарантировали сносных условий жизни новоселов. Из документов видно, что положение крестьян, принудительно подвергнутых переселению, было в первые годы очень тяжелым даже в тех вотчинах, где была проведена необходимая подготовка к их переводу. Показательно обращение в 1806 г. в больницу Усольской вотчины с тяжелой степенью цинги («цинготными ранами») крестьян из с. Воскресенки. Представители вотчинной администрации Орлова сами признавали недостаток про-

²⁰⁰ Рычков Н.П. Отрывок из семейных записок Рожновых. Окончание // Библиотека для чтения. 1862. № 2. С. 24.

дуктов питания и других средств существования у жителей новых степных поселков, «кои навсегда в Самаре, под окошками купецких и других домов стоя, и просят милостины. Да не то что по городу, но даже и в смежных к Воскресенскому и Преображенскому деревням и от самых работ без ведома старосты Шадрина за милостынями отлучаются... А потому и пища их должна быть весьма недостаточна»²⁰¹.

Вообще же имения графов Орловых и их потомков Орловых–Давыдовых выделялись своими размерами и многолюдством среди крепостных вотчин последней трети XVIII – первой половины XIX в., расположенных на Средней Волге. В 1767 г. фаворит Екатерины II Г.Г. Орлов и его младший брат В.Г. Орлов побывали в бывших монастырских селениях, отошедших государству, которые находились в районе Самарской Луки. Здешние края им очень понравились. По просьбе пяти братьев Орловых весной 1768 г. последовал указ об обмене их разбросанных по разным уездам и губерниям малоземельных вотчин на огромное компактное владение на Средней Волге. Население здесь было к тому же на 2,5 тыс. ревизских душ больше, чем в прежних их вотчинах вместе взятых, и составляло 9571 душ муж. пола²⁰².

В собственность Орловых на Самарской Луке и в ее окрестностях перешли все земли и крестьяне, подведомственные государству (ясачные и экономические) и дворцу. До поры до времени никто даже не мог точно назвать площадь данной вотчины, так как к Орловым, кроме освоенных и обмеренных земель отдельных селений, автоматически перешли все неосвоенные территории Луки, считавшиеся до этого казенной собственностью. В основном это были обширные лесные пространства по Жигулевским горам. Начавшееся вскоре межевание должно было закрепить за Орловыми их приобретения, а также предоставляло возможности для расширения землевладения.

²⁰¹ Артамонова Л.М. Лекарь из Вены на Самарской Луке // Самарский краевед. Самара, 1995. С. 68.

²⁰² РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 845. Л. 43.

По Межевой инструкции помещики имели право получить определенное число десятин земли на каждую ревизскую душу, если вблизи их селений были свободные неосвоенные угодья. Лука и так оказалась у Орловых, поэтому их взоры обратились за ее пределы, на степное левобережье. Там основывались новые села и деревни, куда переводились жители из многих мест Самарской Луки. Тем самым одновременно снимались земельные нужды в старых селениях и увеличивалась площадь угодий, на которые могли претендовать Орловы в новозаселяемых районах.

В 1797 г. было объявлено о начале Генерального межевания в Симбирской, Саратовской и Оренбургской губерниях в полном масштабе. Начало масштабных межевых работ позволило поверенным В.Г. Орлова возбудить в 1798 г. громкую земельную тяжбу против горожан Ставрополя и Ставропольского калмыцкого войска. В результате этого дела за Орловым была утверждена «поверстная дача» вдоль левого берега Волги площадью в 26 тыс. дес., которые отрезались у Ставрополя, у калмыков Подстепновского улуса, из свободных казенных земель. На «поверстную дачу» были переселены крепостные мордовские крестьяне с Самарской Луки, основавшие деревню Мордовскую Борковку, и часть жителей с. Кунеева Карсунского уезда, которые назвали новый поселок Кунеевкой. До сих пор последнее название используется в разговорной речи для обозначения одного из районов современного г. Тольятти – Комсомольского. В Ставропольском уезде на купленных в 1810 и 1813 гг. незаселенных землях (до 6 тыс. дес.) было основано сельцо Аннинское, куда перевели 277 душ м.п. из калужских вотчин снохи В.Г. Орлова – А.И. Орловой²⁰³.

Еще более сильные переселенческие потоки направлялись владельцами на заволжские земли к югу от Самарской Луки. Первым массовым переселением руководил старший из братьев И.Г. Орлов. Оно началось в 1770 г., когда еще не прошло и двух лет после перехода этих земель в собственность Орловых.

²⁰³ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 555. Л. 10 об.; Ф. 1274. Оп. 1. Д. 3309. Л. 3.

Первым появилось на левом берегу село Екатериновка. Его в основном заселили выходцы из Рождествена, Новинки, Жигулей. В том же году переселенцы из Переволок и Тайдаковой обосновались в Александровке, а из Брусрян – во Владимировке. В 1771 г. крестьяне из Рождествена заселили Федоровку, из Винновки – Григорьевку, из Аскул и Соснового Солонца – Алексеевку, из чувашских деревень Чуракаевки, Яблонной и Безводовки – Ивановку (Никольское). На новые места жители Чуракаевки, Яблонной и Ижбулдиной были сведены полностью, из Рождествена и Безводовки переселилось более половины жителей, значительно сократилось население Винновки, Аскул, Соснового Солонца, Б. и М. Рязани, Переволок. Также были затронуты переселениями, но в меньшей степени, Новинки, Жигули, Тайдаково, Брусряны²⁰⁴.

Вторая мощная волна массовых переселений поднялась в самом начале XIX в. после раздела владений между последними из оставшихся в живых братьями: А.Г. Орловым-Чесменским и В.Г. Орловым. Неопределенность в разделе вотчины особенно задевала последнего и его управителей, помышлявших об увеличении барской запашки в поволжских владениях. Для этого требовалась полная свобода рук в распоряжении крепостными душами, чтобы осуществить их перевод на свободные плодородные земли. Однако бывшая общая заволжская Екатерининская волость по разделу оказалась во владениях Орловых-Чесменских, поэтому В.Г. Орлову пришлось заводить в степи собственные села и деревни, где для этой цели были куплены значительные незаселенные участки.

Земли приобретались не наобум, а с точным расчетом. Поверенные графа объезжали и осматривали угодья в Самарском Заволжье. Затем по их сообщениям велись переговоры в Петербурге с потенциальными продавцами земли, которых убеждали добиваться пожалования конкретных участков, облюбованных орловскими управителями.

²⁰⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 931. Л. 31–32 об.; РГБ ОР. Ф. 219. Кар. 3. Ед.хр. 4. Л. 1 об.–2.

На новых заволжских землях были основаны Покровка, Воскресенка, Троицкое, Воздвиженка, Преображенка, Сретенка и Преполовенка. В них было переселено с Самарской Луки с 1804 по 1811 гг. в общей сложности до 4 тыс. жителей обоего пола из Рождествена, Новинок, Подгор, Выползовой, Торнового, Шелехмети, Брусаян, Валов, Александровки, Аскул, Кармал, Б. и М. Рязани, С. Солонца, Тайдакова. Это была самая крупная в истории помещичьего освоения Самарского Заволжья акция, сопоставить с которой можно только образование Екатерининской волости в 1770-х гг. Интересно, что при обоих этих массовых переселениях Орловы использовали практически только старожильцев Самарской Луки. Добровольцев к этому переселению начала XIX в. практически не нашлось. На новые места в первую очередь отправляли в принудительном порядке погорельцев, безлошадных и прочих бедняков, которые в прежних своих жительствовах сдавали наделы более справным соседям, а сами жили работой по найму и лесными промыслами. Вотчинной администрацией было «определено, чтобы их отдалить от города и прервать пропитание их от лесов, а сделать хлебопашцами»²⁰⁵.

В селениях на Самарской Луке были разобраны несколько сот дворов. Их вместе с обитателями где по воде, где на лошадях перевозили в назначенные под жилье места. Работали не только переселенцы, но и все их соседи. Управляющий доносил графу Орлову: «В Воскресенское продолжается перевозка дворового леса; на берег свозят с места Рождественская волость; переправляет через Волгу Сосновенская на дощениках, а с берега до Воскресенского переважаивают сами переселенцы; дело идет медлительно и работно ночами». В течение одного только 1804 г. «сломано, перевезено и поставлено в Воскресенском из Рождественской волости 240 изб, а душ 835, из Кармал 4 избы, душ 15. В Преображенское из Рождественской волости 34 избы, душ 95»²⁰⁶.

²⁰⁵ ГАУО. Ф. 147. Оп. 7. Д. 26. Л. 28 об.; Оп. 7. Д. 5. Л. 33,64 об.–65.

²⁰⁶ ГАУО. Ф. 147. Оп. 7. Д. 26. Л. 29 об.; Оп. 6. Д. 7. Л. 417.

С наследником В.Г. Орлова В.П. Орловым-Давыдовым связано последнее массовое переселение, осуществленное с Самарской Луки крупными помещиками в 1830–1840-х гг. Отсюда направились три потока. Первое направление – степная Преполовенская волость. Там уже издавна существовал хутор Рязанский, который использовался зажиточными крестьянами Жигулевской волости для выпаса скота. На его месте было решено основать новое село. Место было хорошо известно крестьянам и пользовалось доброй славой, поэтому желающих переселиться туда было много. Принудительного переселения здесь не было. Более того, новоселов отбирали и ставили им условия, чтобы те не имели на старом месте жительства долгов или недоимок, а при переселении не требовали помощи. Так появилось село Натальино в заволжской степи, названное в честь матери и дочери Орлова-Давыдова²⁰⁷.

Вторым направлением были различные селения Борковской волости за Волгою под Ставрополем. Сюда принудительно отправляли погорельцев и бедняков с помощью мира и помещика.

Третий поток перемещался на территории самой Луки. Он шел за р. Усу в Усольскую волость. Там образовалось три выселка из Жигулевской волости, которые стали деревнями Усадой (заселена в 1841 г. жителями Б.Рязани), Ольгиной (заселена в 1844 г. тоже рязанскими жителями), Карловкой (заселена в 1845 г. из Валов). Жигулевская волость миром помогала переселенцам перевозить лес на постройки, но отправляла на выселки людей бедных, безлошадных или однолошадных, не имевших скота и домов. Усольский управляющий пытался потребовать от для жигулевского перевода за Волгу людей более состоятельных и надежных, но безуспешно.

Переселения затронули жителей и более отдаленных владений В.П. Орлова-Давыдова в других губерниях России. Самое крупное перемещение людей в поволжские вотчины Орлова-Давыдова шло из Старооскольского уезда Курской гу-

²⁰⁷ ОР РГБ. Ф. 219. Кар. 13. Ед.хр. 11. Л. 1 об.; РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 3320.

бернии из сел Рождественского (Салтыковки) и Покровского (Обуховки). Переселенцев отбирали посостоятельнее, чтобы на месте могли самостоятельно обзавестись хозяйством, но таких нашлось немного, пришлось брать и тех, кто победнее, но всех только добровольно. Ехали через всю Россию на своих лошадях и телегах, везли скарб. Поэтому с отправлением подождали, пока не появится подножный корм для лошадей, до 15 мая 1841 г. Из 250 душ м.п. переселенцев Старооскольского уезда почти половина (117 душ м.п. или 265 чел. обоего пола) была поселена на берегу Волги в Аскульском лесу в новой деревне Отважной. После неудачной попытки приспособить переселенцев к лесным промыслам в 1849 г. деревня была перенесена с сохранением старого названия в урочище Пустые Моркваши, где имелась свободная пахотная земля²⁰⁸.

Накануне Крестьянской реформы крупнейшие земельные владения на Самарской Луке, одновременно являвшиеся крепостными общинами–волостями, принадлежали В.П. Орлову-Давыдову (центры – с. Усолье и с. Жигули), О.В. Левашовой (центр – с. Рождествено), Н.В. Долгоруковой (центр – с. Сосновый Солонец). Небольшими по сравнению с ними выглядели имения других здешних помещиков.

Центром хозяйственной и административной жизни крепостной вотчины была барская усадьба. Она включала дом помещика и самые разнообразные постройки как жилого, так и производственного назначения. Их количество зависело, прежде всего, от богатства хозяина.

Самым развитым усадебным комплексом был усольский. Каменного жилого строения, правда, здесь не было до 1817 г. Центром усадьбы В.Г. Орлова с конца XVIII в. являлся двухэтажный деревянный дом на каменном фундаменте о 16-ти комнатах. По левую сторону от него стоял флигель, где жил управитель, в другом флигеле по правую руку находилась «застольная» и кухня, для снабжения которых рядом были вырыты два погреба и ледник, поставлен мучной амбар.

²⁰⁸ Смирнов Ю.Н. и др. Самарская Лука. С. 77.

В отдельном деревянном здании помещалась вотчинная контора. При ней были выстроены двухэтажные каменные хозяйственные строения, использовавшиеся под склад вещей, хранение денег, архив, караульное помещение и «заколodную» (вотчинную тюрьму). Над каменными этажами была жилая светелка. В отдельных постройках располагались столярная и чертежная, соединявшиеся чуланом для хранения сала. Имелась конюшня для выездных лошадей, сарай для рабочих лошадей, другие подсобные постройки. Для житья дворовых людей было выстроено около 25 изб в двух слободках на усадьбе. Ко всему этому надо добавить, что на самой усадьбе и за ее пределами стояли многочисленные амбары, сараи, гумна, скотные и птичьи дворы, строения ткацкой фабрики, салотопни, другие производственные постройки, а также здания культурного назначения (школа, больница)²⁰⁹.

Один только перечень построек дает общее представление о значении Усольской усадьбы как центра крупного помещичьего хозяйства. Управленческо-производственные функции выступали на первый план, т. к. граф очень редко бывал здесь сам, препоручив ведение дел доверенным людям как из знакомых помещиков, так и из своих крепостных. Вотчинная контора была устроена наподобие государственных учреждений. Она подчинялась «вышестоящему органу» – домовому конторе Орлова в Москве. Предусматривалось четкое распределение обязанностей среди служащих, были введены строгие правила делопроизводства, материальной и финансовой отчетности.

Дворовый штат Усольской вотчины составлял более 200 чел. Он включал служащих конторы (управитель, конторщик, «расходчики»-кассиры, писари и т. д.), будущих служащих – учеников вотчинной школы, поваров и стряпух, мастеров (кузнецы, столяры, сапожники, шорники и др.) и их учеников, скотников и птичников, других работников и прислуги, а также престарелых и больных дворовых, получавших содержание от графа. В распоряжении конторы была вотчинная

²⁰⁹ ГАУО. Ф. 147. Оп. 10. Д. 43. Л. 1–5.

вооруженная полиция – «ружейники». Служители помещика находились не только в Усолье, но и в других селах имения. Это были начальники и работники на господских мельницах (писари, мельники, засыпщики), смотрители при других господских работах, приказчики, сельские писари – «земские».

Исполнение давнего желания В.Г. Орлова о возведении приличествующего его общественному положению дворца в Усолье было ускорено страшным пожаром 1812 г., уничтожившим почти все село и усадьбу. Репрезентативное каменное строение представлялось теперь к тому же более надежным в противопожарном отношении.

В течение 1814–1820 гг. было выстроено каре каменных помещений различного назначения: дворца с флигелями, мастерских, складов и т. д. После смерти старого графа его внук и наследник В.П. Орлов-Давыдов достроил усадебный дом. О планировке и функциональном назначении комплекса господского дома говорит сохранившийся план, выполненный рукой его управляющего К. фон Бруммера²¹⁰.

Фасад комплекса, выходящий на восток в сад, составили «дом Его Сиятельства» и «новый холл» (помещения, появившиеся в результате достроек Орлова-Давыдова), здание конторы (главное во всем архитектурном ансамбле), ворота в парк, левый флигель. Задним фасадом все эти постройки выходили во двор, на противоположной стороне которого стоял корпус мастерских и «магазинов»-складов. Тот же корпус другим фасадом смотрел во второй двор, который в свою очередь замыкался на западе каменной оградой.

Северный фасад всего комплекса в той половине, что была ближе к господским покоем, составляли мастерские и жилые помещения. Другую его половину, выходящую на второй двор, занимала аптека. Весь южный корпус был отдан под больницу. Кроме того, в южной части второго двора было отведено место для установки паровых машин.

Другие потомки В.Г. Орлова старались создать собственные усадебные комплексы. К числу их следует отнести постройки

²¹⁰ ОР РГБ. Ф. 219. Кар. 4. Ед.хр. 19. Л. 1.

в имениях его дочери Е.В. Новосильцевой в Рождествене и Долгоруковых в Сосновом Солонце.

После крестьянской реформы 1861 года, в подготовке которой он сам принимал деятельное участие, В.П. Орлову-Давыдову предстояло прожить еще около двадцати лет и самому приспособлять хозяйство и управление к изменившимся условиям²¹¹. Падение крепостного права означало наступление важных перемен. Помещики лишались подневольных подданных, крестьян и дворовых, прекращалось использование дарового принудительного труда, шел раздел сельскохозяйственных угодий между бывшими душевладельцами и крестьянскими общинами. Владения Орловых-Давыдовых, их родственников и соседей на Самарской Луке прекращали свое существование как крепостные вотчины, начав непростой процесс превращения в хозяйства капиталистической эпохи.

2.4. ЧИСЛЕННОСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ПОВОЛЖСКИХ ГОРОДОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В первой половине XIX века поволжский город представлял собой территорию, на которой концентрировались разнообразные сословные и этноконфессиональные группы населения. Величина города, плотность населения, сословный состав горожан – все эти факторы влияли на формирование городской социальной среды. Прирост населения в Поволжье (за первую половину XIX века – от 52 до 64 %) привел в итоге к образованию в 1851 г. Самарской губернии²¹². В 1836 г. в связи с увеличением населения в Саратовской губернии были осно-

²¹¹ Шульгин В.П. Графы Орловы-Давыдовы и крестьяне их Усольской вотчины // Черный перелом. Самара, 1992. С. 18.

²¹² Смирнов Ю.Н. Рост населения на территории Самарской губернии и его состав в первой половине XIX века // Самарский земский сборник. 2000. № 1(4). С. 49–58.

ваны Новый Узень, Николаевск и Царев²¹³. Самой населенной в конце 1840-х гг. была Саратовская губерния. Развитие городов в исследуемом регионе протекало неравномерно и осуществлялось, главным образом, за счет Саратова, Симбирска, Пензы, Сызрани, Самары и Вольска. К середине XIX века в городах проживало 10 % всего населения Поволжья. Этот показатель был несколько выше, чем в целом по стране (9 %) ²¹⁴. Рост городов был постепенным, 40 % поволжских городов за полстолетия не смогли перешагнуть отметку в 5 тыс. жителей, а в некоторых численность населения к 1840-м гг. стала снижаться. В Карсуни это произошло из-за падения роли ярмарки, которую потеснила ярмарка в Симбирске²¹⁵.

Типичный поволжский город в первой четверти XIX в. насчитывал 3 тыс. человек, в 1850-е гг. – 5 тыс. В Симбирской и Саратовской губерниях постепенно возрастало число городов с 5–10 тыс. жителей. В 1840-е гг. увеличилось число средних уездных городов. Все города менее 2 тыс. жителей находились в Симбирской губернии. Все заштатные города Симбирской губернии к началу 1840-х гг. так и оставались в категории малых, а заштатный Верхний Ломов Пензенской губернии по численности превосходил ряд уездных городов.

Урбанизация в Поволжье осуществлялась за счет развития уже существовавших, а не за счет вновь основанных городов. Значительный прирост населения наблюдался в волжских городах с удобными пристанями. На 10–15 тыс. человек возрастало летом население таких городов как Самара, Симбирск, Саратов. С апреля здесь появлялись бурлаки и сезонные рабочие. За счет приезжих население городов вырастало во время крупных ярмарок, длившихся нескольких недель.

²¹³ Леопольдов А. Статистическое описание Саратовской губернии: в 2 ч. Ч. 1. СПб., 1839. С. 38.

²¹⁴ Водарский Я.Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX в.). М., 1973. С. 68.

²¹⁵ Сборник исторических и статистических материалов Симбирской губернии. Приложение к Памятной книжке на 1868 год. Симбирск, 1868. С. 48, 62.

В крупном городе отношения между людьми строятся косвенно, за счет вещных связей; происходит ослабление родственных уз, уменьшается социальная роль семьи, межличностные отношения носят поверхностный характер, ослабевает действие традиций. В городах с населением 20–30 тыс. подобные тенденции усиливаются и становятся необратимыми. Поволжские города в первой половине XIX в. были лишь на пути к этому процессу. В городском сообществе были сильны сословные и корпоративные связи. С другой стороны, в городах региона наблюдался рост социальной мобильности населения, как горизонтальной, так и вертикальной. Появились категории населения, которые не имели собственных сословных органов. Население городов состояло из законодательно установленных сословий: дворянства, духовенства, купечества, мещанства, цеховых и крестьянства.

Отметим, что большинство проживавших в городах дворян имели личное дворянство и существовали за счет государственной службы. Начиная с 20-х гг. XIX в., чиновничество постепенно превращалось в своеобразное «бюрократическое сословие»²¹⁶. На статской службе значительно возросло число «обер-офицерских детей», а среди чиновников Пензенской губернии увеличилась доля выходцев из купеческого сословия. В Симбирской губернии подобной тенденции не наблюдалось. Это объясняется сложившейся здесь экономической ситуацией. Волжские города в торговом плане развивались динамичнее городов Пензенской губернии, поэтому симбирское купечество аккумулировало в своем сословии самые лучшие силы, пензенское же постепенно разорялось и пополняло ряды госслужащих. Среди чиновников, проживавших в городах Пензенской губернии, было много выходцев из духовного сословия. В Симбирской епархии, которая была больше Пензенской, духовенство имело больше шансов найти место. Социальный состав провинциального чиновничества в первой половине XIX века постепенно трансформировал-

²¹⁶ Ломизова Н.И. Местное управление в губерниях Среднего Поволжья в 1801–1825 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003. С. 146.

ся. За семь лет в Пензенской губернии число потомственных дворян, занятых на государственной службе, снизилось в 4,6 раза, за десять лет в Симбирской – в 1,3 раза. Основная часть провинциальных чиновников относилась к 14–9 классам «Табели о рангах».

Доля духовенства от числа всех горожан была наибольшей в Пензе и Симбирске. В 1826 г. в Пензе она составляла 2,1 %, а в 1842 г. – 1,6 % от числа горожан²¹⁷. С конца 1820-х гг., в связи с открытием Саратовской епархии и перемещением туда некоторых священников, численность духовенства в Пензе несколько уменьшилась. Из этого сословия частично происходил отток лиц в чиновничество.

«Городское гражданство» было представлено следующими сословными группами: купцы трех гильдий, мещане и цеховые. Принадлежность к нему закреплялась внесением в городскую обывательскую книгу. Купечество, разделенное на три гильдии, не платило подушную подать и не отбывало рекрутчину, а купцы 1-й и 2-й гильдий освобождались от телесных наказаний. Вместо этого они платили ежегодный налог с объявленного капитала, а в случае его неуплаты опять переходили в разряд податного сословия. Если свидетельство в срок не возобновлялось, право купца на торговлю аннулировалось, а он переходил в мещанство. Купец 3-й гильдии постоянно балансировал между опасностью разориться, перейти в мещанство или остаться в купеческом сословии. В третью гильдию записывались выходцы из казенных крестьян, вольноотпущенников, цеховых, однодворцев. Так, из причисленных в 1852 г. к купцам 3-й гильдии по Самаре около 40 % были из государственных крестьян и вольноотпущенников, около 10 % составляли мещане, остальные – из купеческих детей, родственников купцов 3-й гильдии или иногородних купцов²¹⁸.

²¹⁷ См.: Бирюкова А.Б. Социокультурное пространство поволжских городов первой половины XIX века. Самара, 2009.

²¹⁸ Подсчитано по: Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 150. Оп. 2. Д. 7. Л. 1–8 об.

В поволжских городах периодически возникали конфликты из-за недовольства «городских граждан» конкуренцией со стороны иногородних купцов и крестьян. В начале XIX в. саратовские купцы жаловались на то, что иногородние конкуренты перебывали их торг²¹⁹. Пришлое купечество имело больше экономической свободы, так как не платило сборов в казну города²²⁰, по крайней мере, до конца 1840-х годов²²¹. К этому времени в купеческое сословие проникло немало разбогатевших крестьян, «которые не были связаны с общественными городскими интересами». Они оттесняли на второй план исконное купечество и даже становились городскими головами²²². Для поддержания статуса купечества с 1832 г. правительство ввело сословную группу почетных граждан. В городах Поволжья почетных граждан было незначительное количество. Так, в 1842 г. в Пензенской губернии их было 4 человека, в Симбирской – 7, в Саратовской – 68²²³.

Мещане и цеховые платили подушную подать, казенные и городские сборы, несли ряд повинностей. Ремесленники разделялись на «вольных» и цеховых. В Пензе в 1829 г. значилось 217 «вольных» и 87 цеховых ремесленников²²⁴. Вольные, к которым относились крестьяне, проживавшие в городах, и крестьяне-отходники, покупали лишь свидетельство, позволяющее им заниматься ремеслом. Основным источником пополнения податных «граждан» были различные категории крестьян. Мещане тоже переходили в другие сословные группы. Так, в Аткарске в 1811 г. 24 души мужского пола переш-

²¹⁹ Кушева Е. Саратов в третьей четверти XVIII века // Труды Нижневолжского областного научного общества краеведения. Вып. 35. Ч. 2. Саратов, 1928. С. 14.

²²⁰ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 3. Оп. 1. Т. 1. Д. 399. Л. 5.

²²¹ Пензенские губернские ведомости. 1849. № 21.

²²² Министерство внутренних дел. Исторический очерк (1802–1902 гг.). СПб., 1901. С. 73.

²²³ Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2225.

²²⁴ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1502. Л. 305.

ли из мещанства в пахотные солдаты²²⁵. Мещанское общество могло исключить человека из своих рядов за недостойное поведение²²⁶. Некоторые мещане и купцы в поволжских губерниях жили в сельской местности²²⁷. В начале XIX века в уездах Пензенской губернии проживало 11 % мещан и 4 % купцов. К примеру, в Нижнеломовском уезде численность мещанских душ превышала их количество в городе более чем в 3 раза, купцов – в 15 раз²²⁸. Здесь были более выгодные условия торговли (торговая сеть на селе развивалась быстрее, чем в городе)²²⁹, и не надо было вносить деньги на благоустройство, выполнять постоянную повинность. С 1846 г. с мещан и купцов, проживавших на селе, подати и повинности стали взиматься «и по поселянскому званию», и по основному сословию²³⁰.

К сословным повинностям мещан относилась рекрутская повинность. Рекрутам, годным к службе, выбривали лоб, негодным – затылок²³¹. Город обязан был обеспечить рекрутов вещами и обмундированием. В 1827 г. Саратов потратил на это 410 руб. В 1837 г. на сдачу рекрут в Аткарске приходилось по 50 коп. с души²³². Особую ценность во время рекрутских наборов имела рекрутская квитанция. Ее получал помещик или городское общество за сдачу внеочередного рекрута. Го-

²²⁵ Минх А.Н. Приговоры Аткарского купеческого и мещанского общества с 1811 по 1823 гг. // Протоколы IV общего собрания СУАК 5 мая 1887 года. Саратов, 1887. С. 50.

²²⁶ ГАСО. Ф. 407. Оп. 1. Д. 1834. Л. 2 об.–3.

²²⁷ ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 295. Л. 6; Саратовские губернские ведомости. 1844. № 19.

²²⁸ Подсчитано по: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 260. Л. 39,42.

²²⁹ Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX века. Л., 1981. С. 62–63.

²³⁰ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 571. Оп. 1. Д. 1474. Л. 69–70.

²³¹ Лучинский Ф. Провинциальные нравы за последние полвека // Русская старина. 1897. № 9. С. 636–637.

²³² Минх А. Н. Описание архива упраздненной Аткарской градской думы (1782–1850 гг.) // Труды Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК). Саратов, 1888. Т. 1. С. 82.

родские головы и помещики продавали эти квитанции зажиточным крестьянам или мещанам, сыновьям которых грозила рекрутчина, наживая на этом немалые суммы²³³. В солдаты вне очереди старались отдавать самых «худых» людей. Арестантов, приговоренных к ссылке в Сибирь, если они были пригодными к службе, записывали в рекруты, а малолетних преступников – в военные кантонисты²³⁴. Даже во время Отечественной войны 1812 года «большинство помещиков и крестьянских общин Симбирской губернии стремилось сбить в ополчение крестьян в документах называемых “пьяницами”, “изгоями”, “ворами”, “мотами”»²³⁵. То же самое было и в городах. В Аткарске с 1811 по 1814 гг. за пьянство, буйство и мелкое воровство по приговору мещанского общества были отданы в рекруты 5 мещан²³⁶.

Мещане могли избежать рекрутчины, перейдя в купечество или уволившись из мещанства для поступления в учебные заведения. В 1849 г. чембарские власти получили жалобу на противозаконные действия мещан Ивана Кулагина, Ивана Кондратьева и Петра Макарова. Они обвинялись в раздроблении собственных семей и переходе в другие «состояния» без согласия всего мещанского общества. По мнению жаловавшихся на Кулагина, Кондратьева и Макарова мещан, они незаконным образом освобождали свои семьи из рекрутской очереди²³⁷. Еще одной возможностью избежать набора была «покупка» рекрута. Доброволец за определенную плату соглашался идти в солдаты за очередника-рекрута. Состоятельные

²³³ Федосюк Ю.А. Что непонятно у классиков или энциклопедия русско-го быта XIX века. М., 1998. С. 113.

²³⁴ Еланский В.Г. Описание бумаг, извлеченных из архива Вольского нижнего земского суда (1818–1842 гг.) // Труды СУАК. 1889. Т. II. Вып. I. Саратов, 1889. С. 88.

²³⁵ Иванов М.Ю. Симбирское ополчение в Отечественной войне 1812 г. и заграничном походе. 1813–1814 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002. С. 17.

²³⁶ Минх А.Н. Приговоры Аткарского купеческого и мещанского общества. С. 49.

²³⁷ ГАПО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 31. Л. 7, 114–115 об., 117 об.–119, 127–128 об.

мещане старались отбыть рекрутскую повинность заблаговременно, нанимая за свое семейство «охотника в рекруты»²³⁸. Сектантам, в частности молоканам, не дозволялось нанимать за себя в рекруты других людей. С целью предотвращения разрастания раскола в армии молокан зачисляли в отдельный Кавказский корпус²³⁹. Саратовская мещанская управа брала определенный сбор с тех мещан, которые поступали «по найму в рекруты»²⁴⁰. Стоимость подобной сделки была огромная – от 300–700 руб. сер., в отдельных случаях цена доходила до 1000 руб. сер.²⁴¹

В поволжских городах проживало много крестьян. В конце XVIII в. они составляли от 59 % до 95 % населения городов²⁴². В городах Пензенской губернии их доля оставалась значительной вплоть до 30–40-х годов XIX века. В 1808 г. из всех горожан здесь на долю крестьян приходилось 64,7 %, в 1837 г. – 55 %.²⁴³ В городах Поволжья (за исключением Саратова) преобладали казенные крестьяне. Этот факт объясняется происхождением поволжских городов, которые прежде были селами. Многие крестьяне, проживавшие в них, не желали переходить в городское гражданство²⁴⁴. Среди крестьян-горожан выделялось две категории: крестьяне, живущие здесь постоянно, и крестьяне-отходники, приходившие в города на некоторое время. Среди первых были государственные, дворовые, ясашные крестьяне (Чембар, Саранск), вольноотпущенники и однодворцы. В городах они проживали чересполосно с другими горожанами

²³⁸ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 53. Л. 54, 56, 151 об., 154.

²³⁹ Симбирские губернские ведомости. – 1838. – № 24.

²⁴⁰ РГИА. Ф. 1287. Оп. 39. Д. 78. Л. 95.

²⁴¹ Подсчитано по: ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Т. 1. Д. 1889. Л. 2–125; ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 45. Л. 1–10; Д. 53. Л. 1–193 об.; Ф. 678. Оп. 1. Д. 2. Л. 114–115 об.

²⁴² Булыгин И.А. Об особенностях городов Среднего Поволжья во второй половине XVIII века // Города феодальной России / Отв. ред. В.И. Шунков. М., 1966. С. 492.

²⁴³ Подсчитано по: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 260, Л. 4 об.–6; Д. 261. Л. 5–10 об.; Д. 2225. Л. 12–60.

²⁴⁴ Леопольдов А. Статистическое описание Саратовской губернии. Ч. 2. С. 115.

и платили в городскую казну налог с недвижимых имуществ и городские сборы. В больших городах, таких как Саратов и Самара, было много беглых крестьян.

Особую сословную группу составляли казаки, которые жили в Самаре, Саратове, в Дубовке, Камышине, Царицыне²⁴⁵. Главная цель проживания их в городах – охрана общественного порядка. Однако между казачьим населением и гражданами иногда возникали конфликтные ситуации, в основном из-за пользования землей и угодьями. Между самарскими казаками и мещанами на протяжении более десяти лет тянулось дело о земельных владениях. Мещане Самары незаконно захватывали земли казаков и даже избивали их²⁴⁶.

Еще одной социальной группой были разночинцы. Законодательство запрещало принимать в гражданскую службу детей купцов, мещан и крестьян, кроме тех, кто получил образование. Поэтому они стремились повысить свой социальный статус путем приобретения образования и дальнейшей службы. Разночинцы стремились поступить в высшие учебные заведения и уехать в столицу. В то же время правительство не поощряло допуск этой социальной прослойки к высшему образованию²⁴⁷. Количество разночинцев в городах Поволжья постепенно уменьшалось. Среди городского населения Пензенской губернии их численность сократилась с 4,2 % в 1826 г., до 0,4 % в 1837 г.²⁴⁸ Разночинцы могли достичь значительных успехов в плане социального роста и карьеры, а могли упасть до уровня люмпенов. В городах проживали также инвалиды, отставные солдаты, кантониисты, солдатки, нижние воинские чины, пахотные солдаты²⁴⁹.

²⁴⁵ Духовников Ф.В., Хованский Н.Ф. Саратовская летопись: [1703 г.] // Саратовский край. Исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 55.

²⁴⁶ РГИА. Ф. 1287. Оп. 31. Д. 309. Л. 1–26 об.

²⁴⁷ Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 178.

²⁴⁸ Подсчитано по: ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1223. Л. 10–104; Д. 2225. Л. 12–60.

²⁴⁹ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 192. Л. 16–21; Д. 262. Л. 32–32об.; Д. 442. Л. 7–7 об.

Население города пополнялось за счет расквартированных войск. В Пензенской губернии маневры проводились в 1824 г. и в 1835–1839 гг., в Саратовской – с 1822 по 1827 гг. Более чем в половине городов этих губерний были расквартированы войска²⁵⁰. Присутствие военных влияло на течение повседневной жизни. Приход войск сопровождался ужесточением постоянной повинности. Для местной элиты приход войск в город был более радостным событием, чем для основной массы горожан. Он сопровождался множеством балов, интриг и скандалов²⁵¹. Последние были связаны с особым типом поведения, распространенным в офицерской среде. Недостаточное материальное положение младших офицеров приводило к тому, что браки они заключали редко, зато в этой среде буйно расцвело «волокичество»²⁵².

Официальная статистика идентифицировала иностранцев-горожан в том случае, если они «к тому или иному сословию приписаны, или оседлость имеют, а не временно живут в виде учителей, слуг и прочее»²⁵³. В поволжских городах первыми жителями, приехавшими из-за границы, были немецкие колонисты. Численность иностранцев в городах исследуемого региона была незначительной. Только в Саратове в 1820-е гг. их было 2,2 % от числа всех горожан²⁵⁴. В 1810-х гг. в Пензе проживали 16 немцев, итальянец и француз²⁵⁵. В 1830-е гг. в губернские города были присланы ссыльные поляки, которые, по сути, не были иностранцами. Первоначально немцы и другие европейцы, приезжавшие в поволжские города, жили обособленно, но к середине XIX в. начали селиться повсе-

²⁵⁰ Духовников Ф.В., Хованский Н.Ф. Саратовская летопись. С. 63; Пензенская энциклопедия / Гл. ред. К.Д. Вишневский. Пенза; М., 2001. С. 716.

²⁵¹ Попов К.И. Записки о Саратове // Саратовский край. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 174.

²⁵² Бегунова А. Повседневная жизнь русского гусара в царствование императора Александра I. М., 2000. С. 301.

²⁵³ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1502. Л. 19.

²⁵⁴ Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 264 (табл. 23).

²⁵⁵ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 260. Л. 7.

местно. Влияние российских граждан иностранного происхождения на социокультурную среду провинциальных городов было существенным. Среди аптекарей, врачей, учителей, хозяев первых кофеен и магазинов было много французов, немцев, итальянцев, оставшихся в поволжских городах после плена 1812 года²⁵⁶.

Автохтонные этносы концентрировались в сельской местности. Отдельные группы проживали в пригородских слободах или частях города. Так, в Инсаре на своих землях жили 30 татар²⁵⁷. В Симбирске в начале 1850-х гг. из 20 тыс. жителей только 140 исповедовали ислам, в Буинске – 736 человек.²⁵⁸ Значительная часть перешедших в православие из других конфессий жили именно в городах. Так они в меньшей степени испытывали негативное отношение со стороны своего традиционного окружения. В Ардатове жили выкресты из мордвы, в Пензе – из иудеев²⁵⁹. Нерусское население не ассимилировалось с русским. Мордва оставалась верной своим исконным традициям, мало принимая русские обычаи²⁶⁰. Вместе с тем светские и духовные власти старались вовлечь коренные и пришлые этносы в сферу государственного строительства. В 1838 г. в Царицыне была открыта школа для детей калмыков-христиан, в саратовском тюремном замке проводилась миссионерская деятельность по привлечению калмыков-арестантов в православие²⁶¹.

²⁵⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 163. Оп. 1. Д. 6. Л. 5; Иелин, фон. Записки офицера армии Наполеона. М., 1912. С. 70; Руа Ж. Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 года и 2-х годах плена в России. СПб., 1912. С. 97.

²⁵⁷ ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1502. Л. 299.

²⁵⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при I отделении департамента Генерального штаба / Сост. Буйвид, Безносиков. Т. V. Ч.2. СПб., 1853. С. 172, 176.

²⁵⁹ ОР РНБ. Ф. 246. Д. 65. Л. 37 об.

²⁶⁰ Пензенские губернские ведомости. 1846. № 24. Неофициальная часть.

²⁶¹ Духовников Ф. В., Хованский Н.Ф. Саратовская летопись. С. 570.

«Иногородцы» появлялись в большом количестве в городах во время ярмарок. Татары и ногайцы гнали овечьи табуны через Саратов, Симбирск и другие города. В Пензенской губернии татарское население занималось извозом, мелкой торговлей. Армяне, проживавшие в Саратове, закупали оптом хлеб и овес, отправляя его затем в Иран²⁶². Русские считали, что религиозные обычаи татар и евреев позволяют им обманывать православных²⁶³. Чтобы не обострять межконфессиональную неприязнь среди торгового люда, власти стремились контролировать торговые операции, предоставляя особые места для приезжавших торговцев. Для татар в Саратове было отведено место за городским валом. Здесь у них были свои дворы и лавки. Позднее оно вошло в состав города. Экономические интересы староверов и сектантов, занимавших в Саратове, Сызрани, Самаре значительную экономическую нишу, входили в конфликт с укреплявшимися здесь позициями в торговле татар.

«Малороссияне» появились в Поволжье еще XVIII веке. Первоначально по инициативе правительства они перевозили на волах соль с Элтонского озера. Местам их проживания были Покровская слобода напротив Саратова, Царицын и Камышин²⁶⁴. В Пензенской губернии и в самой Пензе в начале XIX в. малороссов было немного, всего 36 душ²⁶⁵. Эта территория не была традиционной для проживания евреев, но, несмотря на запреты правительства, они селились здесь по отдельности или небольшими группами. Численность их была незначительна. В городах еврейское население стало появляться в 40–50-х гг. XIX века. Большая еврейская община в

²⁶² Духовников Ф. Немцы, другие иностранцы и пришлые люди в Саратове // Саратовский край. Саратов, 1893. С. 259.

²⁶³ Пензенские губернские ведомости. 1846. № 24. Неофициальная часть.

²⁶⁴ Леопольдов А. Статистическое описание Саратовской губернии. С. 40.

²⁶⁵ Цит. по: Гераклитов А.А. Пензенские «Малороссияне» // Пензенский временник любителей старины. Вып. 5. Пенза, 1992. С. 21.

1850-х гг. была в Саратове. В Симбирске в 1858 г. проживало 113 евреев обоого пола. В других городах Симбирской губернии их число было незначительным: в Сызрани – 5 мужчин, в Карсуни – 7, в Курмыше – 10, в Буинске – 2²⁶⁶. Правительство не раз предписывало местным властям выселять евреев из Поволжья²⁶⁷. Много иудеев было среди кантонистов. До 1831 г. училище для них размещалось в Саратове, а после было переведено в Вольск. Среди евреев-кантонистов проводилась миссионерская работа по переходу их в православие. Обычно крещение было массовым и проходило в мае–июне. В 1840-х – начале 1850-х гг. в Симбирске были крещены 1000 мальчиков-евреев²⁶⁸. Впоследствии многие евреи-выкресты занимали значительное положение в поволжских городах, поступая на государственную службу²⁶⁹.

В мещанские общества некоторых поволжских городов были записаны цыгане. В 1800 г. в Саратове числилось всего 17 цыган²⁷⁰, через 15 лет – 602 души²⁷¹. До 100 цыган проживало в 1840-х гг. в Аткарске, Вольске, Инсаре и Петровске²⁷². Власти вынуждены были пресекать незаконную миграцию цыганских таборов, лишая цыган паспортов²⁷³. Но это не останавливало

²⁶⁶ Памятная книжка Симбирской губернии на 1860 год. Симбирск, 1860. С. 12–17.

²⁶⁷ Симбирские губернские ведомости. 1838. № 40.

²⁶⁸ Мартынов П.Л. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898. С. 118.

²⁶⁹ Духовников Ф.В., Хованский Н.Ф. Саратовская летопись. С. 68; Юдин П.Л. Н.Г. Чернышевский в Саратове // Исторический вестник. 1905. № 12. С. 869.

²⁷⁰ Ведомость сколько по г. Саратову и живущих в округе коронных крестьян 1800 г. // Труды СУАК. 1894. Т. IV. Вып. III. С. 192–195.

²⁷¹ Духовников Ф. В., Хованский Н.Ф. Саратовская летопись. С. 59.

²⁷² Подсчитано по: Минх А.Н. Описание архива упраздненной Аткарской градской думы. С. 457, 462; Еланский В.Г. Описание бумаг, извлеченных из архива Вольского нижнего земского суда (1818–1842 гг.) // Труды СУАК. 1891. Т. III. Вып. II. С. 20.

²⁷³ Минх А.Н. Описание архива упраздненной Аткарской градской думы. С. 458.

цыган. Они неоднократно подозревались в кражах, наведываясь в города не столько для торговли, сколько для воровского промысла²⁷⁴. В начале 1840-х гг. некоторые петровские цыгане перешли от кочевой жизни к хлебопашеству. Они заключали браки с русскими и постепенно оседали в городе. Среди них встречались купцы, торговавшие табунами лошадей²⁷⁵. Этнические и межконфессиональные конфликты не были типичным явлением в Поволжье. Если они и имели место, то только как следствие нестабильной ситуации, вызванной эпидемиями, пожарами или засухой.

Социальная и этноконфессиональная среда поволжских городов не была однородной. Здесь были представлены все сословия, определенные законодательством. Состав жителей городов Поволжья был многонациональным, но преобладало здесь русское православное население. Прирост городского населения в Поволжье был выше, чем в среднем по стране. Однако города развивались здесь неравномерно. Лидировали в этом процессе ряд городов Саратовской и Симбирской губерний. В середине XIX в. Саратов, Симбирск, Пенза, Вольск, Самара, Сызрань были крупными торговыми центрами. Однако типичным городом региона был уездный центр с численностью населения, составлявшей на начало XIX в. 3 тыс. человек, в середине века – 5 тыс. человек. Поэтому в большинстве городов Поволжья сохранялся патриархальный образ жизни.

Социальные группы в городском гражданстве представляли собой сообщающийся сосуд. Купец мог разориться и стать опять мещанином, а мещанин или цеховой при наличии капитала мог записаться в гильдию. На протяжении всего периода в Поволжье самым многочисленным был слой купцов третьей гильдии. Наличие в городе купцов, мещан и цеховых еще не означало, что жители занимались торговлей или ремеслами. Однако в Саратове не только купечество и мещанство, но и представители других сословий занимались предпринимательством. «Дух» города здесь был совершенно иным, нежели

²⁷⁴ ГАПО. Ф. 37. Оп. 1. Д. 9. Л. 399–447.

²⁷⁵ Саратовские губернские ведомости. 1843. № 40. Приложение. С. 266.

в Пензе и Симбирске. Саратовские жители более рационально смотрели на мир. Одновременно с этим именно здесь купечество наиболее активно проявляло себя в социальной жизни города, особенно с конца 1830–1840-х гг. Оно способствовало появлению здесь первых книжных лавок, образовательных учреждений, больниц.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ К ГЛАВЕ II

1. Какую роль сыграло казачество в освоении Среднего Поволжья и Заволжья в конце XVII – XVIII в.? Как менялись положение казачества и его статус на протяжении всего этого периода?
2. Назовите основные источники формирования казачества в различные периоды его истории. Укажите основные районы его расселения по территории региона. Каковы были хозяйственные занятия заволжского казачества?
3. Какие формы самоорганизации существовали у поволжского казачества в XVIII в.? Назовите основные причины ликвидации иррегулярных войск в регионе.
4. Укажите численность и основные районы расселения государственных крестьян в Среднем Поволжье в XVIII в. Какое участие они приняли в выборах и работе Уложенной комиссии?
5. Охарактеризуйте состав государственных крестьян – депутатов Уложенной комиссии. Каковы были экономические и социальные требования государственных крестьян Поволжья в Уложенной комиссии? Чем они были вызваны?
6. Укажите крупнейших собственников крепостных вотчин в Заволжье. Дайте характеристику крепостной вотчины в регионе и ее роли в освоении новых земель.
7. Опишите хозяйственное устройство дворянских имений Поволжья в XVIII – первой половине XIX в. Укажите важнейшие отрасли хозяйства, методы ведения хозяйства и эксплуатации крестьян.
8. Как складывалась вотчина Орловых и Орловых–Давыдовых в Среднем Поволжье? Охарактеризуйте процесс перевода крестьян на новые земли и формирование системы сельских поселений. Каков был состав крестьян-переселенцев? Какую помощь оказывали владельцы вотчины переселенцам?

9. Охарактеризуйте основные усадебные комплексы в средневожской вотчине Орловых и Орловых-Давыдовых. Каковы были архитектурные особенности усадебного комплекса в с. Усолье?
10. Как осуществлялась урбанизация в Поволжье в первой половине XIX в.? Какова была численность и социальная структура населения поволжских городов? Дайте характеристику основным категориям городского населения.
11. Какими сословными группами было представлено «городское гражданство»? Укажите особенности мещанского населения средневожских городов.
12. Какими особенностями отличался социальный, этнический и конфессиональный облик населения поволжских городов в первой половине XIX в.?

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ К ГЛАВЕ II

1. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск, 1999.
2. Ведерникова Т.И. Государственная политика насаждения помещичьего землевладения в Самарском Заволжье в конце XVII–XVIII в. // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985.
3. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999.
4. Зорин А.И. Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX в. Историко-этнографический очерк. Казань, 1992.
5. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2009.
6. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000.
7. История Самары: От воеводского управления до губернской Думы. Самара, 2011. Кн. 1.

8. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. М., 2008.
9. Мартынов П.Л. Город Симбирск за 250 лет его существования. Симбирск, 1898.
10. Машин М.Д. Оренбургское казачье войско. Челябинск, 2000.
11. Махрова Т. К. Казачество Урала и власть. М., 2004.
12. Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М., 1998.
13. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л. , 1990.
14. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003.
15. Осипов В.А. Саратовский край в XVIII веке. Саратов, 1985.
16. Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1: С древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1993.
17. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
18. Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л., Барашков В.Ф., Артамонова Л.М. Самарская Лука в XVI – начале XX в. Самара, 1995.
19. Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.
20. Смирнов Ю.Н. Ликвидация иррегулярных войск на территории Самарского края и заселение их земель в первой половине XIX века // Самарский земский сборник. 1999. № 1.
21. Смирнов Ю.Н. Самарское «графство» Орловых // Самарский краевед. 1995. Самара, 1995.
22. Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984.

ГЛАВА III. СРЕДНЕВОЛЖСКИЙ СОЦИУМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

3.1. ДВОРЯНСТВО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЗАВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

Социально-демографический облик средневожского дворянства

Социальная стратификация и идентификация российского общества в середине XIX – начале XX века претерпевала постепенные изменения. Юридически лишь потомственное дворянство располагало целым рядом льгот и привилегий личного и корпоративного порядка. Российским законодательством оно подразделялось на различные слои, то есть стратификационным критерием служил источник получения сословного статуса. С этой точки зрения выделяются следующие группы:

1. дворянство жалованное или действительное;
2. военное;
3. полученное путем выслуги определенного чина на гражданской службе или в результате награждения российским орденом;
4. иностранные дворянские роды;
5. титулованное;
6. древние благородные роды.

В Саратовской губернии сведения для составления родословной книги начали собираться с 1787 г.²⁷⁶ Первая родословная книга Саратовской губернии содержит сведения о потомственном дворянстве с 1787 г. по 1796 г. Всего в книгу занесено 106 фамилий, представляющих 85 родов или семей. Большая часть дворян (29 фамилий) попала в шестую часть родословной книги, являясь представителями «древнейших родов». «Действительное» и «военное» дворянство, вписанное в первую и вторую части родословной книги, представлено одинаковым количеством фамилий (по 23), меньшую часть со-

²⁷⁶ ГАСО. Ф. 19. Оп. 3. Д. 101 б. Л.19 об.

ставляли «чиновные» дворяне третьего разряда (18 фамилий) и представители «иностранных родов» (12 фамилий), вписанные в четвертую часть родословной книги. Только один дворянин – действительный тайный советник, генерал–прокурор князь Александр Алексеевич Вяземский – представлял титулованную знать. Его фамилия занесена в пятую часть первой родословной книги губернии.

По данным на 1846 г. численность дворянских родов составляла 137 фамилий, из них к первому разряду относилось 5 родов, ко второму – 44 рода (32,1 %), к третьему разряду – 65 родов (47,4 %), к пятому разряду – 3 фамилии, к шестому разряду – 20 родов²⁷⁷ (табл. 2.).

Таблица 2

**Состав Саратовского дворянства
по разрядам (80-е гг. XVIII в. – 40-е гг. XIX в.)²⁷⁸**

Разряды	1787–1796		1807–1810		1831–1834		1843–1846	
	фамилии	%	фамилии	%	фамилии	%	фамилии	%
I	23	21,7	7	25	19	19,3	5	3,9
II	23	21,7	6	21,4	29	29,5	44	32,1
III	18	17	5	17,8	29	29,5	65	47,4
IV	12	11,4	2	7,1	1	1	--	
V	1	0,9	1	3,5	1	1	3	2,1
VI	29	27,3	7	25	19	19,3	20	14,5
ВСЕГО	106	100	28	100	98	100	137	100

²⁷⁷ Платонова Т.В. Дворянские родословные книги Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX века // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Саратов, 2008. С. 97–102.

²⁷⁸ Там же. С. 100.

Общая численность саратовских дворян с 1782 по 1858 гг. увеличилась в 10 раз (с 337 до 3327). Такие высокие темпы роста можно объяснить слабой заселенностью губернии в XVIII в., интенсивной помещичьей колонизацией региона, перемещением части дворян из центральных губерний России на плодородные земли Саратовщины. Одновременно происходило пополнение рядов господствующего класса за счет одворянивания выходцев из других сословий.

Дворянское общество Самарской губернии также состояло из шести разрядов, каждому из которых соответствовала определенная часть дворянской родословной книги губернии. По данным А.А. Чемодурова, численность дворянских родов на момент образования Самарской губернии составляла 328 родов, на 1900 год – 511 родов. Из них 33 фамилии относились к мелкопоместным дворянам.

В первую часть родословной книги входило действительное или жалованное дворянство – 18 родов. Вторая часть состояла из родов, получивших дворянство на военной службе – 233 родов. Третья часть – служилое дворянство представлено 128 родами. В четвертую часть родословной книги вошел только один род – кн. С. Д. Урусова. В пятой части, титулованное дворянство насчитывало восемь родов. Шестая часть родословной книги была представлена 123 благородными родами²⁷⁹.

На 1917 год число дворянских родов Самарской губернии насчитывало 460. Среди них в первую часть было занесено 18 родов²⁸⁰; во вторую – 187²⁸¹; в третью – 125, в четвертую – 1, в пятую – 10 фамилий²⁸²; последняя шестая часть насчитывала 119 древних благородных родов²⁸³.

²⁷⁹ Чемодуров А.Н. Краткая записка о деятельности Самарского дворянства за пятидесятилетний период существования Самарской губернии 1851–1901. М., 1901.

²⁸⁰ ЦГАСО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 1909.

²⁸¹ Там же. Д. 1910.

²⁸² Там же. Д. 1911.

²⁸³ Там же. Д. 1912.

В Симбирской губернии из 968 родов по данным на 1900 год к 1 разряду относился 321 род (33,2 %), ко второму разряду – 171 род (17,7 %), к третьему разряду – 169 родов (17,6 %). В четвертую часть родословной книги (представители иностранных родов) входила одна дворянская семья, титулованное дворянство (5 часть) насчитывало 19 родов (1,9 %). Шестая часть родословной книги была представлена 287 благородными родами (29,6 %) ²⁸⁴. По данным, приведенным В.Н. Поливановым (симбирским губернским предводителем дворянства 1877–1879), в 1909 году симбирское дворянство насчитывало 858 дворянских родов, из них к первому разряду относилось – 222 рода, ко второму – 159, к третьему – 208. В четвертую часть родословной книги (представители иностранных родов) входила одна дворянская семья, титулованное дворянство (5 часть) насчитывало 21 род, шестая часть родословной книги была представлена 247 благородными родами ²⁸⁵. Наиболее престижными были первый и шестой разряды. В Симбирской губернии их удельный вес составлял 54,66 % от численности всех симбирских дворянских семейств. В этом плане губерния принадлежала к наиболее «дворянским» территориям империи.

Анализ соотношения данных по разрядам показывает, что наименее малочисленны были представители иностранных родов – 1–2 человека, а наиболее многочисленную часть составляло военное и служилое дворянство. К началу XX века деление на разряды практически утратило свое значение, принадлежность к любому из них не давала особых привилегий. Это деление учитывалось лишь при записи в дворянские губернские родословные книги, в которые должны были заноситься все дворянские фамилии. Благодаря этому губернские родословные книги позволяют определить происхождение дворянских родов и дают представление о соотношении

²⁸⁴ Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1961–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 32–33.

²⁸⁵ Поливанов В.Н. Материалы к истории Симбирского дворянства. 1781–1909. Симбирск, 1909. С. 3–4.

численности разрядов дворянства²⁸⁶. Однако зачастую они не отражали изменений, которые происходили в составе сословия, так как в них не регистрировались даты рождения и смерти. Кроме того, часть дворян не была внесена в эти книги по разным причинам. Некоторые дворяне числились в родословных книгах нескольких губерний, где имели недвижимую собственность.

Дворянские роды, могущие доказать свою принадлежность к дворянству до 1865 года, составляли 26–27 % внесенных в родословные книги родов. Дворянство по военной службе получили около 34 % всех родов, а путем выслуги на гражданской службе – примерно 28 %. Роды, дворянство которым было пожаловано непосредственно монархом, составляли 9,8 %, титулованные роды – 1,6 %.

Анализ родословных книг и дворянских списков показывает, что большую часть сословия в губерниях Европейской России составляли фамилии, получившие дворянское достоинство по военной или гражданской службе²⁸⁷. Однако на основании этих данных невозможно составить представление о реальном положении дворянина в обществе.

Численность дворянства в определенной степени регулировалась государством. Самодержавию были необходимы квалифицированные кадры гражданских и военных чиновников, что привело к значительному росту численности дворянства. По Первой всеобщей переписи населения 1897 г. к потомственным дворянам изучаемых районов Российской империи причисляло себя 16 215 человек. Численность сословия выросла по различным губерниям в сравнении с 1858 г. в 1,2 – 2,2 раза²⁸⁸. Необходимо отметить, что данные величины отражают только приблизительную тенденцию к возрастанию численности сословия. Первая всеобщая перепись 1897 г.

²⁸⁶ Соотношение численности дворянских разрядов по губерниям см.: Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. С. 32–34.

²⁸⁷ Там же. С. 50.

²⁸⁸ Общий свод по империи результатов разработки данных переписи населения, произведенной 29 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 164.

проводилась методом личного опроса, что вело к завышению численности сословия – это объяснялось тем, что каждый, считавший себя представителем высшего сословия, мог дать соответствующий ответ на вопрос о своей сословной принадлежности.

По данным переписи 1897 г., потомственное дворянство составляло малую часть населения России. На его долю приходилось 0,2–0,6 % всей численности населения империи. По губерниям потомственное дворянство распределялось следующим образом (табл.3).

Анализ половозрастного состава дворянства позволяет сказать о незначительном преобладании женского населения. Так, например, по данным Памятной книжки Симбирской губернии в 1861 г. в составе потомственных дворян насчитывалось 1471 мужчин и 1487 женщин²⁸⁹. Данные, представленные в табл. 4, показывают соотношение мужчин и женщин в составе потомственного дворянства изучаемых губерний в 1858–1897 гг. и динамику их численности.

В Поволжье низкий удельный вес дворян в численности населения объяснялся тем, что в этом регионе наряду с помещичьим землевладением существовало весьма значительное землевладение казны и удела. Точные данные о численности дворянства в начале XX века отсутствуют. В Поволжских губерниях к 1914 г. численность дворянства резко снизилась, что было связано с массовым аграрным движением, развернувшимся в период первой российской революции, и, как следствие этого, перемещением потомственного дворянства в столицы и другие города страны. Большие численные потери

²⁸⁹ Памятная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1861 г. Симбирск, 1862.

дворянство понесло в период русско-японской и Первой мировой войн.

Таблица 3

Динамика численности потомственного дворянства²⁹⁰

Районы и губернии	1858 г.	1897 г.
Казанская	2294	6779
Пензенская	3495	5336
Самарская	1598	5391
Саратовская	3565	6901
Симбирская	2678	3923
Поволжский район	13630	28330

Таблица 4

**Соотношение мужчин и женщин
в составе потомственного дворянства в 1858–1897 гг.**

Губернии	1858 г.			1863 г.			1870 г.			1897 г.		
	м	ж	всего	м	ж	всего	м	ж	всего	м	ж	всего
Казанская	1170	1124	2294	1665	1721	3386	1715	1731	3446	3192	3587	6799
Пензенская	1747	1748	3495	1775	1884	3619	1916	2096	4012	2413	2923	5336
Самарская	694	904	1598	902	1012	1914	836	884	1720	2545	2848	5391
Саратовская	1774	1791	3565	1649	1814	3463	1527	1531	3058	3231	3670	6901
Симбирская	1328	1440	2768	1337	1589	2926	1558	1557	3115	1844	2079	3923

Национальный и конфессиональный состав потомственного дворянства изучаемых губерний был достаточно одно-

²⁹⁰ Составлено по данным: Статистические таблицы Российской империи. СПб., 1863. Вып. 2; Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 29 января 1897 года. Т. 1; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 434. Оп. 1. Д. 331. Л. 1–7; ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 18. Д. 140. Л. 47–48.

роден: его представляли русские дворяне православного вероисповедания.

Несмотря на малочисленность дворянского сословия, велика была степень его участия в политической, культурной и экономической жизни страны. Дворянство изначально возникло как сословие, обязанное нести военную и государственную службу; тем самым за ним закреплялись две социальные роли – роль слуги государства и помещика. По этому критерию в составе российского дворянства можно выделить два основных слоя: поместное дворянство, владевшее землей, и служилое дворянство, основным источником дохода которого являлась государственная служба. Поместное дворянство составляло в начале XX века треть от общего числа дворян. Военная служба традиционно продолжала считаться наиболее почетной для дворянства. Позиции дворянства были особенно сильны в армии и на флоте, в органах государственного управления. Но удельный вес дворян в общем контингенте государственных служащих и офицеров неуклонно уменьшался²⁹¹.

Особый слой составляли дворяне, занимавшиеся частной предпринимательской деятельностью. Экономические интересы части помещиков перемещались в промышленные сферы. Наиболее предприимчивые из них становились владельцами сахарных, винокуренных, стекольных и других заводов. Довольно широко участвовало дворянство в акционерном предпринимательстве. Но подавляющая масса дворян-предпринимателей была собственниками мелких заведений, в основном в сфере обслуживания²⁹². В пореформенный период дворяне вынуждены были искать нетрадиционные для них формы и виды службы – поступать на работу в банки, становиться управляющими заводов и т. д.

Внутрисословная и межсословная мобильность в среде дворянства была достаточно интенсивной. Доступ в ряды

²⁹¹ Подробнее см.: Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. С. 77–93.

²⁹² Там же. С. 106–122.

дворянства был широко открыт для представителей других сословий. Гражданская и военная государственная служба, получение ордена, среднего и высшего образования по закону давали право на личное или потомственное дворянство. Открытость дворянского сословия не нарушала сословных традиций, субкультуры, ментальности. Этому способствовал рост требований к служебному положению, дававшему право на дворянство, и лояльность новых дворян к существующему режиму.

Государственная служба была основным каналом восходящей социальной мобильности для чиновников, имевших статус личного дворянства. Она предоставляла широкие возможности для приобретения потомственного дворянства после 20–30 лет службы. Кроме того, гражданская служба давала реальную возможность потомственным дворянам – офицерам и чиновникам – переместиться в высшую страту дворянства. Высшее сословие пополнялось наиболее талантливыми представителями других сословий, которые достигли профессорского звания либо получили должность. Особое совещание по делам дворянского сословия отмечало: «между тем по всем отраслям все выдающиеся деятели у нас дворяне. Так сложилась жизнь»²⁹³. Наиболее образованная часть дворянства дала немало видных представителей науки и искусства. Более половины депутатов Государственной Думы IV созыва (1913 год) были дворянами (52,4 %), в Государственном совете дворяне составляли 84 %. Практически все губернаторы были потомственными дворянами (66 человек), в губернских и уездных земствах дворяне составляли 80,35 % гласных²⁹⁴.

Земельная мобилизация была одним из главных каналов нисходящей социальной мобильности помещичьего дворянства. Число крупных и средних помещиков постоянно уменьшалось, а мелких – неуклонно росло. Обедневшее и

²⁹³ Цит. по: Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. С. 123.

²⁹⁴ Россия. 1913 год: Статистическо-документальный справочник / под ред. А.М. Анфимова, А.П. Корелина. СПб., 1995. С. 235, 245, 264, 267–268.

разорившееся дворянство фактически, а затем и юридически покидало сословие, переходило в разряд среднего и мелкого чиновничества. Переход дворянского землевладения в руки других сословий, ухудшение благосостояния дворян снижало престиж сословия в обществе.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве приводило к тому, что крупное землевладение постепенно утрачивало свой дворянский характер: поместное дворянство сливалось в один класс с частными землевладельцами. К 1905 году около трети крупных земельных собственников были выходцами из купцов и крестьян²⁹⁵. Потомственные и личные дворяне пополняли ряды профессиональной интеллигенции, чиновников, буржуазии.

Дворянское землевладение

Реформа 1861 года подвергла дворянское сословие суровому испытанию. Далеко не все выдержали его, многие поспешили расстаться с землей. Несмотря на широкую протекционистскую политику правительства (положение о временнообязанных крестьянах, предоставление долгосрочных кредитов на льготных условиях), они не сумели перестроить свое хозяйство на капиталистический лад. Стали раздаваться голоса о близящейся гибели дворянского сословия; главной угрозой для его существования считалась мобилизация земельной собственности.

В губерниях Европейской России были представлены все виды землевладения – поместное, казны и удела, церковные земли, надельное и частное купцов, мещан и крестьян. Существующее представление о распределении земель основано на данных земельных переписей 1877 и 1905 гг.

В начале XX в. на долю частных владельцев приходилась треть общего количества земли, причем большая ее часть была собственностью дворянства. Общее представление об обеспеченности земель дают данные табл. 5.

²⁹⁵ Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 402.

**Удельный вес земель помещного дворянства
в общем количестве частновладельческих земель (в %) ²⁹⁶**

Губерния	Удельный вес дворянского землевладения в % к частновладельческому
Казанская	40,6
Пензенская	49,0
Самарская	28,0
Саратовская	43,1
Симбирская	67,7
Поволжье	52,3

Для пореформенного периода был характерен процесс убыли дворянского землевладения, постепенного формирования буржуазной собственности на землю. Буржуазные отношения властно вторгались в «святая святых» феодального общества. Особое совещание по делам дворянского сословия, учрежденное в 1897 г., было вынуждено констатировать: «Частная земельная собственность утратила характер постоянства. Ныне имения продаются, покупаются, дробятся с небывалой прежде легкостью, земля стала предметом гражданского оборота на одинаковых со всеми прочими товарами основаниях»²⁹⁷. В 1905 г. количество дворянских имений в 47 губерниях Европейской России составляло 105 739 владений, в 1914 году оно уменьшилось практически вдвое и составило 62 737 владений²⁹⁸.

²⁹⁶ Составлено по данным: Статистика землевладения 1905 года. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907; Проскуракова Н.А. Размещение и структура дворянского землевладения в Европейской России конца XIX – начала XX веков // История СССР. 1973. № 1. С. 60–61.

²⁹⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1283. Оп. 1. 1 дел-во. Д. 6. Ч. 1. Л. 214.

²⁹⁸ Россия. 1913 год. С. 71.

Критерием стратификации дворянства могут выступать размеры доходов и собственности. С отменой крепостного права главным показателем богатства помещичьего дворянства стала земля. В XIX век Россия вошла аграрной страной, в которой 3/4 населения было занято в сельском хозяйстве, сохранявшем полукрепостнические отношения. Основными фигурами на селе были крестьянин и помещик.

В специальной статистической литературе начала XX века приняты новые основания для деления дворян-землевладельцев на три страты – мелко-, средне- и крупно-поместные. К низшей страте относились собственники 1–100 десятин, к средней – 100–500 десятин, к высшей – собственники более чем 500 десятин²⁹⁹. Большая часть дворянских земель находилась в руках помещиков-латифундистов, владевших землей в нескольких губерниях России.

Сопоставим структуру дворянского землевладения в губерниях Поволжья (табл. 6).

Представленные данные наглядно подтверждают тезис о засилье помещичьих латифундий, площадь которых составляла от 63 до 85,5 % всей земельной собственности дворянского сословия. В среднем в губерниях Поволжья на их долю приходилось свыше 70 % дворянской земли³⁰⁰. Число мелких помещиков постоянно возрастало, а средних и крупных – уменьшалось. Дворяне-землевладельцы перемещались в другие социальные и профессиональные группы. Особенно болезненно этот процесс происходил в низшей страте.

В конце XIX – начале XX века земля в Поволжье становится все более ходовым товаром. За период с 1877 по 1914 гг. дворянство потеряло почти две трети своего земельного фонда. По количеству поступивших в продажу сельскохозяйственных угодий в регионе лидировали Саратовская и Самарская

²⁹⁹ Стратификацию дворянства по этому критерию в указанный период см.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 1999. С. 95–96.

³⁰⁰ Проскураева Н.А. Размещение и структура дворянского землевладения в Европейской России в конце XIX– начале XX века. С. 66,72.

губернии: с 1893 по 1902 гг. в Самарской губернии было продано около 1 030 000 дес. земли, а в Саратовской – 1 203 000 дес. В дальнейшем, хотя спрос на землю был велик, темпы ее распродажи несколько снижаются.

Таблица 6

Структура дворянского землевладения в 1905 году³⁰¹

Губернии	Всего земли, в тыс. дес.	Мелкое до 100 дес.	%	Среднее до 1000 дес.	%	Крупное св. 1000 дес.	%
Казанская	457,9	7,6	1,7	161,7	35,3	288,6	63,0
Пензенская	787,1	15,7	2,0	201,9	25,7	569,5	72,3
Самарская	926,0	14,4	1,5	120,0	13,0	791,7	85,5
Саратовская	1311,2	14,8	1,1	259,8	19,9	1036,5	79,0
Симбирская	632,7	12,7	2,0	183,8	29,0	436,2	69,0

В купле–продаже земель участвовали все сословные группы, но мотивы и цели их участия были различны. Дворянство в основном распродало свои имения. За время, прошедшее с реформы 1861 г. до первой русской революции, дворянское землевладение Саратовской губернии сократилось на 61,5 %. Пик распродажи «дворянских гнезд» в изучаемых губерниях пришелся на 1906–1907 гг., когда многие поместья пришли в расстройство в результате крупнейших в России крестьянских волнений. Активная распродажа земли помещиками Поволжья была связана с характером и силой массового аграрного движения. Если в Саратовской губернии в 1905 г. дворянское землевладение сократилось на 18,1 тыс. дес., то в 1906 г. – на 196 тыс. дес., а в 1907 г. – на 212 тыс. дес. земли³⁰². В дальней-

³⁰¹ Статистика землевладения 1905 года. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907.

³⁰² Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982. С. 29.

шем темпы распродажи дворянской земли снизились, хотя и оставались более высокими, чем до революции. Причем землю продолжали продавать не только мелкие помещики, чьи хозяйства, как и крестьянские, в большой степени зависели от капризов погоды и рынка, но также средние и крупные. По подсчетам А.М. Алфимова, крупные помещики (владельцы свыше 200 дес. земли) с 1906 по 1915 гг. потеряли в 8 уездах Саратовской губернии 48,9 % своих земель.

Особенно усиленно дробились и распродавались крупнейшие (свыше 2 000 дес. земли) имения, которые требовали больших капиталовложений для нормального хозяйственного функционирования. Кроме того, управление ими было громоздким. Меньше пострадали хозяйства средней величины, более приспособленные к рынку и лучше организованные, хотя и здесь потери были значительными.

Несмотря на массовые распродажи, дворянское землевладение в Саратовской губернии оставалось самым заметным элементом в системе аграрных взаимоотношений. В 1906 г. дворянам принадлежало 1 944 351 дес. земли, что составляло 70,7 % всех частновладельческих земель. Дворянское землевладение по-прежнему сосредоточивалось в центральных и северных уездах губернии: Балашовском, Аткарском, Сердобском, Петровском, Саратовском и Вольском. Как и раньше, дворянская земельная собственность была сконцентрирована в больших владениях.

В Симбирской губернии к 1905 г. 1 092 400 дес. земли (27,3 %) находилось в частных руках, представителям дворянского сословия принадлежало 632 700 дес. земли (15,8 %). Низкий удельный вес дворянского землевладения объясняется тем, что, наряду с помещичьим землевладением, в Симбирской губернии значительным было землевладение казны и удела. Дворяне Карсунского уезда владели 162,4 тыс. дес. земли, Сызранского – 148,9 тыс. дес., Симбирского – 96,2 тыс. дес., Сенгилеевского – 61,14 тыс. дес. земли. Основная масса дворянского землевладения носила латифундистский характер. К таким владениям относилось 83,1 % дворянских эконо-

мий. Хозяйство дворян велось на основе капиталистической и отработочной системы. В конце XIX века удельный вес капиталистических экономий составил 31 %, хозяйств смешанного типа – 29 %, в остальных хозяйствах сдавали землю в аренду³⁰³.

Поместное дворянство Поволжья к 1914 году сохранило в своих руках 2 661,9 тыс. десятин земли. В целом процесс убыли дворянского землевладения не привел к существенным изменениям в аграрном секторе страны, поскольку крупные помещики, как правило, сохраняли объемы собственного землевладения. Удельный вес дворянского землевладения в общей массе частновладельческой земли составлял в Поволжье свыше 40 % (за исключением Самарской губернии)³⁰⁴.

Усиление распродажи земли было вызвано также резким повышением к началу XX в. цен на землю и интенсивным внутрисословным перераспределением дворянского земельного фонда. Во всех регионах Европейской России существовали широкие дворянско-межсословные и узкие корпоративно-дворянские поземельные торговые отношения. Более высокие цены при продаже земли дворянами представителям других сословий и более низкие при корпоративных покупках земли тормозили эволюцию сословных земельных отношений и создание бессословного земельного рынка³⁰⁵. Кроме того, большая часть дворянства еще не приспособилась к новым условиям хозяйства, и «запустение их поместий, разорение их гнезд, долги и бедность дворянства явились лишь логическими последствиями их неприспособленности»³⁰⁶.

³⁰³ Там же. С. 49.

³⁰⁴ Там же. С. 58.

³⁰⁵ Литувев В.Н. Движение дворянского землевладения в Нечерноземье в эпоху капитализма (опыт количественного анализа) // История СССР. 1973. № 2. С. 97; Его же. Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России: теоретические вопросы, информационная база данных, управление земельным рынком. М., 1997.

³⁰⁶ Цит. по: Хохонин О.М. Помещичье хозяйство Воронежской губернии в конце XIX– начале XX в. // Известия Воронежского государственного

На мобилизацию помещичьей земли оказывала влияние и неудовлетворительная хозяйственная конъюнктура, приводившая к огромной задолженности помещиков различным поземельным банкам. Поместное дворянство было не в силах выпутаться из критического положения. Сокращалась доля дворянских земель в общем земельном фонде страны и в частном землевладении³⁰⁷, что определило активность дворянских обществ, требовавших принятия мер к упрочению позиций дворянского землевладения.

Помещичье хозяйство в Среднем Поволжье

К середине XIX века сельская дворянская усадьба в России была для многих поколений людей, принадлежавших к дворянскому сословию, связана с такими понятиями, как «мир детства», «родная земля», «отчизна». Невозможно представить поместного дворянина без своего имения, без своей усадьбы. Формирование дворянских усадеб в Среднем Поволжье происходило позже, чем в центральных регионах страны. Освоение заволжских земель дворянством осуществлялось параллельно с казной и уделом в XVIII – первой половине XIX в. переселенцами из «внутренних» губерний «порубежного края Российской державы». В исследуемый период, как отмечает П.И. Савельев³⁰⁸, помещичьи владения располагались чересполосно с другими, в ряде случаев – на границах с башкирскими землями. Вокруг многих дворянских имений были обширные пространства, принадлежащие казне, крестьянам, уделу и пр.

Помещичьи усадьбы складывались в XIX в., когда большинство дворян обустроивали свои имения под влиянием традиций центральной России. Их архитектурный облик носил разнообразный характер и зависел от многих факторов: вкусов и состоятельности владельцев; от моды и традицион-

педагогического института. 1976. Т. 157. С. 36.

³⁰⁷ Подробные данные см.: Динамика землевладения в России 1906–1914 гг. М., 1989.

³⁰⁸ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994. С. 178–179.

ных представлений о сельском жилище; от функционального назначения и т. д. Часть этих поместий строилась в качестве летних резиденций, где владельцы отдыхали от городской суеты, некоторые же становились центрами сельскохозяйственных «экономий», куда дворяне приезжали по необходимости в определенное время; немало в губернии было таких усадеб, которые превращались в постоянные места жительства их обитателей.

Дворянские усадьбы были схожи между собой в основных чертах и закономерностях их хозяйственного устройства. Во второй половине XIX в. типичное поместье средней руки включало в себя пашню (58,5 % удобной земли); усадьбу, огород, сад (1,3 %); луга (11,4 %); выгоны и пастбища (9,4 %); леса (19,4 %). Во многих хозяйствах земля делилась по угодьям на удобную и неудобную. Удобная подразделялась на усадебную, пашенную, сенокосы и пастбища, лесную. В зависимости от имевшихся угодий в помещичьих хозяйствах выделялись основные производственные отрасли (полеводство, животноводство) и дополнительные (лесоводство и пр.).

Основу как помещичьего, так и крестьянского хозяйства составляло пашенное земледелие, имевшее ярко выраженную зерновую направленность. Хлебопашество продолжало оставаться в основном экстенсивным, поэтому одним из важнейших условий его развития являлось расширение посевных площадей. Помимо этого, развито было животноводство и различные виды промышленного производства, а в некоторых хозяйствах они играли ведущую роль.

Развитие капиталистических отношений в сохранявшихся дворянских имениях, превращение земледелия в товаропроизводящую отрасль хозяйства, привело к значительному расширению посевных площадей, изменению системы севооборота, способов обработки земли, состава возделываемых культур. из-за конкуренции с другими слоями населения, увеличивавшими посевные площади, дворянам приходилось изменять систему полеводства в своих имениях: распахивать степи, сокращать выгоны, вводить новую систему хозяйствования.

Немногие были готовы перейти к использованию новых методов в земледелии; в основном предпочитали традиционные, проверенные способы. В конце XIX в. для поволжских губерний в целом были характерны: трех- и четырехпольная, а также смешанная системы землепользования, наряду с залежной. Выбор той или иной системы зависел от качества земли в конкретных уездах.

В восточной части Бугурусланского уезда Самарской губернии залежная система хозяйствования носила повсеместный характер. В большинстве случаев она была нерегулярной, в отличие от Самарского и Ставропольского уездов, где залежь повсеместно регулировалась. В экономии Е.В. Васильчикова (с. Пилюгино и Коржовка) наряду с трехпольной системой севооборота практиковалась 18-летняя залежь³⁰⁹. Аналогичная ситуация складывалась в Александровском имении князя А.Б. Голицына³¹⁰, в экономии Дурасова (Степное Дурасово)³¹¹. У С. Б. Брянчинова (д. Ломтевка) пашня использовалась под посевы не более двух лет, а затем отдыхала 10–15 лет. В имении П.Ф. Дурасова (д. Ново-Петровская и Настасьино Графской волости) на ковыльной залежи сеялись яровые хлеба три года подряд, а на пырейном перелогe – два года подряд; рожь высевали на отдельном участке с трехпольным севооборотом³¹².

В имении И.С. Дементьева (при волостном селении Покровском) посев велся по трехпольной системе на мягкой земле, из которой неопределенная часть ежегодно запускалась в залежь, и вместо нее распахивалась часть давно необрабатываемых пахотных земель. Здесь на первый год сеялась пшеница, а на следующий – овес или гречиха. Той же формы хозяйствования придерживались в экономии В.В. Опочининой (с. Богдавленское Могутовской вол.). В имении

³⁰⁹ Фортунатов А.Ф. Очерк частновладельческого хозяйства в Бугурусланском уезде Самарской губернии // Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Самарский уезд. Самара, 1883. С. 59.

³¹⁰ ЦГАСО Ф. 322. Оп. 2. Д. 671. Л. 4–5.

³¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 624. Л. 27.

³¹² Там же. Оп. 1. Д. 732. Л. 4.

С.А. Шрейберг-Возницкой (д. Божедаровка Таллиннской вол.) с 1887 г. от нерегулированного севооборота перешли к трехпольному.

Во второй половине XIX в. господствующей системой земледелия в Саратовской губернии стало трехполье, за исключением Царицынского уезда, где преобладала залежная система. Однако с 80-х гг. XIX в. во многих частновладельческих хозяйствах начался активный переход к более прогрессивным системам (многополью и травосеянию), которые стали преобладающими в начале XX в. В целях повышения плодородия почвы практически во всех частных хозяйствах применялось ее удобрение. При необходимости использовались мелиоративные работы: орошение и осушение. В пореформенный период в частновладельческих хозяйствах стали широко применяться усовершенствованные орудия труда, например, многолемешные плуги, молотилки, жатки, веялки и пр. При этом в качестве тягловой силы выступал как рабочий скот (лошади, волы, режа – верблюды), так и паровые машины (с 80-х гг. XIX в.). С 60-х гг. XIX в. в частных хозяйствах Саратовской губернии отмечается постоянное повышение урожайности основных сельскохозяйственных культур. В то же время многие крупные землевладельцы, часть зажиточных крестьян, поселяне южных немецких волостей Камышинского уезда, меннониты Новоузенского уезда на своих землях вводили четырехпольную и многопольную системы севооборота. Особенно выделялись крупные помещичьи имения. Так, в одном из наиболее известных поместий Балашовского уезда – Пады В.Л. Нарышкина, в котором ежегодно засевалось свыше 15 тыс. дес, – была установлена сложная система севооборота, учитывавшая особенности не только каждой из шести экономий поместья, но и отдельных их подразделений – хуторов.

Первое место среди зерновых в губерниях Среднего Поволжья занимали посевы ржи – озимые и яровые. Среди яровых культур распространены были пшеница, ячмень, гречиха, горох, просо, полба, лен, также в некоторых хозяйствах высевалась кукуруза в качестве корма для скота.

Поступательное развитие земледелия в регионе, повышение роли агротехники и агрокультуры в хозяйствах крупных землевладельцев способствовали росту объема валовых сборов зерна. В 1911–1915 гг. удельный вес валового сбора в Самарской губернии (от общего количества собранного зерна в Поволжье) достиг 35,6 %, в Саратовской – 21,8 %. Благодаря именно этим губерниям, да еще в некоторой степени Симбирской, современники называли Поволжье «зерновой фабрикой» России. Накануне первой мировой войны Самарская, Саратовская и Симбирская губернии давали 10 % от всего валового сбора зерна в стране.

В крае давно сформировались центры хлебной торговли, широко известные и за пределами региона. Самым большим среди них оставался Саратов, из которого за период с 1909 по 1913 гг. ежегодно в среднем вывозилось по железной дороге 5 738 000 пудов хлебного груза, а по Волге – 11 440 000 пудов. Значительными торговыми центрами были в правобережье Царицын, Балашов (из него отправлялось ежегодно 6 439 000 пудов), Петровск, Камышин, а в Заволжье – Покровск, Баронск, Ровное, и особенно Балаково, известное своей хлебной биржей и являвшееся подлинной «столицей» заволжской пшеницы. На его пристани в 1910 году (среднеурожайном) было закуплено 9 303 000 пудов этой культуры³¹³.

На лучших землях многие дворяне вели свое хозяйство, ориентированное на потребности рынка, для чего помещики прибегали к получению ссуд в Государственном банке, Государственном дворянском поземельном банке, Саратовско-Симбирском акционерном земельном банке. Но часто эти ссуды использовались нерационально, шли не по назначению, что вынуждало владельцев отдавать земли под залог. В 1906 г. в Саратовской губернии было заложено 54 % дворянских земель³¹⁴.

Большая часть помещиков не стремились к модернизации сельскохозяйственного производства: вследствие быстрого

³¹³ Очерки истории Саратовского Поволжья. 1894–1817. Т. 2. Ч. 2. Саратов, 1999. С. 35.

³¹⁴ Там же. С. 22.

роста сельского населения рабочая сила имела в избытке и почти бесплатно. К 1905 году всего 3 % дворян-землевладельцев смогли перевести свои имения на капиталистические рельсы с применением сельскохозяйственных машин и наемного труда. Сильнейшее влияние на эволюцию их хозяйств оказал кризис сбыта сельскохозяйственной продукции в конце XIX века. Развитие парового транспорта жестоко ударило по экстенсивному зерновому хозяйству российских помещиков.

Крупное и среднее поместное дворянство было наиболее устойчиво экономически. Однако природа помещичьего землевладения определялась не только размерами латифундий, но и разницей по составу угодий между помещичьим и крестьянским землевладением. Чересполосица, дальнотемелье, фактическое лишение крестьян лесных угодий, пастбищ, сенокосов, наличие большого количества неразмежеванных и спорных земель сохраняли возможность для полукрепостнической эксплуатации крестьян и вели к упорной борьбе последних против помещиков.

Преобладание крупного дворянского землевладения оказывало решающее воздействие на систему ведения хозяйства, характер землепользования и, в конечном счете, на темпы буржуазной аграрной эволюции. В Поволжских губерниях преобладала отработочная система³¹⁵.

Характер землепользования определялся соотношением между экономической запашкой и арендным фондом. По данным Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в начале XX века примерно 2/3 частновладельческих земель обрабатывалась крестьянами на арендных началах³¹⁶. Помимо роста продажи сельскохозяйственных угодий, товарный рынок способствовал также быстрому раз-

³¹⁵ Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: Источники и методы изучения. М., 1982. С. 177, 223–226.

³¹⁶ См.: Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961. С. 15.

вitiю земельной аренды, в которой участвовали с разными целями различные слои населения.

Крупно- и среднепоместные дворяне, применявшие смешанную систему хозяйствования, сдавали часть земли крестьянам в наем мелкими участками. Имея малые наделы земли, особенно в северных густонаселенных уездах, и стремясь сохранить их, крестьяне, чтобы выжить, были вынуждены арендовать у помещиков небольшие участки земли за деньги, исполу, из доли урожая или за определенную работу в пользу землевладельца. Крупно- и среднепоместные дворяне собственные земли сдавали большей частью под один посев, но были случаи и долгосрочной аренды. По данным Дворянского банка, из 224 имений Самарской губернии в 61 были посе- вы, помещики вели собственное хозяйство своим инвентарем и трудом наемных рабочих. 60 владельцев собственного хозяйства не вели, все земли сдавали в аренду крестьянам. В 103 экономиях часть земель засеивали сами, а большую часть отдавали в аренду крестьянам за деньги, за отработки и из доли урожая³¹⁷. Земля сдавалась и на таких условиях, как засеять помещику определенное количество десятин ярового хлеба, вспахать под пар и забороновать, свозить снопы, скосить и убрать сено. Многие крестьяне работали на полях за хлеб, взятый взаймы в весеннее время. Так, в Ставропольском, Самарском, Бузулукском и Бугульминском уездах землевладельцы обязывали крестьян в качестве процентов за каждые 10 пудов заемного зерна убрать по одной десятине посева³¹⁸. Были и такие помещики, которые сами посевов не производили, сдавая всю землю местным крестьянам. Так, дворяне В.А. Лохвицкая (сельцо Андреевское Бугульминского уезда)³¹⁹, Н.Н. Иванова

³¹⁷ Наякшин К.Я. Развитие капитализма в России (60–80-е гг. XIX в.) Лекция, прочитанная в Куйбышевской межобластной четырехгодичной партийной школе. М., 1957. С. 9–10.

³¹⁸ Наякшин К.Я. Очерки из истории Среднего Поволжья. Куйбышев, 1955. С. 145.

³¹⁹ ЦГАСО Ф. 322. Оп. 1. Д. 203. Л. 14 об.

(хутор Андреевский Бузулукского уезда)³²⁰, И.С. Дементьев (д. Дементьевка и с. Петровское Бузулукского уезда)³²¹ ограничивались взысканием арендной платы за сдаваемую землю.

По воспоминаниям Н.Г. Гарина-Михайловского, мелкопоместные дворяне с майоратными участками, как правило, чтобы как-то выжить, землю свою задаром сдавали в аренду, а сами нищенствовали³²².

Другим видом аренды земельных угодий было выделение на помещичьей земле узких прогонов для скота и взимание за пользование ими с крестьян определенной платы. Крестьянский скот нередко заходил на посевы или луга землевладельца, за что с крестьян полагался штраф в виде отработки на хозяйских полях. В южных уездах, где водопой были редкими, помещики брали плату за водопой, иногда в форме отработки.

Особенно широко использовались сенокосные угодья, их сдавали крестьянам, – как за деньги, так и за отработки. Отработочная система, широко распространенная в помещичьих хозяйствах, была прямым остатком барщины.

По обследованию 1897–1900 гг. в Саратовской губернии в посеве на землях средних и крупных владельцев собственная запашка составляла всего лишь 289 571 дес. (35,4 % обследованной земли), тогда как остальные 527 699 дес. сдавались в аренду, в том числе: в долгосрочную денежную один посев – 220 203 дес. (26,9 %), на условиях испольщины – 130 481 дес. (16,0 %). Крестьяне–общинники арендовали не только пашню, но и пастбищные угодья. Л.Н. Любомирова отмечала, что «около половины всех крестьянских общин губернии вынуждены были арендовать пастбища. В том числе 4,1 % всех общин пасли скот только на арендованной земле»³²³.

³²⁰ Там же. Оп. 2. Д. 167. Л. 12 об.

³²¹ Там же. Оп. 1. Д. 97. Л. 10 об.

³²² Гарин-Михайловский Н.Г. Несколько лет в деревне. Очерки, драма. Чебоксары, 1980. С. 136.

³²³ Очерки истории Саратовского Поволжья. 1894–1817. Т. 2. Ч. 2. С. 24– 25.

Владельцы и субарендаторы, исходя из вынужденного характера аренды большинством крестьян, поднимали цены сдаваемых участков. Только за долгосрочную аренду цены за последнюю четверть XIX века возросли (почти повсеместно) в 1,3–2,3 раза¹⁹. При таких условиях аренды съемщик не мог рассчитывать на получение прибыли. С начала XX века наметилась тенденция к сокращению земельной аренды у владельцев, и прежде всего исполной. Как отмечали земские служащие, причинами этого были непомерный рост арендной платы, продажа дворянами части поместий в другие руки, в том числе крестьянам, большой доход владельцев от обработки земли, чем от арендной платы, и другие причины.

Дворяне–землевладельцы сдавали в аренду крестьянам не только неиспользуемые ими угодья, но и значительную часть тех земель, которые находились в их собственной запашке. Так, например, по данным переписи 1917 года в Усольском имении графа Орлова-Давыдова (Сызранский уезд Симбирской губернии) крестьянам окрестных деревень сдавалось пашни 14 260 дес., сенокосов – 2 000 дес., пастбищ – 9 380 дес.³²⁴

Являясь известнейшим хлебным регионом, Поволжье оставалось также одним из крупных поставщиков мяса для центральных районов России, в первую очередь для обеих столиц. Развитие животноводства в крае шло в тесной связи с ростом земледелия и находилось в зависимости от него. В пореформенный период для более успешного перехода дворянских экономий на капиталистический лад большинство помещиков приобретали крупный рогатый скот для сельскохозяйственных работ. Наличие скота обеспечивало владельцу экономию при найме рабочих, удобрения для пашни, прибыль при продаже животных.

По данным статистического комитета Симбирской губернии, в 1909 году в губернии насчитывалось 1 382 325 голов скота: лошадей – 288 983, крупного рогатого скота – 282 968, овец

³²⁴ Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX века. С. 15.

простых – 682 948, тонкорунных – 16 605, свиней – 103 408, коз – 7 414³²⁵.

Помещики в своих хозяйствах стремились выписывать из-за границы или из других губерний России высокопроизводительный и породистый скот. В помещичьих хозяйствах губернии был распространен молочный скот бестужевской породы. Лучшее стадо коров бестужевской породы было у Софьи Николаевны Буторовой, наследницы дворянских родов Давыдовых и Бестужевых. Она оказалась в этот период главной хранительницей генофонда бесценного в наших условиях бестужевского скота – самого известного и значительного семейного достижения симбирских дворян Бестужевых. В 1910 году Симбирским губернским земством у нее было приобретено стадо племенного скота бестужевской породы для Анненковской опытной станции³²⁶. Молоко продавалось в чистом или переработанном виде (сметана и творог).

Второй по значимости отраслью животноводства в Симбирской губернии было коневодство. Лошадей разводили как тягловую силу для сельскохозяйственных работ. В 1904 году в дворянских хозяйствах губернии насчитывалось 76 конезаводов, там содержалось 292 производителя и 1914 маток. Представителям дворянского сословия принадлежал 71 конезавод. По уездам конезаводы распределялось следующим образом: в Симбирском уезде – 19 на 65 производителей и 366 маток, Сызранском уезде – 9 на 31 и 110 соответственно, Карсунском – 18 на 84 и 622, Сенгилеевском – 14 на 94 и 339, Ардатовском – 9 на 16 и 174, Курмышском – 6 на 69 и 247, в Буинском – 1 на 3 и 29³²⁷. На конезаводах разводили лошадей рысистых, рабочих и тяжеловозов, которые были необходимы для хозяйственных

³²⁵ Адрес-календарь и Памятная книжка Симбирской губернии за 1910 г. Симбирск, 1910. С. 56.

³²⁶ Громова Т., Ершова Л. И вечен род // Мономах. 2004. № 1. С. 22–23; Отчет о сельскохозяйственной выставке в Симбирске в 1910 г. Б. г., б. м. С. 56.

³²⁷ Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1904 год. Симбирск, 1903. С. 87.

нужд. Овец разводили во многих помещичьих хозяйствах; их насчитывалось более 700 тыс. голов (в том числе до 50 тыс. тонкорунных); шерсть с них шла на суконные и овчинные фабрики. Тонкорунное овцеводство более развито в уездах Сызранском (до 24 тыс. голов) и Симбирском (более 12 тыс. голов).

Во многих имениях Саратовской губернии было хорошо развитое животноводство, важнейшей отраслью которого являлось рабочее коневодство. Разведение крупного рогатого скота в губерниях имело два направления: мясо-молочное и тягловое. Степной характер южных уездов Саратовской губернии способствовал развитию овцеводства, постепенно превратившегося в хорошо организованную и рентабельную отрасль хозяйства. Подавляющее большинство овец относилось к мериносовым породам (негретти, рамбулье, электораль). Свиней, коз и птицу обычно держали для нужд собственного поместья. В целом в дворянских хозяйствах Саратовской губернии животноводство играло важную роль в развитии хозяйства, хотя и уступало зерновому производству. Некоторые помещики держали так называемые заводы племенного скота. Так, П.А. Васильчиков, бывший одно время петровским уездным предводителем дворянства (Саратовская губ.), в своем имении, считавшемся образцовым, имел заводы конной рысистой породы и коров симментальской породы.

В Бузулукском уезде Самарской губернии коневодство, являясь одной из старейших отраслей помещичьего хозяйства, было хорошо развито. По сведениям конской переписи 1882 г., в уезде насчитывалось 14 конских заводов с 62 жеребцами и 469 кобылами. Здесь разводились лошади смешанных пород, среди них – помесь «башкирской» и «русской», или «рыистой», а также «киргизской» и «рыистой»³²⁸.

Самым крупным являлся завод А.Н. Стобеуса (с. Александровка Таллинской вол.), основанный в 1852 г. Первые производители приобретались с заводов В.П. Войкова, графа Зубова,

³²⁸ Богородский Н. Очерк частновладельческого хозяйства в Бузулукском уезде Самарской губернии. Самара, 1889. С. 72.

С. Н. Терпигорева, В.Я. Тулинова, П.А. Павлова и графа Сангушко. В 1863 г. владелец купил жеребцов у конезаводчиков Тулинова и Павлова, а в 1868 г. – у графа К.К. Толя, в 1872 г. – у Бабина, в 1885 г. – у графа Воронцова-Дашкова, «рысистой» породы. Жеребят начинали объезжать с трехлетнего возраста. После выездки жеребцы, признанные годными для племени, оставлялись для обновления собственного завода. Животные с хорошими задатками отправлялись в г. Санкт-Петербург на продажу по 500 руб. Брак продавался на месте, по 150–750 руб. Молодые матки ставились в стойло несколько позже жеребцов, часть их направлялась на обновление племенного табуна, а остальная продавалась по 125–400 руб. Летом матки и жеребята паслись в табунах на пастбищах, зимой взрослые животные стояли в стойлах, а молодые – в общих теплых конюшнях. Для выводки лошадей в хозяйстве был устроен крытый манеж, а для выездки устроен ипподром. Кормились лошади, как и во всей губернии, – в рацион входили овес, сено, солома.

Лошадей «рысистой» породы содержали на заводе Бабинцева (д. Бабинцево Таллинской вол.), для которого кобылы были куплены с завода А.Н. Стобеуса, а жеребцы – с завода Хреновского и Волкова. Кроме «рысистой», здесь разводили помесь «киргизской» с «рысистой». На заводе Н.А. Корф (при д. Зимних Булгаковской вол.) содержалась помесь «башкирской» породы с «рысистой» Хреновского завода³²⁹.

В Самарской и Саратовской губерниях важной отраслью животноводства являлось овцеводство, характерное главным образом для крупнопоместных хозяйств. В губернии разводили овец, как мериносовых, так и простых пород. По размерам мериносового овцеводства к концу 1890-х гг. Бугурусланский уезд занимал первое место по губернии. Почти все мериносовые стада электоральной породы скрещивались с другими элитными породами овец – «негретти», «рамбулье», а отчасти – с немериносовыми (их называли «полушленки»). Испанскую породу с 1840-х гг. разводили в имениях Карамзиных и Шелашниковых. Разведение овец существовало в Никольском

³²⁹ Там же. С. 73–74.

заводе М.К. Милютина; овцы электоральной породы были доставлены сюда из Саратовской губернии. В 1863 г. стадо насчитывало до 15 тыс. голов. В 1864 г. было куплено 7 электоральных баранов из Усолья, ценой: 2 – по 100 руб. и 5 – по 50 руб. В 1877 г. хозяином были приобретены 2 барана породы «электораль» у Кошани, в Петровском уезде Саратовской губернии, по цене 100 руб. каждый, несколько маток по 25 руб., а на следующий год – еще 3 барана той же породы. В 1880 г. там же были закуплены 2 барана и 46 маток. В 1878 г. владелец купил одного «рамбулье» из стада князя Ливен в Вольском уезде, по 150 руб. Наравне с этим, завод сам реализовывал в год до 5 племенных баранов по цене от 50 до 200 руб. за голову. В конце XIX в. в стаде преобладала порода «электораль – негретти». К 1890–м гг. стадо уменьшили до 5 тыс. 327 голов³³⁰.

В хозяйстве князя А.Б. Голицына (д. Поповка Троицкой вол.) в числе 2953 голов скота находилось 176 баранов, 1301 матка, 960 валухов и 516 – молодняка. Бараны для обновления стада доставлялись из Саратовской губернии³³¹.

Самый крупный завод мериносовых овец в Самарской губернии был основан в начале XIX в. в усадьбе Самариных. Начали дело с нескольких высокопородных овец и баранов, приобретенных за 8 тыс. руб. золотом в Богемии. Овчарный завод дополнили заводами крупного рогатого скота и конным. К 1807 г. в вотчину входили дополнительно: с. Озерецкое, с. Озерки, с. Вязовка. В Вязовке размещались: конный завод на 400 лошадей английской, датской, персидской, арабской пород; завод крупного рогатого скота на 1700 голов английской и голландской пород; свиноводческий завод на 358 голов английской породы; овцеводческий завод с овцами испанской и голландской пород. Овцеводство было размещено на хуторах: Частые, Купанновский, Мишинский, Гремячинский. Здесь были дома для приказчиков и бараки для чабанов

³³⁰ Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. IV. Бугурусланский уезд. С. 80–81.

³³¹ ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 2. Д. 671. Л. 3 об.

и сезонных рабочих. Овцы испанской породы завозились из Одессы с завода Миллера.

О размерах овчарного дела Самариных свидетельствуют цифры: ежегодно после весенней стрижки владельцы продавали сырье сукнопромышленникам Четвериновым, с которыми были связаны договором, – 10–11 тысяч пудов тончайшего руна. Сукно, полученное из этой шерсти на заводе Четвериновых, шло на пошив шинелей офицеров царской гвардии.

Современники считали завод Самариных одним из лучших в России, что было отмечено в издании 1870 г. «Опыт мериносового овцеводства в экономии Ф. В. Самарина», а также золотой медалью Российского общества овцеводства, присужденной Самариным в 1872 году за образцовую постановку дела и высокое качество руна.

В 1878 г. Д.Ф. Самарин принимал участие на Парижской Всемирной выставке, где им были представлены три руна: с годовалого барана, весом 17 фунтов, годовалой матки – 8,54 фунтов и с валуха. За них ему присудили почетный отзыв. На июнь 1883 г. завод вместе с ягнятами и с браком, назначенным к продаже, насчитывал около 10 тыс. 300 голов помеси «электоральной» породы с «негретти». Все овцы содержались при дворах: Васильевском, Озерецком и Полевом³³². Благодаря развитию скотоводства, особенно мелкого, в южной части губернии и в крупных помещичьих имениях, Саратовское Поволжье относилось к числу губерний с развитым овцеводством. В ней в 1914 г. на 100 жителей было 63,6 овцы и козы, в то время как в среднем по стране – 48,0³³³.

Подобные заводы племенных лошадей, овчарни с тысячами тонкорунных овец, стада породистого рогатого скота или свиней были и в ряде других крупных имений всех остальных уездов изучаемых губерний.

³³² Сборник статистических сведений по Самарской губернии. Т. 1. Самарский уезд. С. 91–96.

³³³ Очерки истории Саратовского Поволжья. 1894–1817. Т. 2. Ч. 2. С. 38–39.

В годы проведения аграрной политики П.А. Столыпина стали складываться более благоприятные условия для развития животноводства. Повсеместно отмечалось повышение цен на мясомолочную продукцию. В ряде крупных хозяйств сложившаяся конъюнктура была учтена и поголовье скота стало увеличиваться. Например, в Баландинском имении (Саратовская губерния) одного из крупнейших помещиков России, гр. С.Д. Шереметева, балансовая стоимость скота выросла с 43 тыс. руб. в 1907 г. до 279 тыс. руб. в 1913 г. В Андриановском имении (Петровского уезда) другого крупного землевладельца М.М. Устинова за 1900–1914 гг. поголовье коров увеличилось с 80 до 300, свиней – с 400 до 2000, а овец – с 18 500 до 20 000 ⁶.

Зерновое, лесное и скотоводческое хозяйство были далеко не единственными сферами предпринимательской деятельности помещиков губернии. К концу XIX в. дворянство в несравненно больших, чем ранее, масштабах втягивалось в новые производственные отношения. Капитализация дворянских имений выразилась, в первую очередь, в применении техники и организации промышленных заведений.

Помимо общих причин, обусловивших рост капиталистической промышленности в России, на ее развитие в изучаемых губерниях особое влияние оказала капиталистическая перестройка сельского хозяйства: углубление зерновой специализации, рост товарности и применения наемного труда. В наследство от дореформенной эпохи дворянским усадьбам достались небольшие промышленные предприятия, работавшие главным образом для переработки сельскохозяйственной продукции, а также тех ресурсов и природных ископаемых, которые находились на территории имений. В исследуемый период эти предприятия стали обновляться и расширяться.

Сырьевой базой промышленности было местное сельскохозяйственное производство. Большая часть дворянских имений специализировалась на переработке зерновых культур. В исследуемый период среди промышленных предприятий численно преобладали мельницы, крупорушки, маслобойни и т. д. Мукомольные мельницы имелись практически в каж-

дом крупно- и среднепоместном дворянском имении. В зависимости от достатка владельца, они были разных типов – конные, ветряные, паровые, водяные, с разной мощностью.

В конце XIX в. в Самарской губернии, не считая мельниц, существовало множество промышленных заведений, в том числе: 12 салотопельных и бойных, 46 кожевенных, 13 шерстобитных, 369 овчинных, 24 крупчатых, 112 маслобойных, 69 кирпичных, 3 лесопильных, 2 спичечных, 2 суконных, 2 воскобойных и свечно-восковых, 9 красильных, 8 сырмятных, 15 поташных, 3 солодовенных, 5 винокуренных, 2 сахарных, 135 крупяно-обдирочных, 6 мыловаренных, 57 гончарных, 2 чугунолитейных, 1 пивоваренный, 1 водочный, 1 клеевой³³⁴. В указанный перечень включены и дворянские предприятия, отдельных же данных о них обнаружить не удалось. Традиционными отраслями для дворянских имений являлись хлебная промышленность, винокурение, сахарное производство, т. е. предприятия, связанные с переработкой продуктов сельского хозяйства.

Наиболее развитое техническое производство было в дворянских имениях Бугурусланского уезда, где развивалась легкая промышленность. Вплоть до 1870-х гг. там функционировала целая сеть суконных фабрик, которые впоследствии пришли в упадок. Так, по сведениям конца XIX в., у средней по достатку помещицы Колбецкой (с. Неклюдово) для работы на имеющейся сукновалке нанималось несколько человек, дополнительно в их обязанности входила скупка материала по окрестным селениям. За это они получали по 6–7 руб. за 1000 аршин заготовленного сукна. Ежегодно в хозяйстве изготовлялось до 16 тыс. аршин сукна. Ческа владельцу обходилась в 1 руб. 20 коп. с пуда, а за год набиралось 200 пудов³³⁵. У Д.И. Рычкова (с. Суле) так же, как и у Колбецких, чесальная машина и сукновалка работали на одном приводе с мельницей. Материал для чесалки приобретали у соседей, после

³³⁴ ЦГАСО. Ф. 171. Оп. 1. Д. 50.

³³⁵ Фортунатов А.Ф. Очерк частновладельческого хозяйства в Бугурусланском уезде... С. 87.

стрижки овец. На описываемой фабрике производили верблюжье сукно и серое армейское по 1 руб. за аршин. Ежегодно на 50 рабочих ручных станках производили до 20 тыс. аршин верблюжьего сукна и 30 тыс. серого³³⁶. В Елизаветинской экономии у Е.Н. Лермонтова была также суконная фабрика, где на 35 станках производилось верблюжье и армейское серое сукно. Его реализовывали на Нижегородской ярмарке³³⁷. На сукновалку помещиком нанимались: 1 рабочий, с оплатой за каждые 100 аршин сукна – 8 руб.; мастер – за 10 руб. в месяц; подмастерье – за 3 руб. 50 коп. и хозяйское содержание. Весной 1881 г. в имении было обработано 22 тыс. аршин, в 1883 г. – 33 тыс. аршин сукна. До 70-х гг. XIX в. сукновалки были во многих крупно- и среднепоместных имениях – у Осоргиных, Карамзиных, Нагаткиных, Шелашниковых, Дурасовых и др. Но из-за нерентабельности и убытков к концу 1880-х гг. в уезде их осталось только три – у Рычковых, Племянниковых и Юматовых³³⁸. В Бузулукском уезде, по сведениям 1889 г., дворянам принадлежало две маслобойни, салотопка, смолокурня.

В условиях капитализации хозяева дворянских усадеб становились производителями вина и сахара. В уездах Самарской губернии винокуренные предприятия принадлежали крупным и средним землевладельцам. В поместье Осоргиных (с. Святодухово) винокуренный завод ежегодно производил до 153 тыс. ведер вина на сумму 168 300 руб., с обслуживающим персоналом 87 человек. Кроме этого, при имении были пивоваренный и водочный заводы, где за год выкуривали до 6 тыс. ведер пива на 7 800 руб. и 5 тыс. ведер спирта на 25 тыс. Корпуса всех заводов были каменные, крытые железом³³⁹. Еще один винокуренный завод был в имении В.А. Дебу (с. Троицкое). Рожь для завода помещик приобретал в основном у

³³⁶ ЦГАСО Ф. 171. Оп. 1. Д. 13. Л. 83 об.

³³⁷ Там же. Л. 73.

³³⁸ Фортунатов А.Ф. Очерк частновладельческого хозяйства в Бугурусланском уезде... С. 88.

³³⁹ ЦГАСО Ф. 171. Оп. 1. Д. 22. Л. 15.

ближайших частновладельцев³⁴⁰. В имении Шелашниковых (с. Никольское) работал водочный склад. В другой их усадьбе (с. Петровское) были винокуренный и поташный заводы³⁴¹. Винокуренный завод действовал в имении Ф.О. Елачина (село Павловка). Произведенный сорокапроцентный спирт владелец сбывал в Нижний Новгород и Рыбинск. В имении до 1877 г. был и поташный завод³⁴².

В Николаевском уезде в хозяйстве А.Е. Пашкова (с. Большая Глушица) находился оптовый винный склад в деревянном одноэтажном, с земляным полом и крышей, здании. Спирт сюда привозили с Никольского винокуренного завода (с. Никольское Сызранского уезда Симбирской губернии) указанного владельца. Ежегодно доставляли до 8 тыс. ведер спирта на общую сумму 55 тыс. руб. Виноград обрабатывали механическим путем, на паровых машинах работало всего 2 человека³⁴³. В Симбирской и Саратовской губерниях также главное место среди дворянских предприятий занимали выделка сукон, мукомольное производство и винокурение.

Общественно-политическая деятельность дворян Среднего Поволжья

Социально-экономическое положение помещиков оказывало существенное влияние на их социальное самочувствие и положение в обществе, а также на деятельность корпоративных дворянских организаций. Причины кризиса сельского хозяйства помещики видели не в крестьянском малоземелье, а в низком уровне крестьянской агротехники и невежественности крестьян. Они всячески обосновывали выгодность помещного землевладения и считали необходимым не только защищать его, но и насаждать.

Пrestиж помещного дворянства в обществе базировался на традиции и покровительственной политике царского правительства. Постоянная убыль дворянского землевладения,

³⁴⁰ Там же. Д. 22. Л. 11 об.

³⁴¹ Там же. Д. 13. Л. 48 об.

³⁴² Там же. Д. 13. Л. 55.

³⁴³ Там же. Д. 13. Л. 32 – 35.

огромная задолженность помещиков Дворянскому банку, слабая разработанность аграрного законодательства заставляли экономически и политически разобщенное поместное дворянство искать пути для сохранения и укрепления своих позиций. Оно направляло основные усилия своих корпоративных организаций на сохранение дворянского землевладения и защиту своих сословных привилегий.

Дворяне каждой губернии составляли отдельное дворянское общество, высшими их органами были дворянские собрания, которые собирались один раз в три года. Закон определял состав членов дворянских обществ, их права, регламентировал деятельность дворянских собраний, предводителей дворянства, их участие в местном управлении³⁴⁴.

Дворянские собрания представляли целое событие в жизни губернского города. Они вносили оживление в обыденную провинциальную жизнь. Первые два–три дня посвящались заслушиванию докладов губернского предводителя, решению местных проблем. После этого дворяне собирались по уездам, и, заслушав уездные доклады, утверждали смету и размер обложения имущества дворянской повинностью. Заканчивались собрания выборами дворянских должностных лиц. Компетенция дворянских обществ и их собраний определялась рамками «нужд и польз» сословия без права «касаться вопросов, относящихся до изменения существенных начал государственных в России учреждений»³⁴⁵. Миропонимание, этика и поведение поместного дворянства резко различались в зависимости от того, делались ли они земцами или оставались просто дворянами. В дворянском собрании они были у себя дома, в своем тесном кругу, куда можно было не пустить представителей печати, и, не оглядываясь на «хоры» разночинцев и мужиков, откровенно обсуждать самые интимные вопросы.

В начале XX в. деятельность корпоративных организаций дворянства особой активностью не отличалась. Экономиче-

³⁴⁴ Подробнее см.: Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. С. 132–179.

³⁴⁵ Свод законов Российской империи. Т. 9. С. 152.

ская и политическая разобщенность дворянства, отсутствие активной общественной позиции, утрата некоторой его частью связей с местной жизнью были причинами равнодушного отношения к дворянским собраниям. Как правило, дворянские собрания были малолюдны. Обычным явлением стала отмена проведения уездных дворянских собраний из-за неприбытия необходимого числа участников³⁴⁶. Н.А. Павлов (Саратов) неоднократно сетовал на упадок дворянства, вызванный «недостатками корпоративной дисциплины, усилением розни и индифферентности поместного дворянства». Он привел конкретные данные, подтверждающие абсентеизм поместного дворянства (из 1235 человек на губернское дворянское собрание в 1896 г. явились – 118, в 1899 г. – 136, в 1901 г. – лишь 54 человека)³⁴⁷. Призывая поддержать «фактическую, а не номинальную силу дворянства», он предложил очередному Саратовскому губернскому дворянскому собранию (1902 г.) принять ряд конкретных мер: исключать дворян за неявку на собрание из родословных книг³⁴⁸ и лишать их некоторых сословных преимуществ, например, права поступления в дворянские пансионы, не оказывать им материальную помощь.

Равнодушие дворянства к деятельности корпоративных организаций объясняется целым рядом причин. Крупнопоместное дворянство в большинстве своем проживало в городах и столицах. Оно утрачивало связи с местной жизнью, доверяя свои имения управляющим. Дворяне, занимающиеся предпринимательской деятельностью, не находили нужным тратить драгоценное время на дворянские собрания. Процесс мобилизации дворянского землевладения приводил

³⁴⁶ В 1899 г. не состоялось из-за неявки дворян чрезвычайное дворянское собрание Самарского уезда Самарской губернии, в то время как на 1900 г. в уезде насчитывалось 236 дворян-землевладельцев. См.: ЦГАСО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 56. Л. 14; Ф. 430. Оп. 1. Д. 1373.

³⁴⁷ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2247. Л. 1 об–2.

³⁴⁸ Это предложение было категорически отвергнуто губернским собранием. См.: ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2247. Л. 2.

к утрате частью дворян земельного ценза, необходимого для участия в собраниях.

Земское Положение от 12 июня 1890 г. установило следующие размеры земельного выборного ценза: 150–200 десятин в основных земледельческих губерниях и 300–500 десятин – в промышленных, лесных и степных. Указом Сената от 9 января 1896 г. эти нормы были признаны действительными и для дворянских собраний. В дальнейшем ряд дворянских собраний активно ходатайствовал об уменьшении размера земельного ценза для участия в собраниях и выборах. Так, например, самарские дворяне ходатайствовали о понижении ценза вдвое. Более подробно этот вопрос обсуждался на V съезде объединенных дворянских обществ (январь 1909 г.). С докладами выступили А.Н. Наумов (Самара) и Г.А. Шечков (Курск). Они довели до сведения депутатов, что в связи с оскудением поместного дворянства неуклонно снижается численность дворянских собраний. Уменьшение размера земельного ценза должно было, по их мнению, способствовать укреплению позиции дворянства на местах³⁴⁹. С.Ф. Шарапов (Смоленск) предложил депутатам V съезда ходатайствовать перед правительством о снижении земельного ценза наполовину. Ряд депутатов (А.Ю. Ознобишин, Д.Н. Кованько, Н.Ф. Сухомлинов), опасаясь притока «нежелательного элемента» в лице мелкопоместного дворянства и понижения «нравственного уровня дворянского собрания»³⁵⁰, выступили против этой меры. Постоянный Совет, детально рассмотрев этот вопрос, предложил VI съезду Объединенного дворянства (1910 г.) ходатайствовать перед Министерством внутренних дел о снижении дворянского губернского ценза примерно наполовину. В этом случае правительство пошло навстречу пожеланиям дворянства. Однако в дальнейшем этот вопрос обсуждался на дворянских собраниях вновь.

³⁴⁹ ГАРФ. Ф. 434. Оп. 1. Д. 25. Л. 80.

³⁵⁰ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 2. Кн.1. 1909–1910 гг. М., 2001. С. 234, 236.

Предводители дворянства играли очень большую роль в местной жизни. Они являлись по должности председателями земских собраний: губернского и уездных, а также входили в состав различных административных и иных присутствий. Положение выбранного (в некоторых губерниях назначенного) предводителя было совершенно особое: он был в принципе совершенно независим, никому не подчинен и не получал ни от кого содержания. А.Н. Наумов вспоминал, что «намекы о желательности в будущем завербовать меня в уездные предводители льстили моему самолюбию»³⁵¹. Губернский предводитель дворянства, помимо чисто дворянских дел (родословных, опекунских и прочих) и проведения периодических собраний уездных предводителей вместе с депутатами дворянства, принимал по закону участие во всех губернских коллегиальных учреждениях.

Каждое дворянское общество располагало определенными капиталами, размеры которых регламентировались законодательством. Закон предусматривал обязательные дворянские сборы, которые расходовались на дворянские нужды, такие как содержание канцелярий предводителей, депутатских собраний, дворянских опеки, выплату жалований, пенсий, пособий канцелярским чиновникам и т. д.

Традиционным вопросом, который обсуждался на очередных дворянских собраниях, было обложение имущества частной дворянской повинностью и составление раскладки сборов. Убыль дворянского землевладения, обремененность имений долгами – эти и другие явления способствовали тому, что дворянские сборы поступали крайне нерегулярно, причем большая часть сбора оставалась в недоимке. Кроме того, поместное дворянство стремилось переложить часть тягот по уплате земельного обложения на дворян, не имеющих земельного ценза.

Неоднократно на дворянских собраниях обсуждались проблемы, связанные с необходимостью совершенствования

³⁵¹ Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1955. Т. 1. С. 319.

деятельности дворянской корпоративной организации, такие как расширение прав дворянских собраний, установление контактов между отдельными дворянскими обществами разных губерний. Например, Н.А. Павлов (имеющий прозвище «дворянин») неоднократно (1896, 1899, 1902 гг.) призывал Саратовское дворянство ходатайствовать о выборе депутации для общения с остальными дворянскими обществами, об учреждении должности помощника предводителя, о дозволении учреждения постоянно действующей при дворянском собрании комиссии в целях рассмотрения дворянских докладов по вопросам общегосударственного и местного значения³⁵².

В условиях модернизации общества перед дворянством встала задача приспособить корпоративную организацию к новым социальным условиям. Можно выделить следующие основные направления внутрисословной деятельности дворянства: формирование дворянских сословных капиталов и их использование; расширение компетенции дворянских собраний в обсуждении общегосударственных и местных вопросов; обсуждение условий участия в дворянских собраниях; изменение порядка наследования имений; обсуждение условий приобретения прав потомственного дворянства; воспитание и образование дворянской молодежи; народное образование и воспитание.

Ареной для выступлений поместного дворянства были также земства, где ведущую роль играли среднепоместные либеральные дворяне. Организация и система земских выборов была нацелена на обеспечение преимущества «первенствующего сословия». Часто по расписанию гласных от дворян было больше, чем оказывалось в уезде. Например, процент дворянского представительства в земстве Самарской губернии был 77,5 %, в Симбирской – до 95 %. Дворяне в большинстве своем были связаны между собой родством или свойством и так или иначе заинтересованы службой в уезде. Гласные же от крестьян чувствовали себя зависимыми от уездного дворянского начальства и воздерживались от каких-либо самостоя-

³⁵² ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2247. Л. 1.

тельных суждений. Земства обсуждали и решали вопросы о раскладке земских сборов, взаимном страховании, народном образовании и продовольствии, о мерах борьбы против пожаров, эпидемий, ходатайствовали перед правительством о ссудах. Социально-хозяйственная деятельность земств дополняется в конце XIX – начале XX века их стремлением выйти на политическую арену.

В 1902 г. начало функционировать Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в работе которого земцы приняли активное участие. Губернские земские собрания очередных сессий 1902 года обсуждали в основном текущие проблемы: организацию кредита и опытных полей, облегчение налога для крестьян и землевладельцев, упорядочение хлебной торговли, понижение и отмену таможенных пошлин для сельскохозяйственных машин. Однако после неудачи оппозиционного движения либеральных помещиков в местных комитетах центр тяжести их деятельности вновь переместился в земства. На земских собраниях 1903–1904 гг. по указанию МВД был рассмотрен вопрос об изменении норм, дающих право участия в земских собраниях. Обсуждение его вылилось в дискуссию о системе местного представительства, о необходимости введения мелкой земской единицы и в целом о целесообразности земской реформы. В докладах губернских земских управ был дан анализ земского представительства. Подавляющее большинство управ пришло к выводу о необходимости коренных изменений в положении 1890 г., которое превратило земство в орган поместного дворянства, фактически лишив остальные сословия избирательных прав, так как гласные от крестьянской общины практически стали назначаться администрацией³⁵³. Губернские земские управы, возглавляемые либералами, выдвинули предложение об объединении всех земельных собственников без различия сословий. В Самарском губернском земском собрании это пред-

³⁵³ Доклад XXXVII очередному земскому собранию комиссии по вопросу о земском избирательном цензе и желательных изменениях действующего земского положения. Саратов, 1903.

ложение было принято, несмотря на активное сопротивление А.А. Чемодурова³⁵⁴.

Решение о создании местных комитетов Особого Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности было принято в марте 1902 г. Их состав формировался «сверху» – губернатором, а в уездах – предводителем дворянства. Необходимо отметить, что состав местных комитетов был в основном дворянско-чиновничьим. По официальным данным, удельный вес дворян и землевладельцев в числе участников местных комитетов в среднем по губерниям России составлял 37 %; в поволжских губерниях дворяне–землевладельцы составляли от 60 % всех членов местных комитетов (Самарская губерния) до 85 % (Симбирская губерния)³⁵⁵. Более демократичным был состав уездных комитетов: широко практиковалось приглашение к участию в их работе всего состава уездной земской управы, представителей от волостей и сельских обществ; иногда приглашались все гласные земского собрания. В комитетах преобладали либо бюрократические тенденции, либо дворянские, либо земские. Программа Особого совещания, сообщенная местным комитетам, включала чисто хозяйственные вопросы – развитие опытного дела, устройство и содержание дорог, борьба с вредителями сельского хозяйства, упорядочение аренды и т. п. Правительство надеялось отвлечь общественное мнение от насущных проблем, поставленных аграрным кризисом и обостренным крестьянским движением. Такая постановка дела сразу же вызвала протест у местных деятелей, замысел правительства не удался. Как отмечал самарский губернский гласный дворянин-землевладелец Н.А. Шишков, «главные, основные причины нашего экономического неблагополучия совсем почти не за-

³⁵⁴ Журналы Самарского губернского земского собрания чрезвычайной сессии 8, 9 и 10 мая 1904 года. Самара, 1904. С. 167.

³⁵⁵ Высочайше утвержденное Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Всеподданнейший отчет. 1902–1904. СПб., 1904. С. 71.

тронуты в программе»³⁵⁶. Анализируя причины составления такой программы для местных комитетов, он пришел к выводу, что «...Особое совещание или не придает никакого значения мнениям местных комитетов, или... боится их. И то, и другое, очевидно, немислимо». Поэтому «местные люди, относящиеся серьезно к своим обязанностям, не могут не указать (и притом с первого же дня своих работ) на такой пробел в программе...»³⁵⁷. Уездные комитеты о нуждах сельскохозяйственной промышленности не были удовлетворены решением второстепенных экономических и хозяйственных проблем. Их работа протекала под знаком нескрываемой тревоги перед перспективой «разорительной Жакерии».

В Поволжье наиболее последовательный либеральный характер носили заключения Ардатовского уездного комитета Симбирской губернии, Самарского и Ставропольского комитетов Самарской губернии. Ставропольский уездный комитет выступил за свободный выход из общины и развитие индивидуального права земельного пользования; отмену круговой поруки; упорядочение судопроизводства; проведение в жизнь мелкой земской единицы, как всесословной волости; расширение деятельности мелкого кредита. Кроме того, комитет высказался за проведение общеземских съездов³⁵⁸. В губернском комитете эти положения были оценены как чересчур либеральные, так как по существу они были идентичны требованиям либеральных земских деятелей³⁵⁹. Обсуждение вопросов, связанных с правовым положением крестьянства, народным образованием, расширением компетенции земств, финансовой политикой государства и гласностью в работе, предопределяло либеральный характер заключений комитетов.

Убыль дворянского землевладения, потеря экономической силы и социального престижа в условиях надвигающегося

³⁵⁶ РГИА. Ф. 1233. Оп.1. Д. 308. Л. 11 об.

³⁵⁷ Там же. Л. 11 об– 12 об.

³⁵⁸ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. XXXV. Самарская губерния. СПб., 1903. С. 427– 457.

³⁵⁹ Там же. С. 581–582.

системного кризиса создавали опасную ситуацию. Как дворянские собрания, так и отдельные представители сословия постоянно ходатайствовали об оказании правительственной помощи. Экономически активная часть дворянства старалась приспособить дворянские усадьбы к реалиям быстро меняющейся жизни, перестраивала хозяйственную деятельность, создавала в них передовые «экономии», прибыльные предприятия. Основными отраслями производства в помещичьих хозяйствах являлись торговое земледелие, промышленное предпринимательство и лесное хозяйство, мукомольное производство, масло- и сыродельни, конезаводы, кирпичные заводы. Эти предприятия, как правило, характеризовались незначительными объемами производства. Те из дворян, которые понимали неизбежность товарно-капиталистической эволюции сельского хозяйства, видели возможность сохранить помещичье землевладение за счет перехода к «интенсивному и исключительно машинному хозяйству». Организатор Союза землевладельцев Н.А. Павлов писал: «Тракторы – будущее наших хозяйств»³⁶⁰.

Проблема интенсификации сельского хозяйства упиралась в отсутствие у дворянства средств на его развитие и оборотных капиталов. Особенно актуальна в условиях аграрного кризиса была проблема краткосрочного кредита на оборотные средства. Дворянские собрания неоднократно ходатайствовали о пересмотре правил ссудовексельного кредита и доказывали необходимость его удешевления. Однако стремления помещиков превратить краткосрочные соло-вексельные ссуды в долгосрочные шли вразрез с экономической политикой правительства.

Саратовский помещик Н.А. Павлов в 1903 году дважды ездил в Сибирь во главе 24 уполномоченных крестьян для выяснения возможности переселения туда дворян Саратовской губернии. Эта мера проектировалась саратовским дворянством в связи с «аграрными беспорядками в деревне» и не-

³⁶⁰ Цит. по: Литувев В.Н. Земельная собственность как дворянская монополия в капиталистической России. С. 10.

обходимостью поддержать мелкопоместное и безземельное дворянство. Н.А. Павлов, выступая на очередном губернском дворянском собрании (1902 г.), отметил «прогрессирующую убыль дворянского землевладения, нарастание паники среди поместного дворянства, которая была вызвана крестьянскими беспорядками 1902 года»³⁶¹.

Саратовское экстренное дворянское собрание (3 сентября 1903 г.) обсудило отзывы дворян, поступившие на проект Н.А. Павлова о переселении в Сибирь, и избрало комиссию для изыскания участков³⁶². Заявляя о «вековой связи с народом», своей «отзывчивости к народным нуждам», выступавшие на экстренном губернском дворянском собрании помещики предложили ходатайствовать перед правительством об организации группового переселения дворян и крестьян в Сибирь и об увеличении размера ссуд Дворянского банка с 60 % до 80 % для дворян, покупающих сибирские земли. Они отмечали, что такая мера позволит дворянству осуществлять «необходимую помощь, руководство и контроль над переселением крестьян»³⁶³. Министерство внутренних дел выработало проект правил об отводе частным лицам казенных земель в Сибири.

В начале XX века главными районами деятельности Дворянского банка были центрально-черноземные и поволжские губернии. Поэтому вопрос о характере его деятельности становился все более актуальным для поместного дворянства. На дворянских собраниях неоднократно обсуждались меры к изменению направлений и методов деятельности Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков. Помещики выдвигали идеи понизить проценты по ссудам, выдавать ссуды для покупки дворянами новых земель в размере 90 % их стоимости. Н.А. Павлов еще в 1902 году предложил ходатайствовать об изменении устава Дворянского банка и выдвинул

³⁶¹ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2247. Л. 2 об.

³⁶² Там же. Д. 2253. Л. 2–9.

³⁶³ РГИА. Ф. 1283. Оп. 1. 2 дел-во. Д. 76. Л. 1–6.

свой проект реформы – реорганизации двух банков в один Государственный Земельный банк³⁶⁴.

Дворянские собрания ходатайствовали о понижении и частичном сложении процентов, взимавшихся Дворянским банком с неисправных плательщиков–заемщиков. Свое спасение они видели в изменении уставов банков, широкой правительственной помощи и организации дворянских касс взаимопомощи. По мнению исследователей, в начале XX века сильно задолжавшие и разоряющиеся землевладельцы составляли менее 10 %, большинство имений снималось с торгов после уплаты долга или получения отсрочки.

Дворяне–землевладельцы, переводившие хозяйство на капиталистический лад, стремились к созданию всесословных союзов самопомощи землевладельцам и сельскохозяйственным обществ.

Еще в 1896 году Самарское губернское дворянское собрание выступило инициатором создания всесословного союза самопомощи землевладельцев. Он должен был способствовать решению чисто хозяйственных проблем: организации сбыта сельскохозяйственной продукции, приобретение семян, удобрений, скота, переработке продуктов земледелия и т. п. В его состав могли войти только «сельские хозяева-собственники или арендаторы, ведущие свое собственное хозяйство на началах капиталистических». Основной целью этого союза было улучшение сбыта и реализации продуктов³⁶⁵. Устав предусматривал всесословность членства, но довольно высокий размер вступительного пая, до 100 рублей, заранее определял состав участников союза³⁶⁶. Ими могли стать только зажиточные крестьяне, но среди них начинания дворянства не получили отклика. Создание союза землевладельцев в губернском масштабе так и осталось на стадии разработки уста-

³⁶⁴ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2247. Л. 1 об.

³⁶⁵ Доклад комиссии, избранной чрезвычайным Самарским губернским дворянским собранием 11 октября 1895 года по устройству органа самопомощи сельских хозяев. Самара, 1897. С. 2–4.

³⁶⁶ Проект устава Самарского союза сельских хозяйств. Самара, 1897.

вов, обсуждения проектов. Большого успеха удалось добиться на местах – в уездах и земских участках. Самарский уездный предводитель дворянства Н.А. Толстой справедливо отмечал, что «еще не созрело убеждение полезности организации обществ сельского хозяйства, а насильственным путем создание таких невозможно». Деятельность сельскохозяйственных обществ и союзов самопомощи была нерегулярной, и все попытки создания всесословных союзов землевладельцев чаще всего завершались неудачей.

Первая мировая война ухудшила экономическое положение дворян, привела к росту их задолженности по платежам Дворянскому банку, лишила дворянские имена рабочей силы, наемный труд резко подорожал. В условиях военного времени дворянские собрания продолжали по-прежнему ходатайствовать о расширении кредита, сложении долгов и правительственной помощи. Так, тульский предводитель дворянства разослал письма Председателю Совета министров Б.В. Штюрмеру, министру землеустройства и земледелия А.Н. Наумову и военному министру Д.С. Шуваеву с просьбой о снабжении сельских хозяйств губернии недостающим числом рабочих рук. В частности, он просил доставить китайцев для увеличения числа рабочих в помещичьих хозяйствах и для нужд других земледельцев. Подобные требования раздавались и из других губерний. Саратовское губернское дворянское собрание (14 сентября 1915 г.) постановило ходатайствовать перед военным министром, министрами внутренних дел, торговли и промышленности и Главным управлением землеустройства и земледелия об оставлении военнопленных в губернии до окончания сельскохозяйственных работ, а, по возможности, и до конца войны³⁶⁷.

По окончании Первой мировой войны отмечается поступление военнопленных и беженцев в дворянско-помещичьи хозяйства. К середине 1916 г. в частновладельческих хозяйствах Симбирской губернии использовался труд более 4 ты-

³⁶⁷ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2657. Л. 36–38.

сяч военнопленных и 653 беженцев³⁶⁸. Это влекло за собой дальнейшее свертывание собственной запашки дворянами и увеличение сдачи ими земли в аренду крестьянам. В связи с социально-экономическим кризисом Ставропольское, Саратовское и Воронежское чрезвычайные губернские дворянские собрания просили правительство прислать рабочих-китайцев на сельскохозяйственные работы, оставить на зимние работы военнопленных. Собрания постановили ходатайствовать о расширении правил сельскохозяйственного кредита, облегчении условий его получения, о причислении к капитальным долгам дворянских недоимок по ссудам, выданным из Дворянского банка³⁶⁹.

Саратовское чрезвычайное губернское дворянское собрание просило предоставить право выбора представителей от дворянских обществ для участия в совещаниях о торговых договорах с иностранными государствами³⁷⁰. В целях создания наиболее выгодных условий для продажи поместий курские дворяне обратились с ходатайством о запрещении акционерным обществам и компаниям приобретать дворянские земли. Самарскому губернскому чрезвычайному дворянскому собранию 20 августа 1915 г. был представлен доклад о задолженности дворянских имений. Собрание постановило обратиться со срочным ходатайством в Дворянский банк и просить об отсрочке платежей. В ответе правления банка говорилось о невозможности предоставлять льготы заемщикам целых районов, однако указывалось, что будут приниматься во внимание индивидуальные дворянские просьбы³⁷¹.

Одной из традиционных форм социальной активности дворянства была благотворительность. Однако во второй половине XIX в. дворянская благотворительность на

³⁶⁸ Третьякова Г.А. Поместное дворянство Европейской России в 1917 году (на материалах губерний Центрально-земледельческого района и Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1990. С. 45.

³⁶⁹ ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2684. Л. 7, 16.

³⁷⁰ Там же. Л. 16–19.

³⁷¹ ЦГАСО. Ф. 430. Оп.1. Д. 1671. Л. 18, 37 об.

общероссийском уровне постепенно начинает терять свою ведущую роль. Это связано со многими причинами: многие крупные состояния дробились, мельчали; в пореформенные десятилетия ускорялись разорение и упадок помещичьих имений, происходило оскудение дворянства.

Несмотря на то что расцвет благотворительности во второй половине XIX в. был связан, главным образом, с купечеством и нарождающимся новым классом предпринимателей, дворяне продолжали оставаться ее активными участниками. После реформ 1860-х гг. начавшееся оскудение дворянства выразилось в том, что поток благотворительных средств со стороны этого сословия значительно сократился и стал адресным. Помощь продолжала оставаться разноплановой, средства складывались в основном за счет обложения своих земель определенной суммой налога. В основном дворяне жертвовали средства на устройство сословных учебных заведений и установление сословных стипендий. К середине 90-х гг. XIX в., по данным 28 российских обществ, на процент от дворянских капиталов и в счет ежегодных сборов было учреждено 1889 стипендий, 186 лиц получали пособия для подготовки к поступлению в учебные заведения³⁷². Таким образом, полностью исключать значение дворянской благотворительности применительно к изучаемому периоду невозможно.

На стезю общественного служения становились, прежде всего, те представители дворянства, чье дело было тесно связано с общественной и городской жизнью. Они заботились о своем достатке и процветании, неизбежно обращаясь к заботам о благотворительности. Среди дворянства она считалась признаком хорошего тона, так как существовала духовная атмосфера, морально-психологический климат, определенные приоритеты, мотивации, стимулирующие общественно-полезные поступки. Благотворительность поощрялась присвоением званий, титулов, вручением орденов. Представители дворянского сословия часто были

³⁷² Корелин А.П. Указ. соч. С. 170.

создателями, руководителями или членами различных общественных организаций, в том числе и благотворительных. Дворяне считали необходимым принимать участие в благотворительной деятельности, включаясь в работу Попечительских советов различных обществ, организаций и заведений.

Сложившаяся ситуация в России вынуждала не только правительство, но и высшее сословие предпринимать активные шаги в военно-политической, экономической и других социальных сферах. После отмены крепостного права дворяне стали больше уделять внимания сословным интересам. В губерниях в каждом уезде продолжала действовать дворянская опека. В обязанности данной организации входило назначение опекунов из дворянского сословия и контроль за их действиями по ведению опекаемых усадебных хозяйств. Под опеку имения попадали по разным причинам. К примеру, по малолетству владельцев, что относилось к имениям Н.В. Аристова³⁷³, Н.А. Толстого³⁷⁴, Д. А. Путилова³⁷⁵; за неуплату штрафов и гербовых сборов – штаб-ротмистра Леонтьева³⁷⁶; по неутверждению права на наследство – помещика Титова³⁷⁷; по бездушию и сумасшествию, и глухому рождению – Нагашевой, Половцевой³⁷⁸, Наумовой³⁷⁹.

В 1888 г., после крушения царского поезда и спасения царя, по предложению Г.С. Аксакова дворянами Самарской губернии был сформирован постоянный капитал за счет обложения их земель по ¼ копейки с десятины, расходуемый на создание пансионатов для детей-сирот или детей разорившихся дворян, а также дворянских учебных заведений и т. п.

³⁷³ ЦГАСО. Ф. 216. Оп. 1. Д. 129. Л. 1 – 7.

³⁷⁴ Там же. Д. 218. Л. 23.

³⁷⁵ Там же. Д. 43. Л. 1– 135.

³⁷⁶ Там же. Д. 24. Л. 3.

³⁷⁷ Там же. Д. 24. Л. 16.

³⁷⁸ Там же. Д. 65. Л. 2 – 6.

³⁷⁹ Там же. Д. 23. Л. 22.

По окончании гимназий дворянские дети поступали в университет, институт или училища. Традиционно вопросы воспитания и образования дворянской молодежи находились в центре внимания дворянских собраний. Рост либеральных и демократических настроений в обществе вызывал беспокойство поместного дворянства, поэтому оно в противовес этим тенденциям ратовало за воспитание в чисто сословном духе. Расширение сети средних сословных учебных заведений, по их мнению, способствовало бы изоляции молодежи от пагубного влияния представителей других сословий.

Заботой дворянских обществ стало всемерное увеличение в составе воспитанников удельного веса детей помещиков. Они ходатайствовали о предоставлении льгот пансион-приютам, их воспитанникам и лицам, в них служащим. Саратовский помещик С.В. Колычев завещал значительный земельный надел в Балашовском уезде на нужды оплаты воспитания и образования детей небогатых дворян. Саратовское дворянское депутатское собрание ежегодно рассматривало прошения дворян о зачислении их детей в Колычевские воспитанники³⁸⁰. Капитал, завещанный Колычевым Саратовскому дворянству, помог получить образование очень многим бедным дворянам в высших и средних учебных заведениях страны. На дворянских собраниях регулярно обсуждались вопросы о бесплатных вакансиях в кадетские корпуса для дворянских детей, о пансион-приютах и назначении дворянских стипендий.

Верхние страты дворянства были заинтересованы не только в высшем сословно-политическом статусе, но и в сохранении общего числа дворянского сословия. Их действия были направлены на недопущение полной деградации мелкопоместного дворянства, а следовательно, разрыва корпоративных связей с ним. Поэтому особое внимание уделялось подрастающему поколению разорившегося дворянства.

В 1895 г. по инициативе губернского предводителя дворянства А.Н. Булгакова самарским дворянством было открыто женское общежитие (пансион) для 6 бедных девиц-дворянок.

³⁸⁰ ГАСО.Ф. 19. Оп. 3. Д. 23; Оп. 1. Д. 2253, 2387, 2410, 2522.

Все они учились в самарской женской гимназии и состояли на полном иждивении дворянства, пользуясь бесплатно квартирой, столом, одеждой, учебными пособиями, медицинской помощью и репетированием уроков. Воспитательницей в пансионе была выпускница петербургского Смольного института Н.А. Путилова. Попечение и наблюдение за деятельностью пансиона было возложено на губернского предводителя дворянства. В 1896 г. пансион был расширен, а на его содержание стало выделяться дворянством по 3000 рублей в год. К 1901 г. численность воспитанниц возросла до 15 человек.

Одной из особенностей благотворительной деятельности в Самаре можно считать многочисленные пожертвования на развитие среднего и высшего образования. Очевидно, это объяснялось тем, что престиж и уровень образования у дворян был, несомненно, выше, чем у других сословий, да и в силу традиций они должны были поддерживать свой статус представителей высшего общества. Так, в 1863 г. дворянство пожертвовало городскому женскому училищу 1 разряда 7500 рублей. Но чаще всего благотворительная помощь выражалась в учреждении различных стипендий как для дворянских детей, так и для детей из других сословий. Например, в 1870 г., после того, как статс-секретарь К.К. Грот ушел с должности директора департамента неокладных сборов, бывшими его сотрудниками был собран капитал в сумме 34 800 рублей и обращен в процентные бумаги. Потом он был передан в ведение Министерства народного просвещения как неприкосновенный, а на проценты с него были учреждены именные стипендии К.К. Грота, которые выплачивались в различных мужских и женских гимназиях, где готовили учителей и учительниц сельских школ³⁸¹.

В разное время от самарского дворянства существовали: 4 стипендии в Неплюевском кадетском корпусе, 2 – в Симбирской классической гимназии и 1 – в Саратовском институте

³⁸¹ Вестник благотворительности. СПб., 1897. № 1. С. 65.

благородных девиц³⁸². При Симбирской гимназии действовал пансион-приют, имелось 64 стипендии в разных, большей частью закрытых, учебных заведениях.

12 января 1871 г. в честь Татьяниного дня самарские интеллигенты договорились открыть общество поощрения высшего образования. Среди организаторов были и дворяне – Н.А. Мордвинов, С.О. Лавров. Первые собранные средства они передали выпускникам Самарской гимназии, которые нуждались в средствах для поступления в университет. В уставе общества поощрения высшего образования была сформулирована цель – «путем благотворительности, доставлять пособия таким лицам, которые готовят себя к высшему образованию или продолжать оное, или же, окончив курс в высшем учебном заведении, нуждаются в материальной поддержке, а именно: доставлять вспомоществование: нуждающимся ученикам и ученицам средних учебных заведений; ученикам, затрудняющимся по бедности поступать в вузы; в аналогичном положении ученикам духовной семинарии и лицам домашнего воспитания; нуждающимся студентам, имеющим по воспитанию и семейному положению связь с Самарской губернией; ученикам вузов, оказавшимся по возвращению в Самару в состоянии крайней нужды». Членами общества могли стать все желающие вне зависимости от звания, но все же более активное участие в деятельности общества принимали дворяне³⁸³. Средства составлялись из ежегодных членских взносов, из добровольных пожертвований и из прибылей от публичных лекций, литературных вечеров, концертов, любительских спектаклей и т. д. в пользу общества. В первый год существования членами общества стали 53 человека, и членских взносов поступило 530 рублей, кроме того, от Самарского благотворительного собрания поступило 500 руб.

³⁸² Чемодуров А.А. Краткая записка о деятельности Самарского дворянства. С. 23–24.

³⁸³ Адрес-календарь и Памятная книжка Самарской губернии на 1874 г. С. 270.

20 коп., частных пожертвований – 64 руб. 50 коп., и процент от основного капитала – 53 руб. 15 коп³⁸⁴.

В 1899 г., в честь столетия со дня рождения А.С. Пушкина, самарское дворянство решило отправить в Петербург на памятник поэту 500 рублей и учредить именную стипендию в университете и самарской гимназии в размере 200 рублей ежегодно. Если же ученик переходил в один из университетов страны, то стипендия увеличивалась до 400 рублей ежегодно³⁸⁵.

Дворяне принимали активное участие в расширении сети учебных заведений. Как и по всей России, в губерниях Поволжья при каждой гимназии или школе существовал попечительский совет, в который входили и представители дворянского сословия. В основном благотворительная помощь оказывалась самому учреждению или ученикам. За счет таких средств способные дети из бедных семей могли учиться бесплатно. Наиболее богатые дворянки открывали именные стипендии в учебных заведениях. Так, супруга покойного графа Н.А. Толстого – Вера Львовна – предоставила стипендию в среднем сельскохозяйственном училище самарского земства Александру Кикину до окончания полного курса.

Кроме учреждения стипендий, дворяне открывали и свои учебные заведения. По предложению Балашовского уездного предводителя дворянства князя П.М. Волконского и на значительную часть его средств в 1902 году было построено здание Саратовского музыкального училища. Позднее оно было перестроено, и с 1912 года в нем находится Саратовская консерватория.

Известный саратовский врач, доктор медицины М.А. Аплавин первым подарил свою библиотеку открытому в 1909 г. Саратовскому университету. Ценнейший дар получил университет от земляка, выпускника классической гимназии, потомственного дворянина, академика, заслуженного профессора и лейб-отиятра двора, основателя кафедры оторино-

³⁸⁴ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары... С. 294.

³⁸⁵ Чемодуров А.А. Краткая записка о деятельности Самарского дворянства. С. 21.

ларингологии в Военно-медицинской академии в Петербурге Н.П. Симановского. Он пожертвовал 100 000 рублей на строительство клиники ушных, горловых и носовых болезней – первой подобной клиники в провинции.

30 июля 1911 г. в с. Знаменском (Аксаково), в родовой Аксаковской вотчине Бугурусланского уезда Самарской губернии для крестьян были открыты учебные мастерские, оборудованные самарским дворянством, чтобы увековечить имя писателя С.Т. Аксакова. В них учили крестьянских детей столярному, слесарному и кузнечному ремеслу; мастерские давали возможность самим крестьянам отремонтировать инвентарь или заработать денег в зимнее время года³⁸⁶.

В 1892 г. супругой действительного статского советника С.Б. Брянчаниновой был открыт ремесленный приют – училище для детей, родители которых умерли от холеры³⁸⁷. Д.Ф. Самарин в с. Спасском за свой счет открыл и содержал одноклассное сельское училище. Владелец специально для этих нужд построил здание с квартирой для учителя, с двухцветным залом для пения и литературных чтений. В училище была собрана богатая коллекция учебных пособий и книг. Н.Г. Гарин–Михайловский частично финансировал строительство школы грамоты в своем имении с. Гундаревка.

Еще одной статьей благотворительных расходов дворянского сословия являлись военные нужды. Здесь пожертвования были значительно солиднее, так как дворяне осознавали свой первый долг перед Родиной – участие и помощь в военных компаниях государства. Так, в Крымскую войну, в 1855 г. самарское дворянство сформировало 12 дружин государственного ополчения, выбрав из своей среды участников; обложило свои земли в размере 1 1/3 копейки с десятины на время существования этих дружин. Кроме того, оно пожерт-

³⁸⁶ Памятная книжка Самарской губернии на 1911 г. С. 9.

³⁸⁷ Календарь Самарской губернии на 1896 г. С. 359.

вовало 8 000 рублей на приобретение ружей и 100 000 пудов ржаной муки для нужд армии³⁸⁸.

В период Балканской войны 1875–1878 гг. дворяне также не оставались безучастными к борьбе славян против турецкого владычества. На чрезвычайном дворянском собрании 10 мая 1877 г. было решено собрать средства в пользу раненых и больных: так, десятина земли облагалась 1 копейкой. Всего дворянами было пожертвовано 2150 рублей 91 копейка. Наиболее значительными были пожертвования от дворян Хардиных, Сибиряковых, Орловых-Давыдовых, В.Г. Пустошкина, А.В. Чарыкова, Д.Ф. Самарина, Н.Ф. Реутовского, графов Толстых и ряда других³⁸⁹. В губернии и уездах сбором средств руководили предводители дворянства. В 1877 г. самарское дворянство пожертвовало 20 000 рублей на нужды Красного Креста³⁹⁰.

Большая благотворительная деятельность проводилась в губернии во время русско-японской войны. Дворянки проводили сбор средств и вещей в помощь русским бойцам. К примеру, Куроедова предоставила 8 пар носков и 2 мужские сорочки, Благодатова выделила 27 рубашек для воинов и 4 пары носков. Еще больший подъем благотворительности вызвала Первая мировая война. Присяжный поверенный А.Г. Елшин писал в дневниках, что самарчанки из всех сословий сутками дежурили в госпиталях, развернутых по городу³⁹¹.

Традиционно при больницах возникали попечительские общества, собиравшие средства на различные нужды. К числу благотворительных учреждений, где активно проявляли себя дворяне, относилось Отделение общества попечения о больных и раненых воинах. Оно было основано 4 января 1868

³⁸⁸ Чемодуров А.А. Краткая записка о деятельности Самарского дворянства. С. 5.

³⁸⁹ ЦГАСО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 40. Л. 1 – 24 об.

³⁹⁰ Чемодуров А.А. Краткая записка о деятельности Самарского дворянства. С. 12.

³⁹¹ Демидова В. Люди и мундиры: Из истории Самарского края // Проза. ру: Электронный ресурс. URL: <http://www.proza.ru/2013/08/03/1123>.

г., в 1877 г. состояло из 20 человек, к 1888 г. в нем было уже 56 учредителей и четыре действительных члена. Целью общества было «содействовать во время войны военной администрации в уходе за ранеными и больными воинами, доставлять им, по мере средств своих, как врачебное, так и всякого рода вспомоществование». В мирное время общество должно было заботиться об увеличении своих денежных средств, а также готовить санитарный состав, повышая образование сестер и братьев милосердия, запасать необходимые перевязочные материалы и лекарственные средства, организовывать свои лазареты и следить за их рабочим состоянием. Общество имело право оказывать помощь пострадавшим от стихийных бедствий, голода или пожаров и в мирное время³⁹². Среди членов этого общества были: в 1876 г. – Д.А. Мордвинов, Л.Б. Тургенев, П.В. Алабин, Н.А. Путилов³⁹³; в 1878 г. – Е.К. Рихтер, В.В. и П.В. Алабины, М.В. Крылова, Л.Б. Тургенев и др.³⁹⁴. Позже при нем образовался Самарский дамский комитет общества «Красного креста». Первой председательницей комитета была супруга губернатора С.А. Аксакова. В 1877 г. в Дамском комитете насчитывалось 32 члена, а председательницей избрана Е.К. Рихтер. В разные годы в этом обществе состояли З.И. и Н.А. Мордвиновы, В.П. Орлов-Давыдов, Л.А. Реутовская, В.В. Алабина, Н.П. Виноградова, Е.А. Тургенева, С.Н. Племянникова, О.С. Боянус, Е.А. Сосновская и другие.

Во время голода 1873 г. Дамский комитет организовал выдачу пособий на продовольствие наиболее нуждающимся семьям и стал публиковать в газетах воззвания о помощи голодающим. Из всех своих средств комитет выделил для борьбы с голодом 2 600 рублей. Инициатива Самарского Дамского комитета была одобрена императрицей. На полученные средства комитет обеспечил продовольствием 114 705 человек в 34

³⁹² Адрес-календарь и Памятная книжка Самарской губернии на 1874 год. Самара, 1874. С. 234 – 235.

³⁹³ Адрес-календарь Самарской губернии на 1876 г. Самара, 1876. С. 61 – 62.

³⁹⁴ Адрес-календарь Самарской губернии на 1878 г. Самара, 1878. С. 56.

волостях Бузулукского, Николаевского и Самарского уездов, были приобретены для некоторых крестьянских хозяйств 630 лошадей, раздавались семена для посевов – 5000 пудов проса, 124 пуда пшеницы, 2231 пуд льна и конопли, 17736 пудов картофеля, 18 пудов семян огородных овощей, роздано 1710 пудов кудели и пеньки; часть денежных средств была уплачена самарскому губернскому земству за долги крестьян³⁹⁵.

В 1891 г. в Самаре на накопленные Дамским комитетом капиталы была организована община сестер милосердия, которая по уставу находилась в ведении местного комитета Российского общества Красного Креста. Целью общины была подготовка сестер для бесплатного служения больным и раненым воинам в военное время, а в мирное – уход за больными в военных госпиталях, в гражданских больницах и в частных домах города и уездов. Организатором и руководителем общины являлся действительный статский советник П.В. Алабин и его жена, а в дальнейшем – супруга губернатора С.Б. Брянчанинова. В период ее руководства общиной собирались пожертвования на расширение штата сестер и строительство новых помещений для общины и города.

В Поволжье всеобщие неурожаи были в 1897, 1898, 1901, 1905, 1906, 1911 годах. Особенно голодными считались 1901 и 1911 годы. Но и остальные неурожайные годы воспринимались крестьянами как подлинная катастрофа. Преодолеть последствия частых неурожаев мелким крестьянским хозяйствам самостоятельно, без чьей-либо поддержки было невозможно. Поэтому правительство, местная администрация, земства вынуждены были в тяжелые годы поддерживать население продовольственными и семенными ссудами, льготной продажей рабочего скота. В зиму и весну 1898/99 г. только Саратовскими губернскими органами была роздана продовольственная ссуда на сумму почти 205 тыс. руб. и распределено на льготных условиях 7 тыс. лошадей. В 1901 г. населению особенно пострадавших поволжских уездов – Хвалынского,

³⁹⁵ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города: Историко-статистический очерк. Самара, 1877. С. 684–686.

Вольского, Саратовского и Камышинского – на продовольствие, семена и прокормление скота было выдано 2 448 965 пудов зерна³⁹⁶.

Помимо официальных властей нуждающимся помогали различные организации (например, Вольное экономическое общество, Пироговское общество) и частные лица. В январе 1913 г. Пироговское общество командировало на голодающий юг Саратовской губернии так называемые сельскохозяйственные отряды, которые закупали и развозили по селам продукты, организовывали бесплатные столовые, в том числе в сельских школах⁴¹. Кроме того, в неурожайные годы губернская администрация организовывала для жителей пострадавших уездов разнообразные «общественные работы» (расчистка родников, устройство прудов, укрепление берегов рек, оврагов, заготовка камней для мостовых Саратова, камней и щебня для железных дорог, уборка песков на Волге около Саратова, которые мешали судоходству и т. п.)⁴², которые имели, как правило, двоякую цель: давали части нуждающихся небольшой заработок и были призваны хотя бы в некоторой степени подправить результаты неразумного отношения людей к природным ресурсам региона. Подобные вынужденные меры принимали регулярный характер, но радикально изменить ситуацию не могли.

Во время засухи и неурожая многие из дворян старались помогать нуждающимся местным жителям. Так, в голодном 1891 г. Д.Ф. Самарин распорядился для крестьян сел Спасского, Озерецкого и других ближайших деревень выдавать по одному пуду муки в месяц на семью³⁹⁷. Дворянин М.Н. Толстой просил разрешения у губернатора на открытие (при с. Александровке Бугурусланского уезда) столовой для нуждающихся в продовольственной помощи³⁹⁸. В том же году Н.Г. Михайловский устроил в своем имении столовую для нуждающихся. В доме

³⁹⁶ История Саратовского Поволжья. С. 33–34, 36.

³⁹⁷ Село Спасское Самарского уезда (Добрая деятельность г. Самарина) // Самарская газета. 1891. № 203. С. 2.

³⁹⁸ ЦГАСО Ф. 663. Оп. 1. Д. 62. Л. 3.

приказчика на месте плиты вмазали два котла, в них варили чечевицу. Тут же пекли хлеб. У конторы были расставлены столы и скамейки. Есть приходили массово не только из Гундоровки, но и из соседних деревень – Гнездино, Садково и др.

Другой благотворительной традицией можно считать помощь бедным и обездоленным. Первое общество попечения о бедных в Самаре открыли 23 октября 1873 г., его возглавила дворянка Л.А. Реутовская, владелица земель в Бузулукском уезде при реках Тале и Усакле. Согласно уставу, его целью было «помогать всеми способами людям, не могущим существовать без посторонней помощи». Общество включало всех желающих, без различия звания, которые жертвовали в кассу общества не менее 50 копеек в месяц, или 6 рублей в год, или 100 рублей единовременно. Оно помогало нуждающимся не только денежными средствами, но и одеждой, мукой, чаем, сахаром и тому подобным. Несмотря на скудные пожертвования, с 1873 по 1875 гг. обществом было получено 8 313 рублей, что дало возможность оказать единовременную помощь – 328, ежемесячную – 283 нуждающимся; кроме этого, 5 человек было определено к занятиям и местам, 3 – помещены в приюты, 2 – в училища, 1 – в богадельню и 4 – в больницу³⁹⁹.

Большую заботу дворянское сословие проявляло о бесприютных и нуждающихся в помощи бедных детях, особенно о сиротах. Основателями одного из сиротских домов, впоследствии названного Николаевским, были С.В. Мансурова – супруга тогдашнего губернатора и семейство Чарыковых. В момент открытия 25 марта 1864 г. предполагалось размещение в сиротском доме 12 колыбелей, но в течение года количество детей достигло 87 человек. Среди них были дети от грудного младенца до 10-летнего возраста. Когда решили построить при приюте церковь и дома, местный землевладелец Ф.К. Алашеев пожертвовал 40 000 кирпичей. В начале своего существования сиротский дом не имел почетной попечительницы, но в 1876 г. на эту должность была избрана супруга С.А. Аксакова; позднее почетной попечительницей стала У.П. Гладкова, а по-

³⁹⁹ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары... С. 672–673.

печителем и казначеем – действительный статский советник Л.Б. Тургенев.

Первой попечительницей Алексеевского детского приюта для мальчиков являлась супруга губернатора С.А. Аксакова, директором – губернский предводитель дворянства Д.А. Мордвинов⁴⁰⁰. В 1892 г., когда началась эпидемия холеры, были открыты еще 2 приюта. Они содержались во многом за счет частных пожертвований. Среди дворян князь Долгоруков и другие отзывчивые граждане собрали 7 198 рублей⁴⁰¹.

В 1869 г. князем В.А. Щербатовым в г. Саратове был открыт учебно-заработный дом, который содержался на средства городской управы, обществ купцов и мещан, а также частных пожертвований горожан, что позволило увеличить число опекаемых детей с 20 человек при его открытии до 157 в 1888 г. К 1895 году в Саратове насчитывалось уже 23 богадельни, более десяти попечительств и благотворительных обществ. В 1873 г. по инициативе дворянина, действительного статского советника М.Н. Галкина-Враского был основан Саратовский второй детский приют, где, кроме элементарной грамоты, детей обучали рукоделию, переплетному и башмачному ремеслу. Приют имел сиротское отделение и ясли, где воспитывались грудные младенцы-сироты и малолетние дети до трехлетнего возраста из беднейших семей.

Еще одной общедворянской тенденцией благотворительности являлось устройство практически каждым владельцем усадьбы при своих имениях бесплатных больниц и школ. Так, Е.А. Соновская сама занималась лечением крестьян, образованием их детей; была попечительницей школы в с. Ташелке Ставропольского уезда, также помогала деньгами бедным семьям.

Титулярный советник Масленников построил школу в селе Хмелевка, прекрасно ее оборудовал и выделял на различные нужды 100 рублей в год. Был он также попечителем 4-го сара-

⁴⁰⁰ Там же. С. 675–682.

⁴⁰¹ Самарское общество попечения о бедных. Краткий исторический очерк за двадцатипятилетие (1874–1898) включительно. Самара, 1899. С. 6.

товского мужского начального училища, на нужды которого жертвовал различные средства, членом попечительных советов торговой школы и Александровского ремесленного училища. Все это стало причиной избрания его членом городской училищной комиссии. Масленников играл заметную роль в общественной жизни Саратова и Саратовской губернии, был гласным городской думы, земских собраний. Весьма показательно одно из его выступлений на заседании городской думы: «Призрение детей, не имеющих родителей, составляет священную обязанность города, и городской думе нельзя жалеть денег на поддержание учреждений, цель которых – дать убежище бесприютным детям»⁴⁰². Жена Масленникова была попечительницей 6-го женского начального училища и помогала ему материально.

Деятельность по развитию образования представителей рода дворян Ермолаевых стала одним из самых ярких примеров благотворительности в Саратовской губернии. Ермолаева решила пожертвовать средства на постройку Хуторо-Петровского начального училища. Самым активным на общественном поприще был Николай Сергеевич Ермолаев. Офицер-артиллерист, по выходе в отставку он занялся обустройством своего хозяйства, был избран почетным мировым судьей. Много времени уделял Николай Сергеевич работе в уездном земстве, часто выступал с различными инициативами. Одно из его крупных пожертвований – 7 тысяч рублей на содержание земской школы в селе Ключи. Петровское городское общество за активную общественную деятельность присвоило Николаю Сергеевичу Ермолаеву звание почетного гражданина города Петровска.

Учащимся начальных школ не хватало самого необходимого для успешного освоения школьной программы: тетрадей, карандашей, учебников, книг для чтения. И эти проблемы помогали решать частные лица. Например, землевладельцы Петровского уезда князь Васильчиков и княгиня Голицына

⁴⁰² Цит. по: Горюнова З. Редкий русский город... // Вестник благотворительности. 2002. № 3.

ежегодно покупали книги для земских школ. Г-н Панчулидзе выписывал книги для Старо-Бурасской школы. Попечитель третьего Вольского городского мужского училища Алтухов обеспечивал учеников из бедных семей учебниками.

В программу начальной школы входило обучение чтению, письму, счету, изучение Закона Божьего, однако в некоторых школах вводились дополнительные предметы. Эти занятия нередко организовывались на частные средства. Землевладелица О.Н.Шахматова оплачивала труд учительницы пения в школе грамоты села Новопольское и в земской школе села Губаревка, которая находилась на полном ее содержании. Здесь же она открыла классы рукоделия. Племянником Ольги Николаевны Шахматовой был всемирно известный ученый-филолог Алексей Александрович Шахматов, жизнь которого связана с Саратовским краем. Долгие годы он прожил в селе Губаревке, оказывал помощь церковно-приходской школе села Нееловка. Другой известный ученый, профессор А.Н. Минх, способствовал развитию при земской школе села Новые Бурасы ремесленного и сельскохозяйственного обучения, оказывал значительную материальную помощь школе, участвовал в возведении нового школьного здания. Дворянин Корбутовский лично проводил занятия по садоводству и огородничеству при земской школе села Злобовка, оказывал школе значительную материальную помощь. В своем имении в селе Поповка Николай Павлович Корбутовский организовал семейное хозяйство по выращиванию различных растений на продажу. Образцовое ведение хозяйства неоднократно приносило Корбутовскому высокие награды на сельскохозяйственных выставках.

Общенациональной благотворительной традицией являлось пожертвование на храмовое строительство и благоустройство церквей. Основой духовной жизни христиан всегда являлись храмы, назначение которых многопланово: они были свидетелями исторических событий, памятниками эпохи, местом духовно-религиозного единения людей. Для каждого истинного христианина считалось долгом при-

нять посильное участие в постройке церквей. Известны дворянские фамилии, на чьи средства были построены храмы в уездах Самарской губернии во второй половине XIX в. Среди них – Дурасовы, Пустошкины, Путиловы, Тургеневы, Орловы-Давыдовы, Аксаковы, Рычковы и другие.

Дворяне Среднего Поволжья жертвовали на строительство или обустройство храмов, церквей и монастырей не только в своих родных губерниях. Например, в начале 90-х гг. XIX в. самарские дворяне через депутатское собрание пожертвовали на постройку кафедрального собора во имя Христа Спасителя 4 000 рублей⁴⁰³. В разные годы ими отправлялись значительные суммы на строительство православных храмов в городах Ревеле, Николаевске Тургайской области, на месте крушения императорского поезда в 1888 г.⁴⁰⁴

Губернские власти всячески поощряли благотворителей. Их награждали специальными правительственными медалями, почетными титулами, а также приглашали на балы. Так, 16 мая 1901 г. на банкет, организованный губернским правлением в честь 50-летия Самарской губернии, были приглашены меценаты-дворянки. Среди них – В.Н. Осоргина, М.Ф. и Е.Д. Алашевы, А.Ф. Наумова, С.Б. Брянчанинова, А.П., В.А. и Е.А. Чемодуровы, Л.А. Реутовская, Н.А. Путилова, А.Б. Шелашникова, О.Б. Обухова и др.

Кроме узкой корпоративной сословной благотворительности, в губерниях действовало большое количество различных обществ и общественных организаций, занимавшихся благотворительной деятельностью и объединявших людей не только дворянского происхождения. В рамках таких организаций представители потомственного дворянства более активно использовали в благотворительных целях свои организаторские способности, служебные связи, знания, а размеры их денежных пожертвований сокращались.

Направления деятельности и формы мероприятий по оказанию помощи нуждающимся были различными. Это

⁴⁰³ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 9. Д. 630. Л. 11

⁴⁰⁴ Там же. Ф. 663. Оп. 1. Д. 8. Л. 22, 32, 60.

могло быть устройство дешевых столовых и организация ночлега, помощь высшим и средним учебным заведениям губернии, армии и флоту и т. д. Благотворительные организации, в деятельности которых принимало участие дворянство губернии, были двух видов: общественные, оказывающие помощь всем нуждающимся (такие, как общества попечения о бедных), и корпоративные, которые действовали примерно как кассы взаимопомощи. В годы неурожаев, военных кампаний или эпидемий активную роль в помощи пострадавшим играли общественные организации и частные лица, хотя координировало благотворительную деятельность государство. Большое внимание уделялось сословным интересам дворянства, что проявлялось в создании пансионатов для детей-сирот или детей бедных дворян, дворянских учебных заведений, учреждении стипендий для дворянских детей, обучавшихся в различных средних и высших учебных заведениях страны.

3.2. СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ И ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ В ПОВОЛЖЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Демографические и экономические характеристики аграрного социума Поволжья в пореформенный период

Внутренняя окраина Российской империи и во второй половине XIX – начале XX в. продолжала оставаться аграрным районом, в котором темпы прироста населения зависели от многих факторов. Относительно низкий прирост сельского населения в Симбирской губернии был обусловлен тем, что уже к середине XIX в. в губернии отсутствовал фонд свободных незаселенных крестьянами земель. А потому, если в 1858 г. насчитывалось 1071,8 тыс. крестьян, то к 1 января 1916 г. их число возросло лишь до 1952,8 тыс. чел. Иной была демографическая ситуация в Самарской и Саратовской губернии, для которых был характерен высокий прирост населения и куда стекались переселенцы из Украины и великорусских губерний. Особенно притягательными для новоселов были

степные уезды, где активно формировалась новая российская житница, поставлявшая на внутренний и внешний рынки громадные партии товарного зерна и муки. В Самарской губ. прирост населения увеличился с 1486,0 тыс. чел. в 1858 г. до 37093,6 тыс. чел. к 1 января 1916 г., в Саратовской губ. с 1476,7 тыс. чел. до 2877,2 тыс. чел. (табл. 7).

Таблица 7

Динамика численности населения Поволжья, тыс. чел.*

Губерния	Категория	1858 г.	1897 г.	На 1 января 1914 г.	На 1 января 1916 г.
Казанская	сельское	1444,3	1985,0	2586,9	2469,1
	городское	99,0	185,5	280,1	285,9
	всего	1543,3	2170,6	2867,0	2935,0
Симбирская	сельское	1071,8	1527,8	1916,3	1952,8
	городское	69,0	108,0	151,3	184,0
	всего	1140,9	1635,8	2067,8	2136,8
Пензенская	сельское	1089,3	1330,6	1724,5	1765,2
	городское	99,1	139,8	187,1	202,3
	всего	1188,5	1470,4	1911,6	1967,5
Самарская	сельское	1468,0	2593,4	3558,6	3703,6
	городское	62,0	158,8	242,2	283,1
	всего	1530,0	2751,3	3800,8	3986,7
Саратовская	сельское	1476,7	2096,2	2751,3	2877,2
	городское	159,3	309,5	518,0	586,0
	всего	1636,1	2405,8	3269,3	3463,2
Астраханская	сельское	411,5	214,0	1128,0	1275,5
	городское	65,9	132,5	187,9	205,3
	всего	477,5	346,5	1315,9	1480,8
Итого	сельское	6962,0	9638,3	13665,6	14443,4
	городское	554,5	1034,3	1566,8	1746,6
	всего	7516,5	10672,6	15232,4	16190,0

* Таблица составлена по данным: Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению Министра внутренних дел. Вып. 2. СПб., 1863; Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1, 2; Статистический ежегодник России 1914 г. Пг., 1915; Статистический ежегодник России 1916 г. Пг., 1918.

По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., свыше 1 100 тыс. русских крестьян проживало на территории

Самарской губ., Симбирской – 8 590 тыс. чел. Среди сельского населения Самарской губ. мордва составляла 215 252 чел., в Симбирской – 178 752 чел. Число татар в Самарской губ. достигло 131,9 тыс. чел., в Симбирской 89,7 тыс. чел. Около 199 тыс. чувашей жили в Симбирской губ., и 69 тыс. чел. – в Самарской губ. В 1914 г. на территории Саратовской губ. проживало 25 215 075 русских крестьян, 227 668 немцев-колонистов, 204 309 украинцев, 169 435 мордвы, 128 639 татар.

Характерной чертой населения региона являлась этносоциальная пестрота. И хотя народы Поволжья имели разные этнокультурные традиции, было нечто общее, что объединяло русских, украинцев, татар, мордву, чувашей, немцев и представителей других этносов, населяющих поволжские лесостепи и степи, – это общий труд на земле. Для многонационального крестьянства региона, которое в ходе освоения новых земель обрело новую Родину, преобладающим в социальных практиках являлись мирное сожитие и прагматизм (использование всего ценного в опыте соседа). Эти ценностные ориентиры были определяющими в социальном поведении крестьянства Среднего Поволжья.

В пореформенный период начался процесс трансформации самого большого по численности сословия – крестьянства – в класс капиталистического общества. Эти изменения протекали крайне медленно, и они коснулись фактически всех сфер хозяйственной деятельности крестьянства, включая быт и традиционные сословные устои. Внедрение новых социальных практик объективно вело к насаждению новых приемов ведения земледельческого производства, что стимулировало эволюцию помещичьих хозяйств в капиталистические экономии и возникновение в степных уездах региона фермерских хозяйств, основанных на иной организационно-экономической основе. Но новая социально-экономическая среда могла возникнуть лишь при условии полного раскрепощения крестьян, освобождения их от традиционных представлений и приобретения ими иных поведенческих практик, при реализации которых в полной мере проявляется личная

инициатива, прагматизм и активность. Изживание, точнее, преодоление инерции привычного бытия шло чрезвычайно медленно: формирование новых личностных черт и качеств сдерживалось из-за того, что крестьяне все еще не имели экономической свободы. В результате реализации реформ помещичьей, государственной и удельной деревни верховным собственником земли являлась сельская поземельная община, в которой преобладали уравнивательные традиции. К тому же при реализации реформ имперское правительство традиционно шло по линии удовлетворения экономических интересов дворян-помещиков, казны и удела.

Результаты реформы 1861 г. были таковы, что в русской деревне бывшие помещичьи крестьяне более всего страдали от малоземелья. В пореформенный период в связи с естественным ростом населения и распадом больших семей интенсивно шел процесс измелъчания наделов. Так, по сравнению с 1877 г. к 1905 г. число крестьянских дворов в бывшей помещичьей деревне Самарской губ. увеличилось на 14 %, в Симбирской – на 24,9 %, Саратовской – на 29,4 %. Произошел рост численности крестьянских дворов и в бывшей государственной деревне. Особенно интенсивно он протекал в Симбирской и Саратовской губерниях. Увеличилось число дворов и в бывшей удельной деревне: в Саратовской – на 48,2 %, Симбирской – на 41,4 %, Самарской – на 25,3 %.

Среди бывших помещичьих крестьян выделялась категория крестьян-дарственников, которые в ходе реализации реформы 1861 г. получили даровые четвертные наделы. В Самарской и Саратовской губерниях размер надела у этой категории достигал 1,2 дес. земли на душу мужского пола⁴⁰⁵. По данным Л.Н. Любомировой, в Саратовской губ. дарственники составляли 33,3 % от общего количества бывших помещичьих крестьян⁴⁰⁶. А.М. Анфимов указывает, что из-за

⁴⁰⁵ См.: Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье периода империализма: дис. ... д-ра. ист. наук. Куйбышев, 1982. С. 115.

⁴⁰⁶ Любомирова Л.Н. Крестьяне-дарственники в Саратовской губернии в пореформенный период // Поволжский край, 1975. № 4. С. 90; Карев-

безземелья эта категория крестьян стремилась к покупкам земли⁴⁰⁷. Как правило, крестьяне покупали у помещиков отрезки – те земли, которые отошли к благородному сословию в результате реформы 1861 г. Но эти приобретения, как показывают материалы по региону, не избавляли крестьян от острого малоземелья. Да и рост земельных владений у дарственников был невелик. В Саратовской губ. этот показатель достиг 1,8 раза, в Симбирской – 1,6, в Самарской – 1,5 раза.

Несколько выше размеры земельных наделов были у бывших государственных крестьян. Но и здесь была пестрота в распределении земли у русских, мордвы, чуваш, татар и мари. В ходе реформы 1866 г. русские крестьяне получили в среднем по 6,4 дес. земли на ревизскую душу, мордва – по 6,0, чуваш – по 5,0, татары – по 4,7 дес.⁴⁰⁸ К 1905 г. бывшие государственные крестьяне имели в Симбирской губ. в среднем по 6,5 дес. земли, в Саратовской – по 12,5, в Самарской – по 22,87 дес. земли. Высокий надел земли по сравнению с бывшими помещичьими крестьянами был у бывших удельных крестьян. В Симбирской губ. он составлял 7,7 дес. земли, в Самарской – 13,8, в Саратовской – 9,8 дес. В привилегированном положении находились немцы–колонисты. Размер надела на двор у них в Самарской губ. достигал 33 дес. земли, в Саратовской – 18,8 дес. Как видим, везде государственные и удельные крестьяне в большей мере, чем помещичьи, были обеспечены земельными наделами. Реформы 1860-х годов создавали в российской деревне новую форму землевладения – общинное, состоящее из наделных участков земли. На фоне сокращения дворянского и казенного (государственного) землевладения, роста частновладельческой земли, находящейся в распоряжении купцов и крестьян – частных собственников, увеличивался удельный

ская А.Г. Крестьяне–дарственники Самарской губернии // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960. Киев, 1962.

⁴⁰⁷ См.: Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1904. М., 1980. С. 69.

⁴⁰⁸ См.: Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю в 60–90-е годы XIX века. Казань, 1973. С. 28.

вес крестьянского наделного землевладения. К 1905 г. оно превысило долю государственных и частновладельческих земель в регионе (табл. 8).

Таблица 8

**Структура землевладения
в Поволжье и Приуралье в начале XX в. (на 1 января 1905 г.)***

Губерния	Надельная		Частная		Казны и удела		Всего	
	кол-во дес.	%	кол-во дес.	%	кол-во дес.	%	кол-во дес.	%
Казанская	3205,4	58,3	734,5	13,4	1558,5	28,3	5498,5	100
Самарская	6712,5	51,6	3544,4	27,2	2760,4	21,2	1307,4	100
Саратовская	3348,9	49,2	2630,5	38,7	819,9	12,1	6799,4	100
Симбирская	1658,2	41,5	1092,4	27,3	1247,9	31,2	3998,6	100
Уфимская	6251,7	58,8	3163,8	29,8	1205,6	11,4	10621,3	100
Оренбургская	10668,2	71,7	2038,7	13,6	2195,6	14,7	14902,8	100
По региону						19,8		100

*Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982. С. 35; Амирова Н.Ф. Помещичье хозяйство Юго-Востока Европейской России в период империализма: дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1989. С. 198.

Аграрная специализация региона, обозначившаяся в конце XVIII в., постепенно усиливалась, но за счет производства зерна. Скотоводство становилось подчиненной отраслью. Одновременное проявление природных и экономических факторов, предопределило агротехнические приемы обработки помещичьей и крестьянской земли в Поволжье.

Применительно к феодальной эпохе Л.В. Милов отмечает неизменное присутствие «критерия целесообразности» в крестьянском труде: минимальный объем совокупного общественного продукта, получаемый ценой неимоверно тяжелого труда, делал земледельца приверженцем традиции и обычая,

«заставлял его в стремлении к росту прибавочного продукта идти преимущественно лишь по пути постоянного расширения производственных площадей»⁴⁰⁹. Не изменилась ситуация и в последующее время.

Во второй половине XIX – начале XX века посевные площади в крае росли очень быстро (табл. 9).

⁴⁰⁹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 32–33.

**Крестьянские и частновладельческие посевы в Поволжье
в конце XIX – начале XX в.***

1891–1900 гг.		1901–1905 гг.		1906–1910 гг.		1911 –1915 гг.	
Крестьянские, тыс. дес., %	Частновладельческие, тыс. дес., %	Крестьянские, тыс. дес., %	Частновладельческие, тыс. дес., %	Крестьянские, тыс. дес., %	Частновладельческие, тыс. дес., %	Крестьянские, тыс. дес., %	Частновладельческие, тыс. дес., %
Казанская губерния							
1514,5	206,9	1591,9	234,5	1616,4	282,9	1632,4	278,1
87,9	12,1	87,1	12,9	85,1	14,9	85,4	14,6
Симбирская губерния							
827,0	468,7	867,4	542,2	866,1	622,1	925,3	471,4
63,8	36,2	61,5	38,5	58,2	41,8	66,2	33,8
Пензенская губерния							
819,1	432,0	920,5	521,2	897,4	537,5	946,7	511,6
65,4	34,5	63,8	36,2	62,5	37,7	64,9	35,1
Самарская губерния							
2234,1	743,8	2755,5	1191,8	2861,1	1478,9	3217,1	1361,6
75,0	25,0	69,8	30,2	65,9	34,1	68,7	31,3
Саратовская губерния							
1480,7	758,1	1542,6	1101,3	1516,1	1346,6	1814,6	1145,4
66,1	33,9	58,3	41,7	52,9	47,1	61,3	38,7
Поволжье							
6875,4	2609,5	7666,9	3591,0	7757,1	4268,0	8536,1	3768,1
72,4	27,6	68,1	31,9	64,5	35,5	69,3	30,7

*Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982. С. 79.

За первое десятилетие XX в. в Самарской губернии прирост посевных площадей составил 22,8 %, в Саратовской – 14,6 %, Симбирской – 11,9 %; Казанской – 5,6 %. В степных уездах за два десятилетия рубежа веков размеры пашни удвоились. Под посевы шли распаханнные залежи, луга и пастбища, на севере и северо-востоке – расчищенные леса. В хозяйственный оборот пускался фонд казенных земель. Экстенсивные методы земледелия и вовлечение в оборот новых, ранее не используемых земель, были характерной чертой аграрного развития Поволжья. Заволжские степи превратились в конце XIX века в бескрайние поля и хлебные житницы.

Главные посевики в крае – крестьяне. На крестьянское землепользование приходилось в начале века от 63,8 % всех посевов в Симбирской – до 97 % в Уфимской губернии. Но постепенно их доля снижалась при росте удельного веса частновладельческих посевов. Колонизационная политика имперского правительства давала свои результаты. В Симбирской губернии доля частновладельческих посевов, в том числе и крупных посевики-крестьян, возросла с 36,2 % в 1891–1900 гг. до 41,8 % в 1906–1910 гг., в Самарской – с 25 до 34,3 %, в Саратовской – с 33,9 до 47,1 %⁴¹⁰. Рост посевов частных владельцев особенно заметен на фоне уменьшения доли дворянского земледелия. По подсчетам И.Д. Ковальченко, с 1850–1860 гг. по 1916 г. доля помещичьих (дворянских) посевов на юго-востоке региона (Самарская, Уфимская, Оренбургская губернии) сократилась с 7,1 до 5,7 % (в России в целом с 21,9 до 11,3 %) ⁴¹¹.

Колонизационная политика и последовавшее значительное расширение посевов не привели к росту потребления хлеба его главными производителями. В отличие от Сибири, увеличение посевов в Поволжье за 1897–1914 гг. отставало от при-

⁴¹⁰ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982. С. 79.

⁴¹¹ Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 192.

роста населения более чем в два раза⁴¹². Это значит, что многонациональное крестьянство, продвигаясь дальше в степь и осваивая новые пространства, вкладывая громадную массу труда, не становилось в целом богаче, и на крестьянском столе в доме хлеба вдоволь по-прежнему не было.

Из выращиваемых культур главными были зерновые хлеба, преимущественно озимая рожь, овес, яровая пшеница. Доля других злаков невелика. Важнее всякого другого хлеба была рожь, основная культура, потребляемая крестьянами в пищу. К тому же она была засухоустойчива, а значит, давала урожай при ненадежном климате.

Самой неприхотливой культурой считался овес. Он рос на любых землях, не требуя длительной серьезной обработки пашни. «Почти повсеместно почву под овес пашут и боронят лишь один раз, а это крупнейшая экономия крестьянского труда»⁴¹³. Овес и употребляли в пищу сами крестьяне, и использовали как фуражное зерно на корм рабочему скоту.

Посевы пшеницы возросли в начале XIX в., в структуре площадей преобладали ее твердые сорта. Она была лучше всего «урожаема» на нови, «из лугов и лесов расчищенной»⁴¹⁴, но трудоемка в возделывании и вела к быстрой «выпаханности» земли. В крестьянской семье традиционно пшеничный хлеб употребляли мало, чаще в татарских семьях. Пшеницу выращивали, учитывая товарные потенции этой культуры.

Структура посевных площадей показывает, как выстраивались в земледелии крестьянские приоритеты. В конце XIX в. в крае, помимо традиционных культур, стали выращивать просо, гречиху, рапс, ячмень, расширились посевы под техническими культурами. В Симбирской, Казанской губерниях по-прежнему культивировали озимую рожь и овес, что отча-

⁴¹² Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. С. 81.

⁴¹³ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 39.

⁴¹⁴ Там же. С. 41.

сти объяснялось ростом европейского спроса и заказами со стороны интендантства для армии⁴¹⁵.

В лесостепной и степной зоне Самарской губернии и южных уездах Саратовской губернии пшеница уже с начала XIX в. «правила бал», доля ее посевов неуклонно возрастала. В начале века (1901–1905 гг.) в Самарской губернии на нее приходилось 53,1 % посевов, в 1911–1915 гг. – 60,8 % (аналогичные общероссийские показатели составляли лишь 29,8 %). Пшеничные посевы наряду с Донской областью считались самыми большими в Европейской России. В Оренбургской губернии пшеница тоже стала главной выращиваемой культурой (63,76 % посевных площадей в начале XX в.). В соседних губерниях подобные данные не так впечатляющи, но и они свидетельствуют о том, что основной клин при трехпольном севообороте был отдан под пшеницу. В Саратовской губернии ее доля возросла с 31,1 % до 38 %, в Уфимской губернии – с 12,5 % до 22,9 %⁴¹⁶.

Преимущественный рост доли товарных культур, прежде всего яровой пшеницы, свидетельствовал о сильной коммерциализации производства, как в крестьянском, так и в помещичьем хозяйствах. Результатом усиления зерновой специализации стало практически полное включение земельных ресурсов Поволжья в оборот, специализация на производстве товарных рыночных культур. К началу XX в. лишь в Уфимской и Оренбургской губерниях еще оставались нераспаханные ковыльные степи, хотя их размеры быстро сокращались.

Принципиальных различий в структуре посевных площадей у разных этнических групп не было, ее определяли, прежде всего, состав почв и климатические условия. Тем не менее, по отдельным заметкам современных историков отметим, что полба чувашами, татарами и марийцами выращивалась в больших размерах, чем русскими крестьянами, так как крупа и мука из нее использовались для приготовления обрядовой

⁴¹⁵ Китанина Т.М. Хлебная торговля России в 1875–1914 гг. Л., 1978. С. 260.

⁴¹⁶ Статистика Российской империи. Урожай хлебов в Европейской России. СПб.; Пг., 1900–1914.

пищи. Из технических культур русские крестьяне Казанской, Симбирской губерний отдавали предпочтение льну, чувашаи и татары – конопле. Немцы выращивали рапс, табак, горчицу, брюкву.

Огородничество, садоводство, пчеловодство дополняли земледельческое хозяйство. Капуста, помидоры, картофель поступали на местный рынок с крестьянских огородов. На юге было развито бахчеводство, чаще всего им занимались татары, выращивали арбузы, они же их продавали.

Товарное производство требовало внесения удобрения, улучшения уровня обработки почвы с использованием усовершенствованной сельскохозяйственной техники, расширения травосеяния и технических культур. На рубеже XIX – XX в. правильное ведение сельского хозяйства представлялось как многополье с обязательным травяным клином и периодическим чередованием засеваемых культур. Для степных и целинных земель агрономия признавала тогда наиболее удобной и безвредной залежную систему. Такое хозяйство было менее трудоемко (не нужно было трижды за сезон выезжать на поля), хотя для подъема почвы требовалось использование быков и лошадей тяжеловесных пород, железных плугов и другой более крепкой техники. Но дешевая залежная система имела свои пределы. Ее максимальные размеры, по подсчетам А.В. Чаянова, могли составить на юго-востоке 2000 дес., дальнейшее расширение посевов вело к росту расходов и уменьшению доходов от такого хозяйства⁴¹⁷. Любая интенсификация хозяйства требовала дополнительных вложений капитала, что в условиях сельской жизни второй половины XIX–начала XX в. было почти нереально.

Новации в системе полеводства были более свойственны помещикам, имевшим для того все возможности и, прежде всего, значительные земельные угодья. Для большинства крестьян четырех- и пятипольный севообороты с травяным

⁴¹⁷ Чаянов А.В. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий // Из работ Научно-исследовательского института С. -х. экономики при с. -х. академии им. К. Тимирязева. М., 1924. С. 77.

клином были «совершенно новыми, непривычными формами земледелия»⁴¹⁸. В то же время в крае уже практически не было и патриархального типично залежного хозяйства с нетронутыми землями. При общей пестрой мозаике в севообороте, преобладающей в лесных и лесостепных уездах была трехпольная система обработки полей с привычным набором орудий – плуг, соха, борона, серп или коса, лошадь.

К югу трехпольная система постепенно сменялась пестропольем, представлявшем смесь разных подходов к севообороту, затем его, в свою очередь, сменяла залежь. Такой способ обработки земли господствовал здесь и у степных помещиков, и особенно у крестьян. Земледелие сохраняло ярко выраженный экстенсивный характер: огромные площади засеивались «хлебом по хлебу», до истощения, а затем оставлялись на несколько лет. В центральных и южных районах Башкирии использовалась переложная система. Одноральная или двухральная соха, татарский сабан, борона были главными орудиями сельскохозяйственного производства.

Расширение и зачастую хищническое использование плодородных земель на юге, малоземелье, заставлявшее крестьянина вести трехпольный севооборот на севере, неуклонно вели сельское хозяйство края к кризису. Об этом свидетельствовали участвовавшие неурожаи 1891, 1897–1898, 1900, 1905–1906, 1911 гг.; благоприятными были лишь 1904 и 1909 годы. Почвы постепенно истощались, зависимость земледельца от климата, по меткому выражению Г.И. Баскина, становилась зловещей.

Самой застойной стороной сельскохозяйственного производства было семеноводство. Ценные сорта теряли свои качества, перерождались, что заставляло земледельцев с течением временем твердые сорта пшеницы (белотурка) заменять мягкими (безостка и кубанка). Интенсификация хозяйства, использование удобрений, усовершенствованных орудий и машин были единственной возможностью преломления негативных тенденций в земледельческом производстве.

⁴¹⁸ Обзор Уфимской губернии за 1914 год. Уфа, 1916. С. 127.

Некоторые улучшения в этом направлении все-таки были. Крестьяне стали больше покупать сельскохозяйственной техники, в том числе местного производства, однако удельный вес новаций в агрономии был еще невелик. Не являлись примером высокой культуры земледелия и арендные хозяйства на государственной земле, в большинстве своем они вели хищническую эксплуатацию пахотных угодий вплоть до истощения. Улучшения в агротехнике и агрикультуре были заметны в частновладельческих экономиках, в крестьянских хозяйствах фермерского типа на степном юге Самарской губернии, фермерских уездах Южного Урала с центрами в Уфе, Белебее, Стерлитамаке⁴¹⁹. Здесь уровень обеспеченности хозяйства металлическими пахотными орудиями был близок к насыщению⁴²⁰.

Подавляющее большинство крестьян, несмотря на отдельные позитивные сдвиги в хозяйстве, обрабатывали землю без учета рекомендаций местных агрономов. Около 80 % крестьянских хозяйств совершенно не удобряли землю. Традиционные методы обработки земли по-прежнему преобладали в поволжской деревне.

Итоговым показателем степени прогрессивных изменений в сельскохозяйственном производстве могут служить данные об урожайности хлебов (табл. 10). В крае была заметна тенденция постепенного, незначительного роста урожайности, преимущественно в помещичьих хозяйствах: сказывалась меньшая выпаханность земли, использование высокой агротехники. В среднем, к примеру, в Уфимской губернии в начале XX в. помещики получали с 1 десятины посева по 59 пудов ржи, а крестьяне по 47, пшеницы – 45 пудов по сравнению с крестьянскими 37 пудами, урожайность овса составляла 52

⁴¹⁹ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 309.

⁴²⁰ Клейн Н.Л. Экономическое развитие Поволжья в начале XX века. Саратов, 1981. С. 52.

пуда против 39 и т. д. Похожими были данные об урожайности и в других губерниях края.

Таблица 10

**Среднегодовая урожайность
главных зерновых культур в Поволжье
в крестьянских и частновладельческих хозяйствах⁴²¹**

Губерния	Годы	Хозяйство	Озимая рожь	Яровая пшеница	Овес	Ячмень
Казанская	1901– 1905	Крестьянск.	47,1	36,4	39,6	48,0
		Частновл.	61,2	41,8	48,0	40,9
	1906– 1910	Крестьянск.	42,1	31,2	35,6	47,3
		Частновл.	56,1	43,1	43,3	42,2
Симбирская	1901– 1905	Крестьянск.	49,4	35,1	37,4	47,3
		Частновл.	55,6	44,5	44,3	43,8
	1906– 1910	Крестьянск.	47,8	35,8	38,2	54,3
		Частновл.	59,6	40,0	46,6	57,3
Пензенская	1901– 1905	Крестьянск.	46,1	40,2	35,5	34,2
		Частновл.	55,8	45,5	44,3	36,7
	1906– 1910	Крестьянск.	48,8	37,6	43,4	35,1
		Частновл.	63,8	42,6	55,0	4,7
Самарская	1901– 1905	Крестьянск.	41,3	27,8	27,7	27,2
		Частновл.	50,3	36,2	35,5	32,4
	1906– 1910	Крестьянск.	33,6	34,0	31,4	32,4
		Частновл.	42,8	43,2	41,0	4,8
Саратовская	1901– 1905	Крестьянск.	39,7	25,9	32,6	31,4
		Частновл.	54,1	33,5	44,5	32,5
	1906– 1910	Крестьянск.	35,7	32,6	32,4	31,4
		Частновл.	50,8	43,0	47,2	42,8

⁴²¹ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982. С. 104.

Помещичьи и крестьянские хозяйства

Отмена крепостного права и последующие реформы определили российской деревне принципиально иные условия хозяйствования. Перемены затронули всех: и помещиков, и крестьян. Новый способ жизни складывался долго. 1860–1870-е гг. исследователи называют временем выживания, приспособления к новым условиям жизни. В два последующих десятилетия, когда в трудовую жизнь вступило новое поколение земледельцев, определились контуры российского капитализма, формировались новые типы предпринимательских хозяйств. Однако начало XX столетия опять принесло в деревню новые реформы, затронувшие прежде всего крестьянские хозяйства. В течение полувека часто было неясно, отвоевали ли себе буржуазные отношения главные позиции в поволжской и приуральской деревне, или нет. Споры о судьбах деревни в обществе не прекращались.

Огромная региональная и значительная внутрирегиональная дифференциация, социальные, этнические особенности создавали многообразные картины модернизации российской деревни.

По мере колонизации и сокращения государственного землевладения палитра собственников земли становилась разнообразнее. Если в середине XIX в. в поволжских губерниях государственной считалось до 80 % земли сельскохозяйственного назначения, остальная часть принадлежала Уделу и частным владельцам, то к 1905 г. доля государственного земельного фонда существенно снизилась и составляла 17,8 % по региону. Высокий удельный вес государственных и удельных земель сохранился в Симбирской (31,2 %) и Казанской (28,3 %) губерниях, в степных же районах он не превышал пятой части (табл. 11).

Имперская власть укрепляла позиции в регионе за счет помещиков. Накануне реформ 1860-х гг. родовые «дворянские гнезда» особенно большими были в Саратовской, Симбирской губерниях, северных уездах Башкирии. В Заволжье частные владения возникли лишь в начале XIX в., но постепен-

но их доля росла. В результате уже в начале XX в. помещичье землевладение в колонизируемых губерниях (Самарская, Уфимская, Оренбургская) по размерам превосходило земельный фонд дворян в районах старого хозяйственного освоения. Доля частновладельческих земель в регионе приблизилась к общероссийским показателям (в среднем 25 %), хотя в лесостепной зоне она была выше (52,1 %), чем в степной (24,3 %).

Таблица 11

Распределение земли сельскохозяйственного назначения среди земельных собственников накануне 1860-х гг.⁴²²

Губерния	Государственные (тыс. дес.)	Удельные	Помещичьи (дворянские)	Итого
Казанская	4376,6	102	995	5473,6
То же в %	79,9	1,9	18,2	100
Самарская	6159	1736	1778	9673
То же в %	63,7	17,9	18,4	100
Симбирская	255,9	2073	1788	4116,9
То же в %	6,2	50,4	43,4	100

Власть, надеясь на укрепление своих позиций на окраинах за счет помещичьего землевладения, не могла предотвратить особенно тревожившую ее тенденцию – перераспределение частного землевладения и сокращение дворянского. Дворяне-помещики, потерявшие после реформы 1861 г. возможность использовать бесплатную рабочую силу, обремененные долгами и потратившие выкупные платежи крестьян на их погашение, оказались не только в условиях финансового вакуума, но и часто просто в растерянности. Характерным явлением того времени стала активная мобилизация (купля-продажа) земли: помещики, не укоренившись в своих владениях, стремились их продать. Те же, кто пытался организовать пред-

⁴²² Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. М., 1984. С. 43.

принимательское хозяйство, в условиях мирового аграрного кризиса и резкого снижения цен на зерно несли убытки или же разорялись. Русское помещичье землевладение, лишь недавно возникшее на заволжских окраинах, оскудевало, либо, как и в центральных районах, нуждалось в финансовой поддержке государства.

Частично эти задачи стали решать с 1880-х гг. два государственных земельных банка, губернские отделения которых возникли в Поволжье практически одновременно с открытием этих финансовых учреждений в столицах. Дворянский земельный банк развил долговременные кредитные операции под залог имений, Крестьянский поземельный банк предоставлял ссуды сельским обществам или товариществам и сам являлся покупателем дворянской земельной собственности. Как показывают подсчеты исследователей, в начале XX в. более половины помещичьей земли края находилось в залоге у Дворянского земельного банка. Но и эти меры имперской власти не помогли остановить процесс распродажи помещичьей земли: в последующие годы убыль дворянской земли росла (особенно в 1905–1907 гг.), одновременно задолженность помещиков кредитным учреждениям страны увеличивалась.

Вместе с тем крупные дворянские экономии сохранялись, многие из них трансформировались в товарные производства, иногда в многоотраслевые хозяйства, функционировавшие с помощью оборотных средств кредитных учреждений⁴²³. Однако все чаще купец, мещанин, иногда и крестьянин-земледелец становились главными фигурами в сельской глубинке. Таких земельных собственников все чаще стали называть помещиками, а если с иронией (или презрением), то «чумазами лендлордами». Не только на Самарскую

⁴²³ По документам Дворянского банка начала XX в. известны земельные собственники-дворяне Л.И. Шотт (28875 дес. в Оренбургской губ.), наследники И.С. Тимашева (28372 дес. в Оренбургской губ.), В.К. Стобеус (22091 дес.) и Мордвиновы (6937 дес. – в Самарской губ.), В.А. Пашков (11353 дес. в Уфимской губ.), С. П. Дурново (21132 дес.) и граф Орлов-Денисов (8757 дес. в Саратовской губ.) и др.

губернию, но и на все Поволжье распространялось влияние купца А.Н. Шихобалова. В 1905 г. его семье принадлежало 161 959 дес. в Самарской губ., а через десять лет – еще 5 008 дес. в соседних Уфимской и 12 661 дес. в Оренбургской губ.⁴²⁴. Об А.Н. Шихобалове упоминает в автобиографии даже А.Н. Толстой: «Вся Самарская губерния отходила к земельному магнату Шихобалову, скупившему все дворянские земли и бравшему с крестьян цены за годовую аренду, какие ему заблагорассуживалось»⁴²⁵. И хотя в этом высказывании имеется некая гипербола, думается, она отражает имевшие тогда место настроения: купец-хлеботорговец становился еще и земельным собственником. Заметными фигурами среди уфимских земельных магнатов были потомственные почетные граждане Видинеев (4 053 дес.) и Деев (14 714 дес.).

Концентрация частной (недворянской) земельной собственности в крае была существенно выше, чем в Европейской России: доля помещиков, владевших свыше 1000 дес. земли, составляла 80,8 % (в Европейской России 61,5 %).

Передел земельной собственности, в том числе отягощенной долгами, рост земельных и скачки хлебных цен, разорение одних и появление других преуспевающих земельных магнатов из числа купцов и крестьян, ажиотаж и спекуляция становились постоянными компонентами деревенской жизни края. Оценщик банка, составлявший подробные описи имений для определения их стоимости, был теперь привычной фигурой в сельской глубинке.

Все эти процессы особенно рельефно выделялись на фоне практически не менявшегося в размерах крестьянского общинного землевладения. Население деревни росло. Крестьяне-общинники, имея крохотные наделы, испытывали острый недостаток в земле и вынуждены были прибегать к аренде.

⁴²⁴ Амирова Н.Ф. Помещичье хозяйство Юго-Востока Европейской России в период империализма (1900–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Куйбышев, 1989. С. 38.

⁴²⁵ Толстой А.Н. Краткая автобиография // Толстой А.Н. Избр. соч.: в 6 т. М., 1950. Т. 1. С. 8.

Арендный фонд имели прежде всего помещичьи и казенные земли. В Казанской губернии в конце XIX в. крестьяне арендовали больше частновладельческую землю, в Самарской – казенную, в Симбирской губернии соотношение помещичьего и казенного арендного фонда было одинаковым. Арендная плата различалась: она могла быть денежная, за отработку помещичьих полей, за часть урожая. В Уфимской губернии бывали случаи, когда арендатор башкирских вотчинных земель должен был получить согласие всех членов общества и обговорить условия пользования землей. С этой целью он затрачивал средства на подкуп влиятельных башкир, угощение вотчинников. Иногда в качестве арендной платы башкиры получали продукты питания⁴²⁶.

Крестьяне предпочитали арендовать землю на годы. Так сдавались казенные недорогие земли. Помещики сдавали землю в аренду на короткий срок, что давало больше прибыли. А.М. Анфимов отмечал, что в конце XIX в. средняя цена за аренду десятины казенной земли составляла 2,6–3,3 руб., тогда как частные владельцы брали по 5,7–7,1 руб., а Удел – 2,8–3,6 руб.⁴²⁷. Наплыв переселенцев удорожал аренду.

Значение аренды росло в зависимости от степени зажиточности крестьянского двора, наибольшее распространение она имела в степном Заволжье и южных уездах Саратовской губернии, где чаще складывались хозяйства фермерского типа⁴²⁸. Краткосрочная аренда не давала никакой возможности удобрять землю или улучшать, агротехнику. Расширение таких арендных отношений влекло за собой «выпаханность» земли и снижение ее урожайности.

Из тех помещиков, что остались жить в деревне, многие чаще и больше стали заниматься ведением собственного хозяй-

⁴²⁶ Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1981. С. 86.

⁴²⁷ Анфимов А.М. Земельная аренда в России в начале XX века. М., 1961. С. 76.

⁴²⁸ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. С. 55.

ства, пользуясь лучшими по качеству, чем у крестьян, угожьями (пашней, лугами, лесами). Доля собственных посевов в помещичьих имениях выросла с 27 % до 33–48 % за 1860–1910-е гг. Начался переход к плодосмену – многопольным севооборотам (доля технических культур в посевах составляла 10–12 % в начале XX в.). Встав на путь современного хозяйствования, помещики оказывались заложниками других необходимых новшеств. Как замечал саратовский помещик Н.А. Павлов, «с введением в севообороты пропашных, бобовых, масличных и корнеплодов нам нужно вдвое и втрое людей против недавнего трехполья»⁴²⁹. Необходимо было закупать новые сельскохозяйственные орудия. Но хотя на новые расходы трудно было решиться, большинство помещиков пыталось закупить инвентарь в достаточном количестве. Около трети помещичьих имений в крае не имели орудий труда вовсе, предпочитая аренду или отработки. Большие затраты, например, на покупку трактора, не всегда себя оправдывали. А вот молотилки, веялки, сенокосилки, сноповязалки и другие орудия труда многие помещики покупали в большом количестве.

Использование вольного наемного труда и труда окрестных крестьян одновременно было широко распространено на всех видах работ. В северных и лесостепных уездах помещики, пользуясь малоземельем крестьян, за низкую цену нанимали крестьян с инвентарем на посев или вспашку. С увеличением размера посева возрастало число наемных рабочих. В южных степных уездах без поденных рабочих невозможно было собрать урожай. Здесь фактически уже сформировался капиталистический класс покупателей наемной рабочей силы.

На севере и северо-востоке региона помещики, пользуясь недостатком крестьянской земли, зимой заранее заключали условия на обработку своих владений крестьянским инвентарем и скотом за хлеб и муку. У большинства помещиков в хозяйстве сочетались капиталистические и отработочные черты: сказывалась дороговизна сельскохозяйственной техники. Специфика сельскохозяйственных работ в начале XX в.

⁴²⁹ Павлов Н.А. Записки землевладельца. СПб., 1911. С. 94.

делала невозможной полную механизацию сельскохозяйственного труда. Машинные способы обработки преобладали на вспашке земли и молотье хлеба. Гужевые перевозки, сенокосные и другие работы почти всегда велись с использованием труда окрестных крестьян. В целом модернизация сельского хозяйства набирала обороты крайне медленно.

Интерес для помещиков представляло и животноводство, часто специализированное, по производству породистых лошадей, тонкорунных овец и т. д. Хотя в регионе на помещиков приходилось лишь около 4 % конского поголовья, именно на принадлежавшим им конских заводах выращивали скот улучшенных пород. Некоторые помещики занимались другими видами сельского предпринимательства – заводили кумысолечебни и маслобойные производства. Из таких экономий на рынок поступали зерно, мясо, молоко, шерсть, а также продукты местной переработки: масло, сыр, сметана и др. Наиболее предприимчивые помещики вблизи губернских городов разбивали сады и дачные участки и сдавали их в аренду. В северных уездах края на капиталистических основаниях была организована вырубка, переработка и продажа леса, хотя экономий таких было немного.

Как это ни парадоксально, но наиболее спокойной была жизнь тех помещиков, которые ничего не меняли в своем имении, не спешили вкладывать средства в покупку техники и удобрений.

Своеобразным «космосом», со сложившимся, но достаточно многоликим «штандартом» жизни была крестьянская деревня. Ее постоянной компонентой оставалось переселенчество. Правительство, с одной стороны, стремилось к хозяйственному освоению окраинных территорий, с другой – опасалось излишней массовости и неконтролируемости этого процесса. Особенности опасения вызывали самовольные переселения крестьян после 1861 г.: деревня центрально-черноземных районов могла остаться без дешевых рабочих рук, помещики – без выкупных платежей, государство – без налогоплательщиков. В то же время стихийный процесс заселения в Заволжье и

Башкирии мог обернуться скорым сосредоточением на окраинах безземельных крестьян. Правительство создало специальную комиссию для изучения переселенческого движения, Министерство внутренних дел отдельными циркулярами регулировало порядок заселения казенных земель в Самарской, Оренбургской и Уфимской губерниях (апрель 1868, январь 1876 г.). В 1882 г. были утверждены Временные правила по крестьянским переселениям. Постепенно от урегулирования этого процесса правительство с конца 1880-х гг. перешло к его ограничению⁴³⁰. Переселение не поощрялось, но допускалось, так как в 1890-е гг. решался вопрос о заселении участков вдоль Сибирской железной дороги.

Перемены в политике не только влияли на интенсивность переселенческого потока, но и создавали разные условия жизни на новых местах. С 1876 до 1884 г. новопоселенцы получали по 15 дес. земли в бессрочное пользование. Затем размер наделаемого участка уменьшился до 6–7 дес., в некоторых уездах – до 5 дес. Землю стали давать в бессрочное пользование только после временной (6–12 лет) аренды⁴³¹. Переселенцы, имевшие разные права на землю, уже не могли составить одну общину, даже если они были земляками в недавнем прошлом. Кроме того, бюрократические проволочки, поиски свободных участков в условиях их практического исчерпания к концу XIX в. серьезно осложняли жизнь крестьянской семьи.

Переселенцы усиливали национальную мозаику поволжской и южноуральской деревни. Разноплеменной состав населения оттенялся нараставшим социальным расслоением. До реформы государственные и удельные крестьяне были самым многочисленным сословием. Государственную и удельную деревню составляли мордва, чуваша, татары. Здесь были сильные родоплеменные, патриархальные традиции общинности в

⁴³⁰ Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. С. 70.

⁴³¹ Там же. С. 83.

хозяйственном поведении⁴³². Государственными становились и новопоселенцы. Везде государственные и удельные крестьяне в большей мере, чем помещичьи, пользовались земельными наделами.

Круг крестьянских забот существенно отличался от дворянских. Получив землю в общинную собственность, бывшие помещичьи, государственные крестьяне решали все вопросы, связанные с землепользованием, на сельских общинных сходах⁴³³. Среди русского и татарского крестьянства, как считают исследователи, преобладали простые общины, среди башкир-вотчинников, владевших землями сообща в составе родоплеменной волости, – сложные. Определяющим здесь был не только национальный фактор, но и социальный: бывшие помещичьи крестьяне формировали простую общину, бывшие государственные – как правило, сложную⁴³⁴. Хозяйствовали тоже в зависимости от конкретной ситуации – либо единолично, либо сообща.

Общество учитывало, чтобы каждая семья имела достаточное количество разнообразных угодий – пашни, лугов для нормального существования и уплаты налогов. Поэтому складывалась чересполосица, разбросанность полей. Но это не только обеспечивало социальную справедливость, но и защищало крестьян от природных бедствий. Община заботилась о предоставлении крестьянам сенокосов и выгонов для скота. При недостатке земли практиковалась общественная пастьба скота на индивидуальных наделах, а это значило, что каждый пользователь надела должен придерживаться общего севооборота, чтобы стада кормились не только на пастбищах,

⁴³² Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век. По материалам Поволжья. Самара, 1994. С. 356.

⁴³³ Общины могли объединять жителей одного села (простые), нескольких, иногда до десятка, сел и деревень (сложные общины). Деревня могла разделиться на несколько общин (раздельные).

⁴³⁴ Кабытов П.С. Аграрный строй. С. 52; Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в борьбе за землю и волю. С. 44; Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века. С. 96.

но и травой поля, оставленного под пар и по скошенным лугам. В этом случае община не просто уравнивала всех пользователей общинной земли, но и принудительно консервировала патриархальные способы обработки полей.

По закону 1893 г. община должна была производить переделы земли каждые 12 лет, но часто эти сроки не соблюдались. Поводом для переделов в крае было увеличение новых семей, накопление «пустовых душ», рост недоимок, после 1907 г. – выделение части крестьян на хутора и отруба.

Реалии наступившего XX века для поволжского крестьянства были тревожными: росла численность сельского населения, а вместе с ней – малоземелье; значительное увеличение пахотных угодий во второй половине XIX в. оборачивалось для нового поколения земледельцев постепенным снижением урожайности и «выпаханностью» земель. Перед крестьянским обществом неотвратимо вставали задачи, которые предыдущим поколениям решать не приходилось: надо было заботиться о восстановлении плодородия пашни и интенсификации хозяйства, что без повышения грамотности и распространения агрономических знаний было невозможно. Другой задачей должно было стать формирование инфраструктуры села, которую в начале XX в. составляли элеваторы, склады по продаже сельскохозяйственного инвентаря, семенного фонда, сельскохозяйственные выставки и др. Немалую роль в ее создании в регионе играли губернские земства.

Любые новации требовали времени, средств. Объем их был невелик. Как правило, затраты были связаны лишь с земледельческим производством. Лишь немногие крестьяне шли на них. Как отмечал уфимский земский агроном, «главная трудность заключается... в том, чтобы склонить к этому целое общественное хозяйство, весь мир, состоящий из десятков, имеющих очень слабые сведения по сельскому хозяйству»⁴³⁵. Человеческий фактор, индивидуалистическое начало, в этом случае становился решающим.

⁴³⁵ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века. С. 141–142.

Предприимчивое крестьянство неминуемо вступало в конфликт с общиной. Монокультурный характер производства в степных районах Заволжья имел общие черты с экономическим строем фермерских хозяйств «дикого Запада» США. Исследователи, правда, по-разному подходят к выделению критериев фермерского хозяйства⁴³⁶. Доля фермерских хозяйств здесь составляла до трети всего населения. Относительно однородным был национальный состав населения, преимущественно русского крестьянства. Хозяйственный строй был более унифицирован и подчинен товарному производству.

В лесостепных и лесных уездах было гораздо больше бедноты, а удельный вес зажиточных крестьян и сельской буржуазии колебался от 6 до 10 %. В северо-западных районах Уфимской губернии (Бирский, Мензелинский уезды), северо-восточных районах Казанской губернии, большей части Симбирской губернии численно преобладало традиционное крестьянство, которое вело непрерывную борьбу за выживание и в годы частых неурожаев оказывалось за гранью физиологического существования. Единственным способом избежать голодной смерти, сохранить хозяйство для слабосильных семейств оставалась поддержка коллектива (общины), а также все возрастающая роль помощи государства (продовольственные ссуды).

Можно говорить о том, что в этих уездах, как и в центральной России, начался процесс деградации деревни. Неурожаи хлебов, социальные конфликты (массовое аграрное движение) и войны лишь ускорили кризисные явления в деревне. С другой стороны, модернизационные процессы затронули лишь хозяйства зажиточных крестьян, удельный вес которых в деревне был невелик. Дополняло картину этническое мно-

⁴³⁶ П.И. Савельев отмечает, что главным признаком, от которого надо вести отсчет фермерского хозяйства, является численность рабочего скота (свыше 4 голов). См.: Савельев П.И. Пути аграрного капитализма. С. 299; М.И. Роднов вслед за земской статистикой начала XX в. опирается в своих расчетах на показатель размера посева (свыше 15 дес.). См.: Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века. С. 48.

гообразии проживавших здесь коренных народов Поволжья. Трудоемкость земледелия, необходимость вести многоотраслевое хозяйство, активную промысловую деятельность отличали жизнь многонационального крестьянства края. Многоземельная поволжская деревня к началу XX в. исчерпала свои резервы. Давление естественного прироста населения консервировало старые формы хозяйствования. Здесь складывалась застойная зона бедности.

В начале XX в. в крае оформились своеобразные зоны капиталистической эволюции: на севере и северо-востоке края рыночные отношения больше развивались в помещичьих экономиках (помещичье–буржуазный тип), в степных южных и юго-восточных уездах в авангарде капиталистического развития были крестьянские хозяйства (крестьянско–буржуазный или фермерский тип). Иногда невозможно было определить «лидера», в некоторых волостях и уездах складывалась зона крестьянского, семейно-трудового хозяйства⁴³⁷.

Имперская власть уже не могла считать своей опорой в Поволжье малочисленное дворянское сословие. Перемены, произошедшие в деревне за пореформенные полвека, поставили крестьянство во главе основных направлений эволюции поволжской деревни. Переориентация власти в аграрной политике в сторону крестьянского хозяйства оказывалась неизбежной.

Хозяйство немцев–колонистов в Поволжье

Немецкие колонии в Поволжье создавались в XVIII–начале XIX в. В основном здесь селились выходцы из Швабии, Гессена, Саксонии и других земель Германии. С усилением в Пруссии религиозного единообразия в Поволжье направился второй переселенческий поток – протестантские семьи менонитов. Все эти группы немцев были типичными представителями деревенского этоса с общинным укладом жизни⁴³⁸.

⁴³⁷ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. С. 355.

⁴³⁸ Савченко И.А., Дубинин С. И. Российские немцы в Самарском крае: Историко-краеведческие очерки. Самара, 1994. С. 6.

К началу XX в. в Самарской (преимущественно в степных Николаевском и Новоузенском уездах), Саратовской (Камышинский, Саратовский, Аткарский и Царицынский уезды) губерний проживало около 400 тыс. чел. немцев, владевших 1,5 млн десятин надельной или приобретенной в индивидуальную собственность земли. На Южном Урале также насчитывалось до 400 тыс. чел. немцев, выходцев из Австрии и Баварии с задатками фермерского уклада. В Уфимской губернии немцы-переселенцы появились и из близлежащего Поволжья, Украины. Они селились вдоль линии Самаро-Златоустовской железной дороги (в Белебеевском и Уфимском уездах). Здесь вырастали десятки немецких поселков и хуторов, центром которых стало торговое село и станция Давлеканово (1,5 тыс. чел. немцев), уже до 1917 г. пытавшееся получить статус города. Перед Первой мировой войной немецкие колонии возникли в степи под Стерлитамаком, в низовьях реки Белой (Бирский уезд)⁴³⁹.

Южноуральских и поволжских немцев отличал от других групп, например, закавказских или остзейских немцев, типично сельский уклад жизни. Многие из них прижились здесь. Некоторая часть их потомков в начале XX в. переселилась восточнее – в Сибирь.

В литературе описаны льготные условия, которые первоначально создавало для них правительство: они получали подъемные средства, освобождались от налогов на тридцать лет, от торговых пошлин на десять лет, в начале XIX в. им не грозила рекрутская повинность. Реформы 1860-х гг. не затрагивали хозяйства колонистов.

Первоначально немцы жили достаточно локально, может быть, даже обособленно, иногда вызывая насмешки коренных жителей: по сравнению с русскими деревнями поселения колонистов являли собой образец порядка и опрятности, пере-

⁴³⁹ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века. С. 280.

смешники по этому поводу подтрунивали, говоря, что «у немца хоромы велики, да закрома пусты»⁴⁴⁰.

Постепенно контакты с местным населением налаживались. К хуторянам, особенно после 1861 г., местные крестьяне зачастую нанимались на работы на 10–20 лет. По некоторым данным, уже в 1870-е гг. 13 % жителей менонистских волостей составляли наемные работники из татар, чувашей, мордвы. Сами немцы, как правило, землю уже не обрабатывали⁴⁴¹.

Земледельческое хозяйство и организация жизни немцев в крае имели свои особенности. Менонитов курировала Саратовская контора опекунства иностранных поселенцев. В волостях, где жили менониты, действовало традиционное для них самоуправление (волостной старостат, надзиратели, касса, старшины), работали сельские школы. С конца 1860-х гг. самоуправление немцев постепенно ограничивалось, а с 1871 г. было отменено совсем. К этому времени в хозяйстве менонитов уже определилась тенденция создания товарно-зерновых хозяйств фермерского типа, утвердился трех–четырепольный севооборот.

Льготная аренда казенных земель, а затем неотчуждаемая «наследная собственность» позволили немцам быстро укрепиться и развивать семейное товарное хозяйство. Традиции при образовании новой семьи дробить отцовский земельный участок у менонитов не было. Молодые семьи создавали собственное хозяйство на арендованных или купленных по соседству землях. Это обстоятельство обусловило укрепление и расширение частного землевладения немцев. Аренда земли, хлебопашество, развитые промыслы, продуманная система сбыта хлеба, в том числе через кооперативные организации, отличала хозяйства таких немецких поселений.

⁴⁴⁰ Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней / под. ред. П.С. Кабытова, Л. В.Храмкова. Кн. 1. Самара, 1994. С. 174.

⁴⁴¹ Савченко И.А., Дубинин С. И. Российские немцы в Самарском крае. С. 49.

Колонисты не только опирались на сельскохозяйственный опыт своих соседей – народов Поволжья, использовали применяемый в крае сельскохозяйственный инвентарь, но и усовершенствовали их. Уже в 1860-е гг. они начали использовать во время уборки урожая конные молотилки, а Д. Бартель в Покровской слободе Самарской губернии (ныне город Энгельс Саратовской области) построил завод по производству сельскохозяйственных машин. Здесь выпускали конные (на 4–6 лошадей) молотилки, работали над созданием локомобиля (паровой молотилки).

Развивались и другие виды предпринимательства – садоводство, животноводство, ткачество. Одним из наиболее известных промыслов менонитов было табаководство. Разведение табачных плантаций стимулировало строительство в 1830 г. в Саратове Штафом табачной фабрики. Уже через двадцать лет на рынках и ярмарках Самарской губернии и Саратова продавалось до 400 тыс. пудов табака⁴⁴².

Но самым крупным бизнесом для немцев стали выращивание, переработка и продажа зерна. В степном Заволжье они занимались исключительно производством, переработкой и сбытом пшеницы твердых сортов – белотурки. В начале нового столетия о немецких хозяйствах в крае, считавшимися в степной зоне образцовыми для россиян, стали писать в газетах, их опыт исследовался и пропагандировался.

В местностях, где быстро складывалась общероссийская капиталистическая инфраструктура, немцы, зачастую уже имея первоначальный капитал, ориентировались на высоко-товарное производство. Такие хозяйства земская статистика Уфимской губернии в 1912–1913 гг. учитывала как частновладельческие.

Иной социально-экономический уклад жизни сложился в тех волостях, где хозяйствовали выходцы из других немецких земель, либо российские немцы (проживавшие ранее в Польше). Приехав в край позже своих земляков, в 1870-е гг., они попадали уже в совершенно иное правовое поле. Теперь

⁴⁴² Самарская летопись. Кн. 1. С. 174.

их считали уже «переселенцами на правах государственных крестьян без отбывания повинностей». Наделение землей проводилось в меньших размерах. Прежний уклад жизни восстанавливался в иной социально-правовой среде, в короткие сроки, часто в условиях малоземелья. Все эти обстоятельства обусловили преимущественное развитие общинного землепользования со всеми его характерными чертами – чересполосицей, переделами, дроблением семейных наделов и постепенным упадком. Здесь так же, как и у коренных народов, господствовал трехпольный севооборот (ржаной либо картофельный клин, который спасал в случае засушливого года, пшеница, пар). Сельскохозяйственный инвентарь, порядок обработки земли практически не отличались от тех, что преобладали в близлежащих селениях.

В отдаленном Бирском уезде Уфимской губернии, в окружении помещиков и небогатых крестьян-общинников, немецкие хозяйства мало чем отличались от коренных. Приехавшие сюда в конце XIX в. немецкие и эстонские крестьяне, купившие землю в собственность, не смогли создать даже средних хозяйств. «В расположенных вдали от транспортных путей поселках, в условиях Нечерноземья с достаточно суровым климатом, в патриархальном окружении, при отсутствии рынков сбыта немецкие и эстонские колонисты, несмотря на всю их культуру и образование, опустились до уровня местного традиционного общинника»⁴⁴³. Среди немецких хозяйств края также заметна дифференциация, основой которой явились разные правовые, географические, экономические и другие условия развития.

Землевладение и землеустройство в начале XX в.

В начале XX в. экономическое и социальное размежевание привело к массовым выступлениям крестьян против помещиков за землю. Ответом правительства явился Указ 9 ноября 1906 г., сменивший главные акценты аграрной политики: правительство отказалось от прежнего курса консервации

⁴⁴³ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века. С. 282.

общины и перешло к ее насильственной ломке. Но создание единоличных хозяйств на бывших наделных, а также казенных и банковских землях шло при одновременной поддержке дворянских имений, владельцы которых и в период нового правительственного курса по-прежнему выступали за расширение сословных привилегий первенствующего сословия. Именно в этом явственно проявлялся паллиативный характер проводимой земельной реформы. Помещики не хотели ускорить процессы образования крупных хозяйств, владельцами которых являлись крестьяне-конкуренты. Власть же не хотела парцеллизации крестьянских хозяйств.

Экономическое стимулирование реформы осуществлял Крестьянский поземельный банк. На него возлагалась обязанность финансирования крестьянского переселенческого движения, предоставление мелиоративного кредита выделившимся из общины крестьянам-собственникам. Однако из-за финансовой ограниченности деятельность Банка в этом направлении не получила развития. Главным результатом работы этого государственного института в Поволжье можно считать контроль за земельным рынком. За годы революции 1905–1907 гг. в Среднем Поволжье банк приобрел более 1 млн дес. земли, в том числе часть государственной и удельной, удержав их от спекуляции и большого роста цен. Кроме того, банк выступал посредником при продаже помещичьих земель крестьянам, выделявшимся на хутора или отруба. По сути, переустройство не затрагивало дворянской экономики, индивидуальное крестьянское землевладение росло за счет государственных и проданных к этому времени дворянских земель.

Изменения в землевладении и землепользовании разных народов Поволжья под воздействием реформ имперской власти изучены меньше всего. Имеющиеся этнографические описания недостаточны, они не дают ответа на вопрос об особенностях проникновения капитала в аграрные отношения разных народов Поволжья. Отметим основные моменты. Доля русского населения в общей численности крестьянства

нарасталась с севера на юг, от лесных и лесостепных районов к степным⁴⁴⁴, относительно большей была доля русских в пригородных населенных пунктах и при железнодорожных поселениях⁴⁴⁵, что создавало более благоприятные условия для участия в товарно-денежных отношениях.

Мордовская, чувашская (в прошлом государственные) деревни, обладая в среднем большими наделами, пользовались угодьями худшего качества, часто заболоченными, малопригодными для земледелия. Развитие рыночных отношений, в частности по поводу земли, здесь было распространено слабее, в силу того, что главным участником торгов выступали не столько дворяне и купцы, сколько государство⁴⁴⁶.

Аграрное переустройство, начавшееся в 1906 г., усилило многообразие форм владения землей в крае. Крестьянская община реагировала на новые рыночные реалии. Объективно легче было перейти на индивидуальные способы хозяйствования в неперedelных общинах и переселенческих хозяйствах. Однако изучение материалов по Поволжью свидетельствует о том, что эта идея не получила массовой поддержки и всеобщего распространения. Отсутствие переделов часто объяснялось качественным составом угодий. В сложных общинах были общие владения, разделить их было практически невозможно. В татарской, чувашской деревне, где существовали раздельные общины, усилилась тенденция к их сближению: от совместного пользования смежными угодьями до слияния в одно сельское общество. В простых общинах Симбирской губернии со смешанным составом населения, напротив, наметился раскол по конфессиональному признаку⁴⁴⁷. На внеш-

⁴⁴⁴ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма. С. 127.

⁴⁴⁵ Николаев Г.А. Эволюция средневожской деревни рубежа XIX–XX вв. в этническом измерении: общие контуры процесса [рукопись доклада на Всероссийской научной конференции «Проблемы экономической истории России и ее регионов: современный взгляд» Самара, 9–11 сентября 2003 г.]

⁴⁴⁶ Там же.

⁴⁴⁷ Там же. С. 9.

нее давление поволжская деревня отвечала усилением крестьянского национализма. Традиционализм брал верх над вводимыми государством «новшествами». В общественной психологии национального крестьянства прочно утвердилось представление, что всякие изменения в укладе деревенской жизни направлены против «инородцев»⁴⁴⁸.

Даже выходя из общины, крестьяне укрепляли землю в собственность чересполосно. Собственник участка, формально уже не являясь членом поземельной общины, реально по-прежнему подчинял свою деятельность общему распорядку. Из индивидуальных форм землевладения преимуществом пользовались отруба. Чисто хуторские хозяйства были редкостью. Главным образом индивидуальные формы хозяйства предпочитала беднота, чтобы продать свой надел и уйти в город, и сельская буржуазия. Кулаку выход из общины давал большие экономические преимущества, хотя одновременно означал социальный проигрыш: живя в деревне и используя патриархальные и родственные связи, он мог довольно дешево эксплуатировать односельчан.

И все же главные цели реформы П.А. Столыпина не были выполнены. Индивидуальное землевладение в регионе не стало преобладающим, более того, в деревне появились конфликты иного рода – между крестьянами-общинниками и «новыми помещиками», как иногда называли отрубников и хуторян. Можно предполагать и рост социальной напряженности в национальной деревне. Не удалось власти решить и другую проблему – повысить роль крепкого крестьянина в местном самоуправлении и передать административную власть на местах из слабеющих рук дворянского предводителя в руки назначаемого правительством чиновника.

В ходе реализации реформы правительству удалось лишь частично деформировать общину, преимущественно в районах торгового зернового земледелия. В многонациональной деревне региона землестроители натолкнулись на стойкое

⁴⁴⁸ Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье периода империализма. С. 68.

сопротивление сельской общины, деятельность которой существенно оживилась, а позиции демократического большинства сельского мира, в связи с выходом зажиточных на хутора и отруба, упрочились⁴⁴⁹.

Таким образом, в социальной и экономической сферах огромного Поволжского региона происходили мощные, но не всегда осознаваемые в повседневной жизни процессы, связанные с проникновением в традиционные представления и способы существования народов новых импульсов. Они определялись экономической и социальной политикой российского правительства, направленной на колонизацию и хозяйственное освоение огромных слабозаселенных степных просторов Поволжья, расширением базы налогоплательщиков в целях пополнения государственного бюджета, а также укреплением российского влияния на юго-восточных границах империи. Эти меры способствовали постепенной интеграции региона в общероссийское экономическое пространство, расширению земледельческого производства.

В аграрном секторе, расширявшемся преимущественно за счет земледелия, возможности традиционного для юго-восточных степей кочевого скотоводства, безусловно, «сжимались». Хозяйство коренных народов под внешним давлением трансформировалось, что проходило и воспринималось местным населением довольно болезненно. Переселенческая политика, проводимая за счет государственных средств, вовлекала в оборот природные ресурсы колонизируемого (хозяйственно осваиваемого) региона и в какой-то мере ослабляла социальные проблемы центральных малоземельных районов страны, ущемляя земельные интересы коренного населения.

Многоликость и пестроту социальной структуры региона определяли не только переселенческие процессы. Многоязычие, множественность «восприятия мира» разными народами, разные проявления деловой культуры и способов хозяйствования формировали образ отдаленного, раз-

⁴⁴⁹ См. подробнее: Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Самара, 1999. С. 116–118.

нообразного, а потому еще малоизвестного и даже опасного региона, где еще помнили о «пугачевщине». Но радужные перспективы создать хозяйство на новом месте, льготы при переселении, возможности для проявления собственной активности (в промышленном секторе, сельском хозяйстве, на транспорте или торговле) манили динамичных, активных людей. Надежды переселенцев, возможно, приходили в противоречие с интересами местных жителей, за счет которых частично решались эти ожидания. Колонизационные потоки из центральных и западных районов страны существенно изменили социальный и национальный состав населения и несли с собой новое восприятие мира.

3.3. ЧИСЛЕННОСТЬ, СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Изучение процессов социально-экономического, административного, культурного развития городов Российской империи невозможно без характеристики социальной стратификации горожан и воссоздания облика социокультурного пространства города. Особенно важен этот подход при изучении населения губерний Среднего Поволжья (Самарской, Саратовской, Симбирской) – региона, в городах которого в конце XIX – начале XX в. происходило стремительное промышленное развитие, заметно возрастали обороты торговых операций, совершенствовалась инфраструктура, активно протекал процесс урбанизации. Безусловно, эти явления значительно изменили облик местного населения. Рассмотрим основные характеристики социального состава городов Среднего Поволжья.

Население Самары в первой половине XIX в. росло достаточно быстро: если в 1801 г. население города составляло около 4 000 чел., а в 1839 г. – 10 530 чел., то в 1850 г. – около 15 000

чел. Правда, в 1861 г. жителей обоих полов указывается 13 732 чел.⁴⁵⁰. Такое уменьшение, видимо, было вызвано опустошившим 13 июня 1850 г. Самару страшным пожаром. В 1875 г. сармарских жителей становится 54 722 чел., а в 1897 г. численность жителей достигла уже 89 999 чел. Эти данные свидетельствуют о том, что Самара была одним из самых динамично развивающихся городов Среднего Поволжья⁴⁵¹. Не менее стремительно увеличивалось население Саратова. В конце 1850-х гг. в городе насчитывалось около 72 тыс. жителей, в 1870 г. – 85 220 чел., в 1879 г. – 108 578 чел. Наиболее впечатляющ рост населения Саратова на рубеже XIX–XX в.: в 1897 г. в городе проживало 137 147 чел., в 1909 г. – уже 215 201 чел. (включая численность размещенного гарнизона)⁴⁵².

Быстрое развитие Самары и Саратова объяснялось выгодным транспортно-географическим расположением, возрастанием промышленной роли этих городов и общим стремительным социально-экономическим развитием Поволжско-Уральского региона во второй половине XIX в. Важным фактором социального развития Саратова и Самары являлось огромное число сезонных рабочих, преимущественно крестьян, которые в летние месяцы прибывали в города в поисках заработка (до 500 тыс. чел в год прибывало в Саратов на заработки), значительная часть которых оставалась в городе и в зимние месяцы.

Проведенная в 1897 г. первая Всеобщая перепись населения Российской империи дала точную картину городского социума Среднего Поволжья. По данным переписи в Самарской губернии проживало 2 751 336 чел. (1 351 438 мужчин и 1 399 898 женщин). Численность городского населения губернии составляла всего 158 842 чел. (5,8 %), проживавших в

⁴⁵⁰ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. СПб., 1863. Ч.2. Разд. 35. С. 4.

⁴⁵¹ Первая всеобщая перепись населения. XXXVI. Самарская губерния. СПб., 1904. С. 1.

⁴⁵² Местное управление Саратова: история и современность. Саратов, 2005. С. 52.

городах Самара, Бугульма, Бугуруслан, Бузулук, Николаевск, Новоузенск и Ставрополь.

В Саратовской губернии проживало 2 405 829 чел. (1 174 304 мужчин и 1 231 525 женщин). Численность городского населения в губернии составляла 309 549 чел. (12,9 % общей численности населения), проживавших в городах Саратов, Аткарск, Балашов, Вольск, Камышин, Кузнецк, Петровск, Сердобск, Хвалынский, Царицын⁴⁵³.

В Симбирской губернии проживало 1 527 848 чел. (728 909 мужчин и 798 939 женщин). Численность городского населения в губернии составляла 108 049 чел. (7,1 % общей численности населения), проживавших в городах Симбирск, Алатырь, Ардатов, Буинск, Корсунь, Курмыш, Сенгилей, Сызрань⁴⁵⁴.

Данный фактический материал позволяет выявить общий вектор развития городского пространства Среднего Поволжья. Прежде всего, отметим очевидный факт урбанизации региона. Еще в 1860-е гг. доля городского населения составляла 3,8 % в Самарской губернии, около 5 % в Саратовской, 6 % в Симбирской, в 1897 г. эти показатели выросли соответственно до 5,8 %, 12,9 %, 7,1 %. Темпы увеличения численности населения губернского города были наиболее высоки в Самаре, а скорость увеличения численности городского населения в целом – в Саратовской губернии. Самый низкий прирост городского населения продемонстрировала Симбирская губерния – с 6 % до 7,1 % за 40 лет.

Любопытен и еще один показатель – соотношение жителей губернского города и уездных городов губернии. Так, в губернской Самаре проживало 56,7 % всех городских жителей губернии, вторым по численности населения был Бузулук (14 362 чел.), третьим – Новоузенск (13 261 чел.), самым скромным по числу жителей – Ставрополь (5 969 чел.)⁴⁵⁵.

⁴⁵³ Первая всеобщая перепись населения. Т. XXXVIII. Саратовская губерния. СПб., 1904. С. 1.

⁴⁵⁴ Там же. Т. XXXIX. Симбирская губерния. СПб., 1904. С. 1.

⁴⁵⁵ См.: Первая всеобщая перепись населения. Т. XXXVI. Самарская губерния.

В Саратове проживало 44,3 % горожан губернии, что объясняется наличием в губернии значительного числа довольно крупных уездных городов. На втором месте после Саратова по числу жителей располагался Царицын (55 186 чел.), на третьем – Вольск (27 058 чел.), на четвертом – Кузнецк (20 473 чел.), на последнем месте – Аткарск (7 300 чел.)⁴⁵⁶.

В Симбирской губернии большинство горожан концентрировалось в двух поселениях: 38,6 % в губернском Симбирске и 30 % – в уездной Сызрани (32 383 чел.), на остальные города приходилось 31,4 % горожан, самый малочисленный уездный город – Курмыш (3 166 чел.)⁴⁵⁷. При этом по сравнению с 1860-ми гг. значительно сокращалась доля жителей уездных городов в общей численности горожан губернии: в Самарской губернии – с 64,6 до 41,4 %, в Симбирской – с 67,2 % до 61,4 %⁴⁵⁸.

Перепись исчерпывающе описала этническую и конфессиональную картину губерний Среднего Поволжья. В Самаре из 89 999 жителей было 82 907 русских (92,1 %), 2 301 – татар (2,6 %), 1 119 евреев (1,2 %), 995 немцев (1,1 %), 958 поляков (1,1 %), 636 мордвы (0,7 %), 402 украинца (0,4 %), 87 чувашей (0,1 %), 28 башкир, 16 вотяков, 7 марийцев, 1 киргиз и 542 представителя прочих народов (0,6 %)⁴⁵⁹. В Саратове около 84 % горожан были православными, 5,6 % – раскольниками, 3,2 % – единоверцами, 2,7 % – католиками, 2,4 % – лютеранами, 1,2 % – мусульманами, 0,5 % – иудеями⁴⁶⁰. Городское население демонстрировало довольно высокую долю грамотных, в Самаре этот показатель составлял 41,4 %. Удельный вес грамотных был выше среди молодежи, среднее и высшее образование имели 0,5 % населения.

⁴⁵⁶ Там же. Т. XXXVIII. Саратовская губерния.

⁴⁵⁷ Там же. Т. XXXIX. Симбирская губерния.

⁴⁵⁸ Гусева Т. М. Городские сословия и формирование социокультурной среды уездных городов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... д-ра. ист. наук. Саранск, 2012. С. 121.

⁴⁵⁹ Первая всеобщая перепись населения. XXXVI. Самарская губерния. С. 50, 56–59.

⁴⁶⁰ Местное управление Саратова: история и современность. С. 53.

Социальная структура населения городов Среднего Поволжья второй половины XIX в. была разнообразной. В число горожан традиционно входили дворяне, чиновники, купцы, духовенство, мещане; кроме того, в традиционную стратификацию активно вливались новые категории – отхожие крестьяне, наемные рабочие, разночинцы, отставные чины.

Данные табл. 12 позволяют сделать вывод, что основной категорией городского населения являлись мещане, задействованные в процессе стремительного промышленного развития России конца XIX в. Второй по численности категорией городского населения (лишь в Симбирской губернии – первой) были крестьяне, давно покинувшие деревни и села, прочно осевшие в городах, занимавшиеся теми же видами деятельности, что и мещане, но по разным причинам не пожелавшие или не сумевшие перейти в мещанское сословие. Привилегированные сословия составляли довольно скромную долю (5–6 %) от общего числа горожан.

**Социальная стратификация
городского населения губерний Среднего Поволжья**

Губерния	Всего в городах губернии, чел.	В том числе					
		мещан, чел. (%)	крестьян, чел. (%)	дворян потомственных, чел. (%)	дворян личных, чиновников не из дворян, чел. (%)	духовенства, чел. (%)	купцов, чел. (%)
Самарская	158 842	80 670 (51 %)	62 374 (39,3 %)	2 651 (1,7 %)	4 347 (2,4 %)	2 645 (1,7 %)	2 059 (1,3 %)
Саратовская	309 549	145 661 (47,1 %)	135 478 (43,8 %)	4 530 (1,5 %)	7 832 (2,5 %)	2 978 (1 %)	4 102 (1,3 %)
Симбирская	108 049	42 587 (39,4 %)	52 743 (48,8 %)	2 276 (2,1 %)	4 198 (3,9 %)	2 122 (2 %)	1 133 (1,1 %)

Подсчитано автором по материалам Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.

Минимальные отличия удельного веса основных категорий городского социума Самарской и Саратовской губерний (несмотря на двукратное преобладание горожан в последней) свидетельствуют о схожести социально-экономических процессов в городах этих губерний, похожем экономическом укладе и образе жизни. Симбирская губерния, гораздо менее вовлеченная в новые, пореформенные экономические процессы, бурно протекавшие в Среднем Поволжье, демонстрировала большую долю привилегированных сословий и заметно отставала по удельному весу мещан (39,4 %).

В дополнение к проделанным подсчетам приведем интересные статистические данные о социальной стратификации населения уездных городов Самарской и Симбирской губерний на 1897 г. (табл. 13) из исследования Т.М. Гусевой, которые в целом подтверждают сделанные нами выводы⁴⁶¹.

Таблица 13

Социальная стратификация населения уездных городов Самарской и Симбирской губерний

Губерния	Всего в губернии, чел.	Всего в уездных городах, чел.	В том числе				
			мещан, %	крестьян, %	дворян, %	духовенства, %	купцов, %
Самарская	2 751 336	65 786	62,2	30,5	2,5	1,2	1,2
Симбирская	1 527 848	66 365	39,8	52	3,6	1,3	1,1

Рассмотрим социальную стратификацию населения губернских городов Среднего Поволжья. В Самаре на 1897 г. проживало 89 999 чел., из них 45 836 мужчин и 44 163 женщин. Доля мещан составляла 56,4 %, что соответствовало среднему показателю по губернии. Категория цеховых ремесленников составляла 3,5 %. Купеческий паспорт имели 1,3 % горожан. Самарский военный гарнизон насчитывал 1 350 чел. По семейному положению преобладали люди, состоящие в браке, число официально разведенных составляло 70 женщин и 34 мужчин. Были в Самаре и долгожители – 7 человек старше 100 лет и 3 человека старше 110 лет. По сравнению с концом XIX в. в начале XX в. очевиден плавный рост численности населе-

⁴⁶¹ Гусева Т.М. Городские сословия и формирование социокультурной среды уездных городов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. С. 128.

ния (по несколько тысяч ежегодного прироста) до 1914 г. Начало Первой мировой войны вызвало значительный приток в Самарскую губернию эвакуированных, за первый год войны увеличивших население Самары со 170 до 250 тысяч чел., то есть прирост населения составил 47 %.

В Саратове в 1897 г. проживало 137 147 чел., а уже в 1909 г. – 215 201 чел. Лишь 40 % горожан были местными уроженцами, что демонстрирует высокую динамику внутренней трудовой миграции в регионе. Рассмотрим социальную структуру населения Саратова. Как и в Самаре, наибольшее количество горожан представляло мещанство – 57,5 %, крестьяне составляли 49,5 % жителей Саратова, дворянство – 3 %, купечество – 1,7 %, цеховые ремесленники – 4 %, отставные чины – 4,5 %⁴⁶², в целом социальная структура была идентична самарской.

Население Симбирска на 1897 г. составляло 43 298 чел., в том числе 21 859 мужчин и 21 439 женщин. Из этого числа дворяне составляли 8,8 %, лица духовного звания – 0,8 %, купцы и почетные граждане – 3,2 %, мещане – 57,5 %, крестьяне – 11,0 %, военные (размещенный в городе гарнизон) – 17,7 %. Социальная структура населения Симбирска по сравнению с Самарой и Саратовом имела свою специфику. Так, более чем в два раза была выше доля дворянства и купечества, значительно меньше проживало в Симбирске горожан, причисленных к крестьянству. Иными словами, статистика доказывает тезис о «дворянско-аристократичном», замершем в социальном и экономическом развитии Симбирске.

Рассмотрим облик и общие характеристики основных городских сословий региона. Дворянство являлось немногочисленной, но заметной и влиятельной, в основной своей массе финансово устойчивой и родовитой стратой. Доля дворян в городском населении быстро возрастала. Так, если в 1861 г. дворян и чиновников в Самаре было 848 чел. из 27 597 жителей (3,1 %), то в 1897 г. – 5 319 чел. из 89 999 жителей (5,9 %). Этот процесс вызван к жизни, скорее всего, отменой крепостного права: в Самарской губернии за 1859–1895 гг. площадь

⁴⁶² Местное управление Саратова: история и современность. С. 52.

дворянских земель сократилась на 44 %, началось знаменитое «оскудение» дворян и переселение их в города⁴⁶³. В Саратове доля дворян составляла 3 %, в «аристократичном» Симбирске – 8,8 %.

Городская элита – прежде всего, дворянство, чиновничество, купечество, – предпочитала селиться в определенных районах города. Как отмечает О.Р. Будина, «в XIX в. во всех русских городах были улицы и кварталы, где селилась привилегированная часть городского населения: богатое дворянство, крупные промышленники, торговцы. Эти улицы располагались в центральной части города и нередко именовались дворянскими»⁴⁶⁴. Была Дворянская (ныне Куйбышева) улица и в центре Самары. На ней размещалось губернское правление с канцелярией и квартирой губернатора, дом губернского предводителя дворянства, городские управа и дума, окружной суд, банки (Государственный, Крестьянский Поземельный, Волго-Камский коммерческий, Санкт-Петербургский коммерческий, Азово-Донской коммерческий), Коммерческое собрание, Александровская публичная библиотека, лучшие в городе магазины.

В городах располагались органы дворянского сословного управления (губернские и уездные дворянские собрания), канцелярии предводителей дворянства, функционировали дворянские опеки, состоявшие из предводителей дворянства и заседателей. Представители дворянства играли важную роль в общественных организациях, действовавших в городах, и фактически направляли интеллектуально-культурную жизнь города. Основной сферой занятий дворянства в городах являлась государственная либо общественная служба. В уездных городах располагались органы местного управления и полиции, ряд судебных инстанций, учебные заведения, почтово-телеграфные конторы и казначейства; большинство

⁴⁶³ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. VI. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. СПб., 1901. С. 208.

⁴⁶⁴ Будина О.Р., Шмелева М.Н. Город и народные традиции русских. М., 1989. С. 54.

чиновников уездной администрации были дворянами⁴⁶⁵. Чиновничество было важной частью городского социума: в 1897 г. в Самаре было 3 292 чел. (с членами семей) чиновников (3,7 % от числа горожан).

Не менее значимой социальной группой в русских городах XIX – начала XX в. являлось купечество. В городах Самарской и Саратовской губерний купечество составляло 1,3 % населения, в городах Симбирской губернии – 1,1 %. Однако, несмотря на скромное число купцов, их влияние на городскую жизнь было огромным, в силу владения ими значительной частью городской недвижимости и ведущей роли в городской экономике. Кроме того, в составе городских дум насчитывалось в среднем 60–70 % представителей купечества, а городские головы в подавляющем большинстве случаев являлись купцами.

По «Положению о пошлинах на право торговли и других промыслов» 1863 г. в России оставалось только 2 купеческие гильдии. К 1-й гильдии относились оптовые торговцы (с платой 565 рублей), ко 2-й гильдии – розничные торговцы и владельцы фабрик и заводов с численностью рабочих более 16 чел. (с зарплатой от 40 до 120 рублей). Положение 1863 г. открыло доступ в купечество всем сословиям и упразднило купеческие сословные преимущества при уплате торговых сборов. Однако эта мера не привела к росту численности сословия. Б.Н. Миронов объясняет это тем, что в глазах обывателей упала привлекательность купеческого звания: почетное гражданство давало те же привилегии, что и купеческое, а получить его было легче. Кроме того, многие горожане вступали в купеческое сословие с целью избежать рекрутской повинности. После введения в 1874 г. всеобщей воинской повинности этот мотив перестал быть актуальным.

Купеческие капиталы заметно влияли на облик города. Центральные улицы поволжских городов были украшены роскошными купеческими особняками и доходными домами.

⁴⁶⁵ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. VI. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье. С. 141.

В Самаре это были улицы Саратовская и Дворянская, в Саратове – Немецкая и Московская.

В пригородах Самары, вдоль Волги, размещались дачи-дворцы богатейших самарских купцов: Е.Н. Аннаева, К.П. Головкина, И.Я. Соколова, П.И. Шихобалова и других. Социальные портреты самарского купечества были очень разными – от строго консервативных старообрядцев (Шихобаловы, Аржановы, Санины, Челышевы), до просвещенных, европеизированных либералов (К.П. Головкин, А.Ф. фон Вакао, А.Г. Курлин, братья Клодт)⁴⁶⁶. При этом в массе своей купечество менялось, ориентируясь как раз на второй тип. Купеческие дети учились в гимназиях, коммерческих училищах и даже в университетах. Русские провинциальные купцы активно потянулись к западному уровню культуры – создавали в своих городах яхт-клубы, ипподромы, музеи, театры и библиотеки, обзаводились первыми в провинции автомобилями, электростанциями. В Самаре сохранились десятки купеческих особняков, ставших настоящим украшением города, а ныне памятниками культуры: Н.И. Белоусова, И.А. Клодта, Е.Ф. Бема, Курлиных, В.М. Сурошникова, Ф. Наймушина.

Одним из наиболее многочисленных слоев городского населения в Среднем Поволжье являлись мещане. На 1897 г. мещанство преобладало в городах Самарской и Саратовской губерний, где составляло соответственно 51 % и 47,1 % от всех горожан. В Симбирской губернии среди городских жителей преобладали крестьяне (48,8 %), на втором месте находились мещане (39,4 %). Сословие мещан включало в себя разные категории – ремесленников, мелких торговцев, домовладельцев. Мещане платили подушную подать и подлежали воинской повинности, до 1863 г. к ним применялись телесные наказания. Мещане могли свободно переходить в гильдейское купечество, в свою очередь, разорившиеся купцы переводились в мещанство. Часть представителей других сословий (чаще

⁴⁶⁶ Самарское купечество: вехи истории / под ред. Е.П. Бариновой. Самара, 2006.

всего предприниматели), чтобы не платить лишних налогов, «прятались» в мещанах.

Пополнялось сословие мещан, главным образом, за счет крестьянства, переселявшегося в города. Симбирский губернатор писал в 1870 г., что главная причина и цель стремления крестьян приписаться в мещане есть надежда заняться с выгодой разными работами, промыслами и торговлей⁴⁶⁷. Часть мещанства по уровню своего дохода представляла собой мелкую буржуазию города, с другой стороны, многие выходцы из мещан становились лицами свободных профессий, получали неплохое образование и формировали городскую интеллигенцию. Мещане имели право поступать на государственную службу с приобретением личного и потомственного дворянства.

К сожалению, термин «мещанство» со временем приобрел негативную окраску. В советский период истории этот термин стал нарицательным: под мещанами стали понимать людей с мелкими, ограниченными, собственническими интересами и узким идейным и общественным кругозором. А между тем, именно эта страта была «родиной» разночинцев и интеллигенции дореволюционной России. Кроме того, именно эта страта (как в России в целом, так и в Поволжье) являлась основной прослойкой городских налогоплательщиков.

К числу традиционных мещанских ценностей, составлявших основу менталитета средних городских слоев, можно отнести личную ответственность, чувство долга в семейной жизни, уважение к труду, почитание старших по возрасту, религиозность. Мещане ценили труд не только как источник средств к существованию, но и как возможность помочь своим близким, соседям. Усыновление сирот, раздача милостыни были обычными в мещанской среде. Широко употреблявшееся ранее выражение «мещанский стиль» характеризовало

⁴⁶⁷ Гусева Т.М. Городские сословия и формирование социокультурной среды уездных городов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. С. 136.

комплекс эстетических воззрений, присущих основной массе мещанства, и «низким» этот стиль назвать нельзя⁴⁶⁸.

С развитием самарской промышленности численность самарских мещан увеличивалась пропорционально росту города. Основная масса мещан имела доходы, незначительно превышающие минимальный прожиточный уровень, соответственно местом их проживания становились пригороды. В Самаре мещанские поселки (зачастую самовольные) появились в северо-восточной части города – Мещанский, Кавказ, Новый Оренбург, Афон (на земле мужского монастыря), Молоканский (на земле братьев-молокан Грачевых), – и в юго-восточной его части (поселок Запанской). При этом следует отметить некоторое отставание развития самарской промышленности от саратовской. Так, Л.Н. Гончаренко считает, что «... по количеству промышленных предприятий выделялись Казань, Астрахань и Саратов. Почти вдвое уступала им в этом отношении Самара»⁴⁶⁹. Действительно, в 1890-е гг. в Саратове было 156 заводов и фабрик, в Самаре – 90, в Симбирске – 42.

Таким образом, структура городского социума городов Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX в. представляла собой традиционный набор социальных групп. При этом интенсивные экономические процессы, начиная с 1860-х гг., стали оказывать существенное влияние на соотношение и статус городских страт. Прежде всего, стоит отметить процессы урбанизации и лавинообразный рост населения губернских центров. В отличие от мало вовлеченного в процесс экономической модернизации Симбирска, в социальной структуре Самары и Саратова возрастала доля мещанства и крестьянства, заявляла о себе значительная трудовая миграция. Менялось и положение основных социальных групп: дворянство активно переселялось в города и включалось в новые для себя виды деятельности, купечество просвещалось и «европеизировалось», приближаясь к дворянской модели поведения и образа

⁴⁶⁸ Шредер Г.И. Город и Городовое Положение 1870 г. СПб., 1908. С. 234.

⁴⁶⁹ Гончаренко Л.Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX века. Чебоксары, 1994. С. 14.

жизни, из среды мещанства рекрутировались образованные «разночинцы» – новая городская интеллигенция. Иными словами, на рубеже XIX – XX вв. мы видим процесс обновления городского социума, приспособление его к новому типу экономических отношений.

3.4. КУПЕЧЕСТВО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЗАВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

Социально-демографический облик средневожского купечества

Купечество являлось одной из основных групп населения России конца XVIII – первой половины XX в. и долгое время составляло ядро отечественной торгово-промышленной элиты. Одновременно оно являлось носителем особой системы ценностей и национальной предпринимательской традиции, которые интересны как сами по себе, так и как составляющие духовно-нравственного и делового облика русского общества того времени. Кроме того, значение вклада купечества в развитие отечественной культуры и благотворительности, игравшей важную роль в развитии системы социального обеспечения в России в означенный период, было незаслуженно принижено, а сам облик купца в общественном сознании рисовался весьма негативным. Между тем именно русское купечество являло собой некий «центр» меценатства и благотворительности.

В первой половине XIX в. укреплялась товарность сельского хозяйства, начинавшая принимать капиталистический характер. Наиболее заметно это проявилось в Поволжье, где крепостное право не получило широкого применения, а купеческо-крестьянское предпринимательство находило для себя наиболее благоприятные условия.

Купцы, мещане и крестьяне, наряду с представителями иных сословий, начинают в первой половине XIX в. вкладывать свои средства в ряд отраслей перерабатывающей промышленности.

Завершение колонизации края и его быстрое экономическое развитие создавали возможности для динамичного развития губернских центров – Самары, Симбирска, Саратова, и иных, более мелких городских поселений на Волге. Несомненно, определившиеся направления и темпы развития поволжских городских поселений оказывали влияние на формирование и сферы приложения капиталов самого активного слоя городского населения – купечества, а также на рост его численности.

Общероссийское законодательство стало юридической основой создания и структурирования купечества во всех городах государства. Понятием «купец» первоначально обозначали почти исключительно предпринимателя–торговца. По мере расширения масштабов торгово-промышленной деятельности и соответствующих изменений в российском законодательстве, эволюционировал и социальный статус купечества. Эта сословная группа начинает объединять представителей всех форм и видов предпринимательской деятельности. Этому в значительной степени способствовало то нормативное положение, при котором вплоть до 90-х годов XIX века занятие торговлей, промышленностью или другими видами предпринимательской деятельности законодательно соединялось с принадлежностью к купеческому сословию. Однако имелись и некоторые региональные особенности формирования купеческой прослойки в городском населении, определявшиеся историческим своеобразием заселения и хозяйственного освоения Поволжья, создания самих городских поселений.

Права на принадлежность к купеческому сословию приобретались через гильдейское свидетельство с обязательной уплатой повинностей по прежнему состоянию. Лицо, не выполнившее этих условий, называлось «временным купцом». Если свидетельство в срок не возобновлялось, право купца на торговлю аннулировалось, и он переходил в мещанство. Купец 3-й гильдии постоянно балансировал между опасностью разориться, перейти в мещанство или остаться в купеческом

сословию. В третью гильдию записывались выходцы из казенных крестьян, вольноотпущенников, цеховых, однодворцев. Так, из причисленных в Самаре (1852 г.) к купцам 3-й гильдии около 40 % были из государственных крестьян и вольноотпущенников; около 10 % составляли мещане, остальные были из купеческих детей, родственников купцов 3-й гильдии или иногородних купцов⁴⁷⁰.

В большинстве случаев в купеческое сословие переходили государственные крестьяне, чаще всего старообрядцы, так как, они более активно могли заниматься торгово-предпринимательской деятельностью. Важную роль в предпринимательской деятельности части купцов волжских городов играла религиозная мотивация. Особым явлением жизни большинства волжских городских поселений конца XVIII – первой половины XIX вв. стало старообрядчество. Многие купцы были явными или тайными приверженцами разных толков старой веры или же адептами многочисленных сект. Даже общий обзор социоконфессионального состава волжских предпринимателей конца XVIII – первой половины XIX в. показывает, что старообрядчество играло в развитии торговли и промышленности роль, неадекватную своему месту в конфессионально-демографической структуре населения Поволжья. По данным исследователя «раскола» середины XIX в. А.И. Артемьева, раскол относительно преобладал именно в городских сословиях, а пути, по которым он развивался, обязательно пересекались в торговых центрах. Искоренить раскол не удалось. Даже многие купцы, перешедшие в единоверие, продолжали поддерживать своих прежних взглядов.

С углублением капиталистических отношений степень воздействия того или иного фактора на количественное развитие купеческого сословия менялась. Так, в пореформенный период XIX в. активизировался процесс перемещения капи-

⁴⁷⁰ Бирюкова А.Б. Численность и социальный состав городского населения Среднего Поволжья в первой половине XIX века // Альманах современной науки и образования. 2010. № 6 (37). С. 8–11.

тала между городами, заметное влияние приобрели такие показатели, как уход из сословия в связи с «получением статуса потомственного почетного гражданства» и «с изменением рода жизни», связанного, как правило, с окончанием различных учебных заведений, получением профессионального образования.

Среди купечества поволжских городов, как и по всей России, преобладали купцы 3-й гильдии. Купцов 1-й и 2-й гильдий было значительно больше в городах Саратовской губернии, а также в Самаре и Сызрани. Здесь купцы и, в частности, купцы-старообрядцы играли заметную роль в формировании социокультурного пространства. Во второй четверти XIX века саратовские купцы более активно начали проявлять себя в социальной жизни города.

Они не только строили храмы, но и оказывали материальную помощь больницам, ассигновывали деньги на строительство учебных заведений, покупку новых книг для публичной библиотеки. Первая книжная лавка, открытая в Поволжье (1830 г.), принадлежала саратовскому купцу Дмитрию Максимовичу Вакурову.

В поволжских городах периодически возникали конфликты из-за недовольства «городских граждан» конкуренцией со стороны иногородних купцов и крестьян. Пришлое купечество имело больше экономической свободы, так как не платило сборов в казну города, по крайней мере, до конца 1840-х годов. К этому времени в купеческое сословие проникло немало разбогатевших крестьян, «которые не были связаны с общественными городскими интересами». Они оттесняли на второй план исконное купечество и даже становились городскими головами, как, к примеру, купец Д.М. Вакуров. Для поддержания статуса купечества с 1832 г. правительство ввело сословную группу почетных граждан. Однако в поволжских городах их численность не была значительной. В Пензенской губернии (1840-е годы) их было 4 человека, в Симбирской – 7, в Саратовской – 68⁴⁷¹.

⁴⁷¹ Там же. С. 11.

В 1863 году вышло «Положение о пошлинах на право торговли и других промыслов», а два года спустя были приняты дополнения к «Положению...» от 9 февраля 1865 года. В соответствии с этими законодательными актами третья гильдия упразднялась, и устанавливались две гильдии: первая и вторая. С этого времени лица, имеющие право вступать в купеческое сословие на основании существовавших законов и быть приписанными установленным порядком к купеческим обществам, приобретали гильдейские документы, при одновременной покупке промысловых свидетельств.

Права купцов первой гильдии приобретались в случае выборки ряда документов: промысловых свидетельств на торговые предприятия первого разряда или на промышленные первых трех разрядов, или на пароходные предприятия, за содержание которых уплачено более 500 рублей основного промыслового налога.

Для получения прав купца второй гильдии необходимо было приобрести промысловые свидетельства на торговые предприятия второго разряда или на промышленные заведения четвертого-пятого разрядов, или на пароходные с содержанием от 50 до 500 рублей основного промыслового налога⁴⁷².

Первая гильдия давала право вести оптовую торговлю партиями товаров из купеческих контор, складов, амбаров, с барж и судов на всей территории Российской Империи. Содержать особо доходные фабрично-заводские, страховые, банкирские предприятия. Принимать на всей территории России подряды без ограничения суммы. Вторая гильдия позволяла заниматься розничной торговлей, продавать товары из магазинов, лавок, вести мелкий развозной и разносной торг в пределах городов и уездов, содержать фабрично-заводские заведения при наличии машины с паровым или водяным двигателем, с

⁴⁷² Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. Конец XIX века – 1914 год. М., 1992. С. 32.

количеством рабочих более 16 человек, принимать различные подряды, но с ограничением суммы в 15 тыс. рублей⁴⁷³.

Помимо гильдейского купечества, существовали так называемые «временные купцы». Временными купцами становились предприниматели из других сословий – крестьяне, мещане, дворяне. В категорию «временных купцов» иногда зачислялись и купеческие родственники, например купеческие сыновья или братья, представлявшие интересы отцовской или общей фирмы в другом городе. Временные купцы, приобретая купеческие свидетельства, получали все торговые права, но оставались приписанными к своему прежнему сословию. Часто, побыв временными купцами, предприниматели вступали в гильдейское купечество, в основном это касалось купеческих родственников.

Закон 1863–1865 годов открыл доступ в купечество всем сословиям и упразднил его сословные преимущества при уплате торговых сборов. Купечество было единственным сословием, вступление в которое зависело исключительно от ежегодной уплаты определенного денежного взноса. Кроме того, согласно ст. 531 Устава торгового на вступление в купечество не требовалось согласия купеческого общества⁴⁷⁴.

Свободное вступление и выход из купеческого сословия, возможность изменить свой социальный статус в зависимости от своего материального положения позволили исследователям определить купечество в социальном плане как «... своего рода перевалочный пункт для всех, кто двигался вверх и вниз по общественной лестнице»⁴⁷⁵.

Для приобретения купеческого звания необходимо было выполнить все повинности по прежнему сословию и ежегодно платить гильдейский сбор. Причем выплата всех повинно-

⁴⁷³ Балдина Е. Деловые бумаги // Былое. 1993. № 1. С. 5.

⁴⁷⁴ Торгово-промышленный сборник / под ред. С.А. Просьбина, СПб., 1907. С. 3.

⁴⁷⁵ Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Западной Сибири). М., 1999. С. 23.

стей и сборов обходилась в достаточно весомую сумму. Например, для причисления в самарское первой гильдии купечество необходимо было внести гильдейскую пошлину в 265 рублей, за билеты на лавку, если таковая имелась, 25 рублей, государственных земских повинностей 39 рублей, губернский сбор 26 рублей 50 коп., уездный сбор 39 рублей 75 коп., губернский сбор с билетов 1 рубль, уездный сбор с билетов 1 рубль 50 коп., за билет о принадлежности к купеческому званию 10 рублей (для каждого члена купеческого семейства старше 17 лет), за билет для начальника семейства 1 рубль, размер сбора с сословного свидетельства устанавливался купеческим обществом. Таким образом, самарский купец первой гильдии С.И. Аржанов с семейством заплатил за причисление в самарское купечество в 1891 г. 418 рублей 45 коп.⁴⁷⁶

Существовала также возможность сохранить свое прежнее сословное звание. Законодательством разрешалось выбирать промысловые свидетельства с сохранением звания либо с перечислением в купечество лицам, не принадлежащим к купеческому сословию⁴⁷⁷. В Казани, например, из 296 лиц, оплативших в 1889 году гильдейский сбор, но не изменивших при этом своего сословного статуса и не получивших поэтому права голоса в общем собрании купеческого общества, мещане составляли 41,9 %, крестьяне – 31,1 %, цеховые – 5,1 %, иностранцы – 6,1 %. Среди прочих фигурировали отставные нижние чины, лица, не указавшие своего сословного статуса, и канцелярские служащие⁴⁷⁸.

Вступившему в купеческое сословие и приобретшему на свое имя гильдейское свидетельство человеку предоставлялась квитанция, свидетельствовавшая о полной уплате им

⁴⁷⁶ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 153. Оп. 36. Д. 768. Л. 5.

⁴⁷⁷ Торгово-промышленный сборник. С. 3. Примечание к ст. 532 Устава торгового.

⁴⁷⁸ Гончаренко Л.Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX века. Социально-экономическое исследование. Чебоксары, 1994. С. 86.

всех повинностей. После чего он приобретал звание купца. Вместе с ним в купеческое сословие вступали все члены семейства, внесенные в свидетельство. Купец со своим семейством принадлежал к купечеству той местности, где он записался⁴⁷⁹. Поэтому купец, живший и торговавший в селе Екатериновка Самарского уезда, приобретая гильдейское свидетельство в Самаре, именовался самарским купцом. Если начальник купеческого семейства оказывался не в состоянии возобновить промысловые и гильдейские документы на следующий год по различным причинам, то вместе со всем своим семейством он считался выбывшим из купеческого сословия⁴⁸⁰. Утратить купеческое звание можно было в результате совершения преступления, которое по Уложению о наказаниях лишало купца всех прав состояния. При исключении из купеческого сословия бывший купец с семейством перечислялся в мещанское общество. Однако существовало несколько случаев, при которых перечисление не было обязательным. Не подлежали исключению из купеческого сословия лица, имевшие почетные звания.

Коренные изменения в существовавшем положении вещей произошли только в 1898 году в связи с принятием закона о Государственном промысловом налоге. С этого времени прекращается зависимость между обязательной принадлежностью к купечеству и занятием предпринимательской деятельностью.

Введение нового основного промыслового налога имело ряд последствий для купеческого сословия, отразившись на его численности и социально-правовом статусе. Прекращение прямой связи между покупкой промыслового свидетельства для занятий предпринимательством и получением купеческих документов привело к резкому сокращению численности купеческого сословия. В целом по России уже в 1899 г. по сравнению с 1898 г. число купцов уменьшилось почти напо-

⁴⁷⁹ Свод законов о состояниях. СПб., 1911. Ст. 534. С. 159.

⁴⁸⁰ Торгово-промышленный сборник. С. 4. Ст. 536. Устава торгового.

ловину. Происходят и качественные изменения: сословие покидают многие крупные предприниматели.

А.Н. Боханов приводит следующие цифры: в 1898–1899 гг. всего выдано 2310 патентов на промышленные предприятия первых трех разрядов и около 8 тыс. на торговые первого разряда. То есть более 10 тыс. свидетельств, дававших право на получение документов первой гильдии. Однако выдано сословных документов менее 4 тыс. Общее количество купеческих сословных документов в 1899–1900 гг. составило всего 4 % от числа промысловых свидетельств, а к 1901–1902 гг. их удельный вес составлял 3,5 %. Гильдейский сбор из основного промыслового налога превратился в сбор за принадлежность к сословию купцов⁴⁸¹. Приобретение корпоративных документов становится делом добровольным, а для вступления в число купцов по-прежнему согласия и разрешения купеческого общества не требуется⁴⁸². В это время появляются так называемые «неторгующие» купцы, пользовавшиеся сословными правами, но не занимавшиеся никакой предпринимательской деятельностью, выбравшие сословные документы и уплатившие ежегодный промысловый налог. Несмотря на резкое сокращение численности купеческого сословия, оно никуда не исчезло и продолжало существовать. Вступившие в купеческое сословие после 1898 г. получили возможность сохранять звание, не занимаясь торгово-промышленной деятельностью. Это имело весомое значение для евреев, получавших возможность повысить свой социально-правовой статус. Продолжали выбирать сословные документы по семейной традиции члены купеческих семейств – купеческие вдовы с малолетними детьми, незамужние купеческие дочери и сестры.

На сокращении численности гильдейского купечества отразилось и распространение торговых домов, товариществ и акционерных обществ, поскольку по купеческому свидетельству могло проходить только одно совместное предприятие.

⁴⁸¹ Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. С. 29.

⁴⁸² Свод законов Российской Империи. СПб., 1899. Т. IX. Ст. 531.

Следовательно, сословное свидетельство выбиралось только на имя главы фирмы.

Купечество пореформенного периода, объединявшее собственников значительных состояний, приобретенных еще при феодальном порядке, втягивает в себя еще более быстро, чем прежде, наиболее активную и предприимчивую часть собственников-предпринимателей из всех остальных сословий и образует основное ядро нового растущего класса буржуазного общества.

В середине XIX – начале XX века купечество представляло собой небольшую, но обладающую огромным влиянием на экономическое развитие Поволжья группу. Численность купечества была сравнительно небольшой и не превышала 0,2–0,3 % от населения губерний. Наибольшей была численность Самарского и Саратовского купечества, наименьшей – Симбирского.

Симбирское купечество в середине XIX века представляло собой относительно небольшую группу населения стабильной численностью около 400 человек, включая членов семей. В 1880–1890-е гг. купечество Симбирской губернии увеличилось примерно в 1,7 раза, достигая максимальной численности свыше 700 человек. По данным первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года количество купцов в Симбирской губернии было 1435 человек, что составляло 0,13 % от общей численности населения губернии, из них в г. Симбирске всего 390 человек⁴⁸³. В последующий период численность купечества губернии несколько снизилась (табл. 14), а затем (в первые десятилетия XX в.) стабилизировалась в пределах 500–600 человек⁴⁸⁴.

⁴⁸³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXIX. Симбирск, 1904.

⁴⁸⁴ Галимова Л.Н. Мир провинциального купечества. Купечество города Симбирска во второй половине XIX–начале XX в. Социально-бытовой аспект. М., 2010. С. 15.

**Динамика численности купечества г.Симбирска по годам
во второй половине XIX – начале XX в.⁴⁸⁵**

Годы	Купцы			Всего населения в г. Симбирске			Процентное соотношение
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	
1859	160	242	402	11499	11058	22557	1,8
1860	159	239	398	12287	11295	23582	1,7
1861	157	241	398	12583	11913	24496	1,6
1885	306	398	704	20197	18850	39047	1,8
1894	310	391	701	20252	20054	40306	1,7
1897	243	255	498	21642	21355	42997	1,1
1898	249	266	515	21315	21335	42656	1,1
1912	256	306	562	35931	30296	66227	0,8
1915	241	298	539	65236	35340	100576	0,5
1916	273	306	579	69594	36986	106580	0,5

Купеческое сословие состояло из гильдейских купцов – глав семейств и членов купеческих семейств. Согласно подсчетам К.М. Макитрина, купеческое сословие города Самары на пике своей численности составляло 1076 человек обоего пола (1902 г.). И, соответственно, наименьший размер сословия – 607 человек обоего пола – зафиксирован в 1916 г. Более тысячи человек обоего пола состояло в сословии в 1897–1904 гг. После 1904 г., когда численность купеческого сословия равнялась 1005, число купцов и членов их семейств сокращается до 805 в 1900 г. В 1911–1912 гг. происходит еще одно резкое уменьшение самарского купеческого сословия. В 1911 г. – 801 человек, а в 1912 – 747 человек. Последнее резкое падение численности сословия относится к 1914–1916 гг. В 1914 г. число купцов и

⁴⁸⁵ Галимова Л.Н. Очерки истории симбирского купечества. Ульяновск, 2011. С. 97.

членов их семейств – 707 человек обоего пола, в 1916 г. – 607 человек обоего пола⁴⁸⁶ (табл. 15).

Таблица 15

Численность самарского купечества

Годы	I гильдия	%	II гильдия	%	Всего	Всего в сословии	Новые купцы в I гильдии
1895	22	12,4	156	87,6	178	948	6
1896	21	11,4	163	88,6	184	963	3
1897	19	10,1	169	89,9	188	1004	1
1898	19	9,9	172	90,1	191	984	5
1899	20	10,1	177	89,9	197	1030	3
1900	20	10,7	167	89,3	187	1026	3
1901	21	11,2	166	88,8	187	1035	7
1902	22	11,4	171	88,6	193	1076	7
1904	22	11,9	162	88,1	184	1005	8
1909	17	11,2	135	88,8	152	805	5
1910	21	14	129	86	150	802	1
1911	21	14,2	127	85,1	148	801	3
1912	17	12,4	120	87,6	137	747	2
1913	17	13,2	112	86,8	129	727	
1914	23	18,4	102	81,6	125	707	6
1916	20	18,55	88	81,5	108	607	4

Рост купеческого сословия в целом, с небольшими перепадами в 1898, 1900 гг. шел до 1902 г., а затем начался процесс сокращения численности.

⁴⁸⁶ Подсчитано по материалам: ЦГАСО. Ф. 146. Оп. 1. Дд. 55, 57–59, 61, 63, 65, 67, 70, 73, 76, 77, 81, 85; Ф. 153. Оп. 1. Дд. 99, 100.

За весь исследуемый период в звании самарских гильдейских купцов побывало 2 638 человек обоего пола. Наряду с местными купцами, проживавшими непосредственно в Самаре, в гильдиях состояли иногородние купцы и купцы, проживавшие в селах Самарской губернии: Екатериновка, Красный Яр, Борское, Старый Буян, Мамыново. В перечень городов, бывших местом проживания лиц, состоявших в самарском купечестве, входили: Москва, Санкт-Петербург, Оренбург, Нижний Новгород, Канск, Елабуга, Красноярск, Вятка, Казань, Киев, Уральск, Харбин, Томск. Один из самарских купцов, К.А. Клодт, проживал в Германии в г. Висбаден⁴⁸⁷. Процент иногородних купцов был довольно низок, всего два раза за весь период едва превысив 7 %.

Точка перелома в развитии купечества Самары – 1899 г. – непосредственно связана с принятием в 1898 г. Положения о новом промысловом налоге, которое уничтожало необходимость состоять в гильдейском купечестве для занятия торгово-промышленной деятельностью. После чего вступление в купечество теряет всякий смысл, превращаясь из необходимости в прихоть.

Подобные тенденции можно отметить и в Саратовской губернии. В 1872 году в Саратове было занято торговлей (вместе с временными купцами) 859 человек. Среди них купцов 1-й гильдии было 30, 2-й гильдии – 399. Право на торговлю давали особые свидетельства, которые также причисляли к купеческому сословию. Свидетельство 1-й гильдии стоило 265 рублей, 2-й гильдии – от 25 до 65 рублей. В документ вносились члены семьи, иногда родители и братья. Тем самым и они причислялись к купечеству. При просрочке свидетельств купцы переводились в мещанское сословие. На каждое торговое или промышленное заведение купец обязан был покупать специальный билет. В 1893 году в Саратове насчитывалось 173 купца 1 и 2 гильдии. Купцам принадлежали ведущие позиции в Саратовской думе, из 58 гласных 34 были купцами, оказывая влияние на внутреннюю жизнь города. После принятия

⁴⁸⁷ ЦГАСО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 77. Л. 66.

промыслового закона в Саратовской губернии также прослеживается уменьшение численности купеческой корпорации. Трансформация происходила в течение 10 лет после реформы 1898 г. Особенно заметно уменьшение в г. Петровске (90 чел.), Аткарском уезде (49 чел.), пос. Дубовка (31 чел.) Однако общее количество купцов Саратова и особенно Царицына медленными темпами, но росло. Показатели этих двух городов перекрывают убывание из купеческих рядов. В результате чего, с 1901 по 1913 г. исследуемая группа увеличилась на 496 чел. Особенно заметное увеличение купцов происходит в 1910–1912 гг. Абсолютное число купцов в Саратовской губернии в 1913 г. составляло 414 чел. в обеих гильдиях. После 1909 г. в регионе массового ухода из купеческой корпорации не наблюдается, в отличие от организаций крупных экономических центров страны – Москвы, Киева, Одессы⁴⁸⁸.

В целом по стране с 1899 г. по 1905 г. купечество первой гильдии выросло на 2,3 % (с 3 989 тыс. человек до 4 083 тыс. человек). Вторая гильдия, напротив, уменьшилась на 16,3 % (с 38 375 тыс. человек до 32 108 тыс. человек). Однако нельзя объяснять увеличение первой гильдии только одной лишь прихотью, поскольку одна необходимость сменялась другой. Если ранее первая гильдия обеспечивала возможность крупного оптового, а так же междугороднего и международного торгового, то после принятия Положения 1898 г. первая гильдия давала возможность изменить свое социально-правовое положение в государстве и обществе купцам еврейской национальности. Купцы второй гильдии вели среднюю и мелкую торгово-промышленную деятельность, поэтому все кризисные явления экономической сферы отражались в первую очередь на мелком и среднем капитале. С другой стороны, уменьшение численности второй гильдии можно объяснить также монополизацией сфер экономики крупным торгово-

⁴⁸⁸ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 2854. Л. 55 об., Литвинова И.Н. Численность и состав купечества Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века // Материалы XV краеведческих чтений. Волгоград, 2005.

промышленным капиталом, в результате чего для массы торговцев и предпринимателей оставалось открытым опять же только среднее, мелкое и мелочное предпринимательство. А с исчезновением обязательной выборки купеческих сословных документов начался резкий отток представителей торгового сословия из купечества. Итогом 1898 г. стало сокращение численности всего российского купечества. В.В. Захаров привел в своем исследовании данные, из которых следует, что за 13 лет (с 1899 г. по 1912 г.) все российское купечество уменьшилось на 26 % (с 42 364 тыс. человек до 31 310 тыс. человек)⁴⁸⁹.

В поволжских губерниях преобладало купечество второй гильдии, что было обусловлено рядом социально-экономических факторов: особенностями социально-экономического развития, слабым развитием промышленности и преобладанием мелкого и мелочного торгова. Необходимо учитывать и то, что источником формирования купечества служили мещанское и крестьянское сословия. Кроме того, за получение свидетельств первой гильдии были введены довольно высокие пошлины, а купец должен был еще каждый год покупать специальные билеты на каждое из своих предприятий. Поэтому преобладание второгильдейского купечества прослеживалось на всей территории Российской империи, что отмечено всеми исследователями, занимавшимися историей регионального купечества.

В противовес непрерывному сокращению численности гильдейского купечества в целом, и купечеству второй гильдии в частности, первая гильдия достигает своего максимума по числу купцов и по своему удельному весу именно к концу изучаемого периода.

В 1895 г. число самарских купцов обоего пола составляло 178 человек: 168 мужчин и 10 женщин. В первую гильдию было записано 22 купца обоего пола: 21 мужчина и одна женщина⁴⁹⁰. Удельный вес первый гильдии составлял 12,4 %. Сре-

⁴⁸⁹ Захаров В.В. Купечество Курской губернии в конце XIX–XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1996. С. 16.

⁴⁹⁰ Подсчитано по материалам: ЦГАСО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 55.

ди членов первой гильдии в 1895 г. купцы Н.Ф. Дунаев, А.Н. и Н.И. Шихобаловы (отец и сын) имели звания потомственных почетных граждан. А П.М. Журавлев, единственный, обладал званием «коммерции-советника»⁴⁹¹. Во второй гильдии состояло соответственно 156 (87,6 %) купцов обоого пола: 147 мужчин и 9 женщин⁴⁹². На вторую гильдию в 1895 г. приходилось всего два потомственных почетных гражданина: А.И. Константинов и И.Л. Санин⁴⁹³. Четверо самарских купцов сделали отметку в ведомостях о том, что постоянное место жительства имели в Санкт-Петербурге.

Согласно ведомости за 1899 г., на рубеже веков зафиксирована максимальная численность самарского гильдейского купечества – 197 купцов обоого пола в обеих гильдиях. Первая гильдия насчитывала до 20 купцов, чей удельный вес составил 10,1 %⁴⁹⁴. Среди купцов первой гильдии по-прежнему находятся две женщины. Однако состав первой гильдии претерпел весьма значительные изменения. Среди купцов-первогильдейцев появилось пять новых имен, среди которых можно выделить А.И.–М. фон Вакано, именно в этом году вступившего в ряды самарских купцов и сразу же в первую гильдию⁴⁹⁵. Обновление первой гильдии происходит главным образом за счет выхода из нее по разным причинам купцов, состоявших в ней как минимум с 1895 г. Их число в 1899 г. сократилось до 6 человек, с удельным весом 30 %. Потомственных почетных граждан остается всего двое: П.М. Журавлев в звании «коммерции-советника» и А.Г. Курлин⁴⁹⁶.

Поскольку колебания численности всего гильдейского купечества Самары были в первую очередь связаны с изменениями численности второй гильдии, то соответственно и число

⁴⁹¹ Там же. Л. 41, 165, 166.

⁴⁹² Подсчитано по материалам: ЦГАСО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 55.

⁴⁹³ ЦГАСО. Ф. 146. Оп. 1. Л. 70, 152.

⁴⁹⁴ Там же. Д. 61.

⁴⁹⁵ Там же. Д. 61. Л. 22.

⁴⁹⁶ Там же. Ф. 146. Оп. 1. Д. 61. Л. 45, 63.

ее членов достигло в 1899 г. своей максимальной отметки – 177 купцов обоего пола (89,9 %): 161 мужчина и 16 женщин⁴⁹⁷.

Начиная с 1899 г. происходило постепенное сокращение самарского гильдейского купечества. Довольно значительное сокращение произошло уже в следующем 1900 г, когда общее количество купцов сократилось до 187 человек. Это сокращение, однако, нисколько не отразилось на первой гильдии – 20 купцов, среди которых 1 женщина⁴⁹⁸. Купечество первой и второй гильдий было тесно связано, например, записавшиеся вновь В.В. Борисов, Н.Н. Зуев, В.В. Парадьев состояли к тому времени, начиная с 1895 г., пять лет во второй гильдии⁴⁹⁹. Сокращение коснулось исключительно второй гильдии, количество членов которой сократилось до 167 (89,3 %). Причем резко сократилось число купцов мужского пола – со 161 до 149, зато выросло число купчих – с 16 до 18 (10,8 %)⁵⁰⁰.

Рост общего количества самарских купцов находился в непосредственной зависимости, как и в предыдущие годы, от колебаний численности второй гильдии. Идет постепенный процесс обновления купцов первой гильдии, т. е. для полного обновления состава купечества первой гильдии потребовалось десятилетие.

Следует отметить, что если до 1909 г. в сословие вступало ежегодно в среднем по 18 человек, то в остальные годы – примерно по 7 человек. Наибольшая по числу купцов группа – со сроком пребывания в сословии 5–10 лет (купцов этой группы в сословии побывало 875 человек). Поскольку это самая крупная группа, следовательно, от нее более всего зависела численность купеческого сословия. Купцов, пребывавших в сословии более 10 лет, было 492 человека. Максимальный срок пребывания в купечестве составлял 22 года. Таких купцов в 1916 г. оказалось довольно много – 22 человека – 10,4 %. Группа купцов, состоявших в купечестве в течение изученно-

⁴⁹⁷ ЦГАСО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 61.

⁴⁹⁸ Там же. Ф. 146. Оп. 1. Д. 63.

⁴⁹⁹ Там же. Д. 63. Л. 13, 47, 131.

⁵⁰⁰ Там же. Ф. 146. Оп. 1. Д. 63.

го периода более 10 лет, оказалась наиболее стабильной. Наибольшая численность купцов этой категории составила 75 человек, наименьшая – 62.

Женщины, состоявшие в гильдейском купечестве Самары в 1895–1916 гг., являлись купеческими вдовами, выбравшими купеческие свидетельства для себя и своего семейства на свое имя. Основная часть женщин состояла во второй гильдии самарского купечества. Несмотря на то, что купчихи были вдовами, динамика их численности в гильдейском купечестве соответствует общим изменениям в численности. То есть до 1901 г. наблюдается увеличение числа женщин-предпринимателей, а затем идет снижение численности. Однако плавное снижение несколько раз прерывалось небольшим ростом числа женщин в гильдейском купечестве, что определялось мужской смертностью среди глав купеческих семейств.

Численность женщин в гильдейском купечестве и их удельный вес в рассматриваемый период невелики (19 чел.). В самарском гильдейском купечестве господствовало абсолютное большинство мужчин, чей удельный вес никогда не опускался ниже 87,7 %. (табл. 16).

Таблица 16

Состав самарского купечества по полу в 1895–1916 гг.

Годы	Мужчины I гильдия	Женщины I гильдия	Мужчины II гильдия	Женщины II гильдия
1895	21	1	147	9
1896	20	1	152	11
1897	17	2	158	11
1898	17	2	159	13
1899	18	2	161	16
1900	19	1	149	18
1901	20	1	150	16
1902	21	1	155	16
1904	20	2	146	16

1909	14	3	119	16
1910	18	3	114	15
1911	18	3	114	13
1912	14	3	108	12
1913	15	2	101	11
1914	19	4	94	8
1916	17	3	80	8

Анализ данных табл. 16 показывает, что доля женщин в количественном и процентном отношении для первой гильдии чрезвычайно мала. Если среднее число мужчин в первой гильдии в рассматриваемый период – 18 человек с удельным весом 89,3 %, то среднее число женщин – около двух на каждый год, а их доля в среднем – 10,7 %.

Аналогичная ситуация складывалась и для второй гильдии. Количество женщин во второй гильдии было едва ли не в 10 раз больше, чем в первой, однако удельный вес женской части второй гильдии был несколько меньше. Среднее количество женщин во второй гильдии – 13 в каждый год.

Совершенно противоположная ситуация существовала в отношении членов купеческих семейств. Согласно проведенным авторами подсчетам обнаружилось абсолютное преобладание женщин среди членов купеческих семейств. Разрыв между мужской и женской частью составлял более 100 человек в пользу женщин. В Симбирской и Саратовской губернии среди членов купеческих семейств также преобладали женщины, а в качестве глав купеческих семейств – мужчины⁵⁰¹.

Для характеристики возрастных особенностей в самарском гильдейском купечестве было выделено несколько возрастных групп: до 25 лет, 25–34 года, 35–44 лет, 45–54 лет, 55–64 года, старше 65 лет. Такое деление позволит оценить возрастное состояние самарского купеческого сословия и сделать выводы о

⁵⁰¹ Галимова Л.Н. Мир провинциального купечества. С. 16; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Т. XXXVIII. Саратовская губерния. СПб., 1904. С. VIII.

наличии, отсутствии или преобладании купцов того или иного возраста и характеризовать все гильдейское купечество в целом, говоря о его молодости, преобладании средневозрастной группы или о постарении самарского купечества за исследуемый период. Интерес также представляет и погодовое изменение численности купечества.

Возрастные показатели гильдейского купечества в 1895 г. являются стартовыми для данного исследования. Самая большая возрастная группа 1895 г. – 45–54 года, купцов этого возраста 53, что составляло 29,8 %. В возрасте 35–44 лет находилось 47 купцов обоего пола – 26,4 %. Третья по объему возрастная группа – 55–64 года – 23,6 %. Оставшиеся три группы возрастов значительно уступают предыдущим показателям. Купцов в возрасте старше 65 лет 10,1 % – 18 человек. В группе 25–34 года – 16 человек – 9 %. Самая малочисленная категория до 25 лет, в 1895 г. здесь всего два купца – 1,1 %⁵⁰².

Непрерывно росшая на протяжении всего рассматривавшегося периода возрастная группа старше 65 лет достигла своего максимума – 26 купцов с удельным весом 24,1 %. Самая маленькая по количеству купцов возрастная категория до 25 лет – 1 купец – 0,9 %. Резко снижается в 1916 г. число и удельный вес купцов в возрасте 25–34 года – 2 купца – 1,9 %. Уменьшаются, но остаются основными и сохраняют свои позиции три возрастные группы: 55–64 года – 31 купец (28,7 %), 45–54 года – 27 купцов (25 %), 35–44 года – 21 купец (19,4 %)⁵⁰³.

Анализ возрастных групп самарского купечества в 1895–1916 гг. показал чрезвычайно низкий процент молодых купцов в возрасте до 25 лет. На протяжении всего рассматриваемого периода численность этой возрастной группы не превышала трех человек. А в 1909–1912 гг. отмечено полное отсутствие купцов этой возрастной группы. Таким образом, можно констатировать почти полное отсутствие процесса омоложения самарского гильдейского купечества, особенно к концу рассматриваемого периода. Данный вывод подтверждает и

⁵⁰² ЦГАСО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 55.

⁵⁰³ Там же. Д. 85.

ситуация со второй возрастной группой – 25–34 года. Рост численности купцов, входящих в этот возрастной интервал, наблюдался только до 1899 г. включительно, когда зафиксировано максимальное число купцов этой возрастной группы и ее наибольший удельный вес – 25 человек – 12,7 %. С 1900 г. начинается устойчивое сокращение числа купцов второй возрастной группы. К 1916 г. в этой категории остается всего два купца.

Отсутствие процесса омоложения самарского гильдейско-го купечества сопровождалось его стремительным старением. В течение 1895–1916 гг. число купцов возрастной группы старше 65 лет выросло с 18 купцов до 26 купцов. Основная масса самарских купцов была распределена по трем основным категориям – 35–44 года, 45–54 года, 55–64 года.

Особенностью возрастной характеристики купечества первой гильдии является полное отсутствие в ней купцов моложе 25 лет на протяжении всех исследованных лет. Самыми молодыми купцами были предприниматели, входившие в возрастную группу 25–34 года.

В 1895 г. в первой гильдии помимо купцов моложе 25 лет отсутствовали предприниматели в возрасте 25–34 года. Больше всего купцов первой гильдии находились в возрасте 55–64 года – 9 человек – 40,9 %. По 5 купцов находилось в возрастных группах старше 65 лет и 45–54 года, что определило их долю в 22,7 %. В возрастной категории 35–44 года – 3 купца – 13,7 %. Изменения численности купцов первой гильдии заметны гораздо сильнее, чем во второй из-за ее малочисленности.

Купцы в возрасте 25–34 года появляются в первой гильдии в исследуемый период с 1896 г. Эта категория была самая малочисленная и обладала наименьшим удельным весом. В 1896–1898 гг. в этой группе находилось по одному купцу ежегодно. Неожиданное увеличение числа купцов этой возрастной группы произошло в 1899 г. – до 4 человек, что сделало ее третьей по численности возрастной категорией в этом году. С 1900 г. количество купцов этого возраста опять уменьшается до минимального значения – 2 человека (10 %).

Аналогичная ситуация складывалась и в оставшихся двух возрастных группах. В возрастной категории 55–64 года наблюдается уменьшение числа купцов с 9 человек (1895) до 3 человек (1904). Последняя возрастная категория старше 65 лет так же не выделялась своей динамикой. На протяжении исследованного периода эта возрастная группа занимала второе и третье места по численности.

Постарение, характерное для всего самарского гильдейского купечества, не так очевидно при анализе возрастных групп купцов первой гильдии. Связано это с тем, что в первую гильдию всегда записывались предприниматели в возрасте, ведущие торгово-промышленную деятельность довольно длительное время и обладавшие солидными капиталами для разворачивания крупной оптовой торговли.

Подобные же тенденции характерны для саратовского и симбирского купечества. Анализ возрастных групп купечества показывает наибольший удельный вес старших возрастных групп: преобладание возрастной группы 45–54-летних, на втором месте – группа 55–60-летних⁵⁰⁴.

Каждый купец при заполнении ведомости наряду с перечислением состава своего семейства, указанием возраста членов семьи и адреса проживания был обязан сделать отметку о своей религиозной принадлежности.

Немаловажными факторами, влиявшими на становление российского купечества, являлись обрядоверие, патриархальность и религиозность. Рассмотрим соотношение купцов различных национальностей и вероисповеданий. По данным Девятой ревизии на 1851 г. в Симбирской губернии количество купцов составляло – 1 274 души мужского пола русской национальности. Количество купцов 1 гильдии в Симбирской губернии составляло 7 человек, 2 гильдии – 61 чел., купцов 3-ей гильдии – 1202 чел., все из которых были христианами

⁵⁰⁴ Адрес-календарь Саратовской губернии на 1898–1916 гг. Саратов, 1898–1916 гг.; Адрес-календарь Симбирской губернии на 1912 г. Симбирск, 1912.

по вероисповеданию⁵⁰⁵. Национальный и конфессиональный состав купечества Симбирской губернии в дальнейшем изменялся незначительно.

Достаточно пестрая конфессиональная картина наблюдается в отношении самарского купечества. В ходе анализа конфессиональной принадлежности купечества можно прийти к интересным выводам, которые были свойственны средневожским представителям купеческого сословия. Во-первых, в редких случаях вероисповедание главы семейства было иным, чем у его членов. Например, самарский купец второй гильдии Шварц Фридрих записался как лютеранин, а для жены и двух дочерей сделал отметку о том, что они иудейского вероисповедания⁵⁰⁶. Во-вторых, встречались также и случаи изменения вероисповедания. Купец первой гильдии П.С. Аржанов до 1898 г. записывался как старообрядец, а с 1899 г. он уже православный⁵⁰⁷.

В-третьих, обращает на себя внимание многоконфессиональный состав регионального купечества. Например, среди самарских купцов в начале XX века находились представители двенадцати религиозных конфессий: православное, старообрядческое, единоверческое, духовное христианство, тайное священство, последователи «австрийской секты», молокане, иудейское вероисповедание, магометане, католики, лютеране, приверженцы англиканской церкви. На протяжении 1895–1916 гг. господствовали по численности и удельному весу купцы православного вероисповедания. В течение всего рассмотренного периода происходило снижение как числа, так и удельного веса православных купцов, не оказавшее, однако, сколько-нибудь заметного влияния на их положение в гильдейском купечестве в целом.

⁵⁰⁵ Галимова Л.Н. Этноконфессиональный фактор в формировании средневожского купечества // Publishing house Education and Science s.r.o. URL: http://www.rusnauka.com/5_SWMN_2012/Istoria/4_100935.doc.htm.

⁵⁰⁶ ЦГАСО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 85. Л. 95.

⁵⁰⁷ Там же. Д. 59. Л. 7; Д. 61. Л. 1.

Помимо православного вероисповедания выделены как основные еще четыре религиозных направления: мусульманское, старообрядческое, иудейское, лютеранское. Они значительно уступали православному по численности и удельному весу, но, тем не менее, превалировали над остальными религиозными группами.

Численность купцов-старообрядцев в самарском купечестве достаточно стабильна. В период 1895–1904 гг. минимальное число купцов этого вероисповедания – 7, а наибольшее – 9 в 1902–1904 гг.

В Самарской губернии, в отличие от Симбирской и Саратовской, были сильны позиции лютеранского купечества. В 1895–1904 гг. наблюдается даже некоторый рост: с 7 купцов в 1895 г. до 9 в 1902 г. Минимальный удельный вес этой группы – 3,2 % – 6 купцов в 1900 г., максимальный – 4,7 % – 9 человек в 1902 г. В 1909 г. количество лютеран в самарском купечестве сокращается до 6 – 4 %. Это количество и удельный вес остаются неизменными до 1912 г. В 1913–1916 гг. купцов лютеранского вероисповедания пятеро, а их удельный вес – 3,9 %, 4 %, 4,6 % соответственно. Таким образом, при некотором снижении численности и незначительном уменьшении удельного веса представители этой конфессии отличались заметной стабильностью среди остальных вероисповеданий самарских купцов⁵⁰⁸.

Единственной религиозной группой, не только не уменьшившейся в рассматриваемый период, но напротив, значительно увеличившей свою численность и удельный вес, являлось иудейское купечество. Среднее число купцов иудейского вероисповедания в 1895–1916 гг. составляло около 18 человек. Стартовая численность иудейского купечества в 1895 г. – 8 человек. В 1916 г. – итоговом году исследования число купцов иудеев – 25 человек. Наибольшее число представителей этой религиозной конфессии относится к 1909 г. – 28 купцов иудейского вероисповедания. За шестнадцать лет число купцов-иудеев выросло в семь раз.

⁵⁰⁸ Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 67. Л. 78–79.

Наиболее стабильной религиозной группой были духовные христиане. Купцы этого вероисповедания состояли в купечестве в течение всего исследуемого периода. В 1895–1911 гг. их число колебалось от 4 до 5 человек. В 1912 г. число духовных христиан снижается до двух, а в 1916 г. в самарском купечестве остался только один духовный христианин.

Численность купцов-единоверцев в 1895 г. – 2 чел., затем наблюдается последовательный рост их численности до 4 человек в 1899 г. С 1902 г. количество единоверцев в самарском купечестве постепенно уменьшается, а в 1910–1916 гг. их число стабильно – один купец. Купцы австрийской секты представляли последнюю религиозную конфессию в самарском гильдейском купечестве, обладавшую более или менее значительным составом. В 1899 г. в самарском купечестве состояло наибольшее число представителей этого вероисповедания – 8 купцов.

Самыми «кратковременными» религиозными группами за исследованный период были купцы тайного священства, молоканской секты и англиканской церкви. Тайное священство исповедовал один самарский купец (в 1895 г.) Один купец молоканской секты состоял в самарском гильдейском купечестве в 1897–1898 гг. Представитель англиканской церкви состоял в купечестве в 1901–1902 гг. Столь же малочисленной по своему составу, хотя и с более продолжительным временем нахождения в самарском купечестве, была религиозная группа мусульманского вероисповедания. В этой группе в 1896–1904 гг. состоял один купец – Ш.А. Арсланов⁵⁰⁹. В 1895 г. это купеческое семейство возглавлял его старший брат Я.М. Арсланов⁵¹⁰. Параллельно с мусульманской религиозной группой в самарском купечестве находились и представители католичества, хотя их количество было несколько большим. В 1895–1899 гг. в числе купцов постоянно состояло 4 католика, затем их чис-

⁵⁰⁹ ЦГАСО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 57. Л. 3; Д. 58. Л. 9; Д. 59. Л. 9; Д. 61. Л. 8; Д. 63. Л. 1; Д. 65. Л. 2; Д. 67. Л. 1; Д. 70. Л. 6.

⁵¹⁰ Там же. Д. 55. Л. 8.

ло сократилось до 2 в 1900 г. В 1901–1902 гг. остается только один католик.

Таким образом, самарское купечество принадлежало к весьма разнообразным религиозным конфессиям, хотя за исключением иудейского и мусульманского все они относились к христианству. К 1904 г. количество религиозных групп сократилось с двенадцати до девяти. Основная часть самарских купцов придерживалась православия, остальные же купцы, придерживавшиеся других верований, весьма значительно уступали православному купечеству. Помимо православных купцов выделялись старообрядцы, лютеране и иудеи. Для всех религиозных групп самарских купцов на протяжении исследовавшегося периода характерно уменьшение численности. Как было установлено, исключение составила только одна группа – иудеи, чей удельный вес и численность увеличились в несколько раз.

В первой гильдии самарского купечества процессы, связанные с изменениями в численности религиозных групп, характеризовались некоторыми отличиями по отношению ко всему гильдейскому купечеству Самары.

Для первой гильдии автором зафиксировано аналогичное всему гильдейскому купечеству сокращение числа вероисповеданий. В 1895–1902 гг. в первой гильдии состояли купцы пяти религиозных конфессий: православное, старообрядческое, австрийской секты, иудейское, лютеранское. В 1904 г. этих направлений остается всего четыре: православное, австрийской секты, иудейское, лютеранское.

Принадлежность к тем или иным религиозным конфессиям определялась национальностью купцов. Обратимся к материалам переписи 1897 г. по Самарской губернии. Абсолютным преимуществом обладали русские купцы. По своему удельному весу выделялись еще несколько национальных групп. Немецкие купцы – 3,97 %. Купцы-иудеи составляли 5,96 %. Удельный вес купцов турецко-татарского происхожде-

ния – 0,48 %⁵¹¹. Таким образом, две основные национальные группы самарского купечества были представлены русскими и евреями.

Две основных религиозных группы в самарском купечестве первой гильдии составляли православные и иудеи. До 1902 г. включительно в первой гильдии большинство купцов принадлежало к православному вероисповеданию. Наибольшее количество православных купцов в первой гильдии находилось в 1895–1896 гг. – 16 купцов обоего пола. С 1899 г. количество православных купцов в первой гильдии постепенно уменьшается на одного человека в год. В итоге, в 1904 г. в первой гильдии оказалось всего 10 купцов православного вероисповедания.

Купцы иудейского вероисповедания в 1895–1898 гг. довольно значительно уступали по численности православному купечеству первой гильдии: не более трех купцов иудеев в каждом году. Рост числа купцов иудейского вероисповедания начинается параллельно с уменьшением количества православных купцов – с 1899 г. К 1901 г. число иудеев в первой гильдии увеличилось вдвое – 6 человек, в 1904 г. – 10 человек.

В конце первого десятилетия XX века картина коренным образом переменялась. В 1909 г. православных купцов осталось всего 3. Купцов иудейского вероисповедания в этом же году насчитывалось 13. С 1909 г. купцы-иудеи представляли собой основу самарского купечества первой гильдии. Увеличение их численности продолжалось и в оставшиеся годы. Рост численности купцов первой гильдии за счет притока еврейских предпринимателей был характерен для всего российского купечества. Тенденция увеличения численности купцов-иудеев не осталась незамеченной в купеческих кругах. В частности, московская купеческая управа прямо указывала на то, что

⁵¹¹ Подсчитано по материалам: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1899–1905. Т. XXXVI: Самарская губерния. СПб., 1904.

«чуть ли не большинство купцов первой гильдии состоит из евреев»⁵¹².

В Саратовской губернии состав купечества также был многонационален. Большая его часть – это русское купечество, далее следуют немцы, евреи и татары. Во второй половине XIX в. сформировалось национальное купечество, занявшее в хозяйстве Саратова значительные позиции. В 1895–1896 гг. в городе функционировало 24 товарищества, из них 10 принадлежали немцам и евреям⁵¹³. Мукомольное дело в Саратове контролировали немецкие предприниматели Шмидты, Борели, Рейнеке. Евреи имели своеобразную монополию в сфере производства и продажи канцелярских и бумажных товаров, а так же в типографском деле. В их руках была сосредоточена большая часть каучуковых, граверных и штемпельных мастерских города. Немецкий и еврейский капитал имел весомые позиции в табачной и текстильной промышленности, металлургическом деле, поставке сельскохозяйственных орудий, пищевой отрасли и т. д. Урбанизационные процессы разрушали корпоративность, превращая городское хозяйство в активную сферу межэтнического общения. Так, в руководство открытого в 1858 г. «Купеческого собрания» в первый же год были избраны немцы И. Зейферт и К. Штаф⁵¹⁴. В 1860 г. его преобразовали в «Коммерческий клуб Саратова», из 50 членов которого 23 не являлись русскими по национальности. Помимо приведенных причин особенности социально-профессиональной структуры иноэтнических групп могут определяться традиционными предпочтениями, отдаваемыми некоторым профессиональным занятиям, а также большей или меньшей легкостью приобретения ими производственных навыков и профессиональной подготовки и соответственно возможностями вовлечения их в те или иные отрасли хозяйства, представленные в городе.

⁵¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23. Оп. 5. Д. 38. Л. 25. об.

⁵¹³ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1257. Л. 28.

⁵¹⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6028. Л. 32–35 об., Д. 1409. Л. 2 об.

Среди саратовских купцов в начале XX века находились представители различных религиозных конфессий: православное, старообрядческое, единоверческое, последователи «австрийской секты», иудейское вероисповедание, магометане, католики, лютеране.

В последнее время в научных и популярных работах большое внимание уделяется рассмотрению проблем комплексного духовно-нравственного облика купца, роли религии в системе нравственных ценностей, ее влияния на особенности национального характера российских купцов. Отмечая особенности национального типа предпринимателя, некоторые авторы указывает на «патриотизм и приверженность религиозным ценностям». Так как менталитет дореволюционного купечества основывался преимущественно на вере, можно говорить о ментальности купцов – православных христиан, купцов-мусульман, купцов-старообрядцев, купцов-иудеев. Что же касается предпринимателя, то религиозность не столько «облагораживала его социальный облик», сколько формировала особую шкалу ценностей, в которой богатству, его накоплению отводилась далеко не первая роль⁵¹⁵.

Анализ семейного положения гильдейского купечества в 1895–1916 гг. показал, что основная масса купеческих семейств имеет простую структуру – не более одной супружеской пары помимо главы семейства.

В 1895–1916 гг. основная часть семей самарского купеческого сословия имела размеры до 5 человек. Довольно значительная часть самарских купеческих семей имела в своем составе 6–10 человек. И третьей по значению группой оказались бездетные супружеские пары, одинокие купцы и купеческие вдовы. Крупных семей, в чей состав входило от 11 до 15 человек, было немного, а число семей, куда входило не менее 15 родственников, в исследуемый период ни разу не достигло даже десятка.

⁵¹⁵ Кошман Л.В. История предпринимательства в России. Кн. 1. От средневековья до середины XIX в. М., 2000. С. 328–343.

Следующий вопрос, тесно связанный с семейным состоянием самарского купечества, – вопрос о семейном положении самарских купцов. Ведомости самарского купеческого старосты в полной мере содержат сведения по данному вопросу.

подавляющее большинство самарских гильдейских купцов в изученные годы состояло в браке. Уступала этим показателям, но все же была довольно значительной доля овдовевших купцов и купчих. Средний показатель их удельного веса примерно 15,2 %. Следует подчеркнуть, что среди вдовых купцов преобладали женщины.

Холостых купцов – глав купеческих семейств было мало. Их доля не превышала 3–7 %. В основном это были молодые люди, выходцы из купеческих семейств, начавшие самостоятельное дело. Незамужних купчих за годы исследования было всего две: в 1900 г. – Вайнберг Инда Осиповна, купчиха второй гильдии и в 1904 г. – Мария-Каролина Иоанновна Петерсон, также купчиха второй гильдии⁵¹⁶.

За все шестнадцать лет К.М. Макитриным зафиксировано три случая развода в самарском гильдейском купечестве. Малое количество разводов было обусловлено отрицательным отношением к этому православной церкви. Бракоразводная процедура производилась только с санкции Синода и причина развода должна была быть очень весомой. В 1899 г. были разведены П.С. Аржанов и Л.П. Аржанова без объяснения причины, но с пометкой: «разведены согласно указу Святейшего Синода»⁵¹⁷. Второй случай произошел в 1910 г.: М.С. Шапиро был «разведен с женой по закону еврейской веры», хотя сам Шапиро был православным; причина развода также не указывалась. Кстати, брак М.С. Шапиро продолжался менее года, поскольку в 1909 г. он фигурирует в ведомости как холостой⁵¹⁸. Наконец, третий случай произошел в 1913 г.: В.И. Ромашев разведен с Екатериной Яковлевной Ромашевой. В этом случае причина указана: «их брак расторгнут по вине

⁵¹⁶ ЦГАСО. Ф. 146. Оп. 1. Д. 63. Л. 22; Д. 70. Л. 133.

⁵¹⁷ Там же. Д. 61. Л. 1.

⁵¹⁸ Там же. Д. 76. Л. 144.

его прелюбодеяния». Бывшей супруге было разрешено вновь вступать в брак, а на В.И. Ромашева была наложена епитимья сроком на семь лет⁵¹⁹.

Доля вторых браков в среде самарского купечества была значительно меньшей: от 3,9 % до 10,5 %. В третьих браках состояли два самарских купца второй гильдии. М.И. Кутузов в исследованные годы состоял в третьем браке с 1895 г. по 1910 г., брак прервался в связи со смертью его супруги. С.А. Тузлуков состоял в третьем браке в этот период с 1895 г. по 1904 г., его брак прервался по причине смерти самого купца.

Купеческие семьи в Симбирской и Саратовской губерниях имели схожую структуру. Наиболее многочисленными были простые семьи, состоящие из родителей и их детей (в среднем около трех-четырёх человек), на их долю приходилось более 60 % семей. Около 40 % семей были сложными, одно-, двух-, трех- и четырехпоколенными⁵²⁰.

Наиболее интенсивно процесс сокращения численности купеческого сословия шел в начале первого десятилетия XX в. Процесс старения купечества и отсутствие притока молодых купцов в гильдии также являлся типичным для всего купеческого сословия России. Еще одним следствием принятия «Положения...» были изменения в соотношении конфессиональных групп купечества и его национального состава, так как в тот период национальность в основном определяла религию. Устранив необходимость вступления в купечество для занятия предпринимательской деятельностью, «Положение...» не уничтожило социального статуса купеческого звания. Получение гильдейских документов позволяло изменить свое социально-правовое положение неполноправным членам российского общества. В первую очередь это относилось

⁵¹⁹ ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 100. Л. 93.

⁵²⁰ Подробнее см.: Галимова Л. Н. Мир провинциального купечества. С. 32–48; Кузнецов В.В. Купечество малых волжских городов Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2007; Литвинова И.Н. Численность и состав купечества Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века.

к лицам иудейского вероисповедания. Поэтому в начале XX века в купечестве оказалось две основные религиозные и национальные группы: православные и иудеи, с преобладанием православных купцов. Приток еврейских предпринимателей в купеческое сословие был столь значителен, что в первой гильдии купцы-иудеи очень быстро стали преобладающей группой.

Анализ семейного состояния и семейного положения купцов дал возможность прийти к выводу о том, что на рубеже XIX–XX в. в среде купеческого сословия шел процесс перехода от патриархальной многодетной семьи к семье европейского типа – малодетной и зачастую состоявшей только из одной семейной пары. Изменение семейной структуры купеческого сословия было порождено переходом российского общества к индустриальному типу, при котором малая семья является непременным условием существования. Одним из важнейших элементов предпринимательства в тот период времени являлись родственные связи, которые очень много значили в торгово-промышленной среде. Даже названия товариществ часто включали в себя формулировку «с сыновьями», «братья...»: например, ТД «М.Л. Боберман с сыновьями», ТД «Г.М. Марков с сыновьями», ТД «Братья Шихобаловы» и другие⁵²¹. Семья являлась одним из традиционных институциональных устоев. Она обеспечивала преемственность предпринимательских усилий, профессиональных торгово-промышленных навыков, а также производство и воспроизводство капитала. Зарождение и становление многих известных самарских фирм на начальном этапе было связано с семейным делом. При смене организационных форм от простых к более сложным семейственность постепенно теряла свое значение, хотя прослеживалась еще и при такой организационной форме как товарищество на паях. Большую роль семейственность в бизнесе сыграла и в формировании в Самарской губернии своеобразных династий предпринимателей.

⁵²¹ ЦГАСО. Ф. 150. Оп. 4. Д. 650. Л. 27; Д. 527. Л. 85 об.

Торгово-предпринимательская деятельность средневожского купечества

Среднее Поволжье характеризовалось выгодным географическим положением и почвенно-климатическими условиями, которые позволяли осуществлять самую разнообразную производственную деятельность; наличием мощной естественной транспортной артерии, Волги, и значительных сырьевых ресурсов; благоприятной демографической обстановкой. Все это способствовало превращению Среднего Поволжья в динамично развивающийся регион Российской империи, экономическое значение которого было обусловлено успешным развитием аграрного сектора экономики. Хотя почвенно-климатические условия предопределили многоотраслевую структуру сельского хозяйства, однако, на первый план вышло зерновое производство, составлявшее основу российского экспорта. В пореформенный период экономическое развитие Самарской, Саратовской и Симбирской губерний еще не достигло того уровня, при котором было бы возможно беспрепятственное функционирование частного предпринимательства. Это обуславливалось тем, что здесь еще не был исчерпан запас свободных государственных земель для размещения сельского населения из других частей Поволжья и из-за его пределов. В связи с этим ощущалась нехватка свободных рабочих рук в промышленном и торговом секторах экономики, что влияло на характер развития сельского хозяйства, которое по-прежнему оставалось экстенсивным. Транспортная система была еще очень слабо развита. Однако в конце XIX – начале XX века Среднее Поволжье превратилось в динамично развивающийся аграрный регион страны, промышленность которого была ориентирована в основном на переработку сельскохозяйственного сырья и обслуживание земледелия. Не являлись исключением и исследуемые губернии, значение которых в российской экономике начала XX века определяла не промышленность, а земледелие. Именно зерновое производство являлось ведущей отраслью хозяйства в губерниях

и важной сферой приложения капиталов как местных, так и иногородних предпринимателей.

Во второй половине XIX в. главной отраслью хозяйства района стало земледелие, а товарной специализацией – производство продовольственного зерна. Изучаемые губернии превратились в поставщиков пшеницы высоких сортов на внутренний рынок страны и на экспорт. Производство пшеницы и торговля ею привлекали свободные капиталы. Но в первую очередь капиталистов интересовала земля.

Развитие предпринимательских хозяйств активно проходило в Заволжье, поскольку здесь было относительно мало помещичьих имений, государственные крестьяне были лучше обеспечены землей, существовал огромный арендный фонд казенных земель (2,5 млн десятин). Помещичьи земли предлагались для продажи в большом количестве – дворянское землевладение к 1905 г. сократилось в 2,4 раза. Торговля землей, спекуляция ею (покупка для перепродажи) приобрели ажиотажный характер. За 30 лет зарегистрировано 6962 сделки, «в обороте» было 3,5 млн десятин, т. е. больше частного земельного фонда. Немало довольно значительных капиталов было создано путем земельных спекуляций. В пореформенный период купцы стали уделять много внимания покупке земли, а затем устройству собственных сельскохозяйственных заведений. Средний размер купеческого землевладения составлял в 1877 г. 2522,9 дес., а в 1905 г. – 2300 дес. на одно имение⁵²².

В 1899 г. у 56 семей земельные владения превышали 10 тыс. десятин, среди них было по 24 семьи купцов и дворян. Самарские «хлебопромышленники» (купеческие семьи и торговые дома, занимавшиеся торговлей зерном) стали землевладельцами. Купцы Аржановы приобрели в разное время 154,6 тыс. десятин, Шихобаловы – 162,8 тыс. десятин, крестьянин А.А. Мальцев – 108 тыс. десятин. По 20–30 тыс. десятин имели Курлины, Неклютины, Субботины, Журавлевы, крестьяне

⁵²² Самарская летопись: очерки истории Самарского края с древнейших времен до наших дней. Самара, 1993. Кн. 2. С. 32.

Кобзарь, Пшеничный, Овчинников. Землю скупали и для организации собственного хозяйства, и для сдачи в аренду крестьянам.

Однотипные способы ведения земледельческого хозяйства были характерны для «чумазных лендлордов». В этих латифундиях только часть земли использовалась для организации высококорентабельного производства с чередованием посевов, многопольными севооборотами и техническими новшествами. На первых порах с тучных заволжских черноземов доход можно было получить без особых хлопот. Для этого существовали разные способы. Первый способ – использование залежных земель как сезонных пастбищ. Бизнес состоял в том, что весной у кочевников-скотоводов скупали молодняк, его откармливали на бескрайних просторах (много ли расходов – только содержание пастухов-гуртовщиков), а осенью отправляли на продажу и продукты питания, и сырье для переработки на кожевенных, салотопенных, мыловаренных и других предприятиях. Другой способ – экстенсивное земледельческое хозяйство. Весной засевали огромные площади. Для работы нанимали артели батраков, которые передвигались, как кочующие таборы, по степи: только вспахать и засеять, а там, что бог даст. Кстати, сеяли по стерне и тем предупреждали пыльные бури, бич степного земледелия. Осенью так же, «наездом», собирали урожай. Если за лето выпадало два дождя, урожай мог быть прекрасным.

Аренда земель из государственного фонда стала типичной формой предпринимательского бизнеса в Заволжье. «Оброчные статьи» большими площадями сдавались в долгосрочную аренду на 10–20 лет. Для этого была организована система конкурентных торгов. Чтобы принять участие в них, следовало внести солидный залог, чего крестьяне обычно сделать не могли. К тому же крупные претенденты, как правило, заранее договаривались между собой, кто какой участок арендует, и тем сводили на нет сам принцип конкурентности и желание казны получить доход. Фактически аренда казенных земель в южном Заволжье стала монополией немногих капиталистов.

К примеру, у Мальцевых в аренде было 36 тыс. десятин. Арендованные земли сдавались в краткосрочную субаренду общинам и отдельным крестьянам. Такая операция приносила огромные прибыли (не менее 75 %), но обычно субарендаторы платили за каждую десятину в 2–4 раза больше.

По мнению П.В. Алабина, благоприятное развитие хлебной промышленности в Самарской губернии было связано с «естественным положением Самарского края и ему соседних», что обеспечивало возможность «разводить в нем хлеба различных качеств, начиная от черных и серых, до высших сортов красного». Помимо природно-климатических условий и особенностей колонизации, немаловажным явился и тот факт, что производители смогли наладить сбыт зерна в столицах и на заграничных рынках⁵²³. В итоге уже в конце XIX века Самарская и Саратовская губернии стали районами торгового зернового земледелия, крупнейшими житницами Европейской России, известными своим хлебом не только в России, но и за ее пределами.

Несмотря на рост промышленного производства, все же традиционной отраслью экономики оставалась торговля, на которую оказывала влияние аграрная специализация региона: основным предметом торговли являлся хлеб.

Материалы середины XIX в. по Поволжью свидетельствуют о преобладании в хлебной торговле крупного капитала и обилии посредников. В Симбирской губернии в 1860-е гг. всем вывозом ведали иногородние предприниматели, местное «малосильное» купечество имело влияние на хлебные закупки лишь в районе губернского центра. Здесь были мелкие лавочки, велась перепродажа, сюда помещики приезжали продавать свой хлеб, сделки можно было совершать небольшим оптом⁵²⁴. В Самарской губернии «мощные хлебопотоки

⁵²³ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (Историко-статистический очерк). Самара, 1877. С. 334–335.

⁵²⁴ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. Ч. 1 и 2. СПб., 1868. С. 196–198.

рождались из мелких и мельчайших ручейков крестьянских поставок по базарным дням в ближайшие к ним центры внутреннего потребления. Здесь хлеб попадал в руки скупщиков всех мастей, хозяйничавших на внутреннем рынке края»⁵²⁵. В Саратовской губернии большая часть грузов шла транзитом, а местные товары покупали также скупщики⁵²⁶.

В последующие два десятилетия ситуация принципиально не изменилась. Можно говорить о формировании в 1880-е гг. специализированных хлебных пунктов по купле–продаже разного зерна. По данным казанских податных инспекторов, в это время выделились и стали известны окрестному населению пункты, куда привозили для продажи зерно, не выращиваемое в данной местности: в Казанскую губернию – пшеницу, пшено и ячмень, в Саратовскую – рожь и овес для потребления, пшеницу для переработки⁵²⁷. Торговлей по-прежнему ведали немногие. Между производителем и потребителем крупчатки стояло как минимум три посредника, каждый из которых имел по 2–3 коп. дохода с пуда.

Среди покупателей крестьянского хлеба главенствовали крупные дельцы. В Казани это были купцы Чунашев и Курзаев, в Саратовской губернии «при покупке ржи, овса определяли ход торговли Юренков и Решетников. Были и мелкие покупатели, но при незначительном повышении цены рожь поступала все к тем же крупным торговцам. Даже комиссионеры и иногородние фирмы, составляя партии, «всегда дополняли покупку ржи у главных скупщиков»⁵²⁸. Аналогичные сведения поступали из Симбирской губернии, где тамошние крупные торговцы всегда ориентировались на настроения в Рыбинске и Петербурге⁵²⁹. Такой была ситуация в губернских центрах, а в глухих и отдаленных уездах хлеботорговый

⁵²⁵ Самарская летопись. Самара, 1993. Кн. 1. С. 177.

⁵²⁶ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1: С древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1993. С. 148.

⁵²⁷ РГИА. Ф. 573. Оп. 18. Д. 27410. Л. 8; Д. 27405. Л. 3.

⁵²⁸ Там же. Д. 27405. Л. 3.

⁵²⁹ Там же. Д. 27403. Л. 5.

аппарат состоял из еще большего числа ступеней, который в 1880-е гг. инспектора связывали с состоянием путей сообщения. При урожае хлеба сбыт его был вполне обеспечен, хотя он и сопровождался «падением цен, доводимых скупщиками, в руках которых при настоящих условиях сосредоточены все операции по хлебной торговле, до крайних пределов»⁵³⁰. «Скупщик безжалостен», «скупщик-кулак понижает цены на продукты питания до последней возможности», – вторил саратовский губернатор⁵³¹.

Серьезные изменения в организации хлебной торговли пришлось на последнее десятилетие XIX века. Современные исследователи связывают их, во-первых, с оформлением системы государственных закупок зерна для армии (сначала через земства, а с 1905 г. через интендантства), во-вторых, с реорганизацией структуры продовольственных магазинов, в-третьих, с появлением на хлебном рынке новых участников в лице Государственного и коммерческих банков. Изменилась и географическая ориентация поставок зерна в связи с пуском железнодорожных линий в крае. Несомненно, новые участники создавали иную ситуацию на хлебном рынке и требовали корректировки «правил игры».

Все большее влияние на рынке в начале XX в. стали получать крупные промышленные дельцы, которые стремились соединить хлебную торговлю с производством. Покупка хлеба для них была лишь первым шагом в длинной цепочке переработки, транспортировки и продажи зерна и хлебной продукции.

Практически все крупные хлеботорговцы были связаны с банковским капиталом⁵³². Фактически это были тенденции концентрации и монополизации хлебной торговли и производства.

⁵³⁰ Записка Симбирского губернатора к Всеподданнейшему отчету об обозрении губернии в 1893 году. Симбирск, 1893. С. 10.

⁵³¹ Всеподданнейший отчет губернатора Саратовской губернии за 1887 г. Саратов, 1887. С. 10.

⁵³² Там же. С. 155; Самарская летопись. Кн. 2. С. 128–134.

В конце XIX века купечество оценило выгоду совмещения торговой деятельности с промышленным производством. Объекты приложения своих капиталов они зачастую выбирали в тех сферах, которые были хорошо известны им по торговой деятельности. В итоге в конце XIX – начале XX века особенно активно стали функционировать те купцы, которые стремились соединить хлебную торговлю с производством муки.

Только в 1880-х гг. произошел отраслевой сдвиг в сторону переработки продукции земледелия. Начало «индустриализации» Самарской губернии связано с мукомольем, выразилось в появлении паровых мукомольных мельниц. Первую построил П.С. Субботин с переработкой до 18 тыс. пудов в сутки. Всего же в Самаре было построено 10 мельниц, на которых можно было перемолоть 10 млн пудов зерна в год. Самара стала крупным центром мукомольного производства.

К строительству паровых мукомолок приступили известные в Самаре купцы-хлебопромышленники. Их предпринимательский расчет включал такие факторы. Увеличение городского населения обусловило рост потребности в печеном хлебе, а с вводом в эксплуатацию Самаро-Златоустовской железной дороги доступным становился еще и рынок горнозаводского Урала. Примитивные ветрянки и водяные мельницы обеспечить перемол нужного количества зерна не могли. На внутреннем рынке страны к этому времени (был мировой аграрный кризис) обострилась конкуренция «зерновщиков», сбыт муки был предпочтительнее и на мировом рынке. У будущих мукомолов были и другие преимущества: близость к районам производства зерна, отличное качество заволжской твердой пшеницы «белотурки», из которой получались высокие сорта муки, в том числе крупчатка. Уже установившиеся связи, традиции скупки зерна, вся многолетняя практика хлебного дела гарантировали то, что без сырья они не останутся даже при сильной конкуренции скупщиков зерна из верхневолжских городов и экспортеров. Проблемы рабочих рук не было: малоземельная деревня постоянно выталкивала на

заработки «свежих» людей. На мельницах же требовалось немного специалистов (мастеров, механиков, счетоводов), зато в большом количестве были нужны неквалифицированные физически сильные люди (таскалы, выбойщики и т. д., короче говоря, грузчики). К тому же мельницы работали сезонно, с осени, когда поступало зерно нового урожая.

К мукомолью удачно или неудачно приобщились многие хлебопромышленники. Так, субботинскую мельницу сначала купил Аржанов, потом Ф.Ф. Красиков, за ним А.М. Эрландер, а еще позднее товарищество Шахов и Попенов. В 1910 г. последние мельничное дело прекратили, а помещение было передано под казарму. В Засамарской слободе мельницу Светлова в 1889 г. купило Товарищество паровой мельницы в Самаре. В него входили П.С. Субботин, А.Н. и М.Н. Шихобаловы и Г.И. Курлин. Впоследствии в компании остались М.Н. Шихобалов и А.М. Шихобалова-Неклютина. Построенная Е.Н. Шихобаловым в 1883 г. мельница дольше других оставалась семейной собственностью и по наследству перешла к внукам. Мукомольным делом занималось несколько поколений Башкировых и Журавлевых, а кроме того Соколовы, А.Н. Шадрин, А.Г. Курлин, братья Ромашевы, Стройковы-Якимовы, Боberman.

Положение ухудшилось после двух неурожайных годов (1906 и 1907 гг.). Уменьшилось количество товарного зерна, упал спрос, выросли цены на нефть, усилилась конкуренция между поволжскими мукомолами из разных городов из-за заволжской пшеницы. К 1910 г. объявили себя несостоятельными И.И. Шихобалов и Боberman, прекратили мукомольное дело хлебопромышленники Смирнов и Ромашевы, сгорела и не была восстановлена мельница Журавлева. В то же время укрепилось положение торговых домов Башкировых и Соколовых, товарищества Неклютиных. К 1911 г. в городе из 10 работало 5 паровых мельниц, которые могли перемолоть 40,5 тыс. пудов. Норма прибыли мукомольных фирм в 1911–1912 гг. составила в среднем 14 %, а у некоторых поднялась до 20 %. Кризис выдержали те предприятия, которые к тому времени

успели модернизировать технику, рационализировать производство. Кроме того, хозяева применили и такой тактический маневр: построили мельницы или перенесли предприятия в сельские местности, поближе к источникам сырья. Новые предприятия размещались преимущественно вблизи пристаней и крупных станций Оренбургской железной дороги, в местах подвоза зерна из глубины уездов. На таких станциях обычно были большие зернохранилища, строились элеваторы. Так, торговый дом Соколовых, владея в Самаре мельницей с годовым перемолом 2 млн пудов, построил еще большую в Бузулукском уезде. Смирнову принадлежала мельница в Кинеле, а Шихобалову – в Богатом. В 1896 г. 8 мельниц, построенных в уездах, по объему производства стали перегонять самарские городские. Губерния сохранила славу одного из центров мукомолья всероссийского масштаба. В 1901 г. доля мукомолья в стоимости промышленной продукции превысила 56 %, а в 1913 г. – 63,3 %. Для тех, кто закрывал мукомольное дело в Самаре, это не означало полного разорения, они просто сосредоточивались на других видах предпринимательства. Все основатели паровых мельниц и в 1913 г. числились среди «первых людей города». Такая устойчивость обуславливалась значительными капиталами и многогранностью коммерческой деятельности.

Предпринимательство постепенно переходит на новую стадию своего развития – торгово-промышленную. Соединив в себе функции торговцев и промышленников, предприниматели объединили в своих руках закупку зерна, его переработку на собственных мельницах, транспортировку товара, а также его продажу, как в губерниях, так и за их пределами. Торговые дома, будучи главными покупателями зерна в Поволжье, превратились в мукомольные фирмы. Своими закупками выделялись нижегородцы Башкировы и Бугровы, Калашников, Меньковы из Балаково, Аржановы и Шихобаловы из Самары.

Крупные мукомолы стремились делать покупки из первых рук, так как для них был важен сорт зерна. Они либо ездили сами по рынкам, либо посылали своих приказчиков. Так

было в Самарской, Саратовской губерниях. У ссыпщиков и перекупщиков брали зерно только в случаях недостатка его на рынке и срочности покупки⁵³³. Часто мукомолы имели и собственные флотилии судов для отправки хлеба. Мукомолы же средней руки иногда действовали так: брали у крестьян зерно и расплачивались не деньгами (или частично деньгами), а мукой.

В Самарскую губернию зерно привозилось в основном из Самарского, Бузулукского, Николаевского уездов. А из Самары оно поставлялось по воде в Казань, Нижний Новгород, Муром, Ярославль, Кострому⁵³⁴. Начиная с конца XIX века, большую популярность стала приобретать продажа продуктов переработки зерна – муки и отрубей. Самара постепенно заняла одно из первых мест по стране по объему покупок и продаж пшеницы. Ассортимент зерна отличался большим разнообразием, но особенно высоко ценился сорт пшеницы белотурка, из которой получалась мука, не уступавшая по своим качествам американской, голландской и английской⁵³⁵.

Находясь в центре хлебородной полосы России, Саратов перерабатывал огромное количество зерна и отличнейшую муку доставлял на продажу не только потребителям внутри России, но и на заграничные рынки. В 1904–1907 годах только по Волге с саратовских пристаней вывозилось ежегодно пшеничной муки 7 100 тыс. пудов, ржаной муки по 700 тыс. пудов. Среди отправляемых из Саратова по железной дороге грузов почти 14 % составляла мука. «Пшеничной столицей» региона называлось Балаково, с пристаней которого в начале нынешнего века отправлялось около 10 млн пудов хлеба. Как указывает А.Я. Майзульс, «крестьяне прилегающего к нему части Николаевского уезда в результате хлебной торговли были зажиточны и даже богаты»⁵³⁶. Слобода Покровская (с 1914

⁵³³ Лященко П.И. Хлебная торговля на внутренних рынках Европейской России. СПб., 1912. С. 325.

⁵³⁴ Ильин С. Хлебный торг // Былое. 1992. № 5. С. 8.

⁵³⁵ Самарская летопись. Кн. 2. С. 122–123.

⁵³⁶ Путеводитель по Саратову. Саратов, 1917. С. 21.

года – город) тоже считалась крупным хлебным рынком, куда стал поступать уральский хлеб после проведения Покровско-Уральской линии железной дороги.

Крупные партии муки производили и продавали торговый дом «Ф.А. Рыбакин и сыновья» из Аткарска, «Первое товарищество мукомолов» в Балашове, товарищество николаевского купца 1-й гильдии Н.С. Менькова, Вольские купцы братья А.В. и И.В. Меркульевы. В Петровске крупным мукомольным предприятием был торговый дом «Ф. Александров с сыновьями», производивший до 1 675 тыс. пудов муки и сбывавший ее на многих внутренних рынках России⁵³⁷.

Второе место из пищевых продуктов занимала в торговом обороте Саратова соль, которая поступала по Волге с Эльтонского и Астраханских соляных озер по 2–3 млн пудов в разные годы. Отсюда соль развозилась по городам и весям европейской части России. В сравнении с прошлыми годами саратовская торговля солью пошла на убыль. А ведь солью жило и торговое, и рабочее население. Целые кварталы губернского города были заняты складами, и, как память о том времени, одна из саратовских улиц сохранила название Соляной. Причинами упадка соляной торговли явились, во-первых, переход с Эльтонского озера на новый соляной источник – озеро Баскунчак, с неоднократной перегрузкой продукта на пути до Царицына, что удорожало баскунчакскую соль, во-вторых, конкуренция дешевой донецкой (бахмутской) соли, которая проникла в те регионы, куда ранее доставлялась соль из Поволжья. Тарифные затруднения Грязе-Царицынской и Рязано-Уральской железных дорог явственно влияли на поставки соли.

В 1892 году правительство отменяет акциз на соль. Добыча соли увеличивается в России почти в два раза, цена за пуд снизилась в 3–4 раза. В этих условиях крупные саратовские солепромышленники, такие как Аносов, Кокуев, стали сокращать и постепенно ликвидировать свое соляное дело. Солью в Сара-

⁵³⁷ Очерки истории Саратовского Поволжья. 1894–1917. Т. 2. Саратов, 1999. С. 56.

тове стали торговать В. А. Шишкин и В. В. Сапожников. В 1900 году по Волге прибыло соли в Царицын 329 тыс. пудов, в Камышин – 96 тыс. пудов и в Саратов – 3 863 тыс. пудов; в 1909 году в Царицыне было получено с Баскунчака 1 274 тыс. пудов соли, в Камышине 885 тыс. пудов, в Саратове 1 265 тыс. пудов⁵³⁸.

Немалое место в саратовской торговле занимало подсолнечное масло. Только по Волге ежегодно отправлялось 150–200 тыс. пудов этого ценного продукта. На железной дороге масло и жмых подсолнечника составляли почти 10 % отправленных грузов. Но в начале XX века вследствие упадка отрасли из-за сокращения посевов на истощенных почвах, появления вредителей подсолнечника и конкуренции со стороны развитого маслобойного производства в уездах губернии произошло сокращение объемов продажи масла. Если в 1904 году было вывезено из Саратова подсолнечного масла 247 976 пудов, то в 1907 году – 210 491 пудов. К тому же конкуренция со стороны Воронежской и Кубанской подсолнечно-маслобойной промышленности лишила саратовских маслозаводчиков целого ряда постоянных рынков сбыта.

В значительном количестве вывозился из Саратова спирт, который закупали оптовые торговцы на винокуренных заводах. Всего производилось до 300 тыс. ведер 80 % спирта. В основном этот продукт сбывался в Астраханской, Самарской, Бакинской губерниях и Закаспийском крае. С отходом Самарского Заволжья в казну и введением винной монополии торговля спиртом несколько понизилась. Но немало крепкого вина (водки) расходилось внутри самой Саратовской губернии. Например, только один Саратов в 1902 году потребил 213 807 ведер на сумму 1 678 381 руб., а в 1913 году за 11 месяцев саратовцы выпили 505 699 ведер водки, за которую было выручено 4 040 000 рублей.

К концу XIX в. упала в Саратове торговля рыбой из-за хищнического лова в Волге. У саратовских берегов уловы, за исключением сельди и воблы, были невысоки. Красная рыба почти исчезла, и цены на нее поднялись. Но, несмотря на это,

⁵³⁸ Там же. С. 57.

спрос на рыбу и рыбные продукты увеличивался. Рыбу приходилось привозить из Астрахани. В 1893 году ее поступило соленой – 500 тыс. пудов, свежей – 30 тыс. пудов. Немного, 50 тыс. пудов свежей рыбы, было доставлено из Уральска. Сухой воблы продано было 20 млн штук. Чтобы удовлетворить спрос, саратовские купцы стали искать новые источники поступления рыбы и рыбных продуктов. Однако привоз из Ростова-на-Дону по несколько тысяч пудов свежей рыбы не смог поднять эту отрасль до нужного уровня.

К 1905 году рыбная торговля несколько оживляется за счет продажи воблы до 100 тыс. пудов. Среди соленой и свежей рыбы, привозимой в Саратов, преобладала частичковая. В 1909 году ввезено для внутреннего потребления 1 535 672 пуда рыбы, из которой 80 % – частичковая и сельдь, 20 % – красная (осетр, белуга, севрюга). По сравнению с предыдущим годом ввоз красной рыбы снизился на 15 %, а частичковой возрос на 10 %⁵³⁹. Строительство Грязе-Царицынской железной дороги способствовало перемещению рыбного рынка, как и соляного, в Царицын. Из других товаров следует назвать сахар, ввозимый с Украины для местного рынка Саратовской губернии и Самарского Заволжья. Сахара – рафинада и песка – расходовалось до 650 тысяч пудов, распределительным рынком сахара являлся Саратов.

Еще в середине XIX в. Саратов был главным торговым пунктом, снабжавшим сахаром все Нижнее Поволжье, но в последней четверти века приоритет в торговле сахаром перешел к Царицыну, имевшему пониженные железнодорожные тарифы, а Саратов стал снабжать только свой район. Сахара поступало до 650 тыс. пудов (без Царицына), однако крупных сделок на Саратовской бирже было мало. Сделки на его поставки производились в Киеве и Харькове, и затем из южных губерний Украины – Черниговской, Киевской, Полтавской, Харьковской – сахар поступал в Саратов частично по железной дороге, частично водюю. Некоторые сахарозаводчики имели в Саратове свои оптовые склады. Таким же распреде-

⁵³⁹ Там же. С. 59.

лителем являлся Саратов в бакалейной, гастрономической торговле и в снабжении китайским и цейлонским чаем. Некоторые фирмы в Саратове чай развешивали и сортировали сами. Поэтому в уездах торговля проходила уже развешанными чаями саратовских и московских фирм.

Особо следует выделить торговлю фруктами: яблоками, сливами, ягодами, поскольку садоводством в губернии занимались многие города и селения: Вольск и его округа, Хвалынский, Новая и Старая Яблонки, Золотое и многие другие. Купцы этой отрасли торговли отправляли деликатный товар в основном в Москву и Петербург, но случались поставки даже во Владивосток. В урожайные годы только из одного Хвалынска реализовывалось более миллиона пудов яблок. Здесь снятые в садах яблоки упаковывались в ящики, вывозились на пристань для отправления по Волге. Десятки тысяч пудов продавалось на саратовском рынке. Купцы из Москвы и других городов производили в Саратове все лето скупку ягод, варку из них варенья, которое крупными партиями отправлялось по железной дороге по назначению. Согласно отчету Саратовского биржевого комитета среди преобладающих грузов на саратовской пристани значились арбузы: в 1905 году – 786 тыс. пудов, в 1906 – немногим более 1 миллиона пудов и в 1907 году – 559 тыс. пудов.

В начале XX века произошли некоторые изменения: в торговле возросла роль товаров местного производства. Предприниматели начали поставлять на рынок кожи, кожевенные изделия, сукно, но, все же, самым доходным делом оставалась продажа хлеба.

Промышленность исследуемых губерний развивалась в тесной связи и зависимости от аграрной специализации хозяйства. Даже металлообрабатывающие предприятия приспособивались к обслуживанию ведущих отраслей хозяйства губерний и занимались производством сельскохозяйственных орудий, паровых котлов, ремонтом техники⁵⁴⁰. По све-

⁵⁴⁰ Клейн Н.Л. Государство и частное предпринимательство в капиталистической России. Опыт Поволжья // Экономическая история России

дениям современников, наиболее активно в губернии начала XX века функционировало мукомольное производство⁵⁴¹. Главной тенденцией в мукомольном деле в это время было «сокращение переработки пшеницы на мелких мельницах...и сосредоточение этой переработки в крупных заведениях, располагающихся у речных пристаней и станций железной дороги и отправляющих приготовляемый продукт на отдаленные рынки»⁵⁴². Второе место после мукомолья в Самарской губернии занимало пивоварение и лесопильное производство. В 1880 году в Самаре благодаря стараниям австрийцев А.Ф. Вакано и М.М. Фабера возник Жигулевский пивоваренный завод, который выпускал пиво высокого качества.

Возрос спрос на лесные материалы, как на внешнем, так и на внутреннем рынке, соответственно, увеличились объемы продаж лесных материалов. Этот резко увеличившийся спрос мог удовлетвориться исключительно за счет частновладельческих и казенных лесов, так как немногочисленные лесные наделы крестьян имели потребительское значение. Выгодную ситуацию на лесном рынке старались использовать, прежде всего, частные владельцы. Так, в 1900 году из нашей губернии было вывезено 2671 тысяч пудов, а в 1913 году – уже 5387 тысяч пудов⁵⁴³. В связи с развитием торговли предприниматели стремились расширять рынок сбыта. Особой популярностью у них пользовались Приуралье, Зауралье, Средняя Азия. Там они создавали опорные пункты в виде агентств, контор и складов⁵⁴⁴.

на рубеже XIX – XX веков: современный взгляд. М., 2000. С. 366–367.

⁵⁴¹ Архангельский Н.А. Город Самара. Краткий очерк. Самара, 1913. С. 26–28.

⁵⁴² Тагирова Н.Ф. Торгово-экономические связи губерний Поволжья во второй половине XIX века // Предпринимательство Поволжья: истоки, традиции, проблемы и тенденции развития: материалы научной конференции. Чебоксары, 1998. С. 81.

⁵⁴³ Анфимов А.М. Частновладельческое лесное хозяйство в России в конце XIX – начале XX века // Исторические записки. Т. 63. М., 1958. С. 253.

⁵⁴⁴ Клейн Н.Л. Предпринимательство в Поволжье на рубеже XIX – XX столетий: некоторые особенности // Предпринимательство Поволжья:

Кроме этого, в губернии работали небольшие маслобойки (изготавливали подсолнечное масло), крупорушки, крахмалопаточные, винокуренные, дрожжевые предприятия. Началось развиваться фабрично-заводское производство. В Самаре появились новые виды современных пищевых фабрик. Это были макаронная Кеницера и кондитерская Савинова, которые обслуживали весь средневожжский рынок.

Новым видом товаров стали нефть и нефтепродукты. В середине 80-х годов XIX века двинулся по Волге поток бакинской нефти, наиболее экономичного топлива, оказавшего влияние на экономику Поволжья. Саратов и Царицын становятся крупными перевалочными пунктами нефтепродуктов. В начале XX века в Саратове «Восточное общество» имело 28 железных резервуаров (общей емкостью 4,1 млн пудов), товарищество «Братья Нобель» – 8 (общей емкостью 1,1 млн пудов), общество «Мазут» – 2 (общей емкостью 300 тыс. пудов) и другие. 20 резервуаров (общая емкость 1,75 млн пудов) построило Общество РУжд. Кроме этого, было 6 ям-хранилищ мазута, вмещавших до 10 млн пудов. Такая же картина была и в Царицыне. В Саратове почти все заводы заменили дровяное отопление на нефтяные остатки. «Нефтезированы» были волжский флот и железная дорога. В 1904 году через Саратов прошло 22,8 млн пудов мазута и 10,9 млн пудов керосина. Часть нефтепродуктов расходилась в Поволжском регионе, а остальные отправлялись по железной дороге в Московский, Варшавский и Петербургский регионы⁵⁴⁵.

В торговле долгое время сохранялись традиционные формы организации. В ней участвовали торговые дома, перекупщики (покупка хлеба, к примеру, осуществлялась в основном через посредников), мелкие розничные торговцы. Торговля происходила в лавках, магазинах, на ярмарках. С основанием в 1893 году биржи оптовая торговля, первоначально хлебом, а позже и другими товарами, в основном переместилась туда.

истоки, традиции, проблемы и тенденции развития. С. 121.

⁵⁴⁵ Там же. С. 61.

Особенностью в развитии предпринимательства являлось возникновение комплексного торгово-промышленного предпринимательства. Оно формировалось преимущественно в мукомольной, лесопильной, пивоваренной, винокуренной и других отраслях промышленности. Примерами таких предприятий были пивоваренный завод, принадлежавший А. фон Вакано, винокуренные заводы Марковых, мукомольные предприятия Соколовых и Башкировых. Купцы, занимаясь одновременно производством и торговлей, продолжали расширять сферы своей деятельности. Прежде всего, это выражалось в том, что многие предприниматели оставались землевладельцами. Тем самым, присутствует явная взаимосвязь между торгово-промышленным предпринимательством и сельскохозяйственным, которая прослеживалась как на уровне крупных торгово-промышленных фирм, так и на уровне мелких хозяйств. Кроме того, для многих предпринимателей была характерна многоотраслевая промышленная деятельность, которая выражалась в совмещении ряда производственных сфер, не связанных друг с другом. Примером этого является торговый дом «Челышов с С-ми», основной профиль которого определялся как строительный, однако наряду с этим он занимался мукомольным делом, содержал бани.

Другой характерной чертой предпринимательства являлось участие купцов в общественных делах. Предпринимателей привлекали для решения различных экономических вопросов. Они участвовали в заседаниях Общего присутствия Казенной Палаты для утверждения процента средней прибыльности с предприятий. По мнению управляющего Самарской Казенной Палаты, приглашение «компетентных и вполне добросовестных лиц из торговцев каждого податного участка» позволило бы прийти к оптимальному решению данного вопроса. В 1911 году среди приглашенных фигурировали купеческие сыновья Н.И. и А.И. Афанасьевы из Бугульминского уезда, занимающиеся мукомольем и торгующих зерновым хлебом; Н.Д. Юшков из Бугурусланского уезда, имеющий мукомольную мельницу и осуществляющий торговлю мукой;

владельцы мукомольных мельниц Ф.Х. Лейсле и С.И. Балдин из Новоузенского уезда; И.С. Шнырев, владелец мукомольной мельницы, и сын самарского купца, инженера–технолога М.Т. Миронова, заведующего мукомольной мельницей и молотилкой из Самарского уезда⁵⁴⁶. К тому же многие предприниматели (В.Н. Башкиров, К.Н. Неклютин и другие) входили в состав Самарской городской думы, принимали участие в решении важных для города вопросов⁵⁴⁷.

Постепенно расширяя сферу деятельности, совмещая торговую и производственную функции, торгово-промышленники нуждались в более сложных институциональных формах, что выразилось в преобразовании многих торговых домов и единоличных предприятий в торгово-промышленные товарищества на паях. В свою очередь, оформление бизнеса в такой организационно-правовой форме способствовало концентрации производства и выделению крупных торгово-промышленных фирм, сосредоточивших в своих руках значительные капиталы и производственные ресурсы. Таким фирмам было проще выходить за рамки губернии, в итоге сфера их деятельности перестает ограничиваться местным рынком, а начинает осуществляться в масштабах всей страны. В результате, представители крупного торгово-промышленного предпринимательства губерний стремятся найти свое место на всероссийском рынке.

Наиболее типичные институциональные формы торгово-промышленной предпринимательской деятельности в конце XIX – XX начале века можно представить как восходящие от более простых (единоличные предприятия) к более сложным (товарищества на паях или торгово-промышленные товарищества). Предприниматели самостоятельно выбирали наиболее оптимальные из них соответственно размерам своего предприятия, наличию свободного капитала и развитию экономических отношений в регионе. Среди форм торгово-промышленного предпринимательства преобладали торго-

⁵⁴⁶ ГАСО. Ф. 150. Оп. 3. Д. 893. Л. 14–16, 18–22, 33, 35, 37.

⁵⁴⁷ ГАСО. Ф. 170. Оп. 7. Д. 3. Л. 58–59.

вые дома в форме полных товариществ на вере, хотя более крупные предприятия с начала 1910-х годов стремились преобразовать свои фирмы в товарищества на паях.

Одним из крупных в Самарской губернии по размеру основного капитала являлось торгово-промышленное товарищество «Н.Е. Башкирова наследники», преобразованное из одноименного торгового дома и зарегистрированное в новом качестве 18 сентября 1912 года. Торговый дом «Николая Емельяновича Башкирова наследники» имел в собственности паровую мукомольную мельницу I разряда, оборот которой в 1906 году составил 2,5 миллиона рублей, а в 1907 – 2 миллиона рублей. Кроме этого, торговый дом осуществлял в Самаре торговлю хлебом собственного производства в своем доме на углу Старо-Самарской улице и набережной реки Волги (оборот в 1906 году равнялся 88 тысячам рублей, а в 1907 – 106 тысячам рублей), и в доме Попова на Заводской улице (оборот в 1906 году составил 183 тысячи рублей, в 1907 – 248 тысяч рублей). В собственности ТД находились два парохода – «Н.Е. Башкиров» и «Самарец»⁵⁴⁸.

В 1912 году полные товарищи ТД «Н.Е. Башкирова наследники» приняли решение реорганизовать свою фирму и передать «учреждаемому торгово-промышленному товариществу права пользования всеми, как высочайше пожалованными, так и всякими другими наградами, которыми пользовался ТД до сих пор». Они передали все принадлежащее торговому дому имущество в собственность торгово-промышленного товарищества за общую сумму 1586031 рубль 55 копеек. Товарищество приняло на себя ответственность по всем обязательствам ТД. Информация об открытии торгово-промышленного товарищества была донесена до сведения министра торговли и промышленности, а также до всеобщего сведения через публикацию в печатных изданиях. Основной капитал товарищества, 3 миллиона рублей, состоял из 600 паев стоимостью 5000 рублей каждый.

⁵⁴⁸ ЦГАСО. Ф. 150. Оп. 4. Д. 527. Л. 86 об.

Учредителями товарищества являлись потомственная почетная гражданка А.Д. Пятова, потомственные почетные граждане В.Н. Башкиров и В.М. Сурошников⁵⁴⁹. Директорами правления товарищества были избраны А.Д. Пятова, В.Н. Башкиров, а кандидатом в директора – П.В. Сурошников. Председателем правления стал В.М. Сурошников.

Торгово-промышленному товариществу принадлежала паровая мукомольная мельница, 6 лавок в Самаре (Воскресенская, Заводская, За–Самарская, Ильинская, Ново-Троицкая, Троицкая) паровое судно «Н.Е. Башкиров», два склада в Петербурге и один в Рыбинске, также оно продавало хлеб с астраханской пристани и с баржи на реке Ока. В 1914 году товарищество приобрело в Кинешемской и Казанской городских управах по одному свидетельству на осуществление хлебной торговли на местах. В 1915 году всего насчитывалось 24 заведения, принадлежащие торгово-промышленному товариществу.

Мукомольное товарищество «Н.Е. Башкирова наследники» закупало пшеницу в основном в Покровской слободе и в Балакове⁵⁵⁰. Однако помимо производства муки товарищество иногда приобретало уже готовые переработанные товары: пшеничную и ржаную муку, различную крупу, солод, пшено, овес, горох, отруби, которые впоследствии продавались как в Самарской губернии, так и за ее пределами. Также товарищество занималось продажей зерна и соли⁵⁵¹.

На товариществе лежали производственные, торговые, товарные расходы, расходы по учреждению и организации товарищества, расходы, связанные с покупкой зерна, а также налоговые расходы, которые погашались из прибыли. Прибыль товарищества за первый операционный год (1912–1913) составила 289684 рублей 93 копейки, за второй (1913–1914) – 220 203 рубля 21 копейку, за третий (1914–1915) – 566 468 рублей 50 копеек. Прибыль распределялась следующим образом: средства

⁵⁴⁹ Там же. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1376. Л. 52 об.

⁵⁵⁰ Там же. Ф. 150. Оп. 3. Д. 1464. Л. 38.

⁵⁵¹ Там же. Ф. 150. Оп. 3. Д. 1483. Л. 9 об. – 10, 13 об. – 14, 15 об. – 16.

отчислялись в запасной капитал, на амортизацию движимого и недвижимого имущества, на содержание машин и аппаратов, парохода и барж, на погашение расходов по учреждению и организации товарищества, в особый запасный капитал, в пользу членов правления и ревизионной комиссии, на дивиденды по паям, на работы по ремонту мельницы, на страхование мельницы, машин и товаров, на вознаграждение служащим в товариществе. В течение 1913 года на службе товарищества (без учета членов правления) состояло 63 человека⁵⁵², в 1914 году – 78, а в 1915 – 74⁵⁵³. Среди них были бухгалтер, конторщик, приемщик зерна, покупатель зерна, приказчики, кассиры и другие⁵⁵⁴.

Помимо производственных и торговых, товарищество имело такие статьи расхода, как аренда квартир для своих служащих, жалование и страхование рабочих, образование вспомогательного пенсионного фонда, из которого оплачивалась медицинская помощь, пенсии и пособия увечным работникам⁵⁵⁵.

К тому же товарищество жертвовало средства на благотворительные цели: оно учредило стипендию имени Н.Е. Башкирова в местном Коммерческом училище в размере 1000 рублей, содержало койку имени А.Н. Шихобалова в местной больнице его же имени, на что также выделялась 1000 рублей.

Таким образом, товарищество «Н.Е. Башкирова наследники» являлось крупной торгово-промышленной фирмой, занимавшейся переработкой зерна, транспортировкой товаров на собственных или арендованных судах, продажей товаров, в том числе и собственного производства. Оно, имея торговые отделения в Петербурге, Рыбинске, Гельсингфорсе, в больших объемах осуществляло продажу хлебных товаров собственного производства, тем самым способствуя получению значи-

⁵⁵² Там же. Ф. 150. Оп. 3. Д. 1483. Л. 87.

⁵⁵³ Там же. Д. 1454. Л. 71.

⁵⁵⁴ Там же. Д. 1464. Л. 82.

⁵⁵⁵ Там же. Д. 1454. Л. 7, 12.

тельной прибыли, которая шла на дальнейшее развитие дела и на общественные цели.

Рассматривая материалы за 1902–1907 гг., можно констатировать наличие в Самаре 45 торговых домов и товариществ, из которых торговый дом «Г.Н. Фрезе и К^о», учрежденный со сроком действия 40 лет, не выполнял свои функции.

Существовавшие в этот период в Самаре совместные предприятия осуществляли производство и торговали различными видами продукции. Из 45 торговых домов и товариществ 15 предприятий (33,3 %) были учреждены с целью производства продукции. Соответственно 30 совместных предприятий (66,7 %) занимались куплей–продажей товаров, подрядами и поставками, оказанием услуг.

Среди 15 торговых домов и товариществ, нацеленных на производство и продажу продукции, преобладали мукомольные предприятия – 9 (60 %) ⁵⁵⁶, хотя торговый дом «Братья Шихобаловы», помимо эксплуатации мельниц, использовал собственные земли «для хлебопашества» ⁵⁵⁷.

Среди остальных шести предприятий был «Машиностроительный завод братьев Журавлевых и К^о», производящий различные речные суда, двигатели, машины и запчасти к ним, исполнявший разного рода технические работы. Торговый дом «Братья Пиннекер» производил саратовские сарпинки. «Я. Катык и К^о» – производство папиросных гильз. «Шишкин и Корнева» осуществлял выработку альбумина на заводе при городской скотобойне. «Товарищество искусственных минеральных и газированных вод» объединяло все заводики этой отрасли ⁵⁵⁸. А «Товарищество Жигулевского Пивоваренного Завода» являлось крупнейшим производителем пивоваренной продукции в Самаре.

Таким образом, очевидно, что среди занятий совместных предприятий преобладала торговля. Производство, в кото-

⁵⁵⁶ Подсчитано по материалам: ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1033.

⁵⁵⁷ Там же. Л. 59.

⁵⁵⁸ Там же. Л. 106, 125, 75, 98, 7.

ром первенство принадлежало мукомольному делу, не имело значительного веса в сфере деятельности торговых домов.

Среди торговых домов и товариществ, ориентированных на куплю-продажу различных видов продукции, нет ярко выраженного лидера. Три предприятия занимались торговлей хлебом. Три торговых дома предлагали для продажи готовое мужское и женское платье, обувь. Один торговый дом представлял собой типографию. Торговые дома и товарищества занимались продажей колониальных и гастрономических товаров (2), бакалейных товаров (2), торговали мануфактурой (2), реализовывали весь возможный ассортимент металлургического производства (1), принимали к выполнению подряды, в том числе и на работы по постройке Самаро-Златоустовской железной дороги, занимались поставками (2). Создавались товарищества для проверки железнодорожных накладных – «Тарифное бюро». Одно из совместных предприятий поставляло в Самару сельскохозяйственные машины отечественного и импортного производства. Торговали дома и товарищества посудой, хозяйственными товарами, бытовой техникой – швейными, чулочными, пишущими машинами, велосипедами⁵⁵⁹.

Очевидно, что совместные предприятия по реализации различных видов продукции и услуг охватывали в той или иной степени все сферы потребления и оптово-розничной торговли. Однако если учитывать, что занимающиеся мукомольным производством совместные предприятия также реализовывали свою продукцию, то наиболее многочисленную группу образовывали торговые дома, ведущие торговлю хлебом, «хлебными и зерновыми фабрикатами» – 12 (26,7 %). По видам товариществ в 1902–1907 гг. небольшим преимуществом пользовались полные торговые дома и товарищества – 24.

В числе учредителей 29 торговых домов и товариществ, зарегистрированных Самарской Городской Управой в период с 1902–1907 гг., состояло 97 человек, среди которых – 46 иногородних и 2 иностранных подданных, 30 представителей купе-

⁵⁵⁹ Подсчитано по материалам: ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1033.

ческого сословия, из них иногородних купцов – 11; 26 мещан, из них иногородних – 19; 15 крестьян, из них иногородних – 12; 14 потомственных и личных почетных граждан; 5 чиновников и их вдов, один инженер–механик, два аптекарских работника; 4 иногородних поселянина.

Число учредителей в рассматриваемых совместных предприятиях колебалось от 2 до 9 человек. В исследуемый период в основном преобладали предприятия с числом учредителей не более 2 человек.

Состав учредителей торговых домов и товариществ в словесном отношении можно охарактеризовать как смешанный. Из 29 торговых домов только 7 имели однородный сословный состав: учредителями 5 предприятий являлись купцы, 2 – мещане⁵⁶⁰.

В Саратовской губернии в 1910–1913 гг. было открыто 78 товариществ. Однако к январю 1915 г. в Саратовской губернии уже действовало 240 торговых домов или 2,6 % от общего числа предприятий данного вида в России. Основными центрами регистрации товариществ являлись: Царицын – 102 фирмы, Саратов – 49, Вольск – 22, Балашов – 20. Статистические данные свидетельствуют о том, что в крае преобладали товарищества, заявленные капиталы которых редко превышали 50 тыс. руб. Тем не менее, в губернии действовали и крупнейшие в масштабах страны торговые дома, в основном в мукомольном производстве.

Среди саратовских миллионеров преобладали предприниматели, которые были обязаны своим успехом мукомолью и хлебной торговле. А.Н. Боханов в списке крупнейших торговых домов России в 1911 году указывает, что торговые дома имели капиталы: «Э.И. Борель» – 1,2 млн рублей, «К. Рейнке и сыновья» – 1,8 млн рублей, «Братья Шмидт» – 1,2 млн рублей⁵⁶¹. Торговый дом «Э.И. Борель» являлся владельцем огромного торгово-промышленного концерна, который олицетворял предпринимательские усилия не одного поколения.

⁵⁶⁰ Подсчитано по материалам: ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1033.

⁵⁶¹ Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. С. 114.

Этот торговый дом занимался производством разных сортов муки, преимущественно из пшеницы, на четырех мощных мельницах: в Саратове (паровая), в селе Александровка Саратовского уезда (водно-турбинная), в селе Нижняя Добринка Камышинского уезда (паро-водяная), на ст. Бурасы (паровая) на Вольской ветке железной дороги.

Главная контора торгового дома находилась в Саратове, а отделения были в Саратовской губернии и в волжских торговых городах: Нижнем Новгороде, Покровске, Астрахани и в обеих столицах. Все отделения имели сеть складов и магазинов и занимались сбытом зерна и изготовленной на мельницах продукции. Для хранения зерна склады и вместительные амбары имелись в Покровске, Екатериненштадте и Николаевске, а в Камышине содержали склад товаров. Для обслуживания нужд производства Борели располагали собственным пароходством из двух буксирных пароходов и караваном из 15–19 барж. В Уфимской области торговый Дом «Э.И. Борель» владел Южно-Глухоозерским и Уральским портландцементными заводами. Там же, в селе Петровском, имелась большая сельскохозяйственная экономия стоимостью до 800 тыс. рублей. Еще одна экономия находилась в селе Преображенское (Разбойщина) под Саратовом. Кроме того, в разных уездах Саратовской губернии у Борелей числилось до 27 тыс. десятин земельной собственности. Различного рода ценных бумаг у торгового дом имелось на сумму 208,3 тыс. рублей, в том числе акций бумажно-прядельной фабрики «Саратовская мануфактура» – на 160 тыс. рублей.

По архивным материалам в 1913 году личные капиталы Борелей составляли 4 425 тыс. рублей, а имущество торгового дом оценивалось в 6 883 тыс. рублей, не считая ценных бумаг⁵⁶². Под стать Борелям были и другие торговые дома и товарищества саратовских купеческих семейств: Рейнеке, Шмидтов, Богословского, Степашкина, Шумилина. Саратовские купцы не вкладывали свои капиталы в тяжелую промышленность, новые отрасли, строительство дорог. Они помещали средства

⁵⁶² Очерки истории Саратовского Поволжья... С. 68–70.

в предприятия, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье, которые при большом уровне эксплуатации давали высокие прибыли. Промышленная деятельность крупных купцов обычно совмещалась с торговлей самыми разнообразными товарами. Например, братья Шмидт владели мельницами и торговали сарпинкой, Шумилин имел маслозавод и кроме растительного масла торговал тертыми красками и бондарными изделиями, Селиванов содержал изразцовый завод и вел продажу нефтепродуктов. На основе соединения промышленных и торговых операций и вырастали огромные состояния.

Большая часть товариществ – 139 предприятий (58 %) занималась чисто торговыми операциями. В нижеволжском регионе первые места в данной сфере принадлежали продаже леса, металлических и скобяных изделий, кожаных изделий, хлеба, рыбы, соли, растительного масла. Наиболее крупными торговыми фирмами считались: торговый дом на вере «Бондаренко и К^о», специализировавшийся на продаже шляп и изделий из кожи, а также полный торговый дом «Тренин и К^о», занимавшийся реализацией железно-скобяных товаров. Основной капитал каждого из этих товариществ составлял 120 тыс. руб.

Характерным для России начала XX века было возникновение крупных предприятий, активно внедрявшихся в экономику тех губерний, которые входили в сферу их интересов. Одним из таких являлся концерн Стахеева, действовавший, в том числе и на территории Самарской губернии, которая привлекала предприимчивых людей развитым мукомольем. Торговый дом елабужского купца И.Г. Стахеева начинал свою деятельность с хлеботорговли. Зерно перерабатывалось на собственных мельницах и винокуренных заводах, продавалось в центральные районы страны и шло на экспорт. В Поволжских губерниях, в том числе и в Самарской, создавались хлебные склады, зерносушилки, элеваторы. Впоследствии уже торгово-промышленное товарищество, членом которого стал Батолин, объединило предприятия различных отраслей: им принадлежали пароходы на Волге, частные акционерные

железные дороги, хлопкоочистительные заводы, хлопчатобумажные мануфактуры, нефтепромыслы, два собственных банка. Товарищество занималось лесоразработками на побережье Белого моря, угледобычей на Сахалине, металлургическим производством на Урале. В годы первой мировой войны Стахеев с Батолиным и Путиловым создали концерн, деятельность которого была тесным образом связана с Русско-Азиатским банком. Несмотря на успехи в промышленной сфере, концерн не перестал заниматься хлебной торговлей в Поволжье, которая продолжала приносить большие прибыли. В 1914 году под хлебные операции Русско-Азиатский банк выдал Стахееву кредит на сумму 2 миллиона рублей⁵⁶³. В результате губернские хлебопромышленники, заключавшие сделки с товариществом Стахеева, принимали участие в формировании крупного концерна всероссийского масштаба. Хотя это сотрудничество и было не на равных, поскольку даже крупные самарские торгово-промышленные предприятия уступали концернам по своим оборотам и масштабам деятельности, однако, оно свидетельствовало о вовлечении губернских предпринимателей в процесс развития новых форм организации предпринимательства в империи.

Биржевая торговля, получившая особое распространение в России в конце XIX – начале XX века, способствовала развитию более высокого уровня коммерческих связей. Биржа облегчала поиски партнеров и оформление сделок, позволяла осуществлять торговлю в масштабах всей страны. Губернские биржи, объединяя крупных предпринимателей, как местных, так и иногородних, обеспечивали оптовую торговлю между самарскими предпринимателями и предпринимателями из Саратова, Ярославля, Баку, Рыбинска, Нижнего Новгорода, Костромы, Петрограда, Харькова и многих других городов Российской империи. Самарское Биржевое Общество было сформировано частным совещанием «господ купцов города Самары» 8 марта 1893 г. в помещении Самарской Городской

⁵⁶³ Китанина Т.М. Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова – Стахеева – Батолина. Л., 1969. С. 162.

Управы под председательством городского головы купца Неклютина. В обращении на бирже находились разные промышленные товары и сельскохозяйственные продукты. Главными же объектами биржевой торговли, исходя из специфики регионов, были зерновые продукты (пшеница, рожь, овес, ячмень), отвечающие определенным сортам и типам и соответствующим образцам и пробам, приложенным к биржевым сделкам. Кроме обычных товарно-сырьевых бирж, как, например, Саратовская, были открыты узкоспециализированные – хлебные биржи в Балашове, Покровске, Балакове. Здесь саратовские мукомолы закупали до четверти годового оборота каждой биржи.

На биржах существовали котировочные комиссии, занимавшиеся организацией ценообразования, т. е. на основе имеющихся сведений о ценах на других биржах выводились биржевые цены на товары на данный день торга. При заключении биржевых сделок посредниками являлись биржевые маклеры, к которым предъявлялись высокие требования профессионализма и честности. Все сведения о совершенных сделках записывались маклером в особую прошнурованную книгу.

Первоначальная деятельность Биржевого общества была направлена на упорядочение торговли в губернии и основной ее отрасли – хлебной торговли. В первое пятилетие Биржевому комитету пришлось работать в тяжелых условиях: предприниматели чуждались огласки торговых операций и условий сделок.

Первым председателем был избран купец первой гильдии Н.Ф. Углов. За период с 1894 г. по 1912 г., кроме Н.Ф. Углова, в Обществе председательствовали: А.Г. Курлин – почетный потомственный гражданин, купец первой гильдии (1895–1908); В.И. Ромашев – купец второй гильдии (1908–1911); В.Н. Башкиров – купец второй гильдии (1911–1917). Старшинами Биржевого Комитета за исследуемый период состояли: П.И. Шихобалов – купец второй гильдии; Н.Д. Батюшков – купец второй гильдии; Н.М. Михайлов, С.Е. Ромашев – купец первой гильдии; И.П. Журавлев – почетный потомственный гражда-

нин и купец первой гильдии; А.С. Медведев, И.И. Бордмейер, И.М. Боberman – купец первой гильдии; М.А. Шадрин – купец второй гильдии; И.П. Самойлов, М.Е. Ягодкин – купец первой гильдии; В.И. Ромашев – купец второй гильдии; Н.И. Батурлин, О.Л. Поленов, Н.Ф. Колесников, М.Л. Боberman – купец первой гильдии; В.Н. Башкиров, Н.И. Васильев, С. Н. Чемодуров, К.Г. Немальцев⁵⁶⁴.

На первых порах работы комитета ему пришлось выступать в роли арбитра. Члены биржевого общества часто обращались с различными торговыми недоразумениями. Чаще всего споры и тяжбы возникали при приеме и сдаче пшеницы, а также о погрузке различных грузов, принятии отрубей, поставках мазута и т. д.

Самарская биржа объединяла вокруг себя как местных предпринимателей, так и иногородних. Данные 1913–1914 годов свидетельствуют, что наиболее крупными местными покупателями белотурки, русской пшеницы, ржи и льняных семян на бирже были Товарищество «Н.Е. Башкирова наследники» (его оборот на бирже за это время составил 9 028 482 пудов), Товарищество «Я.Г. и И.Я. Соколовы» (3 871 886 пудов), Д.П. Смирнов (4 197 950 пудов), ТД «О.В. Шадрина и С» (1 827 726 пудов) и другие.

Самарская биржа находилась в тесном взаимодействии с соседними хлебными рынками губернии, из которых первое место занимала хлебная биржа в слободе Покровской в Новоузенском уезде. Новоузенский уезд располагал большими площадями земли с плодородным пластом, дающим одни из лучших сортов белотурки в России. В торговом отношении Покровская слобода была важной приволжской хлебной пристанью, к которой с проведением железной дороги начали подвозить хлебные грузы с Новоузенского и Николаевского уездов, с Уральской области⁵⁶⁵.

⁵⁶⁴ За 20 лет. Юбилейный сборник очерков деятельности Самарского Биржевого Комитета и общества 1893–1913 гг. Самара, 1914. С. 15–16.

⁵⁶⁵ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 год. Самара, 1899. С. 64.

На Покровской бирже, объединявшей вокруг себя торгово-промышленные слои, как местные, так и иногородние, велась активная оптовая торговля зерном. С 1 октября 1913 по 1 октября 1914 года главными и наиболее многочисленными покупателями на покровской хлебной бирже были саратовские мукомолы, самыми крупными из которых являлись В.В. Богословский, Товарищество «С.И. Степашкин», Товарищество «Братья Шмидт». Они покупали на бирже белотурку, русскую пшеницу, рожь. Так, Товарищество «С.И. Степашкин» за этот период на бирже приобрел 1 387 940 пудов зерна, Товарищество «Братья Шмидт» – 1 379 440 пудов, В.В. Богословский – 1 042 660 пудов.

Помимо саратовских мукомолов существенную роль на бирже играли и нижегородские мукомолы: товариществом «Я.Е. Башкиров» было за год куплено 1 592 608 пудов зерна, товариществом «Н.А. Бугров» – 1 592 500 пудов. К тому же на бирже активно действовали и симбирские, костромские, ярославские, рыбинские, казанские, петроградские и, безусловно, самарские предприниматели. Среди последних заметную роль играли купцы Соколовы. Товарищество «И.Я. и Я.Г. Соколовы» с 10 июля по 10 октября 1914 года закупило 330 000 пудов пшеницы.

Из покровских хлеботорговцев вели закупки на бирже П.П. Головачанский, Б.И. Дрезденко, Н.Е. Думлера. Наследники, И.В. Алипов, В.И. Кравченко. Общий оборот покровской хлебной биржи с 10 июля 1913 по 10 октября 1914 года составил 20 592 951 пудов зерна⁵⁶⁶.

Третьей по количеству оборотов хлебной биржей в Самарской губернии была Балаковская хлебная биржа в Николаевском уезде. Балаково в торговом отношении было известно как одна из главных пристаней в низовьях Волги. В 1910 году председателем правления балаковской биржи являлся потомственный почетный гражданин С.Г. Мельников, его замом – В.Д. Поликарпов, старшинами были Н.М. Карлинский,

⁵⁶⁶ За два года. Очерки общественно-экономической жизни Самарской биржи. 1911–1914 гг. Самара, 1915. С. 142–145.

И.В. Голованов, И.В. Мамин, В.Е. Смирнов, Д.А. Масленников, П.А. Беляков. В состав балаковского биржевого общества входили суконные фабриканты, хлеботорговцы, землевладельцы, судовладельцы, агенты страховых и пароходных обществ⁵⁶⁷. На хлебной бирже в Балаково торговали исключительно пшеницей – русской и белотуркой, которую покупали главным образом иногородние мукомолы. В основном сюда съезжались предприниматели Среднего и Верхнего Поволжья. Местное же мукомолье не отличалось большими масштабами: в Балакове имелась всего одна небольшая мельница, а в Вольске – одна крупная мельница⁵⁶⁸. Торговые обороты на балаковской бирже достигали 20–30 миллионов рублей в год⁵⁶⁹. Новейшие формы оптовой торговли преобладали в районах, специализировавшихся на производстве пшеницы.

Хотя по уставу биржа и являлась местом для заключения сделок и обмена коммерческой информацией, но фактически ее функции выходили за рамки торгово-посреднических операций. Роль губернских бирж как хозяйственных институтов не ограничивалась организацией и координацией торговли в губерниях: биржевые общества и биржевые комитеты, сформированные местными предпринимателями сразу же после начала функционирования биржи, являлись основными наиболее развитыми представительными организациями предпринимателей в Самарской и Саратовской губерниях, оказывающими влияние практически на все сферы хозяйственной деятельности.

Представляя интересы торгово-промышленного предпринимательства, биржа удовлетворяла его стремление к самоорганизации с целью воздействия на экономические, общественные и политические процессы в губерниях.

⁵⁶⁷ Памятная книжка Самарской губернии на 1910 год. Самара, 1910. С. 21.

⁵⁶⁸ За два года. Очерки общественно-экономической жизни Самарской биржи. 1911–1914 гг. Самара, 1915. С. 146–147.

⁵⁶⁹ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1900 г., Самара, 1899. С. 65.

Помимо занятий на бирже, представители купечества вели общественные дела как гласные городской думы и члены управы, работая в разных комиссиях этих органов, состояли членами учетных и учетно-ссудных комиссий разных банков, раскладочных по промысловому налогу присутствиях, уполномоченными или членами правлений банков и кредитных обществ и пр.

По возможности Биржевой комитет и Биржевое общество активно участвовали и в общественной жизни губерний, занимались благотворительностью. Биржевики ратовали за открытие в Самаре коммерческого училища и торговой школы. Они осознавали, что при наличии хорошо подготовленных профессионалов торговля и промышленность будет интенсивнее развиваться. Представители биржевого общества вошли в состав попечительского совета коммерческого училища, помогли торговой школе сформировать библиотеку. На нужды училища комитет ежегодно ассигновал 2000 рублей (позже эта сумма возросла до 2500 рублей). В 1913 году общим собранием биржевого общества были учреждены стипендии: для коммерческого училища 120 рублей, для торговой школы 40 рублей. Вопрос о нуждах коммерческого образования с подачи биржевого комитета был внесен в повестку VIII Всероссийского съезда представителей биржевой торговли, который открылся в 1914 году. В докладной записке, подготовленной самарским комитетом, определялись основные нормы коммерческого образования в России. Съезд принял решение обсудить более подробно все проблемы на Съезде по коммерческому образованию.

Из группы видных биржевых деятелей в эти годы в Саратове большим авторитетом пользовался коммерции советник Н.И. Селиванов, бывший в 1897–1906 годах председателем биржевого комитета. Он происходил из семьи владельца маленького заводика и после смерти отца продолжил его дело, занявшись еще винной торговлей, стал купцом 1-й гильдии, занимаясь продажей изразцов производства своего завода и нефтяными продуктами. В Селиванове было много природ-

ного такта, знания людей, умения и работоспособности. Четверть века он состоял гласным Саратовской городской думы и проявил себя на ниве городского управления, плодотворно трудясь в его финансовых комиссиях. Его деятельность в правлении Саратовского общества взаимного кредита дала блестящие результаты: крепко и прочно было поставлено общество. Много преуспел Н.И. Селиванов на поприще биржевого комитета в своем стремлении к широкому развитию торговли и промышленности Саратова. Среди членов биржи он пользовался глубоким уважением. Члены биржевого общества образовали капитал, на проценты с которого учредили стипендии имени коммерции советника Н.И. Селиванова в коммерческом училище, созданном настоянием и заботой Николая Ивановича. Среди других выбранных на различные должности биржевого комитета можно назвать имена представителей самых богатых купеческих родов: Н.П. Кокуева, И.И. Зейферт, Э.Э. Борель, А.И. Шумилина, А.М. Оленева и других⁵⁷⁰.

Принимая решения по каким-либо вопросам, члены биржевого общества и комитета руководствовались собственными экономическими интересами, поскольку все они являлись предпринимателями, но, безусловно, их деятельность отвечала и экономическим интересам губернии. Они большое внимание уделяли разрешению транспортных проблем, связанных с обеспечением навигации на Волге и устройством новой бухты на реке Самара; способствовали развитию коммерческого образования и подготовке специалистов в этой области; следили за городским благоустройством; занимались изучением хозяйственного потенциала края, участвовали в благотворительных акциях, то есть принимали активное участие в общественной жизни губерний.

Значение биржевого общества и биржевого комитета как экономических институтов очень велико: они сформулировали новые правила ведения торговли; придали своим членам новый социальный статус (биржевики стали ассоциироваться с

⁵⁷⁰ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 2. С. 67–68.

деловой элитой губернии); сумели объединить представителей торгово-промышленного класса, защищая их экономические интересы перед государством, став в конечном итоге основными представительными организациями, выступающими в роли связующего звена между торгово-промышленным классом губернии и государственной властью. Следовательно, сразу же после возникновения биржевое общество и биржевой комитет взяли на себя исполнение задач, выходящих далеко за рамки контроля над торгово-посредническими операциями. В их функции входила организационная, консолидационная, координационная, информационная, представительская и общественная деятельность.

В развитии рыночных отношений, транспортной инфраструктуры, кредитно-банковской системы, научно-технического прогресса непосредственное участие принимали сами предприниматели. То есть им принадлежала двойная роль: с одной стороны, они подчинялись новым экономическим условиям, в которых им приходилось реализовывать свою деловую инициативу, а с другой стороны, они сами формировали предпринимательскую среду в губернии, создавая перспективные формы торговли, организовывая предприятия новых типов в сельском хозяйстве, торговой, промышленной и банковской сферах. Например, известный купец и предприниматель Л.С. Аржанов с 1908 года являлся председателем совета Самарского купеческого банка⁵⁷¹; А. фон Вакано, владелец пивоваренного завода, использовал на своем предприятии современное оборудование, внедрял технологические новшества⁵⁷². Таких примеров очень много, и свидетельствуют они о том, что предпринимательская среда формировалась не только под воздействием государственной экономической политики, но и при деятельном участии в этом процессе торгового и промышленного предпринимательства.

⁵⁷¹ Памятная книжка Самарской губернии на 1910 год. Самара, 1910. С. 38.

⁵⁷² ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 45. Д. 514. Л. 2–3.

Общественная деятельность купечества Среднего Поволжья

Участие купечества в работе административных и хозяйственных учреждений являлось важной формой их социальной активности. В составе земских учреждений было много купцов, которые наряду со своими товарищами – представителями других сословий – занимались сбором земских повинностей, денежных и натуральных; организовывали попечение о народном образовании, осуществляли устройство и содержание училищ и иных учебных учреждений, содействовали всем видам внешкольного образования; реализовывали попечение о народном здравии, устройство и содержание лечебных заведений (больниц, амбулаторий, аптек и т. д.); оказывали юридическую помощь населению; организовывали охрану общественного порядка и безопасности; контролировали исполнение государственных и земских повинностей, а также законных распоряжений как правительственных, так и общественных учреждений и т. д.

Купцы составляли достаточно значительный процент гласных в земских собраниях. В социальном составе губернских земских собраний в первое трехлетие их функционирования купечество составляло в Самарской губернии – 7 человек (10,2 % от количества гласных), в Саратовской губернии – 12 человек (13,95 %), в Симбирской губернии – 5 человек (7,89 %) ⁵⁷³. Купцы в состав губернского и уездных земств проходили, как правило, по первой или второй курии, так как имущественный ценз для первой курии был определен величиной, составлявшей не менее 200 десятин земли или владение недвижимым имуществом стоимостью не менее 15 000 руб. К тому же богоугодные, благотворительные, учебные, промышленные общества, компании и товарищества могли выбирать уполномоченных для участия в выборах на особых предварительных съездах. При этом максимальное количество голосов равнялось двум: «один голос по личному

⁵⁷³ Галимова Л.Н. Деятельность провинциальных купцов Поволжья в составе земских учреждений в середине XIX – начале XX в. // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. Сер. 1. № 3. С. 117.

праву, второй – по доверенности или уполномочию». Поэтому очень богатому купцу, если только он захотел бы попасть в состав гласных земств, труда бы особого это не составило.

В 1871 г. в Симбирское губернское земское собрание на третье трехлетие были избраны купцы П.А. Егоров, В.И. Андреев, В.А. Чебоксаров, Д.М. Карташев, И.С. Репьев, П.А. Теняев, А.Д. Сачков, Х.С. Акчурин. На следующее трехлетие избранными оказались те же лица, но одновременно они же и (или) их ближайшие родственники были избраны в гласные Симбирской городской думы. В списках гласных Симбирской городской думы оказались купцы Ф.Е. Егоров, Д.М. Карташев, П.А. Теняев, А.П. Кирпичников, И.С. Репьев, А.Д. Сачков, Н.А. Чебоксаров, М.В. Андреев. При этом Д.М. Карташев и П.А. Теняев были избраны членами городской управы, а остальные и в дальнейшем активно участвовали в городском общественном самоуправлении. Избранные в 1873 г. в уездном городе Карсуне городской голова, купец второй гильдии В.Н. Романов и купец второй гильдии И.А. Базанов, его заместитель (заступающий на место городского головы), состояли гласными Карсунского уездного земского собрания с 1871 г.

Большинство из этих общественных деятелей были крупнейшими предпринимателями и землевладельцами губернии. Купец А.Д. Сачков владел около 8 500 десятинами земли в Симбирском, Ставропольском и Карсунском уездах, семья Акчуриных принадлежал целый ряд суконных фабрик, а также свыше 4 тысяч десятин земли в Сенгилеевском, Сызранском и Карсунском уездах Симбирской губернии.

Подобную ситуацию можно было наблюдать и в 80-е гг. XIX века: в составе практически всех уездных земств были купцы, которые одновременно являлись гласными городских дум. Следует отметить, что доля купцов в составе органов городского управления неуклонно увеличивалась, а в составе земских учреждений – неуклонно снижалась, а большинство мест гласных занимали дворяне. Особенно это было свойственно Симбирской губернии, где дворяне усиливали свое представительство за счет «купеческих мест». К концу

80-х – началу 90-х гг. XIX века купцов среди гласных Симбирского губернского собрания не осталось. Они окончательно передали свои функции либеральному дворянству. Подобная тенденция была свойственна и Самарской губернии, хотя там дворянство не занимало столь лидирующих позиций, как в Симбирской, а за купцами строго сохранялось в пределах 10 % общего числа мест гласных в земских учреждениях.

Купцы, состоящие в губернских и уездных земствах, в первую очередь, лоббировали свои торгово-промышленные интересы. Так, купцы-земцы призвали обкладывать все недвижимое имущество сбором в 3 %, при этом не сосредотачиваясь исключительно на имуществе купцов и других предпринимателей. В Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях за период с 1901–1916 гг. было зафиксировано ежегодное рассмотрение подобных дел в губернских присутствиях. И если уездные земства как-то старались приблизиться к 3 % росту сборов с недвижимых имуществ, то губернские старались доказать «действительную необходимость подобной сметной величины» и оперировали к губернатору, чтобы тот признал данный факт. Если говорить о величине превышения предельности обложения, то в Симбирской губернии она колебалась от 51,92 рубля до 16 107,87 рубля, в Самарской губернии максимальная величина предельности обложения составляла 23 451 рубль, а в Саратовской – 27 456 рублей⁵⁷⁴. При этом и губернская администрация, и присутствия предлагали земствам пути решения сложившейся ситуации: сложение недоимок за несколько лет, поощрение строительства, отказ от некоторых «второстепенных расходов».

Купцы ходатайствовали об открытии новых учебных заведений нужной им направленности, ходатайствовали о выделении специальных стипендий для обучения в высших учебных заведениях. Причем для того, чтобы активизировать эти процессы, с легкостью выделяли на эти цели свои собственные средства. Так, по ходатайству купцов Симбирское губернское земство содержало стипендиатов в медицинской академии, в

⁵⁷⁴ Там же. С. 122.

Казанском институте. Часть стипендий оплачивали купцы. Когда в губернии начался промышленный бум, по ходатайству купцов Акчурина и Шатрова в конце 70-х гг. XIX в. Симбирское земство выделило специальные средства на устройство обучения ремеслу при лучших сельских школах, так как суконные фабрики, составлявшие основу симбирской промышленности, размещались именно в сельской местности. Саратовские купцы посредством своего губернского земства, где они состояли гласными, провели решение об учреждении одной стипендии при Московском государственном университете, а в 1874 году провели решение о выделении земских средств для обучения мальчиков кузнечному ремеслу. В этот проект были вложены и купеческие деньги.

Купцы-земцы активнейшее участие принимали в сборе земских статистических сведений, где они возглавляли эти комиссии. В Самарской, Симбирской, Саратовской губерниях земскую статистику возглавляли, как правило, выходцы из купеческого сословия. Купцы-члены губернского и уездных земств оказывали значительную помощь в начислении земского сбора с недвижимых имуществ предпринимательского назначения: с помещений заводских, фабричных и торгово-промышленных.

В 1875 г. купцы-члены уездной Симбирской управы оценили все водяные и ветряные мельницы, обдирки, маслобойни и красильни. Совокупный доход оцененных объектов в земский бюджет составил 236,57 руб. При этом члены управы во время оценочных работ израсходовали около 130 руб. Уездное собрание приняло доклад управы по данному вопросу и постановило, что «подобная практика крайне обременительна для земства», и постановило определять доходность каждого предприятия по одному типичному заведению из каждой группы. В Саратовской, а позже и в Самарской губерниях за доходность промышленных заведений, винокуренных, медоваренных и пивоваренных заводов принимали арендную плату; там, где ее не существовало, уездные управы нанимали экспертов-оценщиков. При этом заведения, приносявшие до-

ход менее 50 руб. в год, не включались в ценность имуществ уезда, а доходность исчислялась из расчета 10 % капитализации предприятия.

В губернских и уездных городах купечество стало «становым хребтом» городского управления. Большинство городских глав были купцами, так как имущественный ценз для избрания на должности членов городских управлений был очень высок, а законодательство предоставляло широкие возможности для демонстрации инициативы в делах решения городских проблем.

Власти в значительной мере опирались на деньги, знания и профессиональные навыки купцов при ликвидации стихийных бедствий, а те, в свою очередь, всегда шли в таких делах навстречу власти. Многие купцы, особенно члены городских правлений, принимали активное участие в ликвидации различных бедствий, оказывали помощь населению, были душой и организующим началом при городских правлениях городских общественных банков. Купечество, несмотря на этническую и конфессиональную принадлежность, вносило в уставной капитал городских общественных банков значительные средства, держало в них свои оборотные средства и накопленные капиталы, всячески поддерживало их финансово.

Будучи членами городской управы и гласными городских дум, представители купечества возглавляли самые ответственные комиссии: по благоустройству городов, прокладке и мощению дорог и установке телеграфно-почтовой связи, училищную, канализационную, театральную, техническую, врачебно-санитарную. Таким образом, улучшение инфраструктуры города и создание городского ландшафта во многом зависели от общественной активности купцов. От них требовалось немало усилий по формированию и совершенствованию кредитной системы в губерниях. В 1905 г. А.Ф. фон Вакано был избран в гласные Самарской городской думы, где состоял членом канализационной комиссии, комиссии по заведованию мостовыми работами и электро-водопроводной. В составе канализационной комиссии думы он на собствен-

ные средства составил проекты и чертежи по канализационной городской сети с очистительной станцией (1909 г.). В 1910 г. достроил канализационную линию по Панской (Ленинградской) и Саратовской (Фрунзе) улицам, осуществляя надзор за эксплуатацией всей канализационной сети. За это Альфред Филиппович не раз получал благодарности от города и от правительства: был награжден золотой медалью «За усердие».

Самарский купец первой гильдии Николай Гаврилович Неклютин был купеческим старостой (1880–1883 гг.), с 1890 г. – членом учетного комитета при Самарском отделении Госбанка, членом общества взаимного кредита, членом правления общества «Дома трудолюбия», членом правления общества Красного Креста, почетным блюстителем Самарского реального училища, входил в совет женской гимназии А.С. Межак, был ктитором (спонсором) домово́й церкви при этой гимназии. С 1875 по 1891 гг. Николай Гаврилович избирался гласным Самарской городской Думы, входил в состав Управы, а 8 февраля 1891 года стал городским головой. Избрание Николая Гавриловича было своего рода благодарностью самарского общества за его труды по борьбе с голодом 1890–1891 гг. В 1891 году купцы города предоставили городу Самаре беспроцентную ссуду на закупку хлеба для голодающих. В частности, Н.Г. Неклютин пожертвовал 5 тысяч рублей⁵⁷⁵.

На посту городского головы Н.Г. Неклютин проявил себя с самой лучшей стороны. В этот период в Самаре появляются булыжные мостовые, набережная у пивоваренного завода, заканчивается строительство кафедрального собора. Н.Г. Неклютин провел через Думу проекты строительства городской электростанции, а также организации уличного освещения, строительства тротуаров.

⁵⁷⁵ Рогач Ю.А. Городской голова – Николай Гаврилович Неклютин // Самарский край в жизни и творчестве выдающихся личностей: сб. статей и материалов III Международной научно-практической конференции. Самара, 2003. С. 69.

Общественная деятельность купечества тесно была связана с его благотворительной деятельностью. Очевидно, благотворительность следует рассматривать, с одной стороны, как проявление особой системы моральных ценностей, основанной на христианской этике, с другой, – как особую форму служения обществу, которую представители торгово-промышленного мира добровольно принимали на себя. В то же время благотворительность представляла активной части сословия возможность реализовать потребности в общественной деятельности в условиях, когда большинство иных видов социальной активности были для купечества практически недоступны. Одним из наиболее традиционных, характерных проявлений купеческой благотворительности было храмосозидание. В конце XIX – первой половине XX в. среди купечества волжских городов появляется небольшой, но очень активный слой купцов, обладателей крупных капиталов. Как правило, именно из этой среды выделялись жертвователи на храмовое строительство. Наиболее известен среди саратовского купечества своим деятельным участием в храмосозидании вольский именитый гражданин Василий Алексеевич Злобин. Купеческое сословие принимало участие и в благоустройстве городов, и в помощи горожанам.

Если в середине XIX века традиционный путь покаяния и общественного служения заключался преимущественно в построении храма или богадельни, то в конце XIX в. благотворители открывают библиотеки и художественные галереи, создают коллекции произведений искусств, строят больницы и помогают учебным заведениям.

Купцы определяли жизнь городов, их самоуправление и даже внешний вид. Практически все самарские купцы щедро жертвовали часть своих капиталов на благотворительные цели. Купец Илья Львович Санин остался он в истории самарского края как человек, открывший на свои деньги не одну бесплатную столовую для нищих. Иван Васильевич Константинов, купец I гильдии, в 1871 году построил каменное здание Константиновской богадельни (угол улиц Спортивной

и Красноармейской). Давид Васильевич Кириллов построил трехэтажное каменное здание для людей, не имеющих крова, а его вдова на оставшиеся деньги, завещанные им, открыла ремесленное училище для бедных детей.

Необычайный всплеск филантропии наблюдался в России в конце XIX – начале XX века. Подчас благотворительность, филантропия становились обязательными для отдельных купеческих семей и вызывались нравственными причинами. В начале XX века одним из перспективных путей развития здравоохранения стало создание лечебных и научно-медицинских заведений на благотворительные пожертвования. Не случайно в одном из альбомов, посвященных наступлению двадцатого века, отмечалось: «Ни в каком другом русском городе, даже в Петербурге, нельзя найти столько благотворительных учреждений, созданных на частные средства, как в Москве. Сотни тысяч ежегодно жертвуются московским купеческом на дела благотворения. Клиники, больницы, богадельни, приюты с каждым годом приумножаются...»⁵⁷⁶.

Крупные больницы, оборудованные по последнему слову медицины, возникали не только в столицах, но и в провинции. Среди самарского купечества наиболее известной своей благотворительной деятельностью была семья Шихобаловых. Антон Николаевич Шихобалов в ноябре 1893 года основал богадельню и странно-приютный дом (затратив 90 000 р.). В 1894 г. подарил каменный дом Самарскому Дому Труда. В 1907–1908 годах он пожертвовал более 200 тыс. руб. на строительство городской больницы на 50 коек⁵⁷⁷. Она была построена по проекту архитектора Щербачева и оборудована новейшими медицинскими аппаратами – рентгеновским кабинетом, кабинетами водолечения и электролечения, операционной. При больнице была даже собственная электростанция. В больнице не было аптеки: чтобы аптечные запахи не напоминали па-

⁵⁷⁶ Ульянова Г.Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1860–1914. М., 1999.

⁵⁷⁷ Антон Николаевич Шихобалов. Его жизнь, просветительные и благотворительные учреждения его имени. М., 1912. С. 44.

циентам, что они находятся в больнице. Там же в коридоре располагался фонтан, который увлажнял воздух, чтобы больные в целях скорейшего выздоровления дышали влажным воздухом. Только за первый год существования больницы из 505 больных бесплатным лечением воспользовались 317 человек. После смерти А.Н. Шихобалова в 1909 году в садике перед зданием больницы был поставлен скромный бюст ее основателя работы И. Гинцбурга. Эта больница долгое время работала для жителей г. Самары как Областной онкологический диспансер (ул. Ленинская).

10 мая 1863 года купец Е.Н. Аннаев открыл на Вислом Камне кумысолечебницу, которая стала широко известна под именем Аннаевской дачи. Дача обошлась ему в 70 тысяч рублей. Около тридцати лет он благоустраивал дачу, здесь лечились и отдыхали известные люди⁵⁷⁸. В 1887 году Е.Н. Аннаев продал дачу, так как ее благоустройство требовало больших капиталовложений.

Купец Лаврентий Семенович Аржанов построил здание инфекционной больницы, которое сохранилось до настоящего времени (угол улиц Л. Толстого и Никитинской). Павел Михайлович Журавлев, купец первой гильдии (завод Журавлева) являлся одним из организаторов лечебно-санаторных учреждений в Самарской губернии и занимался кумысолечением, бесплатно принимал в лечебнице на своей даче в 10 верстах от Самары бедных людей. Благодаря частной и общественной благотворительности стала возможным медицинская помощь беднейшим слоям населения.

Большие средства жертвовало самарское купечество на церковные нужды. Иван Андреевич Шихобалов с сыновьями организовали и опекали строительство в 30-х гг. XVIII в. на Сенной площади храма во имя Святой Живоначальной Троицы. Участие в строительстве именно этого храма было не случайным – Шихобаловы жили недалеко от Сенной пло-

⁵⁷⁸ Фомичева Н.П. Самарский купец Егор Никитич Аннаев // Самарский край в контексте российской истории. Сб. статей. Самара, 2001. С. 71–73.

щади и стали прихожанами Троицкой церкви. В 1866 г., после сообщения о покушении на жизнь императора Александра II, Антон и Емельян Шихобаловы предложили построить в Самаре кафедральный Собор в честь «чудесного» избавления государя. Был создан попечительский комитет по строительству кафедрального собора, куда кроме них вошли Я.Г. Соколов, Г.И. Курлин, И.М. Плешанов и другие, и начат сбор денег на строительство. Кафедральный собор строился с 1869 года на средства города и добровольные пожертвования. При посещении Самары в 1871 году император Александр II с сыновьями положили камень в стену строящегося собора. Для собора были выполнены уникальные интерьеры (пожертвование А.Н. Шихобалова), приобретена ценная церковная утварь, позолочено 40 крестов, проведено электроосвещение. Когда в 1893 году возникли серьезные проблемы с финансированием окончательной отделки собора, городской голова, купец I гильдии Н.Г. Неклютин открыл подписку между «выдающимися в здешнем торговом мире лицами», в результате которой было собрано 1000 тысяч рублей⁵⁷⁹. В 1894 г. собор был открыт. Вложения А.Н. Шихобалова в строительство и освещение кафедрального собора составили 50 000 р.

В 1886 г. А.Н. Шихобалов возглавил попечительский комитет по строительству Ильинской церкви, заложенной 20 июля 1886 г., внес 80 000 р. на строительство церкви. Участвовал он и в постройке Всесвятской церкви. Некоторые сельские церкви были построены на его деньги. Купец Г.И. Курлин также пожертвовал значительную сумму денег на строительство Ильинской церкви, часовни при Успенском храме.

В июле 1858 года Самарский второй гильдии купец Е.Н. Аннаев подал губернатору прошение о разрешении постройки за его счет каменной римско-католической церкви. В августе 1861 года он получил разрешение и заказал проект архитектору Еремееву. Польское восстание сделало невозможным открытие католического храма в Самаре, и Егор Никитич подарил почти построенное здание евангелическо-лютеранскому со-

⁵⁷⁹ Антон Николаевич Шихобалов. С. 233.

вету, который и закончил строительство и отделку⁵⁸⁰. В 1908–1909 гг. купцы Я.Г. и И.Я. Соколовы построили на своей земле богадельню для стариков и пожертвовали ее городу.

Немало денег вложили купцы и в развитие образования. П.С. Субботин опекал несколько учебных заведений, неоднократно жертвовал на содержание в развитие Самарского епархиального женского училища, технического железнодорожного училища, реального училища⁵⁸¹. В 1881 году попечитель Казанского учебного округа изъявил благодарность купцу П.С. Субботину за пожертвование им 700 рублей на содержание в первом полугодии 1880–1881 учебного года параллельного отделения при первом классе Самарского реального училища⁵⁸².

Я.Г. Соколов, А.Н. Шихобалов и Н.Г. Неклютин были попечителями ремесленной школы имени Д.В. Кириллова. Основатель Жигулевского пивоваренного завода Альфред фон Вакано оказывал благотворительную помощь в организации образовательных и просветительных кружков, которые работали на территории современного Пушкинского сквера. Он также собрал более тысячи произведений искусства Западной Европы и Востока, переданных впоследствии Самарскому художественному музею. А.Н. Шихобалов построил на принадлежащей ему земле ремесленный приют на 30 человек, вкладывал средства в развитие коммерческого училища в Самаре. Г.И. Курлин открыл пансион–приют для малолетних слепых детей. При строительстве Трубочного завода Л.С. Аржанов передал свою дачу с садом, двухэтажным домом и другими строениями под устройство школы, библиотеки-читальни, столовой и детских площадок для рабочих и их се-

⁵⁸⁰ Алабин П.В. Двадцатипятилетие Самары как губернского города. С. 129–131.

⁵⁸¹ Московский О.В. Петр Субботин: предисловие к биографии // Краеведческие записки. Выпуск X. Самара, 2003. С. 144–145.

⁵⁸² Народное образование Самары. Хроника событий. 1851–1917 гг. Самара, 2002. С. 49.

мей. В 1904 году под новое трехклассное городское училище Я.Г. Соколов отдал один из своих домов.

Василий Ефимович Буреев, трижды избиравшийся на должность городского головы Самары, с 9 апреля 1852 г. по 1859 г. служил казначеем и директором попечительского о тюрьмах комитета. Его отличная работа на этом поприще не осталась незамеченной – 31 мая 1855 г. он получил серебряную шейную медаль на Станиславской ленте за службу в тюремном комитете, с тех пор забота о тюрьмах стала одной из его самых главных задач. Помимо службы по тюремной части, Василий Ефимович занимался общественной деятельностью и благотворительностью, параллельно он работал в попечительском совете при больнице приказа общественного призрения. 11 марта 1858 г. Василий Ефимович был награжден темно-бронзовой медалью на Анненской ленте в честь Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. за свои пожертвования «на военные надобности». В 1856 г. на его деньги в Успенском храме был сооружен новый иконостас. За восстановление сторевшей самарской Успенской церкви и пожертвования значительной суммы на ее украшение самарский городской голова В.Е. Буреев был награжден 19 мая 1859 г. золотой шейной медалью на Станиславской ленте. С 1862 по 1865 гг. Василий Ефимович был почетным блюстителем Самарской Духовной Семинарии. Его супруга, Анна Васильевна Буреева, в 1863–1864 гг. являлась почетной попечительницей самарского училища 2-го разряда для девиц. В.Е. Буреев с 1866 г. входил в состав строительного комитета кафедрального собора.

Многие выдающиеся личности оказывали помощь в борьбе с голодом в Самаре. Григорий Сергеевич Аксаков – государственный и общественный деятель помогал как своими деньгами, так и личным участием, объезжал голодающие территории Самарской губернии во время голода 1873, 1880 гг. В 1891 году купцы города предоставили городу Самаре беспроцентную ссуду на закупку хлеба для голодающих. В частности,

Н.Г. Неклютин пожертвовал 5 тысяч рублей⁵⁸³. Симбирские купцы Акчурины, составившие свое миллионное состояние сначала на торговле сырой шерстью, а затем на производстве сукна из нее, оказывали благотворительную помощь голодающим в 1880–1881 годах. В деревне Старо-Тимошкиной Тиме́рбулат Курамшевич Акчурин (гласный Симбирской городской думы) открыл бесплатную столовую для бедняков, где ежедневно довольствовались от 150 до 320 человек, израсходовав на это около 7 000 рублей, за что в 1882 году купец Т.К. Акчурин был награжден серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на Станиславской ленте.

Большие средства жертвовало купечество на помощь русской армии. Во время Балканской войны значительные пожертвования сделали купцы Е.Н. Аннаев, Н.Ф. Дунаев, И.В. Константинов. А.Н. Шихобалов пожертвовал 10 000 р. на помощь солдатам, пострадавшим в русско-японскую войну 1904–1905 гг., 3 000 р. – на Китайскую компанию в ходе военных действий, а 5 000 р. – на восстановление русского флота, большая часть которого погибла в этой войне.

В среде самарского купечества было много коллекционеров: братья Шихобаловы, А. фон Вакано, К.П. Головкин. Коллекция русского искусства, принадлежащая Самарскому художественному музею, также неразрывно связана с колоритными личностями самарских купцов. В конце XIX века В.В. Стасов отмечал: «В деле помощи искусству выступали у нас, на нашем веку, на наших глазах интеллигентные русские купцы. И этому дивиться нечего. Купеческое сословие, когда оно в силу исторических обстоятельств поднимается до степени значительного интеллектуального развития, всегда тотчас же становится могучим деятелем просвещения и просветления... Их дело и их почин преследовалось насмешками и презрением, на их деятельность указывали пальцами, как на смешной и праздный каприз богатых людей, не знающих

⁵⁸³ Рогач Ю.А. Городской голова – Николай Гаврилович Неклютин. С. 69.

куда девать свои деньги»⁵⁸⁴. В 1897 году по инициативе купца и художника К.П. Головкина было положено начало созданию музейного собрания русского искусства музея. Через журнал «Искусство и художественная промышленность» он обратился к художникам России с просьбой помочь собрать коллекцию живописи для города М.В. Нестеров, С.Ю. Жуковский, К.Ф. Юон, В.Н. Бакшеев и другие прислали свои работы в подарок самарскому музею⁵⁸⁵.

С начала 1900-х годов Павел Иванович (1870–1929) и Вера Лаврентьевна Шихобаловы приобретали картины на выставках и в мастерских Петербурга и Москвы, руководствуясь советами живописца и искусствоведа В.В. Гундобина. М.В. Нестеров писал своему другу А.А. Турыгину: «...А бес стал приставать к самарскому купцу–мукомолу, и тот купец не выдержал – купил пейзаж, купил еще много картин в Питере. А приехал в Москву – забрался на Донскую и здесь снова был искушаем и купил у Нестерова “раба божьего” за 3000 рублей и увез его в Самару. Вот оно что, все это на твоём “философическом языке” называется сует, а по-нашему – все это есть “жизнь” и в ней все на потребу и мукомол самарский. Приедет он на Волгу да музей выстроит, да подарит его народу, и скажут мукомолу люди добрые спасибо, и враг будет посрамлен»⁵⁸⁶. В 1918 году купец П.И. Шихобалов передал музею свою коллекцию картин, среди которых были работы И.Е. Репина, В.И. Сурикова, В.Д. Поленова, К.А. Коровина. Сейчас Самарскому музею переданы особняк и усадьба Шихобаловых (ул. Венцека, 55), где планируется воссоздать атмосферу начала XX века.

В пореформенный период благотворительность получила широкое развитие, стала важной сферой общественной жизни. Благотворительностью считалось любое благое богоугодное дело по оказанию помощи наименее защищенным соци-

⁵⁸⁴ Боханов А.Н. Коллекционеры и меценаты в России. М., 1989. С. 168.

⁵⁸⁵ Басс А.Я. К истории собрания русского искусства конца XIX – начала XX века в Самаре // От модерна до авангарда. М., 1995. С. 16–18.

⁵⁸⁶ Нестеров М.В. Из писем. Л., 1968. С. 212–213.

альным слоям. Она включала в себя систему призрения, меценатство, стала основой складывающейся системы социальной защиты. Следы активной деятельности купечества сохранились в поволжских городах по сегодняшний день – это и жилые дома, и церкви, водопровод и трамвай, и многое другое.

Купечество и городская среда Среднего Поволжья

Города Поволжья и сегодня украшают и придают ей своеобразие прекрасные особняки в самых разных стилях, построенные лучшими архитекторами на центральных улицах города для местных купцов. Большинство значительных историко-культурных памятников провинции в большей или меньшей степени (а зачастую и целиком) построены на средства купцов.

Купец А.П. Кирпичников, чье состояние было одним из крупнейших в Симбирске в 70-е годы XIX века, в 1882 году пожертвовал городу два принадлежащих ему дома на углу Ярмарочной площади и Ново-Казанской улицы (ныне угол улиц Гагарина и Можайского), а затем в 1884 году – 20 000 рублей на постройку еще одного каменного двухэтажного дома и, наконец, после его кончины в 1886 году – 200 000 рублей по духовному завещанию на содержание богадельни и детского приюта, разместившихся в подаренных им ранее домах. Его брат Александр Петрович Кирпичников пожертвовал на содержание этих заведений 110 000 рублей. В настоящее время эти здания занимает Центр гражданской авиации, и до сих пор они составляют своеобразный архитектурный облик данного района.

Старожилы Самары называют старинные особняки по именам прежних владельцев: Курлиной, Аржанова, Смирновых, Неклютиных, Шихобаловых и других. Дома были оборудованы со всем современным в то время комфортом: водоснабжением, автономной канализацией, сложными системами отопления. В одном из трех домов В.М. Суорошниковой была своя электростанция. В северных лесистых пригородах Самары на арендованной у города или собственной земле строились загородные виллы; до наших дней сохранились дача Головкина

(«дом со слонами») и несколько вилл Соколовых (санаторий им. Чкалова).

Важным культурным гнездом Саратова является также и усадьба купца Д. М. Вакурова (ул. Московская, 9), где была открыта первая в Саратове книжная лавка. Лучшими образцами классицизма в Саратове являются: дом купца М.А. Устинова (кон. XVIII в., 1813 – ул. Лермонтова, 34), архитектор И.Ф. Колодин; дом купца Ф. В. Катенева (Котенева) (1810 – ул. Челюскинцев, 12), архитектор В.И. Суранов; дом купца С. К. Корнилова (первая треть XIX в. – ул. Московская, 17), архитектор Г.В. Петров (?). Первые два дома без малого 200 лет являются подлинными культурными гнездами Саратова: дом Катенева почти 200 лет служит образованию (в разное время здесь находились духовная семинария, 2-я мужская гимназия, 2-е реальное училище, школа и снова гимназия), в доме Устинова с 1929 г. располагается Саратовский областной музей краеведения, а дом Корнилова фигурирует в воспоминаниях Н.Г. Чернышевского и К.А. Федина. Все три дома являются памятниками федерального значения.

Купеческие доходные дома приносили своим владельцам разную прибыль в зависимости от того, в какой части города располагалось здание, сколько оно имело этажей, какова его площадь и т. д. Доходные дома различались по планировочной организации: дома с замкнутым контуром, дома с полузамкнутым контуром и линейные в плане дома.

Первым доходным домом в Саратове можно назвать дом купца 1-й гильдии городского головы Хрисанфа Ивановича Образцова (1774–1847) на углу Московской и Вознесенской улиц, построенный в 1828 г. в стиле русского классицизма. По свидетельству современников, это был самый дорогой и роскошный дом в городе. Поначалу строение использовалось как гостиница, где селились знатные гости города. С 1869 по 1903 гг. здание служило резиденцией саратовских губернаторов. Усилиями губернатора П.А. Столыпина, проживавшего в доме с весны по осень 1903 г., губернаторская резиденция

была перенесена из обветшавшего здания в новый дом на углу улиц Вольской и М. Сергиевской.

Большинство саратовских доходных домов построено в стиле эклектики. Примером может служить здание бывшего доходного дома купца И.Г. Кузнецова, построенного в 1867 г. на углу улиц Никольской и Царицынской (Радищева и Первомайской – сегодня это здание саратовской мэрии). Здание первоначально было построено в классицистических традициях, а в 1911 г. радикально перестроено в духе эклектики и новомодного модерна новым хозяином – купцом первой гильдии А.И. Бендером. Над обоими фасадами здания были возведены пышные фигурные аттики с нишами и фигурой льва; вход в здание украсила сугубо эклектичная скульптурная композиция в духе гробницы Лоренцо Медичи Микеланджело.

В культурном отношении примечателен еще один доходный дом в стиле кирпичной эклектики – доходный дом купца-просветителя В.Д. Вакурова, сына известного саратовского книготорговца Д.М. Вакурова, построенный в 1874 г. на углу улиц Никольской и Б.Казачьей архитектором А.М. Салько. Здесь в 1917–1921 гг. на Высших сельскохозяйственных курсах заведовал кафедрой растениеводства Николай Иванович Вавилов. Здесь Вавиловым был открыт закон гомологических рядов в наследственной изменчивости, который он впервые представил научной общественности в июне 1920 г. на III Всероссийском селекционном съезде, проходившем в Физическом институте Саратовского университета. Здесь Вавиловым была выполнена его работа «Полевые культуры Юго-Востока». Так что дом Вакурова можно называть и Домом Вавилова.

Подлинным культурным гнездом Саратова стали два доходных дома приказчика Подклетнова на углу улиц Московской и Ильинской (Чапаева). Это уже «чистый» и даже «кричащий» модерн с вычурными аттиками, затейливыми сандриками, криволинейными слуховыми окнами. Дома соединялись каменной аркой по ул. Чапаева с коваными воротами художественной работы (не сохранились). В домах Подклетнова в разное время жили хирург Н.И. Ковалевский, дан-

тист З.С. Рейхман, профессора университета Н.С. Троицкий и К.А. Юдин, будущий народный артист СССР Б.Ф. Андреев. В декабре 1909 г. в доме по Московской на втором этаже снял квартиру из шести комнат профессор только что открытого Императорского Николаевского университета магистр физики, будущий ректор университета (1918–1921) Владимир Дмитриевич Зернов.

А самым большим и самым помпезным доходным домом в Саратове стал дом, построенный в стиле модерн купцом второй гильдии А.А. Ананьиним (1913 – ул. Вольская, 97, архитектор М.А. Пульман). Через год началась Первая мировая война, а через четыре года настал Великий Октябрь. Эпоха доходных домов в России закончилась, и архитектор Пульман поставил в ней свою последнюю точку. В целом купеческие доходные дома сыграли значительную градостроительную роль, в особенности в провинции. Саратову они дали масштабность, респектабельность, солидность. Доходные дома стали опорой, основой, для последующей застройки города и эталоном для эстетических дерзаний будущих поколений.

Построенное в начале XX в. здание Крытого рынка в Саратове стало подлинным детищем нового века, вобравшим в себя все его достижения и предвосхитившим будущие технические решения: гигантские торговые площади, перекрытые без единой опоры, огромные стеклянные плоскости, создававшие мягкое освещение внутреннего пространства, кружево металлических ферм, взлетающих вверх подобно нервюрам готического собора, железобетонные конструкции, сложные дренажные системы, мощные электрические холодильные камеры, мощные подъемники, богатые лепные украшения. Помимо смелых технических решений это здание в стиле рационального модерна обладает и выдающимися архитектурными достоинствами.

Купцы вкладывали душу не только в строительство собственных особняков и усадеб, не только в доходные дома и торговые заведения, но даже и в производственные сооружения. История архитектуры и ее ветвь – история промышлен-

ной архитектуры – знает немало примеров, когда заводские корпуса становились памятниками архитектуры. Прежде всего, это паровые мельницы саратовских «мучных королей» – Зейфертов, Шмидтов, Борелей, Рейнеке.

Паровые мельницы стали подлинными шедеврами промышленной переселенческой архитектуры, в их ряду наиболее примечательна паровая мельница Торгово-промышленного товарищества братьев Шмидт («Большая мельница Шмидта» – ул. Чернышевского, 90), которая и сегодня исправно выполняет свои функции. Мельница Шмидта менее всего походит на мельницу. Она напоминала скорее средневековый немецкий замок, а еще точнее стилизованный под средневековые замок Нойшванштайн Баварского короля Людовика II, построенный на два десятилетия ранее. Мельница Шмидта стала и подлинным детищем наступившего XX века; она была начинена современными техническими новинками, явилась своеобразной предтечей технического и художественного совершенства саратовского Крытого рынка. Нет сомнений в том, что инженер-архитектор В.А. Люкшин творил свой проект Крытого рынка под впечатлением технического и художественного богатства мельницы Шмидта. Таким образом, двадцатисажженная мельница Шмидта стала не только архитектурной, но и культурной доминантой Саратова.

Почетным гражданином Самары в 1913 г. стал хлебопромышленник Андрей Андреевич Субботин. Звание было присвоено ему за шикарный подарок городу – здание для Реального училища на 600 учащихся, которое обошлось не менее чем в 1 млн руб. «Вся Самара перебивалась в нем, чтобы полюбоваться этим грандиозным из ряда вон выходящим по своему великолепию сооружением», – восхищались горожане при завершении строительства в 1909 г. Приезжавшие из столицы П.А. Столыпин и сенатор Георгиевский любовались постройкой, а последний даже сказал: «Ничего подобного не видел не только в России, но и за границей» (угол ул. Пионерской и А. Толстого). Субботин объяснил, что он считал себя нравственно обязанным отблагодарить училище, которое

окончили его сыновья, поступившие дотом в высшие учебные заведения. Уже упоминалась фамилия Соколовых – удачливых мукомолов-крупчатников. В 1901–1902 гг. оба члена товарищества Соколовых были представлены к званию почетных граждан Самары за благотворительную деятельность, в частности за строительство странно-приимного дома и богадельни своего имени.

Таким образом, купцы определяли жизнь пореформенных городов, их самоуправление и даже внешний вид. Практически все представители поволжского купечества щедро жертвовали часть своих капиталов на благотворительные цели. Города Поволжья и сегодня украшают и придают им своеобразие прекрасные особняки в самых разных стилях, построенные лучшими архитекторами на центральных улицах города для местных купцов. Большинство значительных историко-культурных памятников провинции в большей или меньшей степени (а зачастую и целиком) построены на средства купцов.

3.5. МЕЩАНСТВО СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XX В.

Оформление правового статуса мещанского сословия

Особенностью социального развития Российской империи являлось то, что законодательные определения отставали от изменений социально-экономического и культурного порядка, в результате чего русский город второй половины XIX в. и его самое многочисленное сословие, мещанство, продолжали во многом функционировать по схеме, предложенной екатерининским законодательством в конце XVIII в. Разработанная в Жалованной грамоте городам «официальная структура городского населения сохранялась в основе своей на протяжении всего XIX – начала XX в.»⁵⁸⁷.

⁵⁸⁷ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2009. С. 363.

В русскую языковую практику слово «мещанство» входит из польского языка, в котором *miasto* означает город, *mieszczane* – горожане⁵⁸⁸. В других славянских языках слово имеет сходное значение. XVIII в. в истории слова «мещанство» в России ознаменовался его законодательным оформлением. Торгово-промышленное население русского города было выделено Екатериной II в особую категорию свободных людей, получивших наименование мещан, о которых в Наказе, данном Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения 30 июля 1767 г., было сказано: «В городах обитают мещане, кои упражняются в ремеслах, торгах, художествах и науках...»⁵⁸⁹. Далее Наказ определял их как «средний род людей», ожидал от них «много добра» и уповал на их «добронравие»⁵⁹⁰. В таком значении термин «мещане» употреблен в «Проекте законов о правах среднего рода городских жителей», составленном в ходе работы Уложенной комиссии 1767–1769 гг.⁵⁹¹.

В «Жалованной грамоте городам» Екатерины II, подписанной в 1785 г., определялась особая категория городского населения – лица, «мещанским промыслом промышляющие» (или же «мещанским торгом, ремеслом и промыслом промышляющие») и обязанные нести за это «мещанские подати, службы и тягости». Закон предостерегал: «кто в городе в мещанство не записан, мещанским промыслом да не промышляет». Таким образом, мещанство было выделено в особую группу как по роду занятий, так и по совокупности обязанностей⁵⁹².

⁵⁸⁸ Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 570.

⁵⁸⁹ Полное собрание законов Российской империи (Далее–ПСЗ–I). Т. 18. № 12949. § 393.

⁵⁹⁰ Там же.

⁵⁹¹ Отечественная история. С. 571.

⁵⁹² Грамота на права и выгоды городам Российской империи // Российское законодательство X–XX в.: в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. отв. ред. Е.И. Индова. М.: Юридическая литература, 1987. С. 71.

Жалованная грамота городам создавала городское общество (в ст. 74 грамоты городам оно названо «общество гражданское»), включавшее в себя всех городских обывателей⁵⁹³. По Своду законов 1832 г. они именовались «городскими обывателями вообще»⁵⁹⁴. «Городскими обывателями в особенности» или «гражданами» считались гильдейское купечество, почетные граждане, мещане или посадские, ремесленники или цеховые⁵⁹⁵. Принадлежность к городскому обществу закреплялась правом внесения в обывательскую книгу города.

Составление городской обывательской книги имело цель «доставить каждому гражданину свое достояние от отца к сыну, внуку, правнуку и их наследию». В эту книгу вписывалось «имя и прозвание каждого гражданина в том городе дом или строение, или землю имеющего, или в гильдии или в цех записанного или мещанским промыслом промышленяющего»⁵⁹⁶. Городовая обывательская книга делилась на шесть частей. Но в Самаре, к примеру, сохранилось две части обывательской книги: имеющим недвижимую собственность и не имеющим⁵⁹⁷. Все остальные жители города, не внесенные в Обывательскую книгу, не считались гражданами. Так, дворяне, проживавшие в городе, сохраняли свое дворянское звание. Не входили в состав «среднего рода людей» духовенство, лица, находящиеся на военной и гражданской государственной службе, живущие в городе, разночинцы, иностранцы, крестьяне и крепостные люди, которые не изменяли своего состояния. Все категории городского населения для занятия торгово-промышленной деятельностью должны были приобретать гильдейское купеческое свидетельство или записываться в мещане. В противном случае, живя в городе, они сохраняли свою сословную принадлежность, но обязаны были нести и городские повин-

⁵⁹³ ПСЗ–I. Т. 23. № 17438.

⁵⁹⁴ Свод законов Российской империи (Далее–СЗ). 1832. Т. 9. Ст. 240.

⁵⁹⁵ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 364.

⁵⁹⁶ Там же. С. 364–365.

⁵⁹⁷ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 120, 121.

ности⁵⁹⁸. Таким образом, городская обывательская книга как бы фиксировала принадлежность к «гражданству» города⁵⁹⁹.

Принадлежность к мещанству на протяжении первой половины XIX в. оставалась пожизненной и наследственной. Сверх брака и рождения мещанское состояние сообщалось припискою усыновленного к семейству усыновителя. С 1833 г. в мещанство разрешено было записываться священнослужителям, лишенным духовного сана за преступления и пороки. В 1835 г. было разрешено вступать в сословие мещан оседлым самоедам. С 1842 г. крестившиеся евреи, а также возвратившиеся из Сибири ссыльнопоселенцы могли приписываться к мещанским обществам. Указом 24 января 1849 г. был облегчен переход государственных крестьян в городское сословие. По указу 10 июля 1850 г. лица бывшей польской шляхты, не доказавшие дворянства, перечислялись в мещане. Согласно постановлению от 7 июля 1852 г. в сословие мещан могли вступать дети личных дворян, не имевшие офицерских чинов и пользовавшиеся по закону правами потомственного почетного гражданства. В 1855 г. стали причислять к мещанству лиц, уволенных из цеха вольных матросов. Перечислялись в мещане купцы, не выкупившие в очередной раз купеческие свидетельства. И, наконец, в сословие мещан могли вступать те лица, которые обязаны были избрать род жизни: незаконнорожденные, подкидыши, церковные причетники православного и армяно-грегорианского вероисповедания, которые оказались уволенными из духовного звания или исключенными по суду из духовного ведомства за пороки, жители польских губерний, переселявшиеся в другие губернии империи, уволенные из войскового сословия и т. д.⁶⁰⁰. Положение 19 февраля 1861 г. и закон 18 января 1866 г. подтверждали право вступление в мещанское сословие сельских обывателей всех категорий. Как видно из вышеперечисленных указов, мещанское сословие

⁵⁹⁸ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 366.

⁵⁹⁹ Там же. С. 365.

⁶⁰⁰ Там же. С. 454–456.

было достаточно открытым для культурного взаимопроникновения, в некотором смысле маргинальным, но обладающим всеми правами городского гражданства.

Проникновение «через границы» всегда влечет за собой изменения в обществе: «индивидуумам приходится вступать в регулярный контакт с людьми, которые думают по-другому, выглядят по-другому и живут иначе, чем они...»⁶⁰¹. В городах, в отличие от деревень, «множество людей живет в непосредственной близости друг от друга, не будучи лично знакомым...»⁶⁰², но в этом-то и заключается «шарм» городского образа жизни, его привлекательность – в возможности ослабить контроль над социальным пространством. С другой стороны, бюрократическая машина Российской империи тут же всем «чужакам» определяла их «номер социальной кельи», чем придавала городскому мещанскому обществу статусный социальный вид.

Состав мещанства регулировался сохранением обязательной приписки к мещанскому обществу города. Приписка осуществлялась по приемному приговору мещанского общества с предоставлением увольнительного приговора от прежнего общества – мещанского или крестьянского. С 40-х гг. XIX в. сохранялось положение, согласно которому приписка к мещанству, даже при согласии общества, не разрешалась в случае раздробления семьи. Это обуславливалось зависимостью мещанских повинностей, в частности, рекрутской, от размера семьи⁶⁰³.

Приписка и причисление, две формы вступления в мещанское общество, отличались друг от друга тем, что приписка осуществлялась без согласия мещанского общества по указанию Казенной палаты. Приписанными могли быть воспитанники Воспитательных домов, незаконнорожденные, «иноверцы, принявшие христианскую веру», дети канцелярских слу-

⁶⁰¹ Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 248.

⁶⁰² Там же. С. 499.

⁶⁰³ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 457.

жителей, отставные нижние воинские чины⁶⁰⁴. Представители этой категории не имели права голоса на собраниях и не могли быть избранными на руководящие должности. И только через пять лет они могли «исходатайствовать согласие мещанского общества» на постоянное причисление, что давало им право голоса⁶⁰⁵. Прием новых однообщественников осуществлялся по приемному приговору мещанского общества с предоставлением увольнительного приговора от прежнего общества. Круг лиц, имевших право быть приписанными в мещанское общество без согласия оно, постоянно расширялся. Для межсословной мобильности главным условием было погашение недоимок в том обществе, из которого человек увольнялся. И только согласно решению МВД от 22 августа 1909 г. недоимки общественных сборов, числившиеся за лицами, увольнявшимися из мещанских обществ, не могли служить препятствием к выдаче им увольнительных приговоров⁶⁰⁶.

Мещанство, «будучи лично свободным сословием, не имело права беспрепятственного передвижения. Местом постоянного жительства для них был «город, посад или местечко, к мещанскому обществу которых они причислялись»⁶⁰⁷. Мещане обязаны были иметь вид на жительство в месте постоянного проживания. Если мещанин отлучался куда-либо в пределах того уезда, где он проживал, или за пределы своего уезда на расстояние не далее 50 верст и на срок не более шести месяцев, вида на жительство не требовалось⁶⁰⁸. Любое передвижение мещанина в пространстве империи далее указанных границ, будь то переезд на новое место жительства или отлучка по хозяйственным делам, всегда сопровождалась необходимостью

⁶⁰⁴ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. М., 2008. С. 217.

⁶⁰⁵ Там же.

⁶⁰⁶ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 460.

⁶⁰⁷ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. С. 209.

⁶⁰⁸ Амосова О.С. Правовой статус мещан Российской империи (XVIII – XIX в.): дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 46.

получения для этого разрешения. «Неоднократные законодательные постановления (1803, 1805, 1811 г.) запрещали мещанину отлучаться из города без вида (т. е. паспорта), который выдавался ему не более чем на год, правда, с возможностью дальнейшего продления. Переселяться в другую губернию, в другой город мещанин мог “только по разрешению общества, если на нем не было казенных недоимок”»⁶⁰⁹. При обнаружении лица, отлучившегося или проживающего без установленного вида, или же с видом просроченным, полиция, если лицо доказывало свою личность, выдавала свидетельство на срок до шести месяцев, достаточный для получения вида на жительство. В случае истечения срока свидетельства владелец свидетельства получал от полиции особое удостоверение для отбывания в семидневный срок на место постоянного жительства. Лицо, не отбывшее в указанный срок к месту жительства, высылалось полицейскими мерами⁶¹⁰.

Вид на жительство выдавался в месте постоянного проживания мещанина. Мещане, как представители податного сословия, получали «срочные» паспорта с «пропиской». При выдаче вида на жительство необходимо было удостовериться в личности получателя и в правильности сведений, заносимых в вид. Если получателем были предоставлены документы, то при возвращении ему последних, на них делалась надпись о времени выдачи вида на жительство. Получателю вида требовалось подтвердить, что другого вида он не имеет.

На протяжении XIX в. порядок выдачи паспортов менялся. По указу 12 мая 1847 г. паспорта мещанам выдавались в думах и ратушах⁶¹¹. В делопроизводстве самарской городской думы хранятся книги на записку паспортов и билетов, выдаваемых купцам и мещанам⁶¹². 25 мая 1853 г. было разрешено включать

⁶⁰⁹ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия.

⁶¹⁰ СЗРИ. Т. 2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1885.

⁶¹¹ Полное собрание законов (ПСЗ)– II. Т. 22. Отд. 1. № 21210.

⁶¹² ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 12.

мещанок в паспорта их мужей⁶¹³. В вид на жительство по ходатайству получателей могли вноситься и другие живущие при них лица: сыновья, родственники, приемыши, состоящие под опекой, престарелые родственники и т. д. Все эти лица могли включаться в вид на жительство только по их согласию (мужского пола – по достижении 17 лет, женского – 21 года)⁶¹⁴. Указ 9 января 1856 г. предоставлял полиции право выдавать иногородним мещанам свидетельства на временную отлучку на срок не более трех месяцев⁶¹⁵. В 1861 г. устанавливался порядок предоставления мещанам отсрочек по паспортам⁶¹⁶. 11 февраля 1867 г. были подписаны правила выдачи мещанским обществам плакатных паспортов и билетов.

Определенные коррективы в схему, созданную екатеринским законодательством в отношении городов, внесли правовые инициативы правительства первой трети XIX века. Среди различных узаконений следует выделить указы 31 марта 1805 г., 5 декабря 1823 г., 29 февраля и 31 декабря 1824 г., согласно которым, мещанин, желавший перейти в город другой губернии, должен был получить увольнительное свидетельство от своего общества, подписанное большей частью его членов и городским головой. Свидетельство представлялось в думу или магистрат, а затем в казенную палату, которая окончательно решала вопрос, донося о каждом перечисляющимся в министерство финансов⁶¹⁷. Для перехода мещан в купечество так же требовалось увольнение от общества, объявление гильдейского капитала и уплата установленных повинностей⁶¹⁸.

В начале XIX в. произошло повышение правового статуса купечества и отделение его от мещанства. По манифесту 1807 г.

⁶¹³ Полное собрание законов (ПСЗ)– II. Т. 28. Отд.1. № 27283.

⁶¹⁴ Амосова О.С. Правовой статус мещан Российской империи. С. 47.

⁶¹⁵ ПСЗ–II. Т. 31. Отд. 1. № 30030.

⁶¹⁶ ПСЗ–II. Т. 36. Отд. 2. № 37604.

⁶¹⁷ ПСЗ–I. Т. 28. № 21693. Т. 38. № 29665. Т. 39. № 29823, № 30187.

⁶¹⁸ ПСЗ–I. Т. 39. № 30115. §193 (14 ноября 1824 г.); ПСЗ–II. Т. 1. № 458. Ст. 8. (11 июля 1826 г.).

и Уставу рекрутскому 1831 г. рекрутская денежная повинность снималась с купцов всех трех гильдий⁶¹⁹. С другой стороны, устанавливаются связи мещанства именно с купцами третьей гильдии с точки зрения выполнения ими служилых обязанностей по городскому самоуправлению. Купцы третьей гильдии могли избираться на должности городских старост, членов шестигласных дум и т. д. На все прочие низшие должности избирались мещане⁶²⁰. В рамках деятельности шестигласной думы складывается своеобразное купеческо-мещанское сообщество. Кроме того, «мещан и третьегильдейское купечество объединяло и сходство предпринимательской деятельности, с той только разницей, что у купцов торговля была несколько крупнее: сдача в аренду лавок, предоставление кредита, смешанная торговля»⁶²¹. Поэтому нам видится не совсем правильным утверждение о том, что купцы в начале XIX века «все более отделялись от мещан»⁶²². О социальном разрыве между мещанством и купечеством утверждает и М.Б. Лавринович⁶²³. А.К. Семенов же пишет о том, что «городские общества империи были искусственно разделены на привилегированную часть – купцов... и всех остальных, вынужденных подчиняться им при исполнении имперских повинностей»⁶²⁴. С точки зрения суммы капитала, обуславливающего принадлежность к купечеству, разница между мещанами и купцами третьей гильдии увеличивается: по указу от 8 ноября 1807 г. к

⁶¹⁹ ПСЗ–I. Т. 29. № 22418. Ст. 17; ПСЗ–II. Т. 6. № 4677. §10, п. 1; СЗ. 1832. Т. 9. Ст. 334.

⁶²⁰ ПСЗ–I. Т. 39. № 30115. §30–33.

⁶²¹ Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 24.

⁶²² Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 390.

⁶²³ Лавринович М.Б. Реформаторская политика Екатерины II в области городского законодательства, 1762–1796 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 241.

⁶²⁴ Семенов А.К. Самоуправление русских провинциальных городов в конце XVIII – начале XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 2006. С. 120.

третьей гильдии относились купцы, объявившие капитал от 8 тысяч рублей и более⁶²⁵.

Сословный статус мещан также подвергся дальнейшей корректировке. Прежде всего, это коснулось самого термина «мещане»: он стал использоваться применительно к низшему разряду городских обывателей. Попытка законодательства дифференцировать мещан на торгующих и посадских закончилась тем, что указом 11 июля 1826 г. категория торгующих мещан была ликвидирована. В дальнейшем термин «посадские» употреблялся наравне с термином «мещане»⁶²⁶. Что касается общественных прав мещанства, то мещанские общества получили право по приговорам отдавать в рекруты или отсылать на поселение мещан развратного поведения (указы 30 сентября 1809 г., 31 июня 1812 г., 5 ноября 1829 г., 28 июня 1831 г.)⁶²⁷. В малолюдных городах допускались головы из мещан, хотя преимущественно городские головы избирались преимущественно из купцов первых двух гильдий⁶²⁸. С 1836 г. мещан разрешили выбирать на все городские должности: общественные должности не оплачивались, но предполагались поощрения в виде освобождения от рекрутчины и телесных наказаний⁶²⁹.

Постепенно законодательно расширялась сфера профессиональной деятельности мещан. По закону мещане оказывались владельцами мелких торговых и промышленных заведений, иногда с незначительным числом наемных рабочих, но чаще – с семейным характером труда⁶³⁰. 16 января 1856 г. были

⁶²⁵ ПСЗ–I. Т. 29. № 22678. Ст. 18. Т. 39. № 30115. § 35.

⁶²⁶ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 395–396.

⁶²⁷ ПСЗ–I. Т. 30. № 23872. Т. 32. № 25170; ПСЗ–II. Т. 4. № 3274. Т. 6. № 4677. § 324, 334.

⁶²⁸ Зорин А.И. Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX в. С. 145.

⁶²⁹ Там же.

⁶³⁰ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 463.

определены суммы на подряды, откупа и поставки мещан – не выше 1200 рублей серебром, которые также устанавливали незначительные размеры их производственной деятельности⁶³¹. При расширении заведений или приобретении более ценной недвижимости мещане должны были покупать гильдейские купеческие свидетельства.

По Положению от 28 июня 1838 г. о порядке взимания с мещанских и цеховых обществ денежных сборов, мещане уплачивали государственные подати (подушную и подать на устройство водяных и сухопутных сообщений), земские повинности (определялись на каждое трехлетие губернскими сметами), общественные сборы и чрезвычайные сборы⁶³². За исправный взнос всех сборов отвечало мещанское общество в целом. Своим приговором оно осуществляло раскладку сборов по ревизским душам или дворам в соответствии с состоянием каждого члена общества или двора), производимым им торгом или промыслом, а также согласно другим, «принятым между мещанами местным правилам»⁶³³. Взимание денежных сборов осуществляли избравшиеся на три года в каждом мещанском обществе старосты и их помощники⁶³⁴. Порядок денежных сборов с мещанских обществ был уточнен 16 декабря 1846 г. Устав о податях 1857 г. подтверждал уплату мещанами подушной подати и некоторых особых местных налогов⁶³⁵. Именным указом 1 января 1863 г. указанные налоги, а также подушная подать с мещан, проживавших в городах, посадах и местечках европейской России, отменялись. Вместо них вводился налог с недвижимых имуществ, ставший общим для всех городских обывателей⁶³⁶.

⁶³¹ ПСЗ– II. Т. 31. Отд. 1. № 30058.

⁶³² Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 464.

⁶³³ Цит. по : Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 464.

⁶³⁴ ПСЗ–II. Т. 13. Отд. 1. № 11366. § 6, 8, 13, 14.

⁶³⁵ СЗ. 1857. Т. 5: Устав о податях. Ст. 689–706, 730–736, 811–815.

⁶³⁶ ПСЗ– II. Т. 38. Отд.1. № 39119.

Являясь податным сословием, мещанство до 1863 г. платило в казну подушную подать. По Положению о порядке взимания с мещанских и цеховых обществ денежных сборов от 28 июня 1838 г. мещане уплачивали государственные подати (к которым принадлежали подушная подать и подать на устройство водяных и сухопутных сообщений), земских повинностей (определялись утвержденными на каждое трехлетие губернскими сметами), общественных сборов (предназначенных для удовлетворения потребностей, одобряемых думой или Ратушей и утверждаемых губернатором, сюда же входили и рекрутские деньги) и чрезвычайных сборов⁶³⁷. Размер подати с 1839 г. вплоть до конца 50-х гг. сохранялся в размере 2 руб. 38 коп.⁶³⁸. При коллективной ответственности в мещанских обществах повинности неимущих мещан раскладывались на состоятельных членов⁶³⁹. Своим приговором мещанское общество осуществляло раскладку сборов по ревизским душам или дворам в соответствии с состоянием каждого члена общества (или двора), производимым им торгом или промыслом, а также согласно другим, «принятым между мещанами местным правилам»⁶⁴⁰. Порядок денежных сборов с мещанских обществ был уточнен 16 декабря 1846 г. Устав о податях 1857 г. подтверждал уплату мещанами подушной подати и некоторых особых местных налогов⁶⁴¹.

До отмены подушной подати, документом, фиксирующим налоговые обязательства мещан, были податные тетради мещанского общества, в которых указывался номер мещанского семейства по ревизской сказке, сколько и за что «по приго-

⁶³⁷ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 464.

⁶³⁸ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России. С. 204.

⁶³⁹ Там же.

⁶⁴⁰ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 464.

⁶⁴¹ Там же.

ворам общества обязаны платить», число душ и сколько уже заплачено⁶⁴².

В 1863 г. подушная подать с мещан была отменена. Вместо нее был введен общий для всех городских обывателей налог с недвижимых имуществ, к которым относились дома, фабрики, заводы, бани, пустопорожные места, огороды, сады, оранжереи⁶⁴³. Его не платили лишь не владевшие недвижимостью в городах мещане, жившие в сельской местности и в Сибири. Все они продолжали платить подушную подать. Указом Сената от 18 мая 1882 г. прекращалось взимание подушной подати с мещан, проживающих в сельской местности⁶⁴⁴. Вместо подушной подати с ревизской души мещане стали уплачивать в казну «окладные сборы» с каждого члена семейства⁶⁴⁵. Недоимки мещан фиксировались в окладных книгах⁶⁴⁶.

Общественные сборы на удовлетворение частных нужд мещанского общества могли быть введены лишь на основании общественных приговоров. В вынесении приговоров принимали участие все наличные мещане-хозяева, имеющие свои дома, лавки и вообще недвижимую собственность. Приговоры утверждались губернатором в тех местах, где не было введено Городовое положение 1870 г. В Пензе, к примеру, для составления общественных приговоров по раскладке повинностей были избраны мещанские депутаты⁶⁴⁷. Мещанские управы вели Журналы о приходе и расходе сумм мещанского общества⁶⁴⁸.

⁶⁴² ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 27. Л. 1.

⁶⁴³ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 205.

⁶⁴⁴ Там же. С. 465.

⁶⁴⁵ ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 13. Л. 155; Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России. С. 204.

⁶⁴⁶ ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 359, 360, 294, 295.

⁶⁴⁷ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 470–471.

⁶⁴⁸ ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 361.

«Освобождение от рекрутской повинности и телесных наказаний началось у мещан с лиц, служивших по выборам городских и сословных обществ (Указы 11 января 1834 г. и 9 января 1842 г.)»⁶⁴⁹. Правилами от 25 ноября 1853 г. вместо очередного был установлен жеребьевый порядок назначения в рекруты в городах, посадах и местечках, подтвержденный в 1855 г., что значительно облегчило эту повинность для семьи⁶⁵⁰.

Основное городское общественное взаимодействие мещан осуществлялось через мещанское общество. По своей сути мещанское общество выросло из посадской общины с ее тяглым сознанием, традиционной этикой и торговым духом. Мещанские общества осуществляли прием в мещанство представителей других сословий и перечисление мещан в другие общества с предоставлением увольнительных свидетельств. Мещанские общества имели дисциплинарную власть над своими членами: право исключать из своей среды людей порочных и за развратное поведение. До вынесения приговора о выселении порочных и развратных мещан в Сибирь, мещанские общества применяли к ним до трех раз по мирским приговорам исправительные меры, а именно: отдачу в различные казенные, городские и частные работы – в первый раз на время от одного до двух месяцев, во второй раз – от двух до четырех, в третий – от четырех до шести⁶⁵¹. В отличие от купеческих обществ, мещанские не имели права обращаться в высшие инстанции. Разрешение их проблем возлагалось на губернские власти⁶⁵². Вместе с тем мещанское общество являлось юридическим лицом – имело имущественные права, право вступления в подряды с казной. Мещанское общество отвечало за уплату своими членами налогов и податей и несение различных повинностей.

⁶⁴⁹ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 465.

⁶⁵⁰ Там же. С. 465–466.

⁶⁵¹ ПСЗ– II. Т. 12. Отд. 1. № 10344. Т. 26. Отд. 1. № 24874; Отд. 2. № 25820.

⁶⁵² Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 468.

Одной из основных функций мещанских обществ являлись выборы из своей среды должностных лиц в органы местного сословного и городского самоуправления. Мещанские общества избирали мещанских старост, их помощников и десятских, ведавших определенными участками города. Они избирались по баллам на трехлетний срок из принадлежавших к этому обществу лиц и утверждались губернатором⁶⁵³. Должности старост и их помощников считались общественными и долгое время не оплачивались. По приговору общества им могли отпускаться небольшие суммы. Однако постепенно общества получили право выделять из своих общественных сборов определенную сумму на оплату выборных должностных лиц⁶⁵⁴. По мнению Н.А. Ивановой и В.П. Желтовой, «гражданские» возможности мещанской корпоративной организации были весьма ограниченными⁶⁵⁵.

Таким образом, если законодательное оформление городского общества во время правления Екатерины II, как справедливо отмечают в своем исследовании Н.А. Иванова, В.П. Желтова, не только имело итогом создание «в городах из торгово-промышленного населения единой категории «среднего рода людей» и одновременно ее разделение на привилегированные и ... податные сословия и группы»⁶⁵⁶, но и создало определенное пространство отношений, позволяющее говорить о «городском гражданстве», то законодательство первой трети XIX в. окончательно сформировало мещанина как «носителя общественных отношений»⁶⁵⁷.

Как можно заключить, в первой половине XIX в. законодательно мещанство было окончательно оформлено как сословная группа с определенным набором социальных ролей, предусмотренных его статусом. «Согласно этой трактовке, – пишет Э. Гидденс, – каждый человек получает информацию

⁶⁵³ Там же. С. 469.

⁶⁵⁴ Там же. С. 469.

⁶⁵⁵ Там же. С. 479.

⁶⁵⁶ Там же. С. 401.

⁶⁵⁷ Бурдые П. Социология социального пространства. СПб., 2005.

о различных социальных ролях, существующих в обществе, и исполняет свою роль в полном соответствии с предоставленными установками. Социальные роли не предусматривают творческого подхода или оспаривания – они носят предписывающий характер и в общих чертах управляют поведением человека. Посредством социализации человек “входит” в социальную роль и обучается ее правильному исполнению»⁶⁵⁸. В пореформенный же период в Российской империи происходил постепенный процесс изживания сословности. И хотя официально мещанское сословие было уничтожено декретом СНК и ВЦИК от 11 (24) ноября 1917 года, вторая половина XIX и начало XX в. были временем, когда мещане постепенно уравнивались в правах с другими сословиями, вливаясь в более общую категорию горожан. Но, с другой стороны, они продолжали идентифицировать себя с мещанским сословием, выполнять сословные роли и решать те задачи, которые были возложены на них государством как на определенное звено в социальном пространстве империи.

Социальный облик провинциального мещанства

По мнению ряда исследователей, отделение города от деревни «в главных чертах завершилось в Европейской России к середине XIX в.»⁶⁵⁹. «В основе этого процесса лежало сокращение земельных ресурсов города для занятия населения сельским хозяйством, а также развитие товарно-денежных отношений. Это заставило городских жителей переключиться от экстенсивного земледелия...на огородничество и садоводство, но главным образом на занятие торговлей и промышленностью»⁶⁶⁰.

Данные источников местного происхождения позволяют детализировать эту картину. По сведениям Самарской городской думы за 1850 г., мещане занимались торговлей, черной

⁶⁵⁸ Гидденс Э. Социология. С. 39.

⁶⁵⁹ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 406.

⁶⁶⁰ Там же; Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 229.

работой, хлебопашеством, кузнечным делом, были сапожниками, плотниками. Причем, если родители занимались данным делом, то и их дети занимались тем же⁶⁶¹. Некоторую часть мещан составляли те, для которых были характерна запись: «неграмотный, православный, ремесла не знает» (всего 5 из общего числа 640 чел.), а также определенное количество тех, у кого в графе «профессия» стоит прочерк⁶⁶². Так, согласно Жеребьевому списку малорабочего участка г. Самары за 1855 г., большинство парней (1833–1834 гг. рождения) ремесла никакого не знали⁶⁶³.

Подавляющее число мещан, зафиксированных в деле № 48 фонда 170 Городской думы за 1850 г., принадлежали к категории «чернорабочий» (286 из 640 чел.) (При подсчете не учитывались смешанные категории, когда человек, к примеру, занимался и черной работой и торговлей. Точно также такие смешанные категории не учитывались и при других подсчетах)⁶⁶⁴. Вторая по количеству занятых – категория «торговля» (175 из 640 чел.)⁶⁶⁵. Все прочие профессии значительно уступают в количественном отношении категориям «чернорабочий» и «торговля». К ним можно отнести следующие: кузнечное мастерство, хлебопашество (52 чел.), печное мастерство, сапожник, красильное заведение, извозчик, плотник, шитье тулупов, шорное мастерство, портной, слесарь, резчик, каменщик, письмоводство, кузнец, садоводство, оспопрививатель, выделка кирпича⁶⁶⁶. Из 640 человек насчитывалось 182 грамотных, среди которых были такие, которые только читали или только писали по-русски⁶⁶⁷. 115 человек принадлежали к так называемым «сектантам» поморской и молоканской сект,

⁶⁶¹ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 48. Л. 1 (Об.)–66.

⁶⁶² Там же. Л. 66.

⁶⁶³ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 85.

⁶⁶⁴ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 48. Л. 1 (Об.)–66.

⁶⁶⁵ Там же.

⁶⁶⁶ Там же.

⁶⁶⁷ Там же.

остальные – православные⁶⁶⁸. Из 307 человек мещанских парней, указанных в Жеребьевом списке за 1855 г., было 4 портных, 3 кузнеца, 3 маляра, «гребеньщик», красильщик, «резщик», 5 плотников, каменщик и печник. Остальные указали, что ремесла не знают⁶⁶⁹.

В фонде городской думы (табл. 17) сохранились данные «О числе ремесленников и промышленников г. Самары» (не совсем понятно из документа, за 1852 или 1854 год, так как само дело называется «дело о доставлении сведений для составления статистики 1854–1855 гг.», но данные в нем встречаются и за 1852 год)⁶⁷⁰.

Таблица 17

Профессии ремесленников г. Самары

Профессии	Численность, чел.
портных	121
модисток	28
сапожников	99
башмачников	20
столяров	45
слесарей	10
золотых и серебряных дел мастеров	16
печников	37
трубочистов	13
хлебопеков	203
мясников	20
каретников	23
извозчиков	67
коновалов	3

⁶⁶⁸ Там же.

⁶⁶⁹ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 85.

⁶⁷⁰ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 1471. Л. 78–Л. 78 (Об.).

часовых дел	7
живописцев	11
иконописцев	3
рогожников	11
переплетных дел	5
маляров	32
кровельщиков	25
красильщиков	9
картузников	7
шапочников	5
овчинников	35
скорняков	1
тулупников	56
цирюльников	8
гребенщиков	12
валяйщиков	7
шерстобитов	2
рамщиков	47
резчиков	5
колесников	20
бондарей	52
маркитантов (сбитенщиков, квасников, пирожников)	7

Более подробные сведения о профессиях горожан (табл. 18) приводятся по Самаре за 1854 год⁶⁷¹.

Таблица 18

Профессии горожан г. Самары

Профессии	мастеров	подмастерьев	учеников
серебряных дел	7	2	
часовых дел	5	2	
живописных дел	4	1	6
иконописных	1	1	1
переплетных	2	1	2
маляров	7	17	8
кровельщиков	7	12	6
печников	7	22	8
красильщиков	7	2	
мужских портных	34	46	36
дамских портных	2	1	2
модисток	5	2	21
картузников	4	6	7
шапочников	5		
овчинников	10	17	8
тулупников	10	18	28
«цириульников» («цырюльников» – в документе)	3	2	3
каретников	3	14	6
медников	3	2	
слесарей	4	3	3
кузнецов	28	28	4
серповников	4		
гребенщиков	4	5	3
сапожников	32	42	25

⁶⁷¹ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 6. Д. 1471. Л. 97 (Об.).

башмачников	7	8	5
шорников	6	4	2
шерстобитов	2		
столяров	9	18	18
рамщиков	13	19	15
резчиков («рещиков»)	1	2	2
сундучников	1	2	2
бондарей	21	19	12
рогожников	11		
калачников	15	65	6
калачниц лавочных	43		
булочников	16	26	
пряничников	10	8	
крендельщиков	3		
хлебников	11		
сбитенщиков, квасников, пирожников	13	4	

Во второй половине XIX в. наблюдался быстрый рост численности городского населения. «Самара входила в группу российских городов (наряду с Одессой, Ростовом–на–Дону, Николаевом), которые по темпам роста населения далеко превышали средний уровень по России. Численность населения составила в 1870 г. 14 494 чел., в 1884 г. – 75 478 чел., в 1897 г. – 91 600 чел. Первая всеобщая перепись населения выявила, что 30 469, или 33 % жителей были коренными самарцами, еще 24 553 прибыли из уездов губернии, а 34 699 (37 %) были уроженцами других губерний»⁶⁷².

Несмотря на то, что провинциальный город Среднего Поволжья был чрезвычайно многоликим по своему социальному составу, мещанство являлось самым крупным городским сословием. По первой всеобщей переписи населения 1897 г. из 89 999 чел. жителей Самары, 39 254 чел. было мещан, 39 825

⁶⁷² История Самары. С. 118.

чел. – крестьян, то есть численно крестьян было больше на 571 чел.⁶⁷³. Но крестьяне не являлись городским сословием. Поэтому можно с уверенностью говорить о том, что мещане были самым многочисленным сословием русских городов. В целом по Самарской губернии в 1897 г. проживало 157 505 мещан⁶⁷⁴. В Симбирске была аналогичная ситуация. Мещан мужского пола проживало в городе 7 492 человека, а крестьян мужского пола – 9 874 чел.⁶⁷⁵. В целом по Симбирской губернии проживало 63 484 мещан, а по Саратовской – 208 744 мещан⁶⁷⁶. В конце XIX в. в Среднем Поволжье насчитывалось 309 388 мещан, что составляло 2,9 % от общего количества населения⁶⁷⁷. В 1867 г. в составе городского населения Симбирской губернии мещане составляли 64,7 %, Самарской губернии – 69,0 %. К 1897 г. процентная доля мещан в составе городского населения данных губерний сократилась: в Самарской – до 50,5 %, а в Симбирской – до 39,4 %⁶⁷⁸. В.И. Петров считает, что данные показатели отражают не процесс сокращения мещанского сословия как такового, а рост населения городов за счет крестьян, которые предпочитали оставаться в правовых границах своего сословия⁶⁷⁹. Самыми многочисленными «мещанскими городами» региона были: Симбирск (16 184 чел.), Сызрань (11 719 чел.), Алатырь (6 012 чел.)⁶⁸⁰. В Самарской губернии по количеству мещан на первом месте находился Бу-

⁶⁷³ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXXVI. Самарская губерния. СПб., 1904. С. 34–35.

⁶⁷⁴ Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов, 2010, С. 351.

⁶⁷⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. XXXIX. Симбирская губерния. СПб., 1904. С. 32–33.

⁶⁷⁶ Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов, 2010. С. 351.

⁶⁷⁷ Петров В.И. Состав населения Среднего Поволжья и Южного Урала во второй половине XIX века: дис. ... канд. истор. наук. Оренбург, 2005. С. 100.

⁶⁷⁸ Там же. С. 101.

⁶⁷⁹ Там же. С. 100.

⁶⁸⁰ Там же. С. 105.

гурусланский уезд (18 702 чел.), далее следовал Николаевский уезд (14 029 чел.), потом Бугульминский (12 779 чел.) и, наконец, Самарский уезд (8 045 чел.). Среди городов Самарской губернии больше всего мещан проживало в Самаре (39 254 чел.), а меньше всего – в Ставрополе (3 404 чел.)⁶⁸¹.

Мещанство в системе городского самоуправления во второй половине XIX в.

Середину XIX в. исследователи обычно характеризуют как период кризиса системы городского самоуправления, созданной в правление Екатерины II. Формально эта система продолжала действовать: «четвертая последняя редакция городского положения 1785 г. вошла в Свод законов 1857 г.»⁶⁸². В 1861 г. органы управления «в городах края» включали в себя канцелярию городского головы, городскую думу и ратушу, состоявшую из бургомистров и ратманов⁶⁸³. «Если управление осуществляла дума или канцелярия городского головы, в городе имелся магистрат. При управлении ратушей магистрата не было, как не было и должности городского головы»⁶⁸⁴.

А.И. Куприянов в своем осмыслении городского пространства дореформенной России наиболее близок нам в стремлении взглянуть на проблему «снизу», со стороны провинциальных агентов города. Относительно системы городского самоуправления, которая складывается после 1775–1785 гг., Куприянов отмечает, что она «в значительной степени выражала интересы городских сословий» и «...просуществовала до городской реформы 1870 г.», которая «принципиально изменила всю систему городского самоуправления, сменив сословный принцип представительства на имущественный ценз»⁶⁸⁵. Го-

⁶⁸¹ Там же. С. 106.

⁶⁸² Зорин А.И. Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX в. Историко-этнографический очерк. Казань, 1992. С. 144.

⁶⁸³ Там же.

⁶⁸⁴ Там же.

⁶⁸⁵ Куприянов А.И. Культура горожан русской провинции конца XVIII – первой половины XIX в.: опыт межрегионального исследования: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. С. 273.

воря о творчестве горожан «снизу» по корректировке законодательства, Куприянов в этом отношении отмечает факт слияния общей и шестигласной дум, которое «произошло почти повсеместно и было реакцией горожан на чрезмерную усложненность представительских органов и оторванность столичных чиновников, готовивших реформу от социальных реалий российской провинции»⁶⁸⁶.

А.Н. Зорин применительно к Среднему Поволжью подтверждает общий историографический вывод о том, что «общие думы» в первой половине XIX в. «потеряли всякое значение и, может быть, вообще не существовали»⁶⁸⁷. Что касается шестигласной думы, то, как утверждает исследователь, она «сделалась неузнаваемой по сравнению со своим прототипом», а единого «градского общества» вообще не существовало⁶⁸⁸. Мотивацию дворян в отказе участвовать в городском самоуправлении А.И. Зорин, как и другие исследователи, связывает с «унизительностью» для них права «быть избираемыми вместе с купцами и мещанами»⁶⁸⁹. А.И. Зорин достаточно эмоционально замечает, что «людей, озабоченных тем, как добыть пропитание, государство заставляло тратить драгоценное время на службу в выборных учреждениях», и добавляет: «Темнота и невежество гласных – общее место в отчетах ревизоров»⁶⁹⁰. Что касается оценки городских выборных учреждений как «классовых органов “буржуазии”», то она, по мнению Зорина, «просто некомпетентна»⁶⁹¹. В целом, у исследователя преобладает негативный взгляд на деятельность дум: «делопроизводство в думах велось медленно, часто неправильно. Инструкции и циркуляры сплошь и рядом в срок не выполнялись. Элементарные дела тянулись годами», «думы

⁶⁸⁶ Там же. С. 277.

⁶⁸⁷ Зорин А.И. Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX в. С. 144.

⁶⁸⁸ Там же.

⁶⁸⁹ Там же. С. 144–145.

⁶⁹⁰ Там же.

⁶⁹¹ Там же. С. 146.

и ратуши были очень несамостоятельны в своих действиях. Теоретически на каждый свой шаг они должны были испрашивать разрешение губернского правления, а то и высочайшее», «сметы думами составлялись небрежно и бестолково. Общественные суммы тратились на поздравления чиновников, на кормление их обедами... и т. п. ... В росписи вносились расходы на уплату жалования по должностям, которых не было»⁶⁹². Таким образом, выстраивается практически горьковский дискурс в описании провинциальной действительности.

Что касается ситуации с городским самоуправлением в Самаре, то авторы монографии «История Самары: От воеводского управления до губернской думы» отмечают, что обща городская дума практического значения в повседневной жизни не имела. По сути дела это было собрание выборщиков от разных групп горожан, которое проводилось раз в три года и занималось исключительно избранием членов постоянной, так называемой «шестигласной» думы... В уездной Самаре от издания «Жалованной грамоты» до 1850 г. было проведено 23 созыва думы»⁶⁹³. В Самаре было четыре гласных, а не шесть, как предусматривала «Жалованная грамота», «дума осуществляла распорядительные функции по тем сторонам жизни Самары, что были отнесены к ведению местного самоуправления. Она ведала сбором податей с горожан и несением ими повинностей, содействовала развитию торговли и ремесел, управляла городским хозяйством и имуществом, занималась благоустройством, защищала сословные права купцов и мещан. Важнейшей частью работы думы была финансово-бюджетная»⁶⁹⁴. В целом, авторы коллективной монографии приходят к выводу, что так как до 1851 г. Самара была уезд-

⁶⁹² Там же. С. 146–147.

⁶⁹³ История Самары: От воеводского управления до губернской Думы. Книга первая. Самара, 2011. С. 101.

⁶⁹⁴ Там же.

ным городом, «ее органы городского самоуправления были развиты слабо»⁶⁹⁵.

Но, несмотря на утверждение части историков о том, что в первой половине XIX в. в результате того, что «система городского самоуправления, дарованная городскому обществу в 1785 г., уже устарела, «городское хозяйство приходило в упадок... города практически не благоустраивались, горожане игнорировали выборы городских дум, шестигласные городские думы руководились губернской администрацией»⁶⁹⁶, общие городские думы в некоторых городах вообще не собирались⁶⁹⁷, «иными словами, «самоуправления» городского общества в полном смысле не существовало»⁶⁹⁸, для мещанства провинциального города период до 1870 г. как раз и был временем общественной сословной активности. По делопроизводственной документации, в наибольшей степени сосредоточенной в фонде городской думы (имеется в виду шестигласная дума), создается стойкое впечатление, что период наибольшей сословной активности мещанства Самары в делах города, приходился на 50–60-е гг. XIX века, который мы условно обозначили как «золотой век мещанства» (относительно периода с 1850 по 1917 гг.). Так как мещанство в делах управления в этот период тесно сотрудничало с купцами третьей гильдии, можно говорить о сложившемся в городах социальном мещанско-купеческом пространстве, «городском гражданстве», именно в значении социального взаимодействия данных страт и создаваемого им ментального поля городской идентичности.

Традиционно под «городским гражданством» в историографии понимается социальная среда города, сформированная екатерининским законодательством 1775–1785 гг. На наш

⁶⁹⁵ Там же. С. 123.

⁶⁹⁶ Артамонова Л.М. Административные и полицейские органы Самары в первой половине XIX века // Самарский земский сборник. 1996. № 4. С. 4.

⁶⁹⁷ Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX – XX в. Самара, 2007. С. 34.

⁶⁹⁸ Там же.

взгляд, та социальная картина, которая сложилась в провинциальном городе Среднего Поволжья в 50–60-е гг. XIX века, как раз и явилась результатом «симбиоза» законодательных инициатив конца XVIII – начала XIX в. и социального творчества горожан, адаптировавших это законодательство под свою повседневную жизнь.

Городовое положение 1870 г. «превратило сословное городское самоуправление во всесословное»⁶⁹⁹. На практике дворянство и духовенство проигнорировали участие в органах городского самоуправления. Военным и крестьянам, проживающим в городах, запрещено было в нем участвовать. Таким образом, городское самоуправление стало самоуправлением купцов, мещан и ремесленников. Общины мещан, купцов и ремесленников образовали «общество градское»⁷⁰⁰. В целом, Городовое положение 1870 г. реализовывало «принцип самоуправления и хозяйственной самостоятельности города»⁷⁰¹.

Большинство исследователей истории «городского гражданства» в России сходятся во мнении о том, что городская реформа 1870 г. «наконец создала всесословное общество горожан ценой лишения 95 % городского населения избирательных прав вследствие имущественного ценза, в принципе небольшого, но оказавшегося для 95 % бедных российских горожан непреодолимым»⁷⁰². Власть в городской думе перешла к цензовым горожанам, «среди которых численно преобладало богатое купечество, а в политическом и идеологическом от-

⁶⁹⁹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. Т. 1. СПб., 2003. С. 113.

⁷⁰⁰ Каплуновский А.П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. 1870–1918 гг. (Этно-историческое исследование): дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 24.

⁷⁰¹ Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье. С. 42.

⁷⁰² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т. 1. С. 500.

ношениях – профессиональная интеллигенция»⁷⁰³. Общие собрания мещан стали созываться только раз в три года и лишь для выборов. Право быть избранным на общественные должности предоставлялось лицам, отвечавшим тем же трем цензам, которые требовались для получения избирательных прав по выборам в городскую думу – имущественному, возрастному и оседлости. Среди мещанства таким цензам соответствовало лишь около 5 % их представителей⁷⁰⁴.

«Исход» мещан из городского самоуправления был предрешен Городовым положением 1870 г., нанесшим также «сильнейший удар по общинным отношениям в среде городского сословия»⁷⁰⁵. С этого момента мещанское общество города теряет значение в городском самоуправлении. Власть в городе, фактически, переходит к богатому купечеству и профессиональной интеллигенции. «Исход» мещан обнаруживается в документах фонда городской думы Самары, начиная с 1870-х гг.⁷⁰⁶. Этот фонд был скомплектован из дел, связанных с компетенцией Градской думы, а затем – всесословной городской думы, учрежденной после введения Городового положения, без какого-либо внутреннего «водораздела». После 1870 г. из номенклатуры дел практически исчезает само слово «мещане (–ин, –ка)», в то время как до этого периода опись шестая данного фонда практически полностью была посвящена мещанско-купеческой теме.

Новая дума занималась, казалось бы, все теми же вопросами городского хозяйства, общесословного призрения, здравоохранения, культуры, образования. Вместе с «исходом» мещанства компетенция ее была сужена по сравнению с предшествующим периодом, но зато она получила определенную автономию от коронной администрации. Город рос, превращаясь в столицу губернии. Увеличивалось его население. Вместе с ним росла и элита. Часть ее концентрировалась в думе.

⁷⁰³ Там же. С. 500.

⁷⁰⁴ Там же. С. 502.

⁷⁰⁵ Там же. С. 500.

⁷⁰⁶ ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1,6.

Малообразованным, патриархально настроенным городским старожилам предшествующего поколения трудно было выдержать конкуренцию с новыми грюндерами и интеллигенцией. Правительство «стремилось...привлечь к решению новых городских задач наиболее образованную часть русского общества»⁷⁰⁷. По мнению авторов коллективной монографии «История Самары: от воеводского управления до Губернской Думы», привлечение «высокообразованных представителей дворянства...благотворно влияло на деятельность органов городского самоуправления»⁷⁰⁸. Бывшие соратники мещан по городскому самоуправлению, купцы, стали другими. Это новое поколение купеческих семей города уже не походило на тех одиночек, прибывших в Самару в середине XIX в., чтобы начать свое дело, подняться по общественной лестнице: «никто, ничей, ниоткуда». Законодательство 1863, 1865 гг. привело к упразднению третьей гильдии купечества⁷⁰⁹, представители которой так активно сотрудничали с мещанством в границах Градской думы. Отныне устанавливались две гильдии, для подтверждения которых нужно было ежегодно платить достаточно высокий гильдейский сбор. Поэтому экономический статус этого нового купечества предполагал респектабельность образа жизни и определенный социальный снобизм. На выборах самарской городской думы 1892 г. 60 % гласных было от купечества, 22,6 % – от дворян⁷¹⁰.

Тех представителей мещанского сословия, которые входили в число гласных думы, характеризует такой источник, как формулярные списки о службе. Биографии этих мещан отражают появление социального типа в мещанстве, более близкого к купечеству и земской интеллигенции: те же императивы, связанные с пониманием общественного блага, те

⁷⁰⁷ История Самары. С. 126.

⁷⁰⁸ Там же.

⁷⁰⁹ Самарское купечество: вехи истории / Е.П. Баринава, К.М. Макитрин, Н.Ф. Тагирова и др.; под общ. ред. Е.П. Бариновой. Самара, 2006. С. 21.

⁷¹⁰ История Самары. С. 135.

же пути достижения социального престижа, те же амбиции и умеренный альтруизм.

В период после 1870 г. претерпело изменения и само мещанское общество города. Согласно Городовому положению 1870 г., мещанские общества получили право своими приговорами, утверждаемыми губернаторами, учреждать исполнительные органы – мещанские управы – для заведывания делами общества⁷¹¹. Мещанская управа в составе мещанского старосты, являвшегося председателем, и его помощников (два члена управы и письмоводитель), избиравшихся сроком на три года⁷¹², занималась исполнением решений, принятых на собрании общества, ведала вопросами его жизнедеятельности. В компетенцию мещанских управ входили вопросы «информационно-распорядительного плана, сословной попечительности, персонального учета мещан и выдачи им видов на жительство, раскладки и реализации сборов и повинностей, другие общественные и хозяйственные дела», мещанские старосты «отвечали за сбор подушной подати и привлечение к рекрутской повинности (пока они существовали), а в конце века к предметам ведения мещанских старост относилось «отобрание согласия от мещанского общества на прием в оное просящихся или на увольнение, перечисление и т. п.»⁷¹³. Выборы считались состоявшимися только после утверждения их губернатором. Мещанская управа занималась исполнением решений, принятых на собрании общества⁷¹⁴.

Как отмечает в своем исследовании А.П. Каплуновский, «следствием городской реформы 1870 г., провозгласившей принцип сословности муниципального управления, было вытеснение мещанской общины из общегородских распоря-

⁷¹¹ ПСЗ–II. Т. 45. Отд. 3. № 48498. Прил. Ст. 14, прим.; СЗ. 1899. Т. 9. Ст.597.

⁷¹² ПСЗ–III. Т. 9. № 5900.

⁷¹³ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 470.

⁷¹⁴ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия.

дательных и исполнительных органов»⁷¹⁵. В результате того, что подушная подать была заменена индивидуальными денежными сборами, круговая порука – индивидуальной ответственностью, а рекрутская повинность – всеобщей воинской повинностью, мещанские «общества в значительной мере утратили административную, дисциплинарную и финансовую функции. Это привело к тому, что корпоративное крепостное право мещанских... обществ на своих членов было уничтожено, но также к тому, что пребывание мещан... в обществах потеряло экономический смысл»⁷¹⁶. Кроме того, из-за потери мещанскими обществами права на распоряжение землей, «поземельные мещанские общины попали в тяжелейшее экономическое положение и стали быстро разрушаться и разоряться»⁷¹⁷. «Уплата налогов стала личным делом каждого человека. Здравоохранение, социальная помощь, народное образование перешли в руки земств и городских дум, обеспечение общественного порядка и противопожарной безопасности – коронной полиции, а суд – к всеобщим новым судам. Получение паспорта мещанами... стало формальностью... А в 1901 г. мещанское общество полностью утратило дисциплинарную власть над своими членами»⁷¹⁸, что было одним из проявлений общего кризиса сословного строя в России. Как констатирует Б.Н. Миронов, произнося своего рода эпитафию для всего сословия, «формально мещанские общества прекратили свое существование в конце 1917 – начале 1918 г. с отменой сословий и закрытием сословных организаций. Но эта смерть была тихой и закономерной»⁷¹⁹.

Парадокс ситуации заключался в том, что «сословный строй фактически умирал, но юридически еще сохранялся. А раз он продолжал существовать, то закон требовал, что-

⁷¹⁵ Каплуновский А.П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. С. 34–35.

⁷¹⁶ Миронов Б.Н. Социальная история России. Т. 1. С. 502.

⁷¹⁷ Там же. С. 503.

⁷¹⁸ Там же. С. 507–508.

⁷¹⁹ Там же.

бы сословные организации так же продолжали действовать и выполнять возложенные на них государством функции»⁷²⁰. Управа, сохранный властью, пыталась справиться с возложенными на нее традиционными обязанностями. Это дает нам замечательную возможность посмотреть на сословную жизнь в границах «неэффективной системы» и «тупиковой ветви развития». Ведь люди, принадлежавшие к мещанскому сословию города, продолжали жить, вступать в различные виды социального взаимодействия как с управой, так и между собой, писать жалобы, обращаться в управу как в адресный стол, увольняться из общества, решать через служащих управы внутрисемейные конфликты, то есть демонстрировать нюансы обыденного сознания.

Архивные документы дают возможность восстановить живые картины нравов и взаимоотношений, царивших в органах самоуправления мещан провинциальных городов. Так, в 1871 г. накопившиеся жалобы на процедуру проведения собраний мещанского общества города Самары заставили губернатора вмешаться в этот процесс и внести в него определенные коррективы. Он потребовал, чтобы, во-первых, отныне о каждом собрании мещанского общества ему заблаговременно доносили с объявлением точной даты проведения. Во-вторых, нужно было заблаговременно публиковать в «Самарских губернских ведомостях» и в «Справочном листке» бесплатное объявление о собрании. В-третьих, со всех постановлений мещанского общества губернатор требовал копии. В-четвертых, во время проведения собраний мещане не должны были допускать шума и беспорядков. (Чрезмерную «шумность» мещанских собраний в Казани отмечал и А.П. Каплуновский⁷²¹). И, наконец, губернатор предложил самарскому мещанскому обществу решить, какое число членов общества должно присутствовать на собрании, чтобы постановление общества име-

⁷²⁰ Там же. С. 507.

⁷²¹ Каплуновский А.П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. С. 67.

ло силу⁷²². Исходя из этих требований, можно представить, что до вмешательства губернской власти в дела мещанского общества там царил «пошехонский» произвольный порядок.

Любопытен исход выборов председателя и членов мещанской управы в Самаре в 1871 г. Избранный в члены мещанской управы А.Д. Грачев по закону должен был принести присягу, но тут возникло затруднение, о котором он писал в объяснительной записке: «...я принадлежу к обществу Духовных христиан, верующих в Евангелие, признающих браки и молящихся за царя и по своему исповеданию неприемлющих присяги, то вследствие этого обязуюсь исполнять должность эту по совести, согласно всем требованиям закона»⁷²³. Сам факт избрания Грачева (81 голос «за» и 30 «против») показателен, учитывая достаточно жесткую позицию государства и православной церкви по отношению к «сектантам»: до 1883 г. существовал запрет на избрание старообрядцев и сектантов в должности по общественному управлению⁷²⁴. Самарское мещанское общество, по незнанию закона или опять-таки по «пошехонскому» обычаю, – пренебрегло законом.

Повышение статуса мещанских сословных органов власти после реформы 1870 г. отразилось в изменившемся обращении к председателю: «Г. Председатель Самарской мещанской управы» и в употреблении в их отчествах суффикса «-ич»⁷²⁵. Меняется, в том числе, и стиль обращений губернатора к председателю мещанской управы. С одной стороны, по-прежнему, дистанция, разделяющая этих двух носителей власти – огромна, что прочитывается в их переписке; с другой стороны, господин председатель оказался включенным в переписку с губернатором интонационно в более уважительном контексте, чем ранее мещанский староста. Так, в одном из документов самарский губернатор Г.С. Аксаков писал председателю ме-

⁷²² ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 88. Л. 1 (Об.).

⁷²³ Там же. Л. 8.

⁷²⁴ Каплуновский А.П. Русская мещанская община в городах Казанского Поволжья. С. 78.

⁷²⁵ ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 88. Л. 19.

щанской управы И.Г.Белову (бывшему мещанскому старосте): «...поставляю Вас в известность, что решительный ответ относительно приведения в исполнение приговора мещанского общества о сборе с оною суммы 5128 руб. на содержание мещанской управы и на другие общественные надобности, я могу дать не прежде, как по рассмотрению сведений, затребованных от Вас...»⁷²⁶. Изменение статуса мещанского старосты Белова, превратившего его в Господина Председателя Мещанской управы города, не спасло его от внутренних конфликтов, в которые он оказался втянут «фрондой» из мещан, претендовавших, по всей видимости, на активное участие во вновь образованной структуре власти.

Общей тенденцией деятельности мещанских обществ к началу XX в. становится поднятие вопроса о нерациональном использовании общественных средств мещанскими управами. Так, например, члены мещанского общества Ростова-на-Дону жаловались, что суммы ежегодных общественных платежей с каждого члена общества (составлявшие по 5 руб.) «устанавливались мещанской управой и избираемой в помощь ей комиссией “без всякого руководства”», в результате чего «беднейшие члены общества платят нередко гораздо более состоятельных однообщественников, почему живущие на стороне многие бедняки не могут получать паспортов, по неимению средств уплатить оклад нередко подвергаются по распоряжению сословных и полицейских властей продаже своего скарба–имущества за неуплату числящейся за ними общественной недоимки, а следовательно, почти полному разорению или остаются, как беспаспортные, без найма и работ»⁷²⁷. По мнению жалобщиков, «собираемые мещанской управой средства расходовались крайне нерационально» – в частности, на содержание мещанского старосты (1500 руб. в год) и трех членов управы (по 900 руб. в год каждому)⁷²⁸. На

⁷²⁶ Там же. Л. 23 (Об.).

⁷²⁷ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 475.

⁷²⁸ Там же. С. 475.

рубеже XIX – XX в. типичным способом решения подобных конфликтов «ликвидация сословных мещанских управлений и передача их дел органам городского самоуправления», что «отражало общую тенденцию изживания сословности в России»⁷²⁹.

В Самаре подобная ситуация возникла в 1883 году, когда мещане города на своем собрании 20 ноября приняли решение об упразднении мещанской управы и сохранения только должности мещанского старосты, которому бы помогали два писца. Но тут образовалась инициативная группа, которая выступила против принятого решения и 2 декабря подала губернатору соответствующий протест. По степени важности для сословной жизни мещан города Самары этот документ в своем роде уникальный: ни до, ни после этого протеста, в делопроизводстве мещанской управы Самары не было документов, которые бы с такой ясностью фиксировали изживание сословной организации и попытки части самого мещанства остановить этот процесс.

Защитники сохранения управы приводили в обоснование своей позиции следующие доводы: «хотя с мещанских обществ отменена государственная повинность и наше общество не отбывает теперь подводной повинности», тем не менее, «делопроизводство Мещанской управы вовсе не уменьшилось»: в ее обязанности входит, в числе прочего, сбор сведений о всех причисленных в мещанское общество и выбывших из него; выдача мещанам паспортов и удостоверений; ведение денежных книг и «отписка денежных бумаг». «А потому не мыслимо, – писали жалобщики, – чтобы в таком многосложном обществе можно было оставить одного мещанского старосту, без помощника и при двух писцах и без десятников, так как один староста едва может управиться с канцелярией». Ликвидация мещанской управы, как предостерегала инициативная группа, сделает невозможным сбор общественных платежей: «общественная повинность и больничные недоимки, без помощников и десятников, буде уплачиваться только теми из

⁷²⁹ Там же. С. 478.

мещан, которым нужно будет получить от старосты какой либо документ, большая же часть мещан останется без уплаты повинностей и принудить их к тому не будет возможности, а при таком порядке не только может произойти волнение со стороны плательщиков повинностей, но даже старосте с писцами не на что будет содержаться»⁷³⁰. На первый взгляд, создается впечатление, что данный документ был инициирован членами мещанской управы, так как именно они были заинтересованы в сохранении аппарата управы, однако подписан он был мещанами, не входившими в управу: Е. Даниловым, К. Свешниковым, Емельяном Матициным, И. Афанасьевым, И. Мокушкиным⁷³¹. Из делопроизводства управы трудно до конца разобраться в данной интриге, но власть города решила управу сохранить.

Как видно из текста протеста, составители данного документа были людьми весьма искушенными в вопросах сословного устройства. 8 января 1884 г. на имя самарского губернатора было подано прошение от тех же мещан, подписанное «Емельян Матицин и другие», в котором они просили признать недействительными результаты выборов в мещанскую управу, жалуясь на многочисленные процедурные нарушения и на допущение к участию в выборах, «в виде какой-то насмешки», лиц «буйного нрава». «Таким образом, если не руководствоваться законом о порядке выборов и Собрании тогда нет надобности объявлять его Собранию общества, и тогда вместо шума и крика дойдет до кулашного боя», – предостерегали жалобщики⁷³². Можно заключить, что усилиями группы Матицина управа в Самаре была сохранена, но сами они не смогли получить власть в мещанском обществе города.

Применительно к первой половине XIX в. и выборам в городские службы А. Куприянов отмечает, что «подача жалоб на результаты выборов создавала в городском обществе опреде-

⁷³⁰ ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 212. Л. 9–11 Об.

⁷³¹ Там же. Л. 11 (Об.).

⁷³² ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 212. Л. 19–20 Об.

ленную социальную напряженность»⁷³³. В рассматриваемый период «желающие занять должность городского головы прибегали к разнообразным способам влияния на избирателей. Среди них были, например, такие меры, как подбор коллегии выборщиков из наиболее надежных избирателей: родственников, знакомых или бедных мещан, так или иначе зависимых от кандидата»⁷³⁴. Отсюда и слова клятвы, которую давали при вступлении в общественную должность: «устраняя вражду и связи родства и дружбы»⁷³⁵. Однако «социальной напряженности» в г. Самаре в связи с выборами в мещанскую управу выявить не удалось, за исключением «казуса Матицина».

Не случайно сами члены мещанской управы не возражали против ее ликвидации. Управа не справлялась с возложенными на нее функциями: контрольными, хозяйственно-экономическими и социальной помощи.

Одной из самых тяжелых задач, которые выполняли мещанские управленцы, были больничные недоимки. Мещане представляли собой с экономической точки зрения бедные городские слои, для которых плата в сутки за лечение в больнице в размере 18,6 коп.⁷³⁶ оказывалась непосильной. Часто они попадали в больницу не по своей воле, умирали там, а за лечение все равно кто-то должен был платить. И больничные суммы ложились в качестве общественных сборов на мещанское общество. Так как для самого мещанства уплата налогов была рассчитана до копейки, являлась крайне обременительной для семейных бюджетов, а иногда, в силу тяжелых жизненных обстоятельств, даже невозможной, на обществе копилась больничные недоимки. С 1865 г. губернские и уездные больницы Самары были переданы в ведение земских учреждений⁷³⁷, но, тем не менее, земство судилось с мещанским обществом

⁷³³ Куприянов А. Городская культура русской провинции. С. 283.

⁷³⁴ Там же. С. 261.

⁷³⁵ ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

⁷³⁶ Кузьмин В.Ю. Земская медицина России в мирное и военное время (1864–1917 гг.). Самара, 2000. С. 61.

⁷³⁷ Там же. С. 75.

города с целью получить с них накопившиеся больничные недоимки. (Так, 10 октября 1869 г. Самарская городская дума обратилась в губернскую земскую управу с заявлением «О взыскании недоимок с мещанского общества за лечение в земской больнице»⁷³⁸). Подобная ситуация, связанная с «выбиванием» из мещанского общества города больничных недоимок, продолжалась перманентно, несмотря на призывы земства к оказанию бесплатной медицинской помощи населению.

Характер самих делопроизводственных бумаг мещанской управы Самары меняется в сторону появления отпечатанных документов и большого количества телеграмм все с тем же обращением в мещанскую управу о выдаче паспорта. Несмотря на то, что в России «первая телеграфная линия для общего (частного) пользования соединила Москву и Петербург в 1852 г.», а «с апреля 1855 г. было введено в действие «Общее положение о приеме и передаче телеграфических депеш по электромагнитному телеграфу» и «в 60-е гг. такие линии связали все главнейшие центры империи», «почтовая связь оставалась преобладающей»⁷³⁹. И своего рода «прорыв» телеграммы в делопроизводство самарской мещанской управы происходит только в начале XX века.

В Наряде к сведению мещанской управы Самары за 1915 г. появляется некоторый слабый отклик на «большой нарратив» российской политики: стенографический отчет заседания Государственной Думы четвертого созыва от 20 июня 1914 года, в котором было напечатано «приветственное слово Государя Императора» и сообщение об объявлении войны: «Приветствую вас в нынешние знаменательные тревожные дни, переживаемые всей Россией. Германия, а затем Австрия объявили войну России...»⁷⁴⁰. По делопроизводству мещанской управы Самары никакой реакции на начало войны со стороны мещан города обнаружить не удалось (как и в повести Константина

⁷³⁸ Там же.

⁷³⁹ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России. С. 416–419.

⁷⁴⁰ ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 418. Л. 44 (а).

Финна «Окраина»⁷⁴¹). Можно констатировать: отсутствие реакции – тоже реакция. Война не является индикатором эмоционального состояния управного человека. Если в частной жизни это слово вызывает скорбь, страдание, страх, горе и т. д., то в сословной жизни мещанской управы города не удастся обнаружить переживаний, связанных с этим событием: никакой риторики, никакой аффектации – тексты безмолвствуют. Единственный «след», связанный с войной – циркуляр 1916 г., уточняющий, что «иностранны, принесшие присягу на подданство России до достижения призывного возраста – подлежат исполнению воинской повинности», а возраст, до которого мещанин мог быть призван, определялся в 30 лет⁷⁴².

Мещанство и паспортная система

Контроль за членами мещанских обществ, как и в предшествующий период, осуществлялся посредством паспортной системы. С воцарением Александра II «влияние паспортной системы на экономическую и социальную жизнь России начинает обсуждаться в печати, сама паспортная система становится объектом изучения и попыток реформирования чередой законотворческих комиссий»⁷⁴³. Паспортная система подверглась критике со стороны таких видных российских деятелей и публицистов как С.П. Мельгунов и В.А. Кокорев. С.П. Мельгунов писал: «Паспорты, виды, плакаты, выдаваемые с разными затруднениями, по запутаннейшим в мире правилам, на определенные сроки, без нужды препятствуют легкому и свободному переживанию с места на место...»⁷⁴⁴. Н.П. Огарев вообще ратовал за немедленное уничтожение паспорта⁷⁴⁵. В 1859 г. министр внутренних дел С.С. Ланской на-

⁷⁴¹ Финн К. Рассказы и повести многих лет. М., 1969.

⁷⁴² ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 426. Л. 1.

⁷⁴³ Чернуха В.Г. «Паспортный сбор» в России (1763 – 1897 гг.) // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сб. в честь Б.В. Ананьича. СПб., 2003. С. 227.

⁷⁴⁴ Чернуха В.Г. Паспорт в Российской империи: наблюдения над законодательством // Исторические записки. М., 2001. Т. 4 (122). С. 117.

⁷⁴⁵ Там же.

звал цифру задержанных в 1857 г. за беспаспортность – более 30 тысяч человек⁷⁴⁶. В 1859 г. была учреждена при МВД «Паспортная комиссия» с целью составить проект облегчения паспортных порядков⁷⁴⁷.

Тем не менее, в эпоху Великих реформ «правительство, не сумев провести паспортные преобразования, ограничилось периодически рассылаемыми Министерством внутренних дел циркулярами губернаторам, напоминая им об обязанности следить за тем, чтобы городские думы и волостные правления не злоупотребляли своими правами, не задерживали высылку продленных паспортов и не требовали с отходников присылки денег в большем размере, нежели с них причитается по окладу. Такие циркуляры рассылались в 1867, 1871 и 1875 гг.»⁷⁴⁸. В свою очередь, губернское начальство постоянно циркулярно разъясняло данные правила мещанским обществам. Так в 1884 г. от Самарского губернатора Свербеева пришло пояснение Высочайше утвержденных правил: «местом постоянного жительства для... мещан считается та волость или город, где они числятся приписанными...уволенные в запас нижние чины этих сословий были отправляемы в те именно местности, где они приписаны...»⁷⁴⁹. Жалобы на действия и распоряжения по делам, касающимся видов на жительство, приносились на полицейские управления и мещанские управления губернаторам и градоначальникам.

Видами на жительство для мещан признавались паспортные книжки, паспорта и бесплатные билеты на отлучку. Эти виды выдавались мещанскими управами. По истечению каждого из билетов мещанину, если он в срок не успевал возвратиться к месту своего постоянного жительства, давался месяц льготы, и эта месячная просрочка в вину ему не ставилась. Паспортные книжки выдавались на пять лет по специальной форме. Перемены, происходившие в семейном положе-

⁷⁴⁶ Там же.

⁷⁴⁷ Там же. С. 118.

⁷⁴⁸ Там же. С. 122.

⁷⁴⁹ ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 235. Л. 52.

нии владельца паспортной книжки, а также лиц, числящихся в выданной ему книжке, отмечались управами или местной полицией в документе. При перечислении владельца паспортной книжки из одного общества в другое книжка заменялась новой. Паспортные книжки не выдавались лицам, которые по суду подвергались лишению всех особенных, лично и по состоянию приобретенных прав и преимуществ, а также состоящим под особым надзором полиции и обществ, не имеющим средств к жизни калекам и цыганам, не имеющим оседлости⁷⁵⁰. Мещанам, имеющим недоимки по общественным сборам, паспортные книжки выдавались только с согласия обществ, к которым они были приписаны. Установление, выдавая паспортную книжку, делало в ней отметку о размере годовых сборов, причитающихся по последней раскладке с лица, получающего книжку. Владелец паспортной книжки обязан был ежегодно, не позднее 31 декабря, уплачивать обозначенную в книжке сумму годовых сборов⁷⁵¹. После уплаты всех сборов мещанином управа обязана была выдать ему удостоверение и сделать отметку в книжке. Полиция могла отобрать паспортную книжку мещанина в случае оставления им «без призрения» членов семьи. Для этого требовался приговор мещанского общества. Данный приговор утверждался губернским правлением или градоначальником⁷⁵².

Паспорта выдавались на один год, на шесть и на три месяца. Мещане могли получить паспорта независимо от лежащих на них недоимок по сборам. Однако они не могли возобновлять паспорта без согласия общества, если не уплатят всех недоимок, числящихся на них с 1 января того года, в котором заявлено было ими ходатайство о возобновлении паспортов. Паспорта, срок действия которых истек, отсрочивались полицией по желанию их владельцев в местах их временного пребывания.

⁷⁵⁰ Амосова О.С. Правовой статус мещан Российской империи. С. 52.

⁷⁵¹ СЗРИ. Т. 14. Ч.5. Устав о паспортах и беглых. СПб., 1890.

⁷⁵² Амосова О.С. Правовой статус мещан Российской империи. С. 53.

Относительно выдачи мещанам плакатных паспортов существовали определенные правила. Городские управления несли ответственность за расход плакатных паспортных бланков, приобретаемых для мещан. Паспорта и билеты должны были быть обязательно печатные, а не писанные. В каждом паспорте обозначалась губерния, уезд, город, волость или деревня, имя, прозвище, пол (мещанские управы при выдаче паспортов обозначали нередко только имя и отчество). Если паспорт выдавался мещанину, служащему по выборам от мещанского общества, то в нем обозначалась его служба и должность. В паспорте отмечалось, кто женат, кто холост, кто вдов, после какого брака. Год, месяц и число писали прописью. Потом обозначалось, по какому документу, из какого казначейства паспорт выдан и под каким номером он внесен в книгу. Вверху паспорта, с левой стороны печатался государственный герб и цена паспорта. Под гербом отмечались особые приметы: возраст, рост, волосы, брови, глаза, нос, рот, подбородок, лицо, особые приметы⁷⁵³. На каждом паспорте ставился номер по исходящему реестру. Паспорт подписывался казначеем и бухгалтером, ставилась печать. Деньги за плакатные паспорта вносились в казначейство монетою или кредитными билетами. За полугодовые плакатные паспорта взыскивалось 85 копеек, за годовые – 1 рубль 45 копеек, за двухгодовые – 2 рубля 90 копеек, за трехгодовые – 4 рубля 35 копеек. Бланки плакатных паспортов для мещан и гербовая бумага для кратковременных билетов доставлялись в городские общественные управления из казенных палат или из местных казначейств за наличные деньги, которые заимствовались из общественных сумм мещанских обществ⁷⁵⁴. Бесплатные билеты на отлучки на сроки до одного года выдавались пострадавшим от неурожая, пожаров, наводнений и др. бедствий с разрешения губернатора или градоначальника. А также – переселяющимся на казенные земли, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, женам нижних чинов, находящимся на действитель-

⁷⁵³ Там же. С. 55.

⁷⁵⁴ Там же. С. 56.

ной военной и морской службе, призреваемым в богадельнях и других заведениях системы общественного призрения, отставным нижним чинам, поступившим на военную службу по рекрутскому уставу, действовавшему до 1874 г. и нижним чинам, получающим из казны денежное пособие, вследствие неспособности к работе, а также женам и вдовам этих нижних чинов⁷⁵⁵. После смерти мещан в отлучке их паспорта возвращались в родную мещанскую управу.

Усиление миграции населения в пореформенной России приводило к тому, что несмотря на все усилия власти по фиксации индивидов в пространстве, многим удавалось ускользнуть от системы, а для других – приписка к мещанскому обществу определенного города вызывала массу неудобств, так как многие мещане, проживавшие в одном городе, были приписаны к совершенно другому, и им приходилось постоянно находиться в переписке с мещанской управой для получения различных документов. «Хотя отмена подушной подати с мещан во второй половине XIX в. делала их более свободными от своих обществ, они и в начале XX в. продолжали платить сословные общественные сборы, что вынуждало их возвращаться к месту приписки в случае ухода на заработки. Это контролировалось выдачей мещанам “срочных” паспортов с “пропиской” в отличие от бессрочных паспортов, которые получали лица неподатных сословий»⁷⁵⁶.

В 1914 г. мещанской управе Самары потребовались разъяснения закона от 12 марта 1914 года о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собою и к детям, в частности, о раздельном жительстве супругов. Мещанского старосту и членов управы больше всего интересовал вопрос: выдавать ли замужним женщинам без согласия мужей вид на жительство? Губернатор ответил:

⁷⁵⁵ Амосова О.С. Правовой статус мещан Российской империи. С. 56

⁷⁵⁶ Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи. С. 461–462.

«Можно»⁷⁵⁷. Хочется добавить: так самарские мещанки обрели свободу!

Фактически круг вопросов мещанского сословного дело-производства к 1916 г. сужается до проблемы выдачи паспортов⁷⁵⁸. В последние годы дореволюционной сословной жизни, в 1916–1917 гг., члены мещанских управ провинциальных городов все так же составляли посемейные списки, расписки о выдаче паспортов, предоставляли сведения о местожительстве, об отбытии воинской повинности⁷⁵⁹, – лишь с той разницей, что с 1917 г. за выяснением места жительства общественников служащие управы обращаются уже не в полицию, а в милицию⁷⁶⁰. Такой розыск общественников продолжался по тем же будничным вопросам, таким как паспорт, отбытие воинской повинности, поиск пропавших и т. д. вплоть до 23 декабря 1917 г., когда сословный строй в стране уже был уничтожен, а слово «мещане» сохранялось в делопроизводстве мещанских управ, как продолжали функционировать и сами управы, занятые выяснением местожительства мещан⁷⁶¹.

Таким образом, управа для мещан города в пореформенную эпоху являлась и «своей» и одновременно «чужой» институцией. Главное, в чем никак не могли разобраться мещане города в условиях своей кипящей повседневной деятельности – зачем нужно содержать этих управленцев, которые сидят в «доме присутствий» за толстыми стенами, никак не могут правильно посчитать финансы общества, не могут обеспечить лечение больных однообщественников, не забывают вредничать по пустякам и скандалить между собой, отвлекают их от работы, собирая на собрания, и с которыми у мещан ассоциировались две перманентные проблемы: паспорт и армия. С другой стороны, чрезвычайно укоренившаяся в сознании мещан живучесть общинных связей и привычка к

⁷⁵⁷ ЦГАСО. Ф. 217. Оп. 1. Д. 411. Л. 172.

⁷⁵⁸ Там же. Д. 450. Л. 1–157 (Об.).

⁷⁵⁹ Там же. Д. 423. Л. 1–238.

⁷⁶⁰ Там же. Д. 423. Л. 238.

⁷⁶¹ Там же. Л. 263.

контролю со стороны власти над их социальным телом, «телом производительным и телом подчиненным»⁷⁶², приводила к тому, что констатировал в своем исследовании Б.Н. Мионов: смерть управы в 1917 г. была «тихой и закономерной»⁷⁶³.

Как можно заключить, после реформы 1870 г. мещанство растворилось во всеобщем городском управлении и старые «городские хозяева» – мещане – уступили место новой «элите», некоему «грюндерскому» предпринимательскому кругу и альтруистам из почувствовавших силу и страсть к «местным нуждам» интеллигентов (и, безусловно, получивших такую возможность). Замкнутый традиционный русский город и его социальное «чрево» в лице мещан – обывателей, прикрепленных тяглыми традициями, сознанием, видом на жительство, хозяйственной деятельностью к «месту» (NB: вся семантическая игра с понятием «местечковость»), уступил место подвижному и активному модернизированному городу и его новым хозяевам, связанным с капиталами, социальным престижем, общественной альтруистической рефлексией и рационалистическим сознанием. С этого момента мещанство устремляется в разные направления имперской жизни: в коммивояжеры, в художники, в ученые, в предприниматели, а самое главное, в поток информации, меняющий жизнь. Дискурс «мещанства», сформированный художественной традицией и общественной мыслью России – всего лишь миф, не имеющий ничего общего с обладающей консервативными вкусами социальной средой, которая была открыта инновациям настолько же, насколько и все остальное российское общество при благоприятных обстоятельствах.

⁷⁶² Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М., 1999. С. 40.

⁷⁶³ Мионов Б.Н. Социальная история России. Т. 1. С. 508.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОКОНТРОЛЯ К ГЛАВЕ III

1. Как изменялась численность дворянства поволжских губерний в конце XVIII – начале XX в.? Какие внутрисословные группы выделяли в тот период в составе российского дворянства? Как повлияли реформы 1860-х гг. на динамику численности дворянства в регионе?
2. Какова была структура дворянского землевладения в губерниях Поволжья в пореформенный период? Наблюдался ли в регионе в конце XIX – начале XX в. процесс убыли дворянского землевладения? Выделите основные причины этого явления и охарактеризуйте его региональную специфику.
3. Охарактеризуйте хозяйственное устройство дворянских имений Поволжья рубежа XIX–XX в.: основные отрасли сельскохозяйственного производства, методы ведения хозяйства, экономические отношения с крестьянами. Насколько успешно, по Вашему мнению, дворяне Поволжья адаптировали свое хозяйство к новым капиталистическим реалиям? Аргументируйте свой ответ.
4. Какие сословные организации дворян существовали в изучаемый период? Чем объясняется возникновение на рубеже XIX–XX в. новых дворянских организаций в регионе? Каковы были основные направления общественно-политической и благотворительной деятельности дворян Поволжья?
5. Охарактеризуйте социально-демографический облик средневожского купечества и его изменения в конце XVIII – начале XX в. Какова была внутренняя структура купеческого сословия? Какие изменения в правовом положении купечества произошли в течение XIX в., и как они отразились на численности и составе купечества Среднего Поволжья?
6. Выделите основные направления торгово-предпринимательской деятельности средневожского купечества

- и определите ее региональные особенности. Какие сферы предпринимательской деятельности в наибольшей степени привлекали поволжское купечество на рубеже XIX–XX в.? С какими особенностями географического положения, истории заселения, социально-экономического развития региона это было связано?
7. Какие формы самоорганизации существовали у поволжского купечества на рубеже XIX–XX в.? Выделите основные направления общественной и благотворительной деятельности купцов Поволжья.
 8. Сопоставьте основные направления и масштабы общественной и благотворительной деятельности дворянства и купечества Поволжья в конце XIX – начале XX в. Сделайте выводы об изменении роли каждого из этих сословий в общественной жизни региона.
 9. Выделите основные показатели изменения численности городского населения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. Определите основные факторы роста городского населения в регионе.
 10. Охарактеризуйте сословный, этнический, конфессиональный облик населения городов Среднего Поволжья на рубеже XIX–XX в.
 11. Каков был правовой статус мещанского сословия в конце XVIII–XIX в.? В чем состояли права и обязанности мещан? Как изменялось их правовое положение в течение изучаемого периода? Какими методами государство контролировало социальную мобильность мещан?
 12. Охарактеризуйте численность и социальный облик мещан Среднего Поволжья во второй половине XIX в.
 13. Какую роль играло мещанство в системе городского самоуправления во второй половине XIX в.? Какими вопросами ведали и с какими проблемами сталкивались в своей деятельности мещанские общества и мещанские управы?
 14. Выделите основные социальные группы в составе сельского населения Поволжья во второй половине XIX – начале

XX в. Охарактеризуйте динамику их численности, этноконфессиональный облик.

15. Охарактеризуйте основные последствия проведения крестьянской реформы в Поволжье. Каковы были средние размеры землевладения по отдельным категориям крестьянского населения региона? Была ли присуща Поволжью на рубеже XIX–XX в. проблема малоземелья?
16. В чем проявлялась региональная специфика аграрного развития Поволжья во второй половине XIX – начале XX в.? Как влиял на развитие сельского хозяйства приток в регион переселенцев?
17. Каково было соотношение традиционных методов ведения хозяйства и экономических новаций на крестьянских и помещичьих землях?
18. В чем проявлялась внутрисословная и межсословная социальная мобильность в пореформенный период? Сделайте выводы об основных ее направлениях и тенденциях.

СПИСОК РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ К ГЛАВЕ III

1. Ананьич Б.В., Беляев С.Г. История предпринимательства в России. Кн. 2. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 1999.
2. Анфимов А.М. Крестьянское хозяйство Европейской России 1881–1904. М., 1980.
3. Баринаева Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М., 2008.
4. Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. Конец XIX века – 1914 год. М., 1992.
5. Галимова Л. Н. Мир провинциального купечества. Купечество города Симбирска во второй половине XIX – начале XX в. Социально-бытовой аспект. М., 2010.

6. Гончаренко Л.Н. Города Среднего и Нижнего Поволжья во второй половине XIX века. Социально-экономическое исследование. Чебоксары, 1994.
7. Зорин А.И. Горожане Среднего Поволжья во второй половине XVI – начале XX в. Историко-этнографический очерк. Казань, 1992.
8. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2009.
9. История Самары: От воеводского управления до губернской Думы. Кн. 1. Самара, 2011.
10. Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917). Саратов, 1982.
11. Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Самара, 1999.
12. Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988.
13. Клейн Н.Л. Предпринимательство и предприниматели в России: ист. очерки. Самара, 1994.
14. Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004.
15. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1961–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.
16. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. Социальные и культурные аспекты. М., 2008.
17. Кошман Л.В. История предпринимательства в России. Кн. 1. От средневековья до середины XIX в. М., 2000.
18. Местное управление Саратова: история и современность. Саратов, 2005.
19. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности русского исторического процесса. М., 1998.
20. Миронов Б.Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990.
21. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократи-

- ческой семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2003.
22. Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период. Саратов, 2010.
 23. Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1: С древнейших времен до отмены крепостного права. Саратов, 1993.
 24. Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894). Т. 2. Ч.1: 1861–1894. Саратов, 1995.
 25. Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 2. Ч.2: 1894–1917. Саратов, 1999.
 26. Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX веков. СПб., 1999.
 27. Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002.
 28. Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.
 29. Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара, 1994.
 30. Савченко И.А., Дубинин С. И. Российские немцы в Самарском крае: Историко-краеведческие очерки. Самара, 1994.
 31. Самарское купечество: вехи истории / Е.П. Барина, К.М. Макитрин, Н.Ф. Тагирова и др.; под общ. ред. Е.П. Бариновой. Самара, 2006.
 32. Смыков Ю.И. Крестьяне Среднего Поволжья в период капитализма. М., 1984.
 33. Тагирова Н.Ф. Хлебный рынок Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. М., 2000.
 34. Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX – XX в. Самара, 2007.
 35. Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1981.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История формирования социальной структуры населения Среднего Поволжья неразрывно связана с историей колонизации региона на протяжении второй половины XVI – начала XX в. На начальных этапах включения в общероссийскую систему отношений социальная структура населения региона обладала своими специфическими особенностями; с ходом времени, по мере постепенного превращения средневожского фронта во «внутреннюю окраину» Российского государства, она все более приближалась к структуре населения центральных губерний империи. Эти процессы затрагивали основные категории как городского, так и сельского населения. Вместе с тем определенная региональная специфика социально-классовой структуры населения, правового и социально-экономического положения его отдельных категорий сохранялась вплоть до начала XX в.

Во второй половине XVI – XVII в. Южное Средневожье являлось окраинной территорией, зоной фронта с кочевыми народами степи и казачьей вольницей. Необходимо было защитить регион от постоянных нападений, предотвратить острые социальные и межэтнические конфликты, сопровождавшие период его интенсивной колонизации в середине и второй половине XVII в. Для решения этих задач правительство строило города и засечные линии, переводило и помещало в пограничье крупные контингенты военизированного населения. Именно такое население стало основой для формирования значительной части местного социума.

Основу регионального дворянства на начальном этапе освоения края составили дворяне и дети боярские – служилые люди «по отечеству», привилегированная часть военных гарнизонов «служилых городов» Средневожья. Важно отметить, что дворянское землевладение в регионе стало скла-

дываться далеко не сразу: первоначально немногочисленные служилые люди жили на государево жалование. Лишь в конце XVII – начале XVIII в. энергично разворачивается процесс их «испомещения», что было связано со строительством совокупности новых засечных черт и с переводом на Среднюю Волгу дополнительных контингентов служилых людей. При этом зоны поместного землевладения располагались не сплошь, а локально; большая часть средневолжских земель заселялась другими категориями переселенцев. Вплоть до последних десятилетий XVII в. в регионе действовали нормы законодательства о «заказных городах» (защищавшего мелко- и среднепоместное землевладение от конкуренции со стороны крупных привилегированных феодалов). Это свидетельствует, что государство в то время рассматривало Среднее Поволжье как стратегически значимую территорию и потому делало все возможное для сохранения боеспособности местных служилых людей.

Важнейшим актором заселения, социального и хозяйственного развития Южного Средневолжья были «служилые люди по прибору» – казаки, стрельцы и близкие к ним группы военизированных жителей. В основной своей массе во второй половине XVII в. они были не городским, а сельским населением, расселявшимся и «испомещавшимся» по слободам за засечными чертами, в глубине оборонительной системы, а также при пригородах и острогах. Особую группу внутри военизированного населения Поволжья составляли представители автохтонного населения – служилые татары, чуваша и мордва, «испомещавшиеся» и действовавшие в одном правовом пространстве с русским служилым населением. Правительство активно использовало «приборных людей» Среднего Поволжья для освоения и защиты более южных земель, в частности, «понизовых городов»; в этом отношении населе-

ние региона играло роль своеобразного «донора» для других фронтальных территорий.

Сельский тяглый и посадский социумы на первых порах освоения Южного Средневолжья складывались гораздо медленнее. Региональные города начинали свою историю как пограничные военизированные пункты, и это предопределило специфический состав их населения. Большинство этих городов являлись не столько центрами устойчивой системы хозяйственных связей, сколько транзитными посредническими пунктами на торговых путях. Посады в городах Южного Средневолжья начали складываться только после завершения Смутного времени. В общем составе посадского люда в XVII в. велик был удельный вес различных категорий неустойчивого населения, постоянно пополнявшегося за счет «беглых» или «гулящих» и не входившего ни в одну из традиционных категорий тяглых или служилых людей. Наличие в поволжских городах значительной массы такого населения до известной степени объясняет активную роль горожан в грандиозных социальных движениях «бунташного» века.

Вплоть до середины XVII в. на территории региона существовали только отдельные локальные районы сельского расселения, причем системообразующим элементом для их складывания являлось наличие крупного владельца-вотчинника (частного лица, монастыря, дворцового ведомства). Временем активной сельской колонизации региона, формирования сельского тяглого населения, разнообразного в социальном, этноконфессиональном и владельческом отношении, стала вторая половина XVII в., когда ареал его расселения охватил фактически всю правобережную территорию Среднего Поволжья и земли Прикамья. Формирование категории помещичьего крестьянства в регионе развернулось вследствие строительства засечных линий; в последние десятилетия XVII в. начались массовые раздачи земли монастырям и представителям свет-

ской элиты. Заметную категорию жителей региона составляли государственные и дворцовые крестьяне; правительство активно использовало их как источник людских ресурсов для заселения и хозяйственного освоения более южных порубежных территорий.

Особенностью сельского тяглого населения региона, его отличием от других «внутренних районов» Московского государства являлась этноконфессиональная неоднородность. Различные в этническом и конфессиональном отношении группы сельского населения – русское, татарское, мордовское и чувашское крестьянство, – соседствовали друг с другом. Местное «ясашное» население представляло собой часть более широкой категории государственного крестьянства; его правовое положение и объем повинностей менялись в ходе заселения этих земель. В XVII в. нередко были конфликты между различными группами сельского населения из-за земель и угодий.

Особой социальной группой, раньше других принявшей участие в российском освоении Среднего Поволжья, было казачество. Средневожские земли во второй половине XVI в. стали одним из центров складывания вольного русского казачества; однако уже в начале XVII в., когда Московское правительство смогло установить контроль над волжским путем, возможности для казачьей вольницы укрепиться на берегах великой реки в качестве самостоятельной силы были окончательно утрачены. В XVII – начале XVIII в. казаки являлись частью служилого населения, в том числе городского. Значительный рост численности казачества в Заволжье был связан с сооружением Самарской укрепленной линии в 1730–1740-е гг.; он происходил за счет вольных поселенцев – беглых из различных внутренних областей России, для которых «верстание» в казаки на пограничной черте означало приобретение устойчивого социального статуса. В 1740-е гг. самарские

казаки стали одной из основ формирования Оренбургского войска и находились в его составе до середины XIX столетия. Однако потеря Самарской линией оборонительного значения привела на рубеже 1830–1840-х гг. к выселению казаков на новые пограничные рубежи далеко на восток и к ликвидации иррегулярных войск в Самарском крае, что позволило государству использовать освободившиеся земли для новых крестьян-поселенцев.

Примечательной особенностью сельского населения региона в XVIII столетии можно считать наличие различных сословных, этнических и конфессиональных групп, различавшихся по формам землевладения и способам землепользования, что имело глубокие исторические корни. Наиболее многочисленной сословной группой обитателей Поволжья в XVIII в. были государственные крестьяне (по данным 1760-х гг., они составляли почти половину всего крестьянского населения региона). Однако с середины XVIII в. начинается наступление дворян на крестьянские земли – дворянское землевладение в крае расширялось в результате императорских пожалований, распродажи участков вдоль потерявших свое военное значение укрепленных линий, покупки земли у однодворцев, ясачных крестьян и других категорий местного населения, наконец, путем самовольных захватов (самовольно занятые уголья были легально признаны помещицей собственностью в ходе Генерального межевания).

Если на Правобережье Волги процесс формирования дворянского землевладения и крупных крепостных вотчин развернулся еще в XVII в., то в Самарском Заволжье помещики обосновывались позднее, по мере ликвидации угрозы кочевых набегов и укрепления власти, способной бороться с побегами и другими проявлениями недовольства крестьян. Земледельческое освоение северо-восточных и восточных районов Самарского Заволжья пошло быстрее после отмены

в 1736 г. запрета на покупку и продажу башкирских земель: часть башкирских охотничьих угодий и кочевий была продана государственным крестьянам, но в основном эти земли скупались за бесценок помещиками. Представители многих дворянских семей стремились обзавестись заволжскими целинными угодьями. В свои новые земельные владения помещики активно переводили крепостных из менее плодородных и мало обеспеченных угодьями районов страны. Политика и мероприятия властей вели к формированию в Заволжье крупного помещичьего землевладения – и, соответственно, крепостного владельческого крестьянства.

Изменения структуры населения региона отразились и на городском социуме. В первой половине XIX в. прирост городского населения в Поволжье был выше, чем в среднем по стране. Однако урбанизация здесь осуществлялась за счет развития уже существовавших, а не вновь основанных городов. Города развивались неравномерно. Значительный прирост населения наблюдался в волжских городах с удобными пристанями; численность их населения в несколько раз возрастала во время крупных ярмарок, а также летом – за счет притока бурлаков и сезонных рабочих. К середине XIX в. Саратов, Симбирск, Пенза, Вольск, Самара, Сызрань были крупными торговыми центрами. Однако типичным городом региона был уездный центр с численностью населения, составлявшей на начало XIX в. 3 тыс. человек, в середине века – 5 тыс. человек. В городах Поволжья сохранялся патриархальный образ жизни, преобладающее большинство городского населения в конце XVIII в. и даже в первой половине XIX в. составляли крестьяне. Состав жителей городов Поволжья был многонациональным, но преобладало здесь русское православное население. Представители автохтонных этносов концентрировались, как правило, в сельской местности. Различался социальный облик поволжских городов: у Симбирска сформир-

ривалась устойчивая репутация «дворянского гнезда», у Саратова – «купеческого» города (купечество активно проявляло себя в социальной жизни города уже с 1830–1840-х гг.).

Социальный облик населения Среднего Поволжья в XIX – начале XX в. был типичным для российской провинции. Население состояло из законодательно установленных сословий: дворянства, духовенства, купечества, мещанства, цеховых и крестьянства, а также казачества (до ликвидации иррегулярных войск в Среднем Поволжье). Особенности демографического и социально-экономического облика каждой из этих групп определялись как спецификой региона в целом, так и ситуацией в отдельно взятых губерниях. Определяющую роль в аграрном производстве региона играли представители таких социальных групп, как дворяне, крестьяне, колонисты, а также купечество.

Так, дворянское население средневожских губерний как социальная группа по общероссийским меркам сформировалось достаточно поздно (лишь Симбирская губерния принадлежала к наиболее «дворянским» территориям империи – «древние благородные роды» даже в начале XX в. составляли более четверти от общего числа дворянских фамилий губернии). В частности, интенсивная помещичья колонизация саратовских земель и перемещение туда части дворян из центральных губерний России развернулись лишь в последние два десятилетия XVIII – первой половине XIX в. Низкий удельный вес дворян в общем составе населения Поволжья объяснялся тем, что в этом регионе наряду с помещичьим землевладением существовало весьма значительное землевладение казны и удела. Национальный и конфессиональный состав потомственного дворянства изучаемых губерний был достаточно однороден: его представляли русские дворяне православного вероисповедания.

Во второй половине XIX – начале XX в. дворянство Среднего Поволжья, как и всей империи, было вынуждено приспосабливаться к новым, пореформенным экономическим реалиям; как правило, этот процесс протекал для дворянства далеко не безболезненно. Для пореформенного периода был характерен процесс убыли дворянского землевладения, постепенного формирования купеческой и крестьянской собственности на землю. За период с 1877 по 1914 гг. дворянство потеряло почти две трети своего земельного фонда. По количеству поступивших в продажу сельскохозяйственных угодий в регионе лидировали Саратовская и Самарская губернии. Пик распродажи «дворянских гнезд» в изучаемых губерниях пришелся на 1906–1907 гг., когда многие поместья пришли в расстройство в результате крупнейших в России крестьянских волнений. К 1914 г. численность дворянства в Поволжских губерниях резко снизилась, что было связано с массовым аграрным движением, развернувшимся в период первой российской революции, и, как следствие этого, перемещением потомственного дворянства в столицы и другие города страны. На мобилизацию помещичьей земли оказывала влияние и неудовлетворительная хозяйственная конъюнктура, приводившая к огромной задолженности помещиков различным поземельным банкам.

Основу помещичьего хозяйства в регионе составляло пашенное земледелие, имевшее ярко выраженную зерновую направленность. Большая часть помещиков в силу дешевизны рабочей силы и инерционного мышления не стремилась к модернизации сельскохозяйственного производства: в Поволжских губерниях преобладала отработочная система арендных отношений между помещиками и крестьянами.

Переход дворянского землевладения в руки других сословий, ухудшение благосостояния дворян снижали престиж сословия в обществе; потомственные и личные дворяне по-

полняли ряды профессиональной интеллигенции, чиновников, буржуазии. Процесс убыли дворянского землевладения сказался и в том, что в начале XX в. ряд дворянских собраний активно ходатайствовал об уменьшении размера земельного ценза для участия в собраниях и выборах. Однако в целом, несмотря на процесс убыли дворянского землевладения, удельный вес дворянского землевладения в общей массе частновладельческой земли составлял в Поволжье свыше 40 % (за исключением Самарской губернии).

Чем более неустойчивыми становились экономические позиции дворянства, тем более возрастала активность корпоративных дворянских организаций, отстаивавших сословные интересы. В начале XX в. расширилась компетенция дворянских собраний в обсуждении общегосударственных и местных вопросов. Как дворянские собрания, так и отдельные представители сословия постоянно ходатайствовали об оказании правительственной помощи, о пересмотре условий аграрного кредита и т. д. Выдвигались и такие проекты спасения экономического положения дворянства, как организация переселения саратовских дворян в Сибирь, создание всесословного союза самопомощи землевладельцев и т. д.

Сельское население Поволжья в XIX в. было представлено несколькими основными социальными группами: различными категориями крестьянства – помещичьим, государственным, удельным, а также колонистами. Демографический и социально-экономический облик сельского населения в преформенный период определялся теми процессами, которые развернулись в этот период в российской экономике. Среднее Поволжье во второй половине XIX – начале XX в. было аграрным районом, зоной активной колонизации. Так, для Самарской и Саратовской губерний был характерен высокий прирост населения в силу того, что туда стекались переселенцы из Украины и великорусских губерний. Напротив, отно-

сительно низкий прирост сельского населения в Симбирской губернии был обусловлен тем, что уже к середине XIX в. в губернии отсутствовал фонд свободных незаселенных крестьянами земель. Колонизационными процессами были обусловлены этноконфессиональная пестрота сельского населения региона и прагматизм социального поведения – мирное сожитие и использование всего ценного в опыте соседа.

Главными посевицами в крае были крестьяне, что особенно заметно на фоне сокращения фондов дворянского землевладения. Процессы роста числа крестьянских дворов и измельчания наделов, характерные для пореформенной деревни в целом, затронули все губернии Среднего Поволжья и все категории крестьянского населения (хотя в среднем размеры наделного землевладения у государственных и удельных крестьян были выше, чем у бывших владельческих).

Характерной чертой аграрного развития Поволжья во второй половине XIX в. были экстенсивные методы земледелия и вовлечения в хозяйственный оборот новых, ранее не используемых земель. В степных уездах за два десятилетия рубежа веков размеры пашни удвоились. Под посевы шли распаханые залежи, луга и пастбища, на севере и северо-востоке – расчищенные леса. В хозяйственный оборот пускался фонд казенных земель. Благодаря этому завожские степи превратились в конце XIX века в бескрайние поля и хлебные житницы. К началу XX в. лишь в Уфимской и Оренбургской губерниях еще оставались нераспаханные ковыльные степи, хотя их размеры быстро сокращались. В лесостепной и степной зоне Самарской губернии и южных уездах Саратовской губернии неуклонно возрастала доля посевов пшеницы, что свидетельствовало о сильной коммерциализации производства как в крестьянском, так и в помещичьем хозяйствах. Однако колонизационная политика и последовавшее значительное расширение посевов не привели к росту потребления

хлеба его главными производителями. В отличие от Сибири, увеличение посевов в Поволжье за 1897–1914 гг. отставало от прироста населения более чем в два раза.

Типичными методами обработки земли были, в зависимости от природных условий, трехпольная система, пестрополье или залежное хозяйство, что объяснялось наличием значительных резервов свободных земель. Удельный вес новаций в агрономии был еще невелик; улучшения в агротехнике и агрикультуре были заметны в частновладельческих экономиях, в крестьянских хозяйствах фермерского типа на степном юге Самарской губернии, фермерских уездах, сформировавшихся вокруг Уфы, Белебея, Стерлитамака, в хозяйстве немцев-колонистов в Поволжье и на Южном Урале. Монокультурный характер производства в степных районах Заволжья имел общие черты с экономическим строем фермерских хозяйств «дикого Запада» США. Доля фермерских хозяйств здесь составляла до трети всего населения.

Расширение и зачастую хищническое использование плодородных земель на юге, малоземелье на севере региона, рост численности сельского населения неуклонно вели аграрный сектор хозяйства края к кризису. Об этом свидетельствовали участвовавшие неурожаи, истощение почв, усиление зависимости земледельца от климата. Значительное увеличение пахотных угодий во второй половине XIX в. оборачивалось для нового поколения земледельцев постепенным снижением урожайности и «выпаханностью» земель. Перед сельским населением региона неотвратимо вставали задачи, которые предыдущим поколениям решать не приходилось: восстановление плодородия пашни, интенсификация хозяйства, формирование инфраструктуры села, что было невозможно без повышения культурного уровня и распространения агрономических знаний.

Когда в начале XX в. экономическое и социальное размежевание привело к массовым выступлениям крестьян против помещиков за землю, ответом правительства явился Указ 9 ноября 1906 г., сменивший главные акценты аграрной политики. Правительство отказалось от прежнего курса консервации общины и перешло к ее насильственной ломке. Однако в ходе реализации реформы правительству удалось лишь частично деформировать общину, преимущественно в районах торгового зернового земледелия. В многонациональной деревне региона землестроители натолкнулись на стойкое сопротивление сельской общины, деятельность которой существенно оживилась, а позиции демократического большинства сельского мира, в связи с выходом зажиточных крестьян на хутора и отруба, упрочились.

Создание единоличных хозяйств на бывших наделных, а также казенных и банковских землях шло при одновременной поддержке дворянских имений, владельцы которых и в период нового правительственного курса по-прежнему выступали за расширение сословных привилегий первенствующего сословия. По сути, переустройство не затрагивало дворянской экономики: индивидуальное крестьянское землевладение росло за счет государственных и проданных к этому времени дворянских земель. Именно в этом явственно проявлялся паллиативный характер проводимой земельной реформы.

Социальная и этнически-конфессиональная структура населения городов Среднего Поволжья второй половины XIX в. была разнообразной. В число горожан традиционно входили дворяне, чиновники, купцы, духовенство, мещане; кроме того, в традиционную стратификацию активно вливались новые категории – отхожие крестьяне, наемные рабочие, разночинцы, отставные чины. Основной категорией городского населения являлись мещане, второй по численности категорией городского населения (в Симбирской губернии – первой)

были осевшие в городах крестьяне. Доля дворян в городском населении быстро возрастала, что, по всей видимости, было вызвано «оскудением» дворян после реформы 1861 г. и переселением их в города. Несмотря на скромную численность купцов, их влияние на городскую жизнь было огромным, в силу владения ими значительной частью городской недвижимости и ведущей роли в городской экономике.

Региональные особенности формирования купеческой прослойки в городском населении определялись историческим своеобразием заселения и хозяйственного освоения Поволжья, создания самих городских поселений. Прежде всего, средневожское купечество имело выраженную этноконфессиональную специфику. Так, например, среди самарских и саратовских купцов в начале XX века были представители многих религиозных конфессий: православия (как официального, так и старообрядческого), мусульманского, иудейского, лютеранского и других вероисповеданий.

В середине XIX – начале XX века купечество представляло собой небольшую, но обладающую огромным влиянием на экономическое развитие Поволжья группу. Численность купечества была сравнительно невелика и не превышала 0,2 – 0,3 % от населения губерний. Среди купечества поволжских городов, как и по всей России, преобладали купцы 3-й гильдии (вплоть до ликвидации этой гильдии в 1863 г.).

Торгово-предпринимательская деятельность средневожского купечества была напрямую связана с природно-климатической и хозяйственной спецификой региона. Сферами преимущественного вложения купеческих капиталов становились прежде всего те отрасли, где можно было быстро получить значительную прибыль. Так, крупнейшие капиталы самарских купцов были нажиты на хлеботорговле, на кожевенных и салотопенных предприятиях (возможность дешево скупать скот объяснялась наличием в регионе башкирского

кочевого скотоводства). Во второй половине XIX в. хлебо-торговля стала основной сферой приложения купеческих капиталов. Купцы стали уделять много внимания покупке земли – прежде всего в степном Заволжье; купеческое хозяйство обычно велось экстенсивными методами и предполагало либо энергичное «выпахивание» земли, либо сдачу ее в аренду местным крестьянам.

Только в конце XIX века купечество оценило выгоду совмещения торговой деятельности с промышленным производством – произошел отраслевой сдвиг в сторону переработки продукции земледелия. Соединив в себе функции торговцев и промышленников, предприниматели объединили в своих руках закупку зерна, его переработку на собственных мельницах, транспортировку товара, а также его продажу как в ближайших губерниях, так и за их пределами. Совмещение функций торговли и производства способствовало выделению крупных торгово-промышленных фирм, сосредоточивших в своих руках значительные капиталы и производственные ресурсы и получивших тем самым возможность выходить за пределы поволжских губерний и найти свое место на всероссийском рынке. Развитию более высокого уровня коммерческих связей способствовала и биржевая торговля, получившая особое распространение в России и в Поволжье в частности на рубеже XIX – XX в. Купцы активно формировали предпринимательскую среду в губернии.

Формой социальной активности купечества было участие в работе органов земского и городского самоуправления. Следует отметить, что доля купцов в составе органов городского управления неуклонно увеличивалась, а в составе земских учреждений, напротив, неуклонно снижалась: большинство мест гласных там занимали дворяне. В губернских и уездных городах купечество стало «становым хребтом» городского управления: в составе городских дум насчитывалось, в сред-

нем, 60–70 % представителей купечества, а городские головы в подавляющем большинстве случаев являлись купцами. Купечество оставило свой след в формировании городской среды Среднего Поволжья, что выразилось в строительстве храмов, доходных домов, торговых заведений, производственных предприятий.

После принятия закона о Государственном промысловом налоге в 1898 г. зависимость между обязательной принадлежностью к купечеству и занятием предпринимательской деятельностью была прекращена. Это напрямую отразилось на жизни купеческого сословия, его численности и социально-правовом статусе и привело к резкому сокращению численности всего российского купечества. В начале XX века происходило стремительное старение гильдейского купечества; отсутствие притока молодых купцов в гильдии было типичным для всего купеческого сословия России.

С конца XVIII в. в Российской империи происходит оформление правового статуса самого многочисленного городского сословия – мещанства, представлявшего собой одно из податных, непривилегированных сословий. Принадлежность к мещанству на протяжении первой половины XIX в. оставалась пожизненной и наследственной, сохранялась обязательная приписка к месту жительства, длительные отлучки регламентировались с помощью паспортной системы. Мещанское сословие было достаточно открытым для культурного взаимопроникновения, в некотором смысле маргинальным. С одной стороны, мещанство непрерывно пополнялось выходцами из самых разных социальных групп, утратившими по разным причинам свой прежний сословный статус (главным образом, за счет крестьянства, переселявшегося в города); с другой стороны, мещане обладали правом вступать в купеческое сословие (обычно они пополняли ряды низшей, третьей гильдии). Основная масса мещан имела доходы, незначительно превы-

шающие прожиточный уровень: как показывают материалы источников, в середине и второй половине XIX в. по своему социальному облику большинство провинциальных мещан было чернорабочими или же занималось торговлей.

Система городского самоуправления, введенная Екатериной II согласно «Жалованной грамоте городам», предусматривала участие мещан, наряду с другими городскими сословиями, в работе органов городского самоуправления. На практике в провинциальных городах Российской империи ведущую роль в работе екатерининского городского самоуправления играли, как правило, представители двух сословных групп – мещане и купцы третьей гильдии. Введение в жизнь Городового положения 1870 г., с его принципом всесословности и высокими избирательными цензами, вызвало «исход» мещан из городского самоуправления. Основное городское общественное взаимодействие мещан осуществлялось теперь через органы сословного самоуправления – мещанские общества и их исполнительные органы, мещанские управы. Однако содержание данных органов самоуправления ложилось на мещанское сословие тяжелым бременем; на рубеже XIX – XX в. типичным явлением становится ликвидация сословных мещанских управлений и передача их дел органам городского самоуправления.

В целом в городах Среднего Поволжья в конце XIX – начала XX в. шло стремительное промышленное развитие, возрастали обороты торговых операций, совершенствовалась инфраструктура, активно протекал процесс урбанизации. Безусловно, эти явления значительно изменили социальный облик провинциального города. Урбанизация выражалась как в росте численности городского населения, так и в сокращении доли жителей уездных городов в общей численности горожан губернии. В числе наиболее энергично развивавшихся городов Среднего Поволжья были прежде всего губер-

ские центры – Самара и Саратов, что объяснялось выгодным транспортно-географическим расположением этих городов, возрастанием их промышленного значения в Поволжско-Уральском регионе.

Таким образом, структура населения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в. во многом была подобна структуре населения центральных районов страны. Региональный социум складывался из различных сословных и межсословных групп, которые зачастую коренным образом изменяли свой статус, привычный образ жизни, модели хозяйственного поведения под влиянием перемен, охвативших российскую экономику в пореформенный период. Традиционные сословные группы в этот период начали трансформироваться в классы капиталистического общества, но этот переход во многих случаях совершался медленно и болезненно. Противоречия переходного периода привели к социальному кризису, в который в начале XX в. в той или иной степени были вовлечены все основные слои общества. Вместе с тем Поволжский регион по-прежнему оставался «внутренней окраиной» империи; наличие здесь значительного фонда свободных земель и благоприятная рыночная конъюнктура порождали интенсивные миграционные процессы, которые, в свою очередь, оказывали прямое или косвенное влияние и на демографическую, и на социальную, и на экономическую ситуацию.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Сословные категории населения Среднего Поволжья во второй половине XVI–XVII вв.	7
1.1. Служилые люди региона: структура, размещение, землевладение	8
1.2. Тяглое население: расселение, основные категории, занятия	29
Вопросы и задания для самоконтроля к главе I	58
Список рекомендуемой литературы к главе I	59
Глава II. Сословные группы и социальные отношения в Среднем Поволжье в XVIII – первой половине XIX вв.	62
2.1. Волжские корни Оренбургского казачьего войска	62
2.2. Государственные крестьяне Поволжья и их участие в Уложенной комиссии Екатерины II	75
2.3. Крепостная вотчина в Среднем Поволжье и ее роль в освоении новых земель	87
2.4. Численность и социальная структура населения поволжских городов в первой половине XIX в.	102
Вопросы и задания для самоконтроля к главе II	117
Список рекомендуемой литературы к главе II	118

Глава III. Средневожский социум во второй половине XIX – начале XX в.	120
3.1. Дворянство Среднего Поволжья и Заволжья в конце XVIII – начале XX в.	120
3.2. Сельское население и землевладение в Поволжье во второй половине XIX – начале XX в.	182
3.3. Численность, структура, социальный состав городского населения Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX в.	217
3.4. Купечество Среднего Поволжья и Заволжья в конце XVIII – начале XX в.	230
3.5. Мещанство Среднего Поволжья в конце XVIII – начале XX в.	315
Вопросы и задания для самоконтроля к главе III	360
Список рекомендуемой литературы к главе III	362
Заключение	365

Учебное издание

*Кабытов Петр Серафимович,
Дубман Эдуард Лейбович,
Смирнов Юрий Николаевич и др.*

**СРЕДНЯЯ ВОЛГА И ЗАВОЛЖЬЕ В ПРОЦЕССЕ
РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI – НАЧАЛО XX В.)

Учебное пособие

*Публикуется в авторской редакции
Художественный редактор Л. В. Крылова
Корректоры Т. И. Кузнецова, Л. А. Кузнецова
Компьютерная верстка, макет О. С. Сальникова*

Подписано в печать 21.10.2013
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 22,4. Уч.-изд. л. 24.
Тираж 150 экз. Заказ № 927.

Издательство «Самарский университет»
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.
Тел. (846) 334–54–23

Отпечатано с готового оригинала-макета
в типографии ООО «Медиа-Книга».
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1.
Тел. (846) 267–36–82. E-mail: izdatkniga@yandex.ru